

**XXXI МЕЖДУНАРОДНЫЙ КОНГРЕСС
ПО ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЮ И ИСТОРИОГРАФИИ
СТРАН АЗИИ И АФРИКИ**

**РОССИЯ И ВОСТОК.
К 100-ЛЕТИЮ ПОЛИТИЧЕСКИХ
И КУЛЬТУРНЫХ СВЯЗЕЙ
НОВЕЙШЕГО ВРЕМЕНИ**

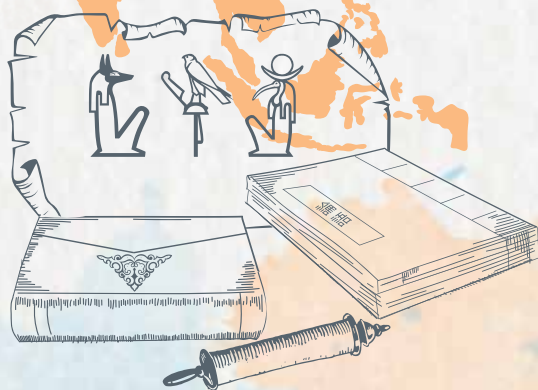
МАТЕРИАЛЫ КОНГРЕССА

PROCEEDINGS

**XXXI INTERNATIONAL CONGRESS ON HISTORIOGRAPHY
AND SOURCE STUDIES OF ASIA AND AFRICA**

**RUSSIA AND THE EAST.
COMMEMORATING CENTENNIAL
OF POLITICAL AND CULTURAL TIES
IN MODERN TIMES**

Том 2 ■ Vol. 2

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ВОСТОЧНЫЙ ФАКУЛЬТЕТ

SAINT PETERSBURG UNIVERSITY
FACULTY OF ASIAN AND AFRICAN STUDIES

SAINT PETERSBURG UNIVERSITY
THE FACULTY OF ASIAN AND AFRICAN STUDIES

XXXI International Congress
on Historiography and Source Studies
of Asia and Africa

**RUSSIA AND THE EAST.
COMMEMORATING CENTENNIAL
OF POLITICAL AND CULTURAL TIES
IN MODERN TIMES**

Vol. 2

23–25 June, 2021

Proceedings

St Petersburg
2021

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ВОСТОЧНЫЙ ФАКУЛЬТЕТ

XXXI Международный конгресс
по источниковедению и историографии
стран Азии и Африки

**РОССИЯ И ВОСТОК.
К 100-ЛЕТИЮ ПОЛИТИЧЕСКИХ
И КУЛЬТУРНЫХ СВЯЗЕЙ
НОВЕЙШЕГО ВРЕМЕНИ**

Том 2

23–25 июня 2021 г.

Материалы конгресса

Санкт-Петербург
2021

ББК 63.3(5)+63.3(6)
УДК 930(5+6)
Т67

Т67 XXXI Международный конгресс по источниковедению и историографии стран Азии и Африки: Россия и Восток. К 100-летию политических и культурных связей новейшего времени. 23–25 июня 2021 г.: Материалы конгресса / Отв. ред.: Н. Н. Дьяков, П. И. Рысакова, А. О. Победоносцева Кая. — СПб.: Изд-во Студия «НП-Принт», 2021. — Т. 2. — 366 с.

XXXI International Congress on Historiography and Source Studies of Asia and Africa: Russia and the East. Commemorating Centennial of Political and Cultural Ties in Modern Times. 23–25 June, 2021: Proceedings / Ed. by N. Dyakov, P. Rysakova, A. Pobedonostseva Kaya. — St Petersburg: NP-Print Publishers, 2021. — Vol. 2. — 366 p.

ББК 63.3(5)+63.3(6)
УДК 930(5+6)

ISBN 978-5-6046251-2-5 (т. 2)
ISBN 978-5-6046251-1-8

© Авторы сборника, 2021
© СПбГУ, 2021

СЕКЦИЯ XIII • SECTION XIII
СЕКЦИЯ АФРИКАНИСТОВ:
«ЧТЕНИЯ ПАМЯТИ Д. А. ОЛЬДЕРОГГЕ»
AFRICAN STUDIES: "IN MEMORIAM OF D. A. OLDEROGGE"

---

*Bell Herman (Institute of Arab and Islamic Studies, University of Exeter;
Working Group on Exonyms of United Nations Group of Experts on
Geographical Names (UNGEGN))*

Residents of Nubia before the High Dam

On 14 May 1964 First Secretary Nikita Khrushchev, President Gamal Abdul Nasser of Egypt and the presidents of Iraq and the Yemen simultaneously pressed a button and diverted the waters of the River Nile to the High Dam. It had been built with important financial and technical aid from the Soviet Union.

Flood waters were destined to cover large areas of riverbank in southern Egypt and northern Sudan.

UNESCO had put out an appeal to save the historic monuments of Nubia. The process of obliging Nubian residents to leave their homeland was already well under way.

This is the tomb of a king whose language was almost certainly a variety of Nubian, just before it was committed to writing in its own alphabet drawn from Greek, Coptic and Meroitic in the early middle ages. The most important objects in the Nubia Museum in Aswan come from tombs such as this one. The tombs may now be covered not only by water from the lake behind the High Dam, but also by silt. This presents a severe challenge to any plans for further excavation. How many important objects are still concealed in tombs like this?

Royal Tomb of the X-Group in Balláañey, a name now being modernised as Balláana

Following Professor Dmitri Olderogge's spirit of Pan-Africanism, my wife Ann and I made an agreement in 1961 to join the Ghana Expedition to Nubia.¹ Unfortunately they had to close down early. We then accepted an invitation to join the University of Chicago Expedition.

The latter expedition was investigating a place which archaeologists called Serren Máttö. It was a rich archaeological site in Sudan just south of the border with Egypt. It had an ancient Egyptian fortress of the 19th Dynasty contemporary with the great temples of Abu Simbel and a number of ruined churches from mediaeval times. We observed that geographical names provided a close affiliation between the Nubian residents of the area and the traditional places which they were about to leave forever. Therefore we decided to undertake a Survey of Nubian Place-Names.

Nubian residents associated the name Serren Máttö with a larger administrative area around the archaeological area on the east bank of the Nile. Máttö means 'east'. The **n** is a genitive marker. Serren Máttö means 'East of Serre'. His Excellency [Ambassador] Jamāl Muḥammad Aḥmad produced a book of lively folk tales called *Stories of Serra East*, Khartoum: Khartoum University Press, 1985. The final **a** in this spelling of Serra may reflect the three vowel system of written standard Arabic which makes no distinction between **a** and **e**. Nevertheless, in Nubian **e** and **a** are phonemically distinct.

¹ We had attended the XXVth International Congress of Orientalists in 1960 in Moscow. However, I was in the Egyptology Section rather than the African Studies Section with Professor Dmitri A. Olderogge. His Африканистика Section proposed the First International Congress of Africanists. It took place at the University of Accra in December 11-18, 1962 with a speech of welcome by President Kwame Nkrumah of Ghana.

When Nubians referred to the archaeological site, they usually called it Shaikh Nūr (Shaikh 'Light'), the name of an Islamic holy man of long ago. A particular building in the archaeological site was known as Sheyh Nuurin Kid (the Stone of Shaikh Nūr).

There was another Serre, Serrén Tino (Serre West), on the opposite bank of the river. The acute accent indicates a high tone which varies predictably according to the context. Tino (West) has an initial low tone. It allows the second syllable of Serré to retain its high tone in Serrén Tino. On the other hand, Máttö 'East' has an initial high tone. It depresses the second syllable of Serré to become a low tone in Serren Máttö. We had been alerted by colleagues in the Ghana Expedition to expect Nubian to be a tone language such as Ga, Twi and Fante.

The Nubian residents were greatly distressed to be leaving their historic environment forever. One of them, Eltigani Mursi, wrote a letter of protest to First Secretary Khrushchev. He received a reply typed in red ink from the Kremlin offering him a scholarship, and he completed his work successfully at Friendship University.

By a strange coincidence, we encountered the young girl who was eventually to be his bride. This was even before he met her himself.

Travelling in our antiquated military fire engine, we paid a visit to a friend in the remote village of `Amka in the Second Cataract of the Nile. There we met young Asmahān Al-Sharīf. She was fascinated by some multi-coloured clothes-pegs that Ann used to hang up some of our clothes to dry, but she was warned by an elderly gentleman not to become too interested in the clothes pegs.

The Great Temple of Abu Simbel before 1964

Much more recently Asmahān attended a Nubian exhibition mounted at the University of Exeter. In thanks for the speech she gave us, Ann presented her with some coloured clothes pegs.

Hājja Zahra one of her elderly neighbours in `Amka used to tell her and her friends, ‘Woh Buruii! (O girls!) Do not marry a farmer, reeking of manure. Marry a station master.’

So according to Asmahān, ‘Eventually I married my station master, Dr. Eltigani Mursi.’

When Nubians of the Sudan were moved 1300 kilometres by train to their new homes far away from the River Nile, they were shocked to discover new villages designated by **numbers** rather than their **original toponyms** such as `Amka and Serren Máttö. The late Dr. `Abd al-Ḥalīm Šabbār (2012) wrote a disapproving article and published it for the United Nations Group of Experts on Geographical Names (UNGEGN). It was called ‘Numbers as Geographical Names in Nubia’.¹

There was another loss when the residents of Nubia had to leave their historic land. For almost 2000 years the Nubian riverbanks had been serenaded by the creaking and groaning of the waterwheel (Nubian: *escaléy*). Songs were sung to the accompaniment of the waterwheels (*escaléyni*). Before the departure of the residents in 1964 the air around inhabited sites such as the east bank opposite Abu Simbel had been filled with the music of waterwheels.

Kosogorova M. A. (Institute of Linguistics RAS, MSU, Moscow)

Valence-changing derivation expressed in Pular verbal morphology

The purpose of talk is to delimit the valence-changing possibilities expressed by means of verbal morphology in Guinean Pular (Niger-Congo› Atlantic-Congo› Atlantic› Northern› Senegambian› Fula-Wolof› Fula). A finite verb in Pular has a rigid structure of 2 core morphemes and four peripheral ones. The core ones are a verbal root and a voice-aspect affix, and examples of verbs with peripheral morphemes are below (core morphemes are bold-faced).

¹ Sabbar A. Numbers as Geographical Names in Nubia. Endonyms or Exonyms? // Woodman, P. (ed.). The Great Toponymic Divide. Reflections on the definition and usage of endonyms and exonyms. Warsaw/Warszawa: Head Office of Geodesy and Cartography, 2012. P. 105–110. See also: Sabbar A. The Toponymy of an Endangered Nubian Language. Oxford: Nubian Languages and Culture, 2018 (e-book). [The electronic version of this book is freely available for downloading at the following link: URL: <http://ungegn.zrc-sazu.si/Publications/TheToponymyofanEndangeredNubianLanguage> (accessed 09.05.2021)].

(1) (a)

bor-t-o-daa

dress-REV-MD. POT-2.SG

‘you get undressed’

(b)

mi   **jomb-ir-Ø-maa**

1.SG   **marry-DECIRC-ACT. PFV-DO.2.SG**

‘I married you’

(c)

enen

nyaam-u-noo

ndi

EMPH.1.PL. INCL **eat-ACT. PFV-RETR** DO.3.sgNDI

‘We (both) ate it’

As can be seen from examples, the structure of a verb is as follows: **root** + (any number of derivational affixes) + **voice-aspect affix** + (retrospective affix) + (subject enclitical pronoun) (direct object enclitical pronoun).

The possibilities to express changes of valence are reserved among two of these morphemes, namely some of the derivational affixes and a voice-aspect affix. A study has been conducted on Pular data to determine the list of such morphemes, their role in derivation and the difference of all of that above from other Fula lects.

As a result, there have been found 4 valence-increasing morphemes and 4 valence-decreasing ones. The valence-increasing are sociative, benefactive, causative and instrumental derivational affixes. The valence-decreasing are reciprocal and reflexive derivational affixes and passive and middle voice voice-aspect affixes. It is also noteworthy that reflexive affix is only used along with middle voice transformation; therefore it is not an independent valence-changing instrument. Each of these cases is analyzed to determine the boundaries of valence changing for every affix.

Perekhval'skaya Elena (ILS RAS, Moscow)

Tonal paradigms: Mwan

The need to introduce paradigmatic classes in a description of a language arises when simple rules are not enough to describe inflection, and it is necessary to know to what type of declension / conjugation the given word belongs. This is usually, a dictionary information.

There are two types of paradigms. In some cases, the paradigmatic class of a word can be established based on the form of the word in question. In

other cases, the type of declension / conjugation of a word cannot be deduced from its form, and must be memorized. This concerns both segment and tonal paradigms.

In Mwan, as in most Mande languages, segmental inflection is characteristic only for verbs; most suffixes are attached agglutinatively, but there are also elements of fusion.

In verbal inflection, three paradigmatic classes can be distinguished, belonging to which is defined by the stem type. Mwan verbs are subdivided into three classes by stem type: 1) light foot of the CV type; 2) heavy foot, types CVV, CvLV; 3) disyllabic verbs with the suffix -Là.

Other content words (nouns, adjectives, adverbs) do not change and do not have segmental paradigmatic classes.

However, in addition to the segment paradigms presented, in Mwan, content words display unequal tonal behavior in identical contexts. Thus, tonal paradigms stand out. However, belonging to a particular class cannot be defined by the original form of the word.

The verb has 2 tonal classes, depending on the change of tone according to the tone of the previous word inside the same VP: 1) constant paradigm: the tone of the verb does not change; 2) mobile paradigm: the tones of the verb change according to a certain pattern.

The belonging to a particular tonal paradigm does not correlate with any other characteristics of the verb (transitivity, semantics, etc.).

Nouns (and postpositions which are subclass of nouns), adjectives and adverbs have three tonal paradigms, singled out on the basis of the dependence of the tone of a word on the tone of the previous NP member: 1) constant paradigm: the tone of the word does not change; 2) coordinative: the tone of the word copies the tone of the previous word; 3) mobile paradigm: the tone of the word changes according to the same pattern as the corresponding class of verbs.

The belonging of a word to a particular paradigmatic class is rather arbitrary, although there is a certain tendency for relational nouns and postpositions to change according to the mobile paradigm, which indicates their greater fusion with the first member of the NP.

Rinkanya Alina (University of Nairobi, Kenya)

The genre of a family epic in Kenyan women's literature: road of hope or circle of dereliction?

The genre of family epic is well-rooted in Kenyan literature — suffice it to recall *The broken drum* (1988) by David Maillu or *Water under the bridge*

(1991) by Yussuf Dawood. The founder of the genre in Kenyan women's writing is Margaret Ogola, with her dilogy about Sigu family — *The river and the source* (1994) and its sequel *I swear by Apollo* (2002). The female characters of the dilogy embody the author's vision of a brighter future not only for Kenya, but for the entire mankind, in compliance with the ideal of harmony between peoples, genders and races.

Ogola's successful venture into the family epic genre seems to have inspired female writers of the new generation, such as Yvonne Owuor, who established her reputation as one of the topmost modern writers in Kenya with her novels *Dust* (2013) and *Dragonfly Sea* (2019).

Both novels rather confidently fit into the category of a family epic/saga, since they portray the fortunes of one family over several decades (*Dust*) and even centuries (*Dragonfly Sea*). However, in the “her/story” of Kenya, which Owuor presents in *Dust*, she stands rather far from bright optimism intrinsic to Ogola's dilogy. In her novel Owuor sees Kenyan history, represented by the Odango family, as a vicious circle of dereliction. Each of the male characters of the book, regardless of origin, has in this or that way contributed to the horrors of modern Kenyan history — which largely shapes the fates of the female characters, Ajany Oganda and her mother Akai, turning them into victims of the “male-shaped” plight of the family and, on a larger scale, of the nation — “a country shooting its people and tearing out its own heart.”

In *Dragonfly Sea* the dereliction, that shaped the recent history of Kenya in the previous novel, acquires a new scale. The main female character Ayaana, a young girl living on the island of Pate off the Kenyan coast, discovers her partial Chinese ancestry, that has its origins in a 15th-century shipwreck on Pate involving Chinese admiral Zheng He's fleets. Ayaana's heritage gives her the chance to study in China; to fly to Istanbul where she is victimized by a descendant of a powerful Turkish business family; and to return home to Pate — her only shelter from the dangerous world, permeated by the structures of violence. The novel harvests abundantly on various literary trends and methods, history, religion, and may be rendered as the most daring attempt of an epic in East African women's literature.

Among the writers who seem to follow the same trend of family saga one can mention the name of Joy Odera, who debuted in 2012 with her novel *Under the Jacaranda*. In the same spirit of narrating the fortunes of a family over a large time span, spinning between the present and the past, crossing four decades, three countries and two continents, the author tells a moving story of Serene, the novel's main character, in search of her own past and her fraught family history, delving into the trials of an African family through the upheavals of post-colonial and modern Kenya.

Балезин А. С. (Институт всеобщей истории РАН, Москва)

Знакомство жителей СССР со странами Восточной Африки в конце 1950-х — начале 1960-х гг.

Конец 1950-х — начало 1960-х гг. — это канун и первые годы независимости стран Восточной Африки. Танганьика стала независимой в 1961 г., Уганда — в 1962 г., Кения и Занзибар в 1963 г. В 1964 г. образовалась Объединенная республика Танзания.

В эти годы произошел поворот советской политики к Черному континенту — возникли Африканская комиссия Советского комитета солидарности стран Азии и Африки и Африканский отдел МИД СССР, позже поделенный на несколько (1958 г.), а также сектор Африки в Международном отделе ЦК КПСС (конец 1959 г.).

Одновременно происходил бурный рост отечественной африканистики. В частности, был создан Институт Африки АН СССР (1959 г.), была набрана первая группа студентов, изучающих Африку в ИВЯ при МГУ (ныне — ИСАА при МГУ), с которой началась история Кафедры африканистики в этом вузе. В эти же годы со странами Восточной Африки знакомятся и широкие массы жителей СССР. Один из путей этого знакомства — выходившие большими тиражами книги с самыми первыми сведениями о географии и истории восточноафриканских стран. Одной из первых таких публикаций была вышедшая в серии «У карты мира» книга Р. Н. Исмагиловой и Е. А. Талановой «Кения. Уганда» (1959 г.).

В 1962 г. в Москве тиражом 2300 экземпляров вышла книга В. Я Кацмана «Танганьика», в которой рассказывалось о том, как в этой стране жилось при колониальных хозяевах, и как ее народ боролся за независимость. Самым упоминаемым человеком в книге был Ньерере — «Юлиус Камбарадже», как его называл автор. Позднее Джулиус Камбараре Ньерере — лидер антиколониального движения Танганьики (1922–1999 гг.) стал одним из самых уважаемых политических деятелей Африки XX в.

Упомянутые книги были написаны специалистами-африканистами, в те годы только приступившими к изучению Черного континента. Но были и другие пути знакомства советских граждан с Восточной Африкой. И больше повезло в этом плане Танганьике из-за находящейся на ее территории горы Килиманджаро — высочайшей вершины Африки. Правда, знаменитый голливудский фильм 1952 г. «Снега Килиманджаро» по рассказу Э. Хемингуэя, был дублирован и показан широкой публике в СССР только в 1967 г. Зато в 1962 г. на русском языке вышел перевод книги двух чехов — И. Ганзелки и М. Зикмунда, объехавших еще в начале 1950-х гг. африканский континент на автомобиле «Татра». И в этой книге целая глава — «Чехословацкий флаг над Килиманджаро» описывает восхождение

авторов на знаменитую вершину. К тому же иллюстрирована она прекрасными фотографиями.

Это лишь несколько примеров того, как жители нашей страны знакомились со странами Восточной Африки накануне и в первые годы их независимости. Были и другие.

Воеводский А. В. (НИУ ВШЭ, РАНХиГС, Москва)

«Во все времена было важно выражать взгляды Запада в позитивном ключе»: англо-американские консультации по Африке 1964–1965 гг. (по документам Национального архива Соединенного Королевства)

Год Африки не только принес независимость 17 странам этого континента, но и вывел их на сцену мировой политики, на которой уже на протяжении полутора десятилетий разыгрывали свой «спектакль» две сверхдержавы и их союзники. Африка быстро стала важной его частью, но только что получившие независимость страны отнюдь не стремились становиться пешками в этой игре, стремясь выдвинуть свою собственную повестку и сохранить нейтралитет, насколько это было возможно, в противостоянии двух лагерей. Они стремились обрести субъектность в качестве самостоятельных участников международных отношений. Это не могли не принимать в расчет, как страны Запада, так и социалистического лагеря.

Данный доклад основан на документах из Национального архива Соединенного Королевства, которые отложились в фонде Департамента министерства по делам Содружества, курировавшего общафриканские вопросы (General Africa Department). В консультациях принимали участие представители американского Госдепартамента и британских министерств по делам Содружества (Commonwealth Relations Office) и иностранным делам (Foreign Office). Поводом к консультациям была необходимость согласования позиции по целому ряду вопросов: политика «радикальных» африканских режимов (прежде всего речь шла о Гане), влияние коммунистических стран (СССР и Китая), оказание экономической помощи африканским государствам, вопрос ЮЗА и политика в отношении ЮАР, Родезийский вопрос, события на Занзибаре и т. д.

Точки зрения Вашингтона и Лондона по указанным проблемам не всегда совпадали. В частности, У. А. Гарриман придавал большее значение коммунистическому проникновению в Африку, чем британские дипломаты. И большую угрозу, по его мнению, представлял Китай, а не СССР. Не соглашался он и с британской точкой зрения на соперничество между двумя лидерами

коммунистического лагеря, что оно может сыграть на руку западным странам в Африке. Наоборот, он полагал, что это лишь увеличит активность каждой из указанных сторон в борьбе за влияние на Африканском континенте. Британцы же считали, что «коммунистам» надо позволить самим «обжечь себе руки» в африканских делах, как это уже произошло в Конго (Леопольдвиль), а внешнее давление на африканских лидеров может оказаться контрпродуктивным в этом вопросе.

Не готова была американская сторона брать на себя ведущую роль в делах бывших европейских колоний. Вашингтон был согласен уступить лидерство бывшим метрополиям, которые сохраняли прочные связи со своими недавними колониями. Поэтому неудачей закончились попытки британских представителей убедить американцев усилить экономическую помощь странам Африки. Как признавались британцы, у них просто не хватало ресурсов для этого.

В отношении Южной Африки позиции США и Великобритании совпадали по большинству пунктов. Обе стороны считали введение санкций против Претории неэффективной мерой и стремились к сохранению сложившегося status quo в отношениях с ЮАР.

Насколько продуктивными были подобные консультации? Несомненно, по многим вопросам позиции сторон совпадали, и контакты между Лондоном и Вашингтоном поддерживались постоянно и на высоком уровне. Однако документы сохранили следы и некоторого раздражения, по крайней мере, с британской стороны. Один из участников консультаций, Артур Снеллинг, выразил это чувство весьма откровенно, назвав прошедшие переговоры «потерей времени». Каждая из сторон хотела большей вовлеченности и большей отдачи в африканских делах своего vis-a-vis, но добиться этого оказывалось сложнее, чем казалось на первый взгляд.

Волкова Е. В. (Institut des mondes africains (IMAF), France)

Роль ассоциации земляков в поддержке символической связи человека с родной деревней

Символическая связь жителей определенной территории (в частности, деревни или квартала, являющегося частью деревни) со своей землей встречается в том или ином проявлении у многих африканских народов.

У народа джоола, проживающего на территории Сенегала (а также Гамбии и Гвинеи-Бисау), эта связь между человеком и землей имеет особый характер. Сам факт происхождения человека из той или иной деревни накладывает на него ряд ритуальных, символических обязательств. Например, человек должен

пройти обряд мужской инициации в деревне своего отца. Человек, родившийся и проживающий в другой деревне, городе или даже стране, должен непременно прибыть в родную деревню для прохождения этого обряда.

В современных условиях, символическая связь с родной деревней выражается не только и не столько в проживании в этой деревне, в соблюдении обрядов и ритуалов, сколько в участии в деятельности ассоциаций земляков, выходцев из той или иной деревни¹. Подобные ассоциации обычно создаются в крупных городах с целью интеграции в городской жизни вновь прибывших, взаимной поддержки, а также развития родной деревни².

Примером работы подобных организаций может служить ассоциация выходцев из деревни Дьегун, расположенной в регионе Биньона, в 50 км к северу от города Зигиншор, на юге Сенегала. Ассоциация имеет законный статус³, ее центральное бюро находится в городе Дакар, ряд филиалов работает в крупных городах Сенегала (Зигиншор, Тамбакунда), а также за его пределами (во Франции, США, Канаде). В целом, ассоциация насчитывает около 800 участников.

Можно определить два основных направления деятельности ассоциации: финансовая поддержка ее членов, оказавшихся в сложной финансовой ситуации в связи с радостными и трагическими семейными событиями (свадьба, рождение ребенка, смерть) и участие в развитии деревни Дьегун (так, благодаря ассоциации, в деревне провели телефонную линию, построили школу).

Эти расходы требуют активного финансового и непосредственного личного участия ее членов. Один из моих информантов рассказывал, как много времени занимают различные собрания и другие мероприятия, организуемые ассоциацией. Кроме того, членские взносы также представляют важную статью расходов семейного бюджета. Интересно, что далеко не все члены ассоциации родились в деревне Дьегун; многие из них никогда там не жили и не имеют там близких родственников. Но активное участие в деятельности ассоциации, финансовая поддержка ее проектов, являются в некотором роде «делом чести», так выражается в условиях современной городской жизни желание актуализировать традиционную символическую связь человека с родной деревней.

---

¹ Vidal C. *Sociologie des passions*, Paris, Karthala, 1991.

² Pirotte G., Romainville M. Sindahiyebura E., Stangherlin G., *Les associations urbaines en Afrique Subsaharienne, recherche en appui à la politique de coopération*, CIUF-AGCD, 1999.

³ Jacob J.-P., Lavigne Delville Ph. *Les associations paysannes en Afrique. Organisation et dynamiques*, Paris, Karthala, 2004.

Выдрин В. Ф. (СПбГУ, INALCO, LLACAN, Санкт-Петербург)
**Слог, стопа и фонетическое слово в восточном дан
 (южные манде)**

В языке дан ведущей ритмической единицей является стопа¹. Тем не менее, единицы более низкого и более высокого уровней, слог и фонетическое слово также могут быть выделены.

Слог в восточном дан может иметь структуру V, CV или CLV.

Стопа в восточном дан является как единица с повышенной степенью внутренней интеграции. Поскольку ударение в дан отсутствует, можно говорить не о метрической стопе (как в акцентных языках), а о «признаковой стопе», см. обоснование такого типа в бамана². Признаковая стопа выделяется по сегментным признакам своих составляющих и по особенностям тонального контура.

Стопы в дан могут иметь следующие структуры: V, CV, CVV, CVVV, CIV, CIVV, CIVVV. Односложные стопы (V, CV, CIV) можно считать «легкими», двусложные (CVV, CIVV) — «тяжелыми», и трехсложные (CVVV, CIVVV) — «сверхтяжелыми».

Гласная фонема *ŋ* имеет ограниченную дистрибуцию, она может появляться только в конце стопы, при этом она не может следовать непосредственно за согласной. Таким образом, стопы, содержащие *ŋ*, могут иметь следующие структуры: *ŋ*, CV*ŋ*, CVV*ŋ*, CIV*ŋ*, CIVV*ŋ*.

Легкая стопа совпадает со слогом. Внутренняя интеграция тяжелой и сверхтяжелой стопы обеспечивается несколькими механизмами:

- назальной гармонией. В рамках стопы могут сочетаться или только оральные, или только назальные гласные и согласные; при этом фонема *ŋ*, несмотря на свою назальную природу, оказывается вне системы назальной гармонии и может присутствовать как в оральных, так и в назальных стопах);
- иными ограничениями на сочетаемость гласных в тяжелых и сверхтяжелых стопах;
- ограничениями на сочетаемость тонов в в тяжелых и сверхтяжелых стопах.

В отличие от языков группы манден³, признаковая стопа в восточном дан может включать в себя более одной морфемы. Однако объединение морфем рамках стопы обязательно ведет к фузионным процессам на их стыке.

¹ См., в частности: Выдрин, В. Ф. 2008. Метрическая стопа в языках манде. In: Фёдорова О. В., Архипов А. В., Захаров Л. М. и др. Фонетика и нефонетика: К 70-летию Сандро В. Кодзасова, 308–317. М.: Языки славянских культур. <http://halshs.archives-ouvertes.fr/halshs-00715545>.

² Vydrin V. 2020. Featural foot in Bambara. *Journal of African Languages and Linguistics* 41(2). 265–300. <https://doi.org/10.1515/jall-2020-2012>.

³ Ibidem.

Фонетическое слово в восточном дан оказывается существенно менее функционально чем стопа, поскольку ударение в этом языке отсутствует, а сегментным домэном вокалической гармонии является не слово, а стопа. Во многих случаях граница между словом и идиоматическим сочетанием оказывается размытой. Тем не менее, в некоторых случаях обнаруживаются и фонетические аргументы в пользу выделения не-одноstopных слов. Это касается в первую очередь редуцированных прилагательных, которые характеризуются особыми тональными контурами и реализациями гласных.

Гаврилова Н. Г. (Институт Африки РАН, Москва)

Состояние и перспективы развития российско-африканского сотрудничества в области аграрного образования

На прошедшем в 2019 г. саммите «Россия-Африка» много внимания было уделено вопросам развития российско-африканского взаимодействия в широком спектре областей. Одним из ключевых положений Декларации первого саммита стал пункт, посвященный сотрудничеству в области образования, которое должно стать основой укрепления экономики африканских государств¹. «Возвращение России в Африку» может произойти особенно эффективно, если наша страна поможет Черному континенту решить важнейшую гуманитарную проблему недостатка продовольствия путем обучения высококлассных аграрных специалистов. В контексте подготовки ко второму саммиту, проведение которого предполагается в 2022 г., особое значение отводится анализу сегодняшнего состояния сотрудничества России и Африки в сфере образования, а также поиску путей его дальнейшего развития. Важная роль отводится вопросам аграрного образования.

Исправить ситуацию с продовольственной недостаточностью на африканском континенте позволит ускоренное развитие сельского хозяйства во всех отраслях аграрного производства. Его могут обеспечить только грамотные специалисты. У Африки для этого есть самый главный ресурс — 420 млн молодых людей «студенческого» возраста. Также с 1980-х гг. значительно (с 49 до 70 %) вырос общий уровень грамотности населения, что свидетельствует о стремлении африканцев получать образование².

---

¹ Декларация первого саммита Россия — Африка. 2019. Электронный ресурс: <https://summitafrica.ru/about-summit/declaration/>

² The World Bank. Africa Human Capital Plan. 2019. Электронный ресурс: <http://pubdocs.worldbank.org/en/654061554987621944/HCP-Africa-Deep-Dives.pdf>

У России, в свою очередь, имеется опыт быстрого восстановления аграрной отрасли после Второй мировой войны и после распада СССР. Совсем недавно мобилизация сельского хозяйства потребовалась снова — после введения против Российской Федерации санкционного режима. Страна за короткий срок приняла действенные меры для экстренного импортозамещения продовольствия. Уже к 2018 году России удалось достигнуть самообеспечения практически по всем видам продуктов питания¹. Во всех трех случаях сельскохозяйственное производство было восстановлено за счет накопленных поколениями профильных знаний. В России сформированы очень сильные научные и практические аграрные школы.

В 2020 г. в РФ функционировало более 50 вузов, обучающихся студентов по сельскохозяйственным специальностям, и у каждого из них имеется опыт обучения иностранных граждан. Эти вузы они выбирают для обучения по нескольким причинам: российские образовательные программы по количеству и качеству предлагаемых студентам знаний и навыков намного опережают образовательные программы других стран. Также большую роль играет стоимость образования, которая в России значительно ниже, чем в остальном мире².

Итак, необходимо расширение сотрудничества РФ и стран африканского континента в области аграрного образования, его распространение в африканском образовательном пространстве и адаптация к современным реалиям. Необходима совместная российская и африканская разработка комплекса мероприятий, которые будут способствовать демонстрации возможностей современного сельского хозяйства. Пандемия COVID-19 подтолкнула весь мир к более интенсивному использованию компьютерных технологий. Российские университеты, в том числе и аграрные, в связи с эпидемической ситуацией перешли на дистанционный формат обучения, но пока сказывается недостаток подходящих для этого образовательных программ, требуется адаптация имеющихся и разработка новых. Особое внимание следует уделить разработке программ на английском, французском и других иностранных языках. Компьютеризация и дистанционирование образования могут сыграть положительную роль в расширении сотрудничества России и африканских стран в области образования.

---

¹ Широкова О. В., Макеева О. А. Продовольственная безопасность РФ: проблемы и возможные меры улучшения // Продовольственная политика и безопасность. 2020. Том 7. № 2. С. 149–154.

² Арефьев А. Л., Максименко А. Ф. Африка как перспективный поставщик студентов на мировой рынок образования (опыт обучения африканцев в СССР и РФ) // Образование и наука в России: состояние и потенциал развития. 2018. №3. С. 409–435.

*Гавристова Т. М. (ЯрГУ, Ярославль),
Хохолькова Н. Е. (Институт Африки РАН, Москва)*

Эпистемология постколониальности и африканские исследования

Эпистемологическая деколонизация началась в середине XX в. и продолжается до сих пор. Африка, на протяжении столетий воспринимаемая исключительно как периферия мировых процессов, на исходе XX в. вышла за рамки евроцентристских представлений, заявив о себе не только как о континенте, обладающем богатой многообразной культурой и мощным интеллектуальным потенциалом, но и как об «идее», способной трансформировать мировоззрение. Творческая элита Африки и диаспоры в силу своей пассионарности создала феномен, образующий единое нарративное пространство, именуемое Транс-Африкой.

Рубеж XX–XXI вв. ознаменовался сменой дискурсивных формаций. Постколониальные идеи были нацелены на реинтерпретацию прошлого и преодоление комплекса, который известный нигерийский музыкант Ф. А. Кути назвал «колониальностью». Одновременно философ В. И. Мудимбе встал на путь борьбы со стереотипами, культивируемыми на страницах «колониальной библиотеки», в трудах европейцев об Африке и африканцах. Как следствие, определилась стратегия целенаправленной трансформации эпистемологии и геополитики знания. Во многом это произошло под влиянием статьи аргентинского исследователя В. Миньоло «Геополитика знания и колониальное различие» (2002 г.). Утверждение об угрозах тотального распространения западной эпистемологии лежало в основе его изысканий.

Постколониальный дискурс вовлек африканцев в сферу гуманитарных знаний, в границах которых уже более полувека ведутся дискуссии на тему исхода и изгнания интеллектуалов из Африки. Широко обсуждаются проблемы глобализации, метисации и гибридности, кросс-культурного диалога, интеллектуальной, персональной истории, исторического и культурного наследия и памяти. Африканские интеллектуалы преуспели в реконструкции и репрезентации амбивалентных ситуаций, связанных с существованием на пересечении пространства, времени, знаний, изучением миграции и ассимиляции, маргинальности и трансцендентности, что, возможно, создает условия для интеллектуального прорыва и обновления эпистемологии и феноменологии знания.

Ф. Фанон, А. Мазруи, В. И. Мудимбе, К. Э. Аппиа, Д. Мойо, А. Мбембе внесли вклад в трансформацию метанарративов об Африке и африканской диаспоре и, по сути, предприняли «кибератаку» на евроцентричную систему знаний, открыв порталы так называемой «постколониальной библиотеки». Ш. А. Диоп мечтал, чтобы африканцы создали свою историю Африки. И хотя эпистемологический империализм еще существует, производство знаний уже

не европоцентрично. «Геополитическая привилегия» африканцев в процессе их накопления и ретрансляции состоит не только благодаря современным коммуникациям. Владение многими европейскими языками способствует обновлению эпистемологии знания, его содержания, контекстов и терминологического диапазона. Лексемы: «Глобальная Африка», «Афротопия», «Афропея», «Афроцентризм», «Афрополитизм», «Африканский ренессанс» — наводнили научно-популярную литературу, СМИ и Интернет, войдя в словарь постколониальных исследований.

Движение за эпистемическую свободу набирает обороты. Современная текстура знания напоминает матрицу. Эпистемологию знания можно рассматривать как своего рода интегральную схему, которая передает информацию, полученную с помощью новых технологий. Сама постколониальная теория, подобно матрице, где информация активно накапливается и генерируется, может сосуществовать с другими. «Интеллектуальный суверенитет», содействуя деколонизации, направлен на реабилитацию произведенных за пределами Старого и Нового Света знаний и превращение их в коллективную собственность в противовес традициям империализма, колониализма, эксплуатации и любым формам доминирования.

Знания — результат коллективной деятельности — развиваются благодаря индивидуумам. В постколониальных условиях они способны трансформировать не только онтологию и геополитику знания, но и социокультурную реальность.

Грибанова В. В. (Институт Африки РАН, Москва)

Участие эмигрантов из Российской империи в политической и экономической жизни Южной Африки на рубеже XIX–XX вв.

До начала 1880-х гг., времени обнаружения в Южной Африке крупнейших месторождений сначала алмазов, а затем и золота, эмиграция из Российской империи на юг африканского континента была единичной. Массовая эмиграция из России в Южную Африку началась как раз в это время, и это была в основном еврейская эмиграция из западных частей Российской империи. Всего с 1880-х гг. до начала Первой мировой войны до 40 тысяч евреев из России оказались в Южной Африке.¹ Они уезжали не только спасаясь от погромов, но и по экономическим и политическим причинам. Увеличение численности выходцев из Российской империи наглядно видно на примере г. Кейп-

¹ Mendelsohn R., Shain M. The Jews in South Africa. Johannesburg & Cape Town: Jonathan Ball Publishers, 2008. P. 33.

тауна и Капской колонии: в 1875 г. здесь было 82 иммигранта из России, в 1891 г. — больше 1000, в 1904 г. — более 12 тыс.¹ В 1895 г. в Трансваале проживало несколько сотен евреев — выходцев из России².

Большинство еврейских эмигрантов из России, приехавших в Южную Африку в конце XIX в., занимались мелким кустарным производством. Они работали также извозчиками, приказчиками, рабочими на золотых приисках и фабриках, каменщиками, кузнецами. Из их числа нужно выделить, прежде всего, Самуила (Сэмми) Маркса — «некоронованного короля Трансвааля».

Самуил Маркс родился 11 июля 1844 г. на окраине Российской империи в уездном городе Владиславове Сувалкской губернии. В возрасте 17 лет Самуил эмигрировал из родного городка в Англию, а затем в 1869 г. на пароходе прибыл в Кейптаун с тремя дюжинами серебряных ножей. Продав их, Сэмми Маркс получил начальный капитал. Он торговал вразнос ювелирными изделиями и столовыми приборами в сельской местности вокруг Кейптауна, а затем открыл первый магазин ювелирных изделий в Трансваале.

Совместно со своим двоюродным братом Исааком Льюисом (1849–1927), также эмигрировавшим из Владиславова и ставшим его деловым партнером, Маркс стал поставлять одежду, обувь, инструменты, лекарства и другие товары шахтерам и отдельным старателям в Кимберли. Постепенно братья занялись торговлей алмазами, а потом сосредоточили свое внимание на месторождениях золота Витватерсранда.

В 1881 г. кузены Самуил и Исаак перебрались в Преторию, где сумели наладить отношения с правительством и непосредственно с президентом Паулем Крюгером. Они запустили спиртовой, стекольный, кирпично-черепичный, кожевенный заводы, основали пивоваренную промышленность в стране. На границе Трансвааля с Оранжевым Свободным Государством Маркс основал шахтерский городок Феринихинг, где построил первый в Южной Африке металлургический завод. К концу XIX в. Сэмми Маркс и Исаак Льюис были миллионерами. Партнеры участвовали в строительстве первой электростанции. Они были среди основателей таких важных южноафриканских компаний, как «Саут Эфрикэн Брюэриз», «Англо-Ваал», «Де Бирс». В 1904 г. Маркс и Льюис, владевшие большим количеством ферм, вошли в пятерку крупнейших землевладельцев Трансвааля.

Но своей деятельностью С. Маркс внес весомый вклад не только в экономическую жизнь Южной Африки, но и в ход англо-бурской войны 1899–1902 гг., ставшей одним из важнейших переломных моментов в истории этой страны.

---

¹ Давидсон А. Б. Едут, едут по Капстаду наши казаки (история российской эмиграции в Южной Африке) // Родина. 1996. № 9. С. 49–53.

² Горелик Б. М. Российская иммиграция в Южную Африку: вчера и сегодня. М., Иафр РАН, 2007. С. 24.

Будучи лично знакомым со многими участниками событий, он пытался повлиять не только на ход войны, но и сыграл большую роль в подготовке договора, положившего ей конец. После образования ЮАС в 1910 г. С. Маркс был избран в парламент нового британского доминиона и стал сенатором. Анализу экономической и политической деятельности С. Маркса на рубеже XIX–XX вв. и его влиянию на происходящие события будет посвящен доклад.

Григорьева С. В. (ННГУ, Нижний Новгород)

Африканская политика Российской империи в конце XIX в. в художественной литературе: Ю. В. Давыдов «Судьба Усольцева»¹: три аспекта источниковедческого анализа

В докладе осуществляется источниковедческий анализ повести Ю. В. Давыдова «Судьба Усольцева», посвященной истории российского колониального проникновения на Африканский континент в конце XIX в. В соответствии с современными методологическими подходами и тенденциями источниковедческие возможности данного произведения рассматриваются в трех аспектах.

Во-первых, в качестве источника по истории внешней политики Российской империи конца XIX в. Делается вывод о его большой информативной ценности. Написанная писателем — историком по образованию, — повесть посвящена подлинным событиям из жизни реальных исторических персонажей; базируется на архивных документах, записках и дневниках участников событий, материалах дореволюционной прессы, о чем свидетельствуют многочисленные ссылки и сноски; в произведении активно используется историческая терминология конца XIX в., чувствуется трепетное отношение автора к историческому материалу, глубокое проникновение в описываемую эпоху.

Второй аспект анализа данного образца советской литературы состоит в том, что писатель, как и историк, не способен полностью воссоздать прошлое, поскольку на него неизбежно давит груз знаний и представлений своего времени. С этой точки зрения данное произведение есть отражение ментальности 70–80-х гг. XX в. Ю. В. Давыдов, переживший тяжелые вехи истории XX столетия: войну, послевоенное восстановление, сталинские репрессии, реабилитацию периода «оттепели», жесткую цензуру эпохи застоя, либерализм перестроечных и постперестроечных времен, не смог в своей повести избежать «меток» советской эпохи. Его повесть, написанная в 1970-е гг. содержит многочисленные свойственные советскому периоду понятия, термины и метафоры. Повествование идет от имени народника, земского доктора, ищущего в далекой Африке свободы и равенства, надеющегося построить там поселение вольных

¹ Давыдов Ю. В Две связки писем. Судьба Усольцева. М., 1984. С. 409–582.

казаков. На страницах произведения звучит тема лишнего человека, тема русского интеллигента, ощутившего на собственной судьбе тяготы и несправедливость существующего строя. Именно такое отношение к народникам формировала советская историческая наука.

Еще одна популярная тема историографии того периода, нашедшая отражение в книге, — тема национально-освободительной борьбы народов Африки за свободу и независимость. В повести автор пытается показать вероломство европейцев, преследующих на Черном континенте свои корыстные интересы. В противовес им, главный герой повести Н. Н. Усольцев — своего рода интернационалист, бескорыстно помогающий «черным братьям», осуждающий колонизаторов. Эти рассуждения, как и высказывания героев об общности путей развития Эфиопской и Российской империй, были важны и актуальны в Советском Союзе конца 1970 — начала 1980-х гг. для обоснования активизации советской помощи НДРЭ, вставшей на социалистический путь развития.

Третий аспект анализа повести связан с постмодернистскими тенденциями в развитии мировой культуры XX в. Обращение европейских гуманитариев нового поколения к культурно-антропологическому, социально-психологическому, лингвистическому измерению прошлого активизировало стремление отечественных историков к новому герменевтическому прочтению исторических текстов. Введение в научный оборот понятия «интертекстуальность» лишило литературный текст реальных и виртуальных границ. «Текст–письмо», трансформируясь в «текст–чтение», приобрел бесчисленное число вариаций, зависящих от вкусовых ассоциаций и тезауруса «читающего». В этом смысле повесть Ю. В. Давыдова открывает для исследователей XXI в. широкие возможности, чтобы всерьез задуматься о судьбе страны, о драматической связи ее прошлого и настоящего.

Громов М. Д. (United States International University — Nairobi, Kenya)

Жанр рассказа в кенийской женской литературе на суахили

Жанр рассказа является одним из самых популярных в современной кенийской литературе на суахили — за два десятилетия текущего века в свет вышли более 20 сборников рассказов, в которые вошли произведения как известных, так и начинающих авторов. Особую популярность жанр приобрел в женской суахилиязычной литературе, заявившей о себе лишь в этом столетии. В своих рассказах писательницы поднимают темы, актуальные для жизни кенийского общества, особенно молодежи, при этом в первую очередь адресуясь,

разумеется, к женской аудитории — вследствие чего типичными темами их произведений являются всевозможные нарушения гражданских и человеческих прав африканских женщин: насильственные браки, женское обрезание, сексуальная эксплуатация, вовлечение молодежи в наркоманию и торговлю наркотиками, этнические разногласия, неравенство в семье и в обществе. Эти и другие темы рассматриваются в докладе на примере творчества крупнейших представительниц жанра рассказа в кенийской женской литературе на суахили — Клары Моманьи, Полин Чови, Райи Тимамми, Ребекки Нандвы, и некоторых других авторов.

Громова Н. В. (ИСАА МГУ, Москва)

Атрибутивизация или адъективизация в языке суахили?

Категориальный статус прилагательных типологически не имеет однозначной дефиниции, прилагательные часто считаются неуниверсальной категорией. Во многих языках банту прилагательные также недостаточно четко противопоставлены основным/ядерным частям речи: как правило, они не имеют собственной морфосинтаксической и деривационной парадигмы. Категория прилагательного представляет собой закрытый класс, в суахили насчитывается не более 40 исконных прилагательных, при этом они лишь частично соответствуют определению, учитывающему морфологические, синтаксические и семантические критерии выделения частей речи.

Что касается семантического критерия, в суахили представлены шесть из семи «типологически востребованных» семантических групп прилагательных: размер (*-fupi короткий, -embamba узкий*), физические свойства (*-gutu трудный, -zito тяжелый*), цвет (*-eupe белый, -eusi черный*), время (*-rua новый, -kongwe старый*), скорость (*-epesi быстрый*), оценка (*-ema хороший, -ba ya плохой*). Эти прилагательные, удовлетворяющие максимальному количеству признаков, являются центром категории и маркируются согласователями, тождественными маркеру соответствующего именного класса. Для выражения лексических значений «состояния человека» используются различные способы атрибутивизации: посессивная конструкция, полная или с усечением ряда грамматических показателей, и глагол с релятивным маркером. Отглагольные прилагательные (так они позиционируются в словарях) состояния типа *-changamfu веселый, -furahivu радостный* имеют однокоренной глагол, описывающий переход в данное состояние (*-changamka быть веселым -u > -changamfu, -fura hi радоваться + -vu > -furahivu*). Отнесение подобных дериватов с суффиксами *-fu/-vu* в разряд прилагательных и их функционирование в составе именной группы требует применения дополнительных параметров.

Отглагольные дериваты-атрибутивы, оформленные одним из именных словообразовательных суффиксов (-i, -e) и не оформленные согласовательным маркером того или иного класса, занимают, как и все другие прилагательные, жесткую правую позицию за определяемым именем. Они дистрибутивно-семантически близки к категории прилагательного, так как семантика и атрибутивная позиция в именной группе является базовой позицией для прилагательного: *uchumi fungamishi, jumuishi na shindani интегрированная, инклюзивная и конкурентноспособная экономика, miundombinu wezeshi соответствующая инфраструктура.*

Можно ли, учитывая параметры семантического и синтаксического компонентов подобных отглагольных дериватов, отнести их однозначно к разряду прилагательных? Вопрос пока остается нерешенным. Современные словари не фиксируют подобные дериваты. Имеющиеся в нашем распоряжении грамматики языка суахили также оставляют вопрос о категориальном статусе атрибутивных новообразований на периферии исследования, хотя решение этой проблемы имеет не только теоретическое, но и практическое значение.

Гусарова Е. В. (ИВР РАН, НИУ ВШЭ, РНБ, Санкт-Петербург)

Герберт Велд Бланделл и его издание Эфиопских царских хроник 1769–1840)

Герберт Велд Бланделл более всего известен благодаря вышедшему в 1922 г. изданию Эфиопских царских хроник 1769–1840 из так называемого «Сборника Хайлу» (*The Royal Chronicle of Abyssinia 1769–1840 / with translation and notes by H. Weld Blundell. Cambridge: at the University Press, 1922*). К сожалению, это издание было осуществлено на неудовлетворительном уровне. Это связано с тем, что сам Г. В. Бланделл являлся путешественником и естествоиспытателем, но не филологом. В вышеупомянутом издании на каждой странице эфиопского текста обнаруживаются опечатки, а английский перевод, судя по всему, был выполнен с привлечением нескольких эфиопских книжников разной степени образованности и не редактировался. Перевод изобилует неточностями и прямыми ошибками, например, превращением имен нарицательных в топонимы и наоборот, заменой личных имен (в том числе имен правящих монархов, святых, к благословию которых зывают историографы и пр.) и титулов, пропусками. Такие огрехи местами значительно искажают текст с точки зрения его содержания. В результате в ходе работы с этим изданием приходится постоянно обращаться непосредственно к рукописям, что, несомненно, осложняется их ограниченной доступностью («Сборник Хайлу» дошел до нас в пяти списках, которые хранятся в Британской библиотеке,

Национальной библиотеке Франции и в Университетской (бывшей городской) библиотеке Франкфурта-на-Майне). При этом работа Г. В. Бланделла снабжена хорошими и содержательными приложениями, что, несомненно, является ее достоинством.

Г. В. Бланделл также является автором работ, связанных с географией Африканского Рога и в целом северо-восточной Африки, которые он публиковал в *Geographical Journal*. Кроме того, он собрал богатую коллекцию птиц, обитающих в регионе, которую затем принес в дар Британскому Музею, занимался картографией.

В связи с этим кажется несколько удивительным, что Г. В. Бланделл, судя по всему, не зная языка геэз и не имея соответствующих компетенций, предпринял колоссальную работу по публикации и переводу эфиопских царских хроник. Стоит сказать, что в силу удобства использования и большей доступности этого единственного в своем роде издания (по сравнению с рукописным текстом) исследователи продолжают прибегать к нему при создании научных трудов. Таким образом, многие погрешности неизбежно переходят в труды, связанные с рассматриваемым историческим периодом.

В научных кругах по сей день периодически встает вопрос о справедливости использования этой работы. В рамках настоящего исследования будут отдельно рассмотрены основные неточности издания и рационально проанализирована возможность использования «Эфиопских Хроник» Г. В. Бланделла в качестве опубликованного исторического источника.

Давидсон А. Б. (НИУ ВШЭ, ИВИ РАН, Москва)

Дмитрий Алексеевич Ольдерогге, каким я его знал — с 1948 года

В докладе предполагается поделится воспоминаниями о личном многолетнем знакомстве с Д. А. Ольдерогге — основателем ленинградской-петербургской африканистической школы, а также проблемами, с которыми сталкивалась советская-российская африканистика за годы ее становления и развития.

Добронравин Н. А. (СПбГУ, Санкт-Петербург)

Война в социальных сетях: борьба за Дар-ал-Масалит

Среди традиционных политических образований Сахеля особое место занимает Дар-ал-Масалит. В наши дни эта территория разделена между Чадом и Суданом. В ходе европейского завоевания Африки именно здесь французские колонизаторы столкнулись с ожесточенным сопротивлением, которое вошло

в историю как «проблема масалит». Помимо собственно масалит, в доколониальном султанате, как и в наши дни, было представлено значительное число общностей самого разнообразного происхождения, от Сенегала до Ближнего Востока. В колониальный период восточная часть Дар-ал-Масалит (современный штат Западный Дарфур) находилась под косвенным управлением в составе Англо-Египетского Судана. В Чаде масалит были напрямую подчинены французским властям.

В начале XXI в. масалит стали участниками и жертвами конфликта в Дарфуре. Значительная часть масалит оказалась в лагерях беженцев и перемещенных лиц, на их традиционные территории переселялись арабы, приписывавшие себе ближневосточное или даже андалусское происхождение.

В наши дни борьба за власть и землю в Дар-ал-Масалит сочетается с войной в социальных сетях. В рамках конструирования исторической (национальной) мифологии Дар-ал-Масалит предстает как независимое государство современного типа с однородным (только масалит) населением. Утверждается, что масалит никогда не были побеждены европейцами, а лишь вступили в союзные отношения с метрополиями.

В данном сообщении рассматриваются методы и обстоятельств борьбы за Дар-ал-Масалит в социальных сетях в Судане и Чаде, а также в масалитской диаспоре.

Емельянов А. Л. (МГИМО, Москва)

Сравнение идеологии колониальных захватов и распространения демократии в современном мире: вопрос «цены»

Изучая колониальную идеологию, важно понять, как, когда и почему европейцы приняли идею о том, что удаленные территории можно и нужно завоевывать, а местное население нуждается в защите, опеке и цивилизаторском воздействии Запада, как она стала плотью и кровью еврохристианской¹ культуры и общества.

Миссия белого человека, по единодушному убеждению идеологов колониальных захватов, состояла в том, чтобы установить и поддерживать во всей ойкумене цивилизацию, справедливый мир и порядок, противодействовать наступлению хаоса и анархии. Тем, кто не желал принимать подобные ценности (а их в афро-азиатском мире было подавляющее большинство), необходимо

---

¹ Под еврохристианской цивилизацией автор понимает ареал распространения белого человека протестантского и католического вероисповедания. По своему смыслу близок к термину «коллективный Запад».

было навязать их силой. Одолев «варваров», представители еврохристианской цивилизации должны были насадить среди них совершенные законы и установить новый порядок как непреходящее условие их спасения и дальнейшего развития. Завершение «миссии белого человека» наступит лишь тогда, когда весь обитаемый мир примет ценности еврохристианской цивилизации. При этом необязательно учитывать особенности культуры, общественных институтов, политических структур и религиозных воззрений афро-азиатских народов.

В современном мире в ходе насаждения демократии еврохристианские государства стремятся трансформировать иные общества по своему образу и подобию любыми средствами, включая и прямое насилие. Современные идеологи и практики демократического устройства общества не учитывают длительность того пути, который был пройден Европой, прежде чем она стала такой, какой мы видим ее сегодня. Современные еврохристианские политические, экономические, социальные, культурные, ментальные и т. д. структуры не появились «одним рывком», и было бы нелепо ожидать этого от других государств. Освоение демократических идей и институтов африканскими странами не обязательно ведет к процветанию. Все привнесенные извне преобразования пока нигде в Африке не создали предпосылок для утверждения гражданских прав и свобод в еврохристианском понимании. Они отнюдь не присущи человеческой природе. Именно поэтому одномоментное введение демократических свобод чаще всего приводит к обнищанию большинства населения, хаосу, росту преступности и распаду больших человеческих коллективов.

Решение проблемы заключается не в отказе от демократии в Африке. Она имеет колоссальные достоинства сама по себе вне зависимости от того, к каким результатам приводит. Но освоение демократических идей и институтов не обязательно приводит к тем же результатам, что и в еврохристианских странах. В африканских государствах, например, есть конституция, а конституционализма практически нигде нет. Должен существовать способ заставить демократическую систему работать таким образом, чтобы она не приводила к печальным результатам из-за превалирования в политике краткосрочных целей. В бедных странах цена вопроса слишком высока, и в настоящее время нельзя дать однозначного ответа о необходимости «демократии» за пределами еврохристианского мира.

Желтов А. Ю. (ВФ СПбГУ, МАЭ РАН, Санкт-Петербург)

Языки нигер-конго и типология объектной инкорпорации

Традиционно основным признаком явления объектной инкорпорации признается наличие параллельных конструкций с инкорпорированным и отдельным объектами при интранзитивации глагола и дефокализации объекта в первом случае. Долгое время считалось, что подобное явление не характерно для

языков нигер-конго. Однако в последнее время появилось несколько описаний подобного явления для языков манде — одной из семей нигер-конго (манинка, тигемахо, сонинке). При этом в ряде языков манде (например, гбан) наблюдается явление формальной связанности прономинального субъекта, показателей ТАМ, именной группы объекта и глагола. Подобное явление формально напоминает инкорпорацию объекта (более тесная связь у указанных элементов синтагмы, чем у остальных синтаксических элементов — именной субъект, косвенное дополнение, сирконстанты), но при этом отсутствует возможность параллельных конструкций, наличие которых признается более важным для постулирования явления инкорпорации, чем собственно формальная связанность объекта и глагола. С другой стороны, для языков банту (другая, отдаленная от манде, семья нигер-конго) свойственно явление объектной индексации в глаголе (встроенность в глагол прономинальных объектов), которое принципиально отличается от инкорпорации по другому признаку — невозможность связанности с глаголом именного объекта. При этом подобные конструкции проявляют определенный параллелизм — прономинальный объект может индексироваться в глаголе, маркируя его большую референциальность, или неиндексироваться, маркируя его неререференциальность. При этом проявляются отличия в маркированности/немаркированности варианта с индексацией по иерархии обушевленности: для одушевленных имен немаркированной (дефолтной) формой является индексированный вариант, а для неодушевленных — неиндексированный.

Подобное сопоставление наблюдаемых в языках признаков инкорпорации позволяет выстроить градуальную типологию языков по отношению к выражению различных признаков инкорпорации:

- 1) языки без инкорпорации (русский) — только отдельные объекты;
- 2) языки с параллельными конструкциями
  - 2а) для именных и прономинальных объектов (корякский, манинка, тигемахо, сонинке);
  - 2б) только для прономинальных объектов (банту);
- 3) языки с постоянной связанностью объектов, но без параллелизма конструкций (гбан).

Представляется перспективным проверить другие языки нигер-конго в аспекте проявления этих признаков.

Завьялова О. Ю. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)

Высмеивание и его роль в культуре Манден

Любое общество имеет свои ценности и нормы поведения, которые, собственно, и отличают его от других. Они задействованы в процессе социализации, самоидентификации, в национальном самоопределении, играют огромную роль

в процессе передачи информации и так далее. Важную роль в функционировании данных процессов играет юмор, а точнее процесс высмеивания. Он бывает разный — как доброжелательный, шуточный, в игровой форме, так и достаточно агрессивный. Юмор, а точнее высмеивание, задействован в таких традиционных механизмах, как «шуточное родство» (во всех его вариантах), игра шутов коредуга (koreduga/ korejuga), в представлениях народного театра Котеба (koteba).

Высмеивание и игра в «шуточном родстве» между группами джаму и этническими группами помогает перевести возможную агрессию в шуточную форму и «разыграть» реально возможный конфликт, к тому же гриотам шуточное родство помогало безбоязненно давать советы и регулировать поведение вождей и правителей. В шуточном родстве между родственниками высмеивание и шутки помогают сделать общение более свободным и открытым. Коредуга могут в шуточной форме говорить о серьезных вещах, не зря баманцы считают, что смех соседствует с мудростью. Театральное представление, высмеивая человеческие недостатки и неподобающее поведение, вызывает у человека чувство стыда, и является действенным механизмом в борьбе с человеческими пороками и антисоциальным поведением. Здесь идет опосредованное воздействие через такие концепты как честь (danbe) и стыд/позор (malo). Честь, достоинство вызывают уважение (bonya), которое в свою очередь является частью человечности (mɔgɔya) — базового понятия социума манден. Позор и стыд в традиции манден может навлечь на человека гриот (исполнением хулильной песни, упоминанием недостойного поведения предков человека в своих сказаниях), он же может и поднять достоинство человека хвалебной песней. Но также воздействовать на достоинство человека можно и путем высмеивания. Однако, это жесткий вариант высмеивания, а он не приветствуется у манден. Нельзя ранить другого человека жестоким оскорблением, но слегка пошутить над ним или высмеять его недостатки, не называя его имени, вполне приветствуется. Однако иногда в силу культурного или профессионального взаимодействия у некоторых групп джаму или этнических групп может появиться желание именно оскорбить соседа, но благодаря такому механизму как «шуточное родство» (senankuya) все это можно сделать в шуточной форме, не вызвав гнева у оппонента и не оскорбляя его достоинства. Очевидно, что, если бы у манден было такое понятие, как «потерять лицо», аналогичное китайскому, подобное шуточное взаимодействие было бы слишком рискованным. У манден, однако, есть традиционная вера в силу слова, что усиливает воздействие слова и гриота, и коредуга, и театральных актеров.

Гриоты иногда могут сами нарушить правила общения и опять же путем высмеивания, но жесткого и провоцирующего, вовлечь своего патрона в войну, как это описывают эпические сказания. Точно также нарушение правил неагрессивного и безобидного высмеивания может повлечь за собой опрометчивые действия героев, как это демонстрировалось в различных фольклорных текстах.

Тематика шуток весьма разнообразна, но во всех традиционных механизмах, использующих юмор, есть четкие ограничения, над чем смеяться нельзя.

Таким образом, шутки, высмеивание, игра задействованы во многих традиционных схемах, но при этом сфера их использования имеет четкие ограничения.

*Зданевич А. С. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург),
Матвеев Д. С. (Росконгресс, Санкт-Петербург)*

Основные этапы установления и развития межгосударственных отношений с Центрально-Африканской Республикой как часть стратегии возвращения России в Африку

В октябре 2019 г. Сочи принял первый в истории саммит «Россия-Африка», ознаменовавший переход от конструктивного диалога к практическим решениям в области повышения интенсивности межгосударственных отношений нашей страны со странами-партнерами на африканском континенте. Продолжительный период затишья в экономических, политических, гуманитарных отношениях между Африкой и Россией воспринимался и у нас, и за рубежом по-разному. Затянувшаяся на 30 лет пауза, невольно наводила на мысль об отсутствии у потенциальных стран-партнеров взаимного интереса, о невозможности выстраивания внятной государственной внешнеполитической траектории взаимодействия, однако, недавние события делом доказали несостоятельность подобного рода предположений.

В числе прочих, в ходе саммита «Россия-Африка» были инициированы совместные взаимовыгодные проекты в минерально-сырьевом секторе экономики, в сфере военно-технического сотрудничества, в области образовательных и культурных программ обмена. Отдельно стоит упомянуть заключение странами-партнерами многомиллионных контрактов в сфере сельского хозяйства, медицинских и информационных технологий. Все это дает основание говорить о стратегическом характере выстраиваемых Россией отношений со странами африканского континента.

Опираясь на солидный задел дипломатического, торгового и политического обмена, созданный еще во времена Советского Союза, а также, не в последнюю очередь, используя инструменты «мягкой силы», современная Россия уверенно заявила о своем возвращении на африканский континент как в рамках государственной политики, так и инициатив представителей отечественного крупного бизнеса.

Сейчас, на наш взгляд, настало время переосмыслить историю и перспективы российско-африканских отношений, свести воедино предпосылки

и стратегические планы их возможного развития, уделив особое внимание региональной внутриконтинентальной специфике и характеру взаимодействия.

Мы остановили свой выбор на Центральной Африке, прежде всего, в силу некоторого перенасыщения глобального медиа-пространства информацией, разной по тематике и глубине аналитики, касающейся вовлеченности российских государственных и частных акторов в политические, торговые, гуманитарные процессы в центральноафриканской зоне. Ангажированность представителей отечественных и зарубежных СМИ, на наш взгляд, вполне объяснимая, не позволяет, тем не менее, объективно оценивать обстановку в центральноафриканском регионе в целом, и в Центрально-Африканской Республике (далее ЦАР), в частности.

В рамках статьи попробуем разобраться в перипетиях и тонкостях межгосударственных отношений России и ЦАР, опираясь на доступные источники, учитывая историческое прошлое и перспективы взаимодействия. В частности, нами будет рассмотрена ретроспектива отношений СССР и ЦАР с момента обретения африканским государством независимости в августе 1960 года вплоть до распада Советского Союза в 1991 г. Уделим особое внимание внутренним делам ЦАР: проблемам государственного строительства и становления руководящих элит в прошлом и настоящем, сложностям преодоления трагического периода утраты политических ориентиров в постколониальный период. Попытаемся определить причины и последствия внутренних вооруженных конфликтов. Определим динамику и интенсивность межгосударственных взаимоотношений России и ЦАР на всем протяжении постсоветского периода вплоть до сегодняшнего дня.

Злобина А. С. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)

Архаическое сознание как базис при совершении насилия над женщинами в Северной Нигерии

Данный доклад посвящен проблеме архаического сознания как базиса при совершении насилия над женщинами в Северной Нигерии. Актуальность данной проблемы состоит не просто в том, что количество подвергшихся насилию женщин в северных штатах Нигерии возрастает, о чем свидетельствуют статистические данные, но более того, большинство мотивов насилия берут свое начало в архаичных пластах сознания. Цель данного исследования состояла в раскрытии таких проблем как:

- объективность наличия насилия по отношению к женщине в культуре хауса;
- плюрализм мнений, являющийся характерным для современного этапа социально-исторического развития, и порождающий новую «шкалу» оценки действий насильника;

- демонстрация конкретных примеров насилия над женщинами, причинами которых становится так называемое институализированное насилие, получившее свое развитие благодаря архаическому сознанию.

Любое исследование, посвященное насилию, ставит перед собой в первую очередь задачу раскрыть проблему объективности наличия насилия в культуре и возможность, правомерность его искоренения в обществе. Для носителя западноевропейских ценностей, чье сознание неразрывно связано с таким феноменом как «права человека», насилием является все, что ограничивает человека и ставит его существование под угрозу. Однако для ряда культур вопрос об отношении между «жертвой» и актором «насилия» не актуален, поскольку подобные социальные действия не рассматриваются как насильственные.

Признание за культурой наличия насильственных социальных действий совершается с целью положительных, на взгляд носителей западноевропейской морали, изменений и принятия морально-правовых оценок западного общества. Однако работа с институализированным насилием возможна лишь в случае признания того факта, что любая культура изначально содержит в себе насильственные действия, однако признание социальных действий таковыми лишь со стороны ее носителей является той самой разграничительной линией, которая позволяет работать и трансформировать традиционные институты с целью перехода от насилия по отношению к людям к объектам-заместителям.

Таким образом, проецируя вышесказанные идеи на ситуацию в Северной Нигерии, мы понимаем, что хаусанское сообщество, как и все культуры мира, содержит в себе насильственные действия, в частности по отношению к женщинам. Однако несмотря на то, что данный регион является наименее развитым в социально-экономическом отношении, что в большинстве случаев является причиной отсутствия пристального внимания общества к проблеме насилия и, соответственно, его непризнания даже со стороны подвергшихся насилию, женщины признают себя жертвами.

Прямым же следствием глобализации и открытого информационного пространства является плюрализм мнений в Нигерии. Для обществ с выраженным наличием плюрализма мнений характерным является феномен, когда жертва зачастую избирает для оценки европейскую морально-этическую шкалу, в то время как актор насилия базируется на традиции, трактующей совершаемые им действия как правомерные и справедливые.

Заключительная часть данного исследования посвящена рассмотрению конкретных примеров насилия, базирующихся на архаическом сознании, в частности мотив похищения женщин с целью насильственного заключения брака, изнасилование женщины, как символ победы над врагом, убийство чести.

- В результате проведенного исследования были сделаны следующие выводы:
- современные конфликты на территории Северной Нигерии имеют «базу» в виде архаического сознания. Данный факт означает, что

попытки создать методы разрешения конфликтов должны строиться на базисе психологии;

- наблюдается замена традиционной шкалы оценки действий насильника западными морально-этическими категориями;
- амбивалентная политика, проводимая нигерийским правительством, является следствием наличия в общества плюрализма мнений.

Ивкина Н. В. (РУДН, Москва)

Концепции колониализма и антиколониализма в африканской историографии

Период европейского колониализма в Африке является самым острым и проблемным в африканской историографии. В рамках его изучения сталкиваются две парадигмально противоположные тенденции — антиколониальная и неоколониалистская. В основе идейно-теоретических различий лежит отношение к последствиям данного периода в истории Африки.

Большинство африканских ученых придерживаются мнения, что колониализм с его эксплуататорской жестокостью является главным «тормозом» развития Африки, а также причиной, по которой страны до сих пор остаются под влиянием бывших метрополий. Современным воплощением идей данной группы ученых является феномен «нового типа колониализма» и изучение процесса использования африканских ресурсов европейскими странами. Более узкая группа исследователей склонна к апологетической концепции, основанной на оправдании деятельности колонизаторов. В основе их идеи лежит предположение, что именно колониальный захват африканских земель способствовал развитию местных племен, окультуриванию и приспособлению людей к жизни. Кроме того, выдвинута гипотеза, что без европейского вмешательства африканские народы не достигли бы современного уровня развития.

Теоретической базой исследования концепции антиколониализма являются классические доктрины западных «буржуазных» представлений (в том числе производные от либерально-идеалистической парадигмы). Так, например, активно происходит поиск подмены понятия и вместо «колонизации» активно внедряют «колониализм», который и выдают за семантическое оправдание господства европейских стран над африканскими. Также отличительной чертой данной точки зрения является нежелание отводить особое место эпохе колониализма в истории Африки (доминирование тезиса о том, что последствия колониализма слишком преувеличены по сравнению с внутренними процессами, происходящими в Африке: конфликты, миграция и др.). Среди африканских исследователей, разделяющих эту позицию, можно выделить работы А. Кагаме, А. Аджайи, Т. Тамуно, А. Аффигбо, М. Овусу и др.

Идейно-теоретической базой противников оправдания колониализма являются неомарксистские взгляды на эксплуататорскую природу действий европейских стран. Колониализм рассматривается как соотношение экономического базиса и политико-идеологической надстройки. В частности, действия колонизаторов оцениваются в рамках системы как внешний фактор, приведший в результате к экономической зависимости африканских стран от европейских, а также определивший военно-политические изменения в системе отношений между африканскими народами. Сторонниками данной системы взглядов является широкий пул экспертов, в том числе: Э. Атиено-Одхиамбо, А. Боахен, Г. Узоигве, М. Мбоджа, О. Икиме и др.

Уже исходя из идейно-теоретических различий концепций колониализма и антиколониализма понятно, что представители направлений имеют дихотомические представления о колониальном периоде в истории Африки. Однако сравнительно-сопоставительный анализ необходимо провести и по другим параметрам расхождения во взглядах: экономическая и культурная составляющие колониализма, отношения к этническим проблемам, работорговля и др. Так, например, если в концепции колониализма работорговля подвергается осуждению и полностью ассоциируется с приходом европейских колонизаторов (К. Архин, Д. Иникори, М. Гей, Б. Огот и др.), то в рамках концепции антиколониализма доказывается, что в работорговле виноваты, прежде всего, сами африканцы, рабство не доминировало в африканском обществе и не превышало естественного прироста местного населения (Ф. Кэргин, Л. Ганн и др.).

Исходя из вышеизложенных концепций, стоит отметить необходимость их подробного рассмотрения. Целью исследования является анализ подходов исследователей каждой из концепций к последствиям колониального периода в истории Африки. Предполагается проведение анализа работ представителей каждого из направлений с использованием исторической и общенаучной методологии (историко-хронологический, сравнительный методы).

Калистратов А. Ю. (Ивановский государственный университет, Иваново), Черноперов В. Л. (Ивановский государственный университет, Иваново)

«Герои» и «Младшие сыновья империи» в Африке. Представления немецких «африканцев» о колониальной политике Германской империи и о своей миссии

Несмотря на широкий охват проблем и глубину исследований по германской колониальной политике на Черном континенте, остаются вопросы, не получившие всестороннего освещения. К таковым, в частности, относится мало изученная

область приложения ментальных конструкций типичных представителей той эпохи к самому процессу колонизации Африки, а также судьбы конкретных германских колониальных врачей, офицеров и чиновников, их предоставления о местном населении и о значении своей миссии на Черном континенте.

Решить эту задачу видится возможным, применяя инструментарий и методологию такого нового междисциплинарного направления исследований, как интеллигентоведение и историческая имагология (или имиджинология). Одним из российских центров изучения интеллигенции и интеллектуалов в настоящее время является НИИ интеллигентоведения Ивановского государственного университета. В своей работе автор опирался на концептуальные положения изучения интеллигенции и интеллектуалов В. Л. Черноперовым и С. М. Усмановым, которая получила положительные оценки научного сообщества, и которую ивановские исследователи апробировали на конкретных примерах в ряде публикаций.

Как известно, решение задачи «открыть Африку мировой торговле» в конце XIX в. виделось как «священный долг культурной Европы». Исполнить этот долг «несения культуры в Африку» со стороны германской империи выпало таким разным людям как Г. фон Виссман, П. Погге, О. Шютт, М. Бюхнер, П. Гюсфельдт, Ф. Г. Рольфс, К. К. Б. фон Франсуа, К. Г. Циммерманн, Г. Доминик, Г. Нахтигаль, Л. Кюльц, П. Э. фон Леттов-Форбек, Э. фон Шаурот, Р. Гансер, Т. Лейтвайн, К. Петерс, Г. Децнер и многим другим.

Принадлежа к разным социальным группам, они, вместе с тем, выполняли одну задачу — колонизировали Африку для Германии. Многие из них оставили после себя значительный след в истории — яркий «героический» ореол, созданный вокруг них газетными статьями, книгами о них и их собственными мемуарами. Они становились частью государственной пропаганды — их именами назывались улицы городов, армейские казармы, корабли Германской империи. Про них снимали художественные фильмы. До последнего времени стояли их памятники. Имидж «героя» был востребован империей. В данном историческом контексте — образ героя колониального.

Это, несомненно, были популярные личности. Статьи в прессе, выступления и даже шоу (к таковым можно отнести колониальные паноптикумы), биографии и собственные сочинения — вот главные источники этого мифологизированного образа. Большинство же людей, исполнявших свою «колониальную миссию» в «германской» Африке продолжают находиться в тени. В широком плане в историографии колониального периода им уделялось наименьшее внимание. Европейскими современниками они воспринимались как экзоты, для колониальной администрации — они были штатными единицами, представляя собой основной, массовый «инструмент» колонизации, призванный выполнять утвержденные задания, а не совершать подвиги. Следы их, почти стертые временем, можно найти, как правило только в источниках личного происхождения — письмах домой или дневниковых записях, сохранных и даже

изданных их родственниками. Некоторые еще при жизни успели опубликовать свои самопрезентации в виде книг. Страницы этих эго-источников содержат значимые понятийно-логические ментальные конструкции, обуславливающие, по нашему мнению, деятельность европейских колонизаторов.

Исследование этих имиджей, стереотипов и образов, содержащих в себе самопредставления о своей миссии в колониях этих «колониальных героев» и «младших сыновей», представляются нам весьма важными и даже определяющим для современного колониального дискурса.

Козвонин А. В. (Постпредство РФ при ЮНЕСКО, Париж)

Материалы по истории Африки в архиве Министерства обороны Франции

Предлагаемый доклад посвящен одному из крупнейших архивов Франции — Исторической службе Министерства обороны — и тем возможностям, которые он предоставляет исследователям истории Африки.

Дается общее представление об архиве, включая его девять региональных подразделений, при этом акцент делается на его «главном офисе» в г. Венсен под Парижем. Подробно описываются условия допуска и работы в архиве, в том числе недавние изменения в них с учетом пандемии COVID-19.

Кратко описываются фонды, посвященные Африке, прежде всего странам, территории которых были колониями Франции. Вместе с тем подчеркивается, что французские военные проявляли интерес и к «чужим» сферам влияния (Бельгийскому Конго, Ливии, Судану, Эфиопии и др.). Указывается на отдельные перспективы исследований, например, иностранного, в том числе советского, проникновения на континент. Демонстрируются направления поиска африканской информации в непрофильных фондах. Особое внимание уделяется Мадагаскару.

В докладе использован личный опыт автора, неоднократно посещавшего Историческую службу Министерства обороны Франции в г. Венсен и работавшего там в 2015 г. и в 2021 г. над материалами к своей диссертации.

Костелянец С. В. (Институт Африки РАН, Москва)

Формирование, эволюция и кризис исламистского движения в Судане

Исламистский проект в Судане перешел в кризисный сценарий развития еще в конце XX в., но сейчас, как представляется, как никогда близок к провалу. Исламистское движение в Судане набирало силу на протяжении большей части

второй половины XX в., а к 1989 г. достаточно окрепло, чтобы взять бразды правления в свои руки. В 1990-е гг. суданские исламисты пытались реализовать амбициозную задачу по экспорту идеалов движения в другие страны при поддержке международных фундаменталистов и экстремистов, одновременно проводя всеобъемлющую трансформацию суданского общества в соответствии с принципами Корана, Сунны и шариата. На обоих направлениях они потерпели неудачу: усилия по распространению идеологии исламистского интернационализма спровоцировали жесткую международную реакцию и привели к тому, что Судан стал государством-изгоем на мировой арене, в то время как попытка внутренней исламизации и арабизации привела к обострению конфликтов на периферии Судана и, в конечном итоге, к отделению Южного Судана, которое, в свою очередь, привело к финансовому краху военно-исламистского режима в Хартуме.

В конце 1990-х гг. более радикальное крыло суданских исламистов под руководством Хасана ат-Тураби попыталось совершить «конституционный переворот» и принять законы, лишаящие президента Омара аль-Башира ряда полномочий, воспользовавшись своим большинством в парламенте, но армия и умеренные исламисты упредили опасное голосование. С тех пор политизация ислама стала лишь инструментом легитимации режима; богословские аспекты и прозелитизм уступили место политической необходимости. Более того, политический ислам не смог дать ответов на острые социальные и экономические вопросы, волновавшие население. Кроме того, фракционность в рядах суданских исламистов способствовала расщеплению их базы поддержки и ослаблению их мобилизационного потенциала.

Коррупция и nepотизм, снижение уровня жизни (в особенности после отделению Южного Судана в 2011 г.¹) и повсеместная безработица подрывали легитимность правления аль-Башира; население также теряло доверие к религиозным лидерам, связанным с коррумпированным режимом. За фасадом политического ислама выросла крайне неэффективная, вороватая бюрократическая система. В 2012 г. органы безопасности тоже оказались вовлеченными в борьбу за власть и даже предприняли попытку государственного переворота против аль-Башира, посеяв недоверие между президентом и спецслужбами. К 2019 г. экономические трудности стали невыносимыми не только для населения, но и для части элит, которые не видели перспективы поведения успешных реформ.

В апреле 2019 г. президент аль-Башир был свергнут в результате бескровного военного переворота, который произошел на фоне большой волны народных протестов в стране, поддержанных и частью исламистов. Несмотря на сохраняющуюся популярность исламских ценностей, и норм в суданском обществе, возрождение политического ислама в стране кажется маловероятным. Исламисты проявили себя оппортунистами, которые, оказавшись у власти, оказались слабыми управленцами, а также отошли от основных ценностей ислама. Хотя

переходному правительству Судана во главе с премьер-министром Абдаллой Хамдоком в 2019–2020 гг. не удалось улучшить экономическую ситуацию, которая была усугублена пандемией COVID-19 и стихийными бедствиями, у населения не возникло интереса к обращению к исламистам за решениями. Планируемый демонтаж исламских основ Конституции искоренит большую часть наследия исламистов в Судане. По всей видимости, исламистский проект в Судане стоит на пороге завершения своего жизненного цикла.

Курбак М. С. (ИВИ РАН, Москва)

«Писатель убивает время»: тюремная проза Брейтена Брейтенбаха

В 1975 г. южноафриканский поэт и писатель Брейтен Брейтенбах был схвачен секретной полицией ЮАР и приговорен к 9 годам тюремного заключения за террористическую деятельность. Обвинения были во многом справедливыми: Брейтенбах, тогда уже много лет живший в эмиграции в Париже, с несколькими соратниками действительно создал террористическую группу под названием *Okehela* для борьбы против режима апарtheidа в Южной Африке. В 1975 г. он прилетел на родину по поддельным документам с целью установить связи с белыми борцами против апарtheidа в ЮАР, а также с рядом черных лидеров борьбы, в частности, с лидером движения «Черное самосознание» Стивом Бико. Но как только Брейтенбах вышел из самолета в Йоханнесбурге, он попал под контроль полиции, которая много лет следила за деятельностью известного африканерского поэта.

Первые два года заключения Брейтенбаха прошли в тюрьме *Beverly Hill Maximim* в Претории. Условия там были очень тяжелыми (хотя и не сравнимыми с условиями, в которых содержались небелые заключенные), Брейтенбах находился в полной изоляции, без права переписки. В 1977 г. его перевели в тюрьму *Pollsmoor* в Кейптауне. Перевод в родной для Брейтенбаха Кейптаун поднял ему дух. Кроме того, Брейтенбаху было разрешено писать. «Возможность писать стала для меня средством, смыслом существования... Это само по себе цель, которая помогает мне воспринимать, понимать и в каких-то масштабах интегрировать то, что происходит со мной», — писал он.

За семь лет пребывания в тюрьме (под давлением французских властей Брейтенбах был досрочно освобожден в 1982 г.) он написал автобиографичный роман «„*Mouir*“: роман как автобиография», а сразу после освобождения — воспоминания о тюремных годах под названием «*Правдивая исповедь альбиноса-террориста*». Обе эти работы являются исключительно интересными, потому как показывают не только будние заключенных южноафриканских

тюрем в 1970-е гг., но и рассказывают о проблемах, близких многим представителям южноафриканской интеллигенции того времени. О проблеме вины и принятия, любви к своей стране и ненависти к ее правительству, проблеме поиска себя и своей идентичности. Проблеме отношения власти и писателя, проблеме писательского долга и свободы творчества. Проблеме невыносимого существования на своей родине и мучительной тоски по ней в эмиграции. Все эти вопросы терзали Брейтенбаха, рождали чувства отчаяния и неприкаянности, непреодолимой амбивалентности, которая так часто воплощалась в образе человека, рассматривающего свое отражение (или множество отражений) в зеркале и неспособного определить, какое из этих отражений истинное и кто тот человек, что стоит перед зеркалом. Все эти проблемы были знакомы как современникам Брейтенбаха, так и во многом не утратили актуальность сейчас, что делает тюремной прозу Брейтенбаха востребованной и по сей день.

Куценков П. А. (ИВ РАН, Москва), Зазовская Э. П. (ИГ РАН, Москва)

Радиоуглеродное датирование предметов искусства догонов (по результатам работы Малийской экспедиции ИВ РАН 2015–2020 гг.)

1. Вопрос о преемственности между искусством догонов (XII в. — наши дни) и ногом, толой и теллем (V–XVI вв.) остается открытым. То, что такая преемственность существует, сомнений не вызывает, однако степень воздействия искусства предшественников на формирование художественной традиции современных обитателей Страны догонов точно определить пока невозможно. Вопрос усложняется тем, что предшественники догонов (как и сами догоны), представляли собой не единые народы, но множество разных групп: так, на севере нагорья Бандиагара в заброшенных деревнях теллем преобладают прямоугольные и/или квадратные в плане сооружения, на юге — округлые; с теллем связывают свою историю разные народы, бобо и коромба, обитающие на территории современной Буркина-Фасо, и т. д.

2. Большую сложность представляет датировка предметов искусства по степени их сохранности и стилю. Как показывает опыт, ни то, ни другое не может быть надежным датирующим признаком. Нередки случаи, когда относительно недавно сделанные вещи выглядят, как очень старые, причем, степень их дегидратации очень велика. Напротив, те, что хорошо сохранились, могут оказаться относительно старыми. Стили в искусстве догонов очень разнообразны — даже скульптуры из соседних деревень могут иметь между собой очень мало общего. Как показывает опыт сбора коллекций традиционного искусства догонов Малийской экспедицией ИВ РАН, даже в одном и том же

деревенском квартале стиль может меняться быстро и радикально. Положение осложняется также наличием индивидуальных стилей отдельных мастеров, причем, даже в пределах одной деревни они могут отличаться большим разнообразием.

3. Не менее сложной остается и проблема степени достоверности устных традиций догонов в том, что касается датировки произведений искусства. Информанты довольно точно называют возраст предметов в тех случаях, когда он не превышает 60 лет (2–3 поколения), и их память имеет какие-либо точки опоры, которые позволяют припомнить или вычислить дату изготовления вещи. В этом отношении показательна история атрибуции фетиша Амаденгуоти (Amadengwôty) из деревни Тендели (Tendéli, Tenndéli) в сельской коммуне Копорокендье-На (Kororokendie Na, Корого-Кениé-На) в округе Коро. Он был приобретен у жителя деревни Амаду Гиндо. В 2019 г. сыну мастера, выполнившего фетиш, было пятьдесят четыре года, а фетиш существовал столько, сколько он себя помнит. С его слов было также известно, что это деревенский фетиш, и его обновляют каждые 40–50 лет (информант имени автора не знал). Соответственно, фетиш был изготовлен не позднее 1970, и не ранее 1960 г. Но тогда, когда произведения искусства оказываются старше, точные сведения об их возрасте устная традиция обычно не сохраняет. В таких случаях информанты могут говорить «это было давно, тысячу лет назад». «Тысяча лет» обозначает просто неопределенно-продолжительное время, вроде нашего «да я сто лет тебя не видел».

4. Таким образом, нам представляется, что наиболее надежным методом датирования памятников традиционного искусства догонов, а также их предшественников ногон и теллем, остается радиоуглеродный анализ с применением ускорительной масс-спектрометрии (AMS). С его помощью в Центре коллективного пользования «Лаборатория радиоуглеродного датирования и электронной микроскопии» Института географии РАН были получены даты некоторых деревянных артефактов. Возраст некоторых предметов соответствовал тому, что называли информанты, однако часто артефакты оказывались моложе той даты, что указывала устная традиция.

Львова Э. С. (ИСАА МГУ, Москва)

Национальные балеты в странах Африки: между ритуалом и театром

В странах современной Африки существует много театров разных жанров — и драматические, и балетные, и музыкальные коллективы, как и самостоятельно выступающие по всему миру солисты. Складывание их началось в XX в., и особенно в постколониальный период.

В доколониальной Африке зрелищная культура питалась повседневностью и ритуальной практикой¹. Тогда не было авторской драматургии, разделения на актеров и зрителей сцены и зала для зрителей и т.п. Все, за исключением непосвященных, были участниками. Лишь начинали складываться внеритуальные сатирические или развлекательные представления с участием масок «девушки», «полицейского», «купца» и т.п. у некоторых народов (йоруба, чокве и ряда других)².

Однако между этими крайними полюсами была еще одна стадия развития зрелищного искусства. Существовали несколько десятилетий в прошлом веке Национальные балеты или Культурные Ансамбли.

Такие непрофессиональные группы в Гвинее, Мали, Сенегале, Танзании привлекали внимание исследователей³. Они не только с успехом выступали в своих странах, но и бывали с гастролями в Европе и СССР. Здесь уже были элементы подлинной театральности: заранее подготовленные и неизменные сценарии, разделение на актеров и зрителей и т.п.

Они пропагандировали культуру народов своих стран, часто выступали с политическими номерами — с агитацией за определенные партии и кандидатов в президенты и Парламенты либо с поддержкой борьбы за подлинную свободу, как южноафриканский ансамбль «Амандла».

По своему жанру это были разноплановые выступления. Хотя большинство из них назывались Национальными балетами, они объединяли разные номера: народные песни и танцы; танцевальные сценки, имитирующие хозяйственную или семейную жизнь; церемониальные и ритуальные действия; пантомиму и т.п. В них рассказывалась и история народа, как до колонизации, так и во время оной.

Некоторые из таких ансамблей выступали с гастролями и в Москве, и можно было воочию увидеть особенности их формирования. Так, несколько выступлений дал Национальный балет Заира. В нем были объединены и драматические артисты, и музыканты, и певцы. Они представляли все народы полиэтничного государства и демонстрировалась культура различных этносов. Так, в основу танцевального выступления был положен «Эпос о Иньянья» народа бангала, музыкальное сопровождение базировалось на музыке балуба, использовались языки баконго, давшего название стране, и французский (государственный),

¹ Львова Э. С., Зрелищная и музыкальная культура народов Африки южнее Сахары, М., 2015.

² Львов Н. И., Современный театр Тропической Африки // Искусство Африки, М., 1977; Пути развития театрального искусства Африки, М., 1981.

³ A History of Theatre in Africa (ed. by M. Banham) Cambridge, 2004 -<https://www.cambridge.org>; Ousmane Djakote and Hansel Ndumbe Eyoh, The Roots of African Theatre Ritual and Orality in the pre-Colonial Period // Critical Stages, the IATC journal, June 2017, issue N 15 www.criticalstages.org.

а музыкальные инструменты, использовавшиеся на сцене, принадлежали разным этническим группам. Были даже щелевые барабаны (в форме крокодила), служащие не для танцев, а для передачи сообщений барабанным языком. Так демонстрировалось единство и разнообразие культуры народов страны.

Другой пример — работа созданного АНК в ЮАР Культурного ансамбля «Амандла». Свои поездки по миру они воспринимали как борьбу против апартеида. В отличие от заирских артистов, создавших единое по содержанию представление, ими создан калейдоскоп жанров: девичий ритуальный танец змеи; выступление воинов-зулусов; танец «Резиновые сапоги» как элемент «новой инициации» — обязательную работу юношей на шахтах; сценки повседневной жизни и свадьбы; историю работоторговли и борьбы с ней и позднейшими колонизаторами. В этом ансамбле каждый народ пропагандировал культуру.

К рубежу XX–XXI вв. нужда в таких непрофессиональных коллективах постепенно отпадала, по мере формирования профессиональных трупп. Национальные балеты прекратили свое существование. С одной стороны, возникли профессиональные балетные, музыкальные, драматические театры; с другой — появились солисты, трио и другие группы, выступающие самостоятельно либо совместно с профессионалами других жанров. Особая судьба сложилась у ансамбля «Амандла». Он просуществовал около 20 лет и составляет гордость АНК и ЮАР¹. В 2015 г. в Йоханнесбурге, а затем Претории состоялась премьера мюзикла, посвященного его истории.

Ляхович А. В. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)

Женские образы в романе северонигерийского писателя Абубакара Адама Ибрахима «Время малиновых цветов»

Роман Абубакара Адама Ибрахима «Время малиновых цветов» (*Season of Crimson Blossoms*), опубликованный в 2016 г., является примером англоязычной прозы Северной Нигерии. Произведение получило высокую оценку критиков, а его автор был удостоен Нигерийской премии в области литературы. Роман посвящен жизни обычной хаусанской семьи. В центре внимания — пятидесятипятилетняя вдова Бинта Зубайру и ее домочадцы: племянница Фа'иза, маленькая внучка Умми, дочь Хадиза. Эти женщины разного возраста во многом проявляют вполне понятные вне хаусанской культуры черты характера и поведенческие стереотипы. Неудивительны религиозность и консервативность Бинты, размеренность ее жизни как «старого человека», клише, которое не раз звучит в романе. Все это противопоставлено беспечности школьницы

---

¹ ANC Archives. Cultural ensemble Amandla anarchives.org/galleria/amandla-cultural-ensemble.

Фа'изы, ее желанию окунуться с головой и прочувствовать окружающий мир. Девушка тайком пользуется косметикой, и это лишь один из поводов, который приводит к разногласиям между женщинами. Фа'иза презрительно бросает: «Ты такая старомодная! Ты ничего не смыслишь в моде!» Тем не менее, изображаемые в романе образы выходят за пределы стереотипов, наполняются более глубоким содержанием, в результате чего в поведении и характерах героинь произведения возникают противоречия. Так, например, Бинта вступает в запретную связь с двадцатипятилетним преступником.

Роман демонстрирует не только галерею образов северонигерийских женщин, их устремления, страхи, запреты и желания, но и в целом характер внутрисемейных отношений. Заслуживает внимания, например, описание отношений Бинты с матерью, которые регулировались традиционными представлениями, связанными с понятием *kunya*, «стыд», и распространялись лишь на нее как старшую из детей. Нормы традиции, как показывает автор, вступают в противоречие с потребностями личности: Бинта с самого раннего детства мечтает о том, чтобы мать обратилась к ней по имени, проявила к ней материнскую теплоту.

Таким образом, роман северонигерийского писателя Абубакара Адама Ибрахима «Время малиновых цветов» представляет собой ценный источник для понимания жизни женщин хауса Северной Нигерии, их поведенческих установок, личностных характеристик, влияния традиции на становление личности.

Манирагена В. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург), Соколов Д. Н. (Санкт-Петербургская музыкальная школа им. Н. А. Римского-Корсакова, Санкт-Петербург)

Кизито Михиго — певец и активист за реальное примирение руандийцев

Кизито Михиго известен как сочинитель и исполнитель религиозных песен. Это, пожалуй, на данный момент самый известный руандийский музыкант XXI в. После обучения в Парижской консерватории он решил вернуться в Руанду и жить там, занимаясь музыкой. Он создал общественную организацию «Фонд Кизито Михиго за мир». В рамках деятельности этой организации, он посещал руандийские тюрьмы и средние учебные заведения с концертами и лекциями о примирении. Долгое время Кизито Михиго считался апологетом правящего режима в Руанде. Один из сочинителей нового гимна страны, он регулярно выпускал новые песни к каждой годовщине памяти жертв геноцида в Руанде 7 апреля, начиная с 2007 г.

Написанная им религиозная песня «Объяснение смерти — *Igisobanuro su'ugurfu*» стала причиной разрыва добрых отношений с режимом Кагаме.

Он был посажен в тюрьму на 8 лет, и когда он вышел спустя 4 года по президентской амнистии, так и не смог получить возможность возобновить свою нормальную активность. Будучи ограничен концертами в церковных приходах и преподавательской деятельностью, а также находясь под сильным прессингом «силовиков» режима Кагаме, он попытался сбежать из Руанды, и был захвачен вблизи границы с Бурунди. 17 февраля 2020 г. он был найден повешенным в центре временного содержания полиции в Кигали.

Трагическая судьба Кизито Михиги, рассказанная им в книге, которая была написана им в заключении, тайно передана за границу, опубликована после смерти автора, недавно переведена на русский авторами доклада — яркий пример переплетения художественного творчества и социальной активности, направленного на достижение мира в Руанде, страны, где правящий режим искусственно поддерживает межнациональные противоречия ради сохранения своей власти.

Мельникова М. Д. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)

Суахилиязычный исторический роман на фоне изменений в литературных процессах в Танзании и Кении

С момента обретения странами Восточной Африки независимости литература на языке суахили прошла большой путь от «лубка» и просветительской литературы до постмодернизма и экспериментальной прозы. Становление жанра романа явилось одной из поворотных вех в развитии суахилиязычной прозы. Наиболее яркий импульс это развитие получило благодаря творчеству Э. Кезилахаби, который положил начало становлению в суахилиязычной прозе критического реализма — метода, которому суждено было стать главным в суахилийской литературе на последующие два десятилетия¹. Наряду с критическим реализмом танзанийские и кенийские авторы активно осваивали метод социалистического реализма. Именно в русле данных методов в 1970-х годах появляются первые исторические романы на языке суахили (А. Шафи «Усадьба господина Фуада»; С. А. Мохамед «Горький мед» и др.).

В 1990–1991 гг. выходит диалогия Э. Кезилахаби, которой было суждено изменить ход литературных процессов в Танзании и Кении. Романы «Нагона» и «Лабиринт» ознаменовали собой начало нового этапа — этапа постмодернизма или «нового» романа (термин кенийского филолога Ч. Вамитилы). «Новый» роман на суахили продекларировал формальный и тематический

---

¹ Громов М. Д. Писать для общества, писать для людей... // Под небом Африки моей. История, культура, языки народов Африки. Институт стран Азии и Африки Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова. М., 2020. С. 273–292.

разрыв с традиционной прозой на языке суахили. Сам Кезилахаби подчеркивал, что «суахилийская литература должна меняться, чтобы справляться с новыми проблемами, которые будет ставить будущий век, особенно в связи с новыми теориями»¹. Жанр «нового» романа получил широкое распространение, несмотря на проблемы с принятием романов читателями и критиками. Примечательно то, что на фоне необычайной популярности «нового» романа и связанного с ним магического реализма как метода передачи замысла автора и вместе с тем отказа от реализма, 1990-е гг. знаменуют собой новый этап в развитии танзанийской исторической прозы. В 1991 г. благодаря усилиям организации Children's Book Project выходят исторические книги для детей М. Мулокози «Ngoma ya Mianzi» и «Moto wa Mianzi», направленные на привлечение молодежи к изучению истории страны. Ярким событием явился роман А. Шафи «Перетягивание каната» (1999) — художественное воссоздание занзибарской революции. В Кении выходит исторический роман М. Мбатиа «Потерянные» (1999), подводящий итог правления Д. Мои.

В начале XXI в. наметился заметный переход «в исходное положение». Такой возврат к реализму определяется специалистами как переходный этап, отличительной чертой которого является сложность классификации романов данного периода. Наряду с упомянутыми «переходными романами» в первые десятилетия XXI в. появляются исторические романы, лишенные каких-либо черт, присущих «новому» роману. Например, роман Чачаге С. Чачаге «Makuadi wa soko huria» (2002), по мнению исследователей², тематически продолжает развивать мысль, высказанную Г. Рухумбикой в романе «Наивные мечты патриотов», в то же время структурно выделяясь среди других суахилиязычных романов.

А. Шафи в своем историческом романе «Предатель» (2003) придерживается методов критического реализма, обращаясь при этом к событиям и темам, еще не затронутых им в своих других исторических романах.

Таким образом, исторические романы современных танзанийских и кенийских писателей демонстрируют развитие данного жанра: сделав шаг навстречу своему читателю, суахилиязычные авторы, посредством освещения более широкого круга исторических событий и тем, актуальных для современного общества стран Восточной Африки, призывают читателей к дискуссии и анализу. Такой вектор развития дает качественно новый импульс популяризации исторических романов на суахили: романы переводят на европейские языки, включают в школьную программу, их изучают литературоведы и историки.

¹ Mazungumzo ya fasihi. Mahojiano na waandishi, wahakiki na wachapishaji wa Tanzania. Yamekusanywa na yametayarishwa na Mikhail D. Gromov. Moscow, 2001

² Mbonde J. P. Chachage Seithy L. Chachage: Makuadi wa Soko Huria (2002). Uchambuzi na Uhakiki // 11 SWAHILI FORUM (2004), 211–226.

Мильто А. В. (Ярославский филиал Финансового университета при Правительстве РФ, Ярославль)

Проблема идентичности в постколониальную эпоху

Процессы деколонизации стран Азии и Африки во второй половине XX в. внесли существенные изменения в сложившийся порядок и социальную структуру. Колониальное наследие породило множество этнорегиональных сложностей, способствовало утрате чувства этнической общности и возникновению противоречий самого различного уровня, что привело к обострению проблемы идентичности, являющейся основой стабильности общественно-политической, экономической и социокультурной системы государства.

Поиски идентичности — ключевая тема в постколониальных исследованиях и литературе. Особое внимание уделено динамичности и незавершенности идентичности субъекта постколониального общества, свойственным ему мозаичной фрагментарности различных «я» и феномену двойственного, «расщепленного» сознания. Такие люди чувствовали себя жителями двух миров, теряли ощущение тождества личности, проявляли неспособность найти ответы на вопросы о целях, смыслах, ценностях. Хоми Баба, американский профессор индийского происхождения, связал такое состояние с «внедомностью», непринадлежностью ни к одной из культур, осознанием себя в постоянном поиске.

В произведении «Местонахождение культуры»¹ Х. Баба интересовался пространством взаимодействия, находящимся между колониальным и антиколониальным мышлением, а также новыми идентичностями, которые проявились при переходе от колониального состояния к постколониальному. Человеку, оказавшемуся на перепутье между двух миров, по его мнению, присущи такие свойства, как амбивалентность и гибридность, возникающие в результате соприкосновения колониального наследия и доколониальной национальной культуры². В стремлении стать «видимым», выйти из тени колонизатора такая гибридная основа становится базисом для формирования новой идентичности.

С темой идентичности непосредственно связана проблема языка. Образование в колонизированных странах включало навязывание языка метрополии как официального средства коммуникации, что практически неизбежно влекло за собой языковой конфликт. Авторы текстов встали перед выбором: на каком языке писать (родном или языке колонизаторов)? Правильно ли отказываться от своего родного языка в пользу чужого?³

---

¹ Bhabha H. K. *The Location of Culture*. L., N.-Y.: Routledge Classics, 2004. 408 p.

² *Ibid.* P. 2.

³ Чау Р. Не как на родном языке. Использование языка как постколониальный опыт / Пер. с англ. Д. Тимофеева // Новое литературное обозрение. 2020. № 1 (161). URL: https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/161_nlo_1_2020/ (дата обращения: 20.07. 2020).

Конфликт мнений, представленных писателями Чинуа Ачебе и Нгуги Ва Тхионго, был сформулирован в 70–80-е гг. XX в. и на протяжении долгого времени являлся центральным пунктом дискуссии между исследователями постколониальной эпохи. Ч. Ачебе выступал за использование языка колонизаторов и ориентацию на международную аудиторию в своем творчестве¹. Нгуги Ва Тхионго ратовал за использование родного языка как носителя определенной культурной информации, призванного обеспечить историческую связь поколений, установить взаимозависимость культуры прошлого и будущего, что является залогом существования национальности культуры².

Новые обстоятельства, присущие эпохе глобализации, такие как: увеличение количества мигрантов и повсеместная доступность и распространение современных средств коммуникации — сохранили актуальность проблемы идентичности и создали благодатную почву для ее обсуждения в рамках постколониального дискурса.

Милюкова О. Э. (МГУ, Москва)

К вопросу об именных классах в языке кереве

Как известно, система именных классов в языках банту является важной грамматической категорией, которая определяет все уровни языка. Объектом изучения является система именных классов в языке кереве и сравнительный анализ с таковой в языке суахили.

Язык кереве принадлежит к нигеро-конголезской макросемье, атлантичеко-конголезской ветви, к бантоидным языкам бенуэ-конголезской семьи, северо-восточные банту, по классификации языков банту М. Гасри язык кереве занимает позицию в зоне J и входит в группу J20 хайя-джита. Кереве имеет лексическое сходство с соседними языками: зинза, хайя, ньямбо и ньянкоре. В основном язык кереве распространен на острове Укереве, а также в округе Мванза и на небольших островах: о. Бвиرو и о. Иругва. По данным Атласа языков Танзании в 2009 г. общая численность носителей языка кереве составила 200 941 человек, что соответствует 36 месту по числу говорящих из 150 языков, насчитываемых в Танзании. Несмотря на относительную численность говорящих на языке кереве, он находится под угрозой исчезновения,

---

¹ Achebe Ch. The African Writer and the English Language // Colonial Discourse and Postcolonial Theory: A Reader / Ed. P. Williams and L. Chrisman. New York: Columbia University Press, 1994. P. 434

² Nguji wa T. The Language of African Literature // Colonial Discourse and Postcolonial Theory: A Reader / Ed. P. Williams and L. Chrisman. New York: Columbia University Press, 1994. P. 439.

подвергаясь натиску со стороны доминирующего в Танзании государственного языка суахили. Поэтому констатация данных языка представляется важной для бантуистики и общего языкознания.

Язык кереве является практически не изученным в отечественной бантуистике. Поскольку система именных классов является ключевой проблемой при описании грамматики любого из языков банту, регистрация грамматических данных этого языка представляется актуальной. Полученные в ходе полевых работ данные позволяют выделить 18 именных классов. Каждый класс рассматривается с позиции грамматической и лексико-семантической характеристик.

Язык кереве мало описан и прежде всего в силу отсутствия письменных источников на нем. Практически единственным способом его исследования остаются экспедиции на остров для проведения полевых работ с респондентами. Уникальным материалом для изучения языка кереве также может служить роман-хроника известного танзанийского писателя родом с Укереве Анисети Кетерезы «Господин Мьомбекере, его жена Бугонока, Нтулаланво и Булихвали». Это произведение представляет собой особую ценность для изучения языка кереве, так как насыщен лексикой и паремиями на родном языке писателя. Книга написана в 1945 г. на кереве и в последующем автор перевел ее на язык суахили. Анисети Кетереза дает подробнейшее толкование представленных лексем, что служит прекрасной почвой для анализа и реконструкции структуры языка кереве.

На фоне мощной экспансии языка суахили, которая наблюдается по всей стране, другие, более «мелкие» языки Танзании постепенно вытесняются, переходя в ранг узкого внутризтнического общения с ограниченной сферой использования, или же вовсе обречены на исчезновение.

К языкам, существующим в пределах одного этноса, относится и язык кереве озерного народа кереве. Несмотря на выигрышное положение в силу определенной географической изоляции, язык кереве все же подвергается ошутимому воздействию со стороны суахили. Во время полевого исследования на острове Укереве в 2013 г. удалось выяснить, что язык кереве удерживает свои прочные позиции лишь в отдаленных уголках острова, где население деревень не владеет языком суахили и использует исключительно свой родной язык. Тем не менее, язык кереве сохраняет свои прочные позиции в бытовом общении, на уровне внутрисемейного общения, но исключительно в устной форме. Лишь немногие из респондентов знакомы с печатными изданиями на своем родном языке (в виде словаря, книги Нового Завета, молитвенника и катехизиса). Языком обучения в начальной школе является язык суахили.

В ходе полевых исследований на островах Укереве и Бви́ро в 2013 и 2019 гг. носителям языка кереве были предложены анкеты, составленные на основе списка Сводеша с добавлением африканских реалий. Анализ ответов информантов позволяет дать предварительное описание системы именных классов

в языке кереве. Удалось выявить 18 именных классов с последующим подробным описанием семантики каждого из них. Была составлена таблица, в которой приводятся общеконголезские именные префиксы, именные префиксы суахили и именные префиксы кереве.

Совершенно очевидно, что суахили может влиять не только на лексическую, но и на грамматическую структуру языка кереве. Сравнительный анализ именных префиксов языка кереве и суахили позволил сделать вывод о том, что в кереве сохранилась более архаичная система именных классов.

Морозенская Е. В. (Институт Африки РАН, Москва)

Эволюция экономической политики африканских государств за годы независимости

Начавшееся в освободившихся от колониализма африканских странах формирование государственного сектора экономики свидетельствовало о возрастании значения национального государства как главного хозяйствующего актора, способного обеспечить необходимые для преодоления отсталости крупные инвестиции, провести индустриализацию и организовать управление производством в общенациональных масштабах.

В большинстве случаев укрепление позиций государства в сфере развития производительных сил, регулирования товарно-денежного обращения, кредитования производства происходило на фоне частой смены внешнеторговой конъюнктуры на мировых рынках минерального и сельскохозяйственного сырья, от экспорта которого зависят национальные бюджеты стран континента. Это способствовало неоднократным, нередко резким изменениям характера государственной экономической политики, происходившим в периоды, которые можно сгруппировать в четыре этапа:

1) 1960–1970-е гг.: поиск пути социально-экономического развития, по сути — выбор между капиталистической и социалистической моделью (по советскому либо китайскому образцу). Несмотря на различия между странами, избравшими разные модели, во всех них ведущие позиции занял государственный уклад, отвечавший за создание базовых отраслей промышленности, стимулирование развития производительных сил, мобилизацию ресурсов на преодоление экономической отсталости, поощрение частного предпринимательства (национального и иностранного);

2) 1970–1980-е гг.: результаты преобразования многоукладной африканской экономики в индустриальную в ходе реализации политики «опоры на собственные силы и ресурсы» в условиях глубокого экономического кризиса и резкого падения мировых цен на сырье социально-экономические оказались в целом

неудачными. Снижение ВВП (из-за уменьшения доходов от экспорта) и резкое сокращение в нем доли сельскохозяйственного производства спровоцировали масштабный голод, недоедание и безработицу;

3) 1980–1990-е гг.: реформы в соответствии с программами МВФ и ВБ по стабилизации экономики, базировавшиеся на активном внедрении рыночных отношений путем приватизации государственной собственности и либерализации ключевых сфер хозяйства — внешней торговли и ценообразования, привели к ускорению экономического роста, внедрению принципов свободного предпринимательства и некоторому ограничению формирования бюрократического капитализма. В сочетании с начавшимся ростом мировых цен на минеральное сырье и списанием долгов ряду африканских государств это несколько улучшило их положение, но не устранило неблагоприятные социальные последствия: снижение подушевого ВВП, усиление расслоения населения по уровню доходов, рост безработицы и сокращение социальных услуг;

4) 2000–2010-е гг.: несмотря на сохранение острых финансовых, социальных, политических и экологических проблем, институциональные реформы, отразившаяся на высоких темпах экономического роста (до 5,7% в год) и заметном приросте реального подушевого ВВП в половине стран континента (от 2,0 до 9,7 % в год), позволили им продвинуться в догоняющем развитии, росте производительности, уменьшении бедности и повышении международной конкурентоспособности.

В последние годы в Африке все более очевиден возврат к идее лидерства национального государства в социально-экономическом развитии (в т. ч. с использованием новых форм вроде государственно-частного партнерства). Под влиянием глобальных кризисов — как финансово-экономического 2008–2009 гг., так и природных (таких как засухи, эпидемии, включая COVID-19) — возрастает регулирующая роль африканского государства, а также его возможности в проведении вариативной макроэкономической политики.

Муращенко М. С. (РАНХиГС, Москва)

Колониальное кино как инструмент официальной колониальной пропаганды

Исследователь колониального кино Том Райс, описывая знаковую закрытия крупнейшей африканской киностудии «Колониал фильм юнит» в 1955 г., пишет, что миссией их фильмов было продвигать, сохранять и переопределять Британскую Империю для колониальной аудитории¹. Студия проецировала

¹ Rice, Tom. *Films for the Colonies: Cinema and the Preservation of the British Empire*. 1st ed., University of California Press, 2019.

колониальную идеологию через фильмы, которые оправдывали свое существование интеллектуальным превосходством британского колониста, выводя его на передний план. Колониальное кино, таким образом, выступало частью колониального процесса. Фильмы принимали на себя роль хроники и одновременно агента империи, приводя колонии к Британии и проецируя британский приоритет и идеалы на колонии, используя фильмы как способ «дотянуться» до отдаленных частей империи, институализируя ее.

В докладе предлагается рассмотреть, какие средства использовались для решения этой задачи — на материале колониальных фильмов, снятых на территории Африканских колоний в начале и середине XX в. Такие фильмы можно найти в цифровом архиве «Колониальное кино: кинообраз Британской империи»¹.

Тематика фильмов, определяющих риторику единства Британии и колоний, разнообразна — это фильмы, посвященные визитам представителей королевской фамилии в страны Африки, трансляции знаний от британцев к африканцам и вклада метрополии в прогресс колоний, истории колоний и взаимодействия африканцев и британцев, действиям армии и полиции в колониях.

В коллекции документального кино 18 фильмов посвящены официальным визитам, которые представители британской королевской семьи наносили в колонии и, впоследствии, в страны Содружества. Самый ранний фильм снят в 1925 г. — «С его королевским высочеством принцем Уэльским в Южной Африке» (немой). Также богатый видеоматериал оставили королевские визиты в Нигерию, Ньясаленд, Сьерра-Леоне, Гамбию и Уганду в 1950-х и 1960-х гг. В производстве этих фильмов задействованы Центральная служба информации, британское отделение «Пате-журнал», студии «Центр Африкан фильм юнит», «Бритиш моветон нюс», а также местные колониальные киностудии.

Историческая тема в колониальном кино возникает редко, разве что подчеркивается значимость некоторых социальных объектов за счет их «историчности» — «старейший» университет, госпиталь и т.д. Также история используется в бинарных построениях: противопоставляется «историческая» Африка (опасная, нестабильная, слаборазвитая, природная) и «современная» (ассоциированная с Британией). Но это нельзя назвать полноценным историческим сюжетом. Эта черта — отсутствие истории как темы, предмета фильма, при ее имплицитном присутствии в закадровом тексте, а иногда — и визуальном ряду фильма, — характерна для всего корпуса африканского документального кино. Анализ показывает, что историческая тема в более серьезном объеме упоминалась всего в двух фильмах из рассматриваемых. Это фильмы «Историческая Родезия» («Historic Rhodesia») и «Африканский стоунхендж» («African stonehenge»). Исторические события часто замалчиваются в фильмах.

¹ Colonial Film: Moving Images of the British Empire URL: <http://www.colonialfilm.org.uk/> (дата обращения: 10.01.2020).

Если мы вернемся к использованию истории в противопоставлениях, то станет понятно, что исторические события или факты иногда становятся фоном для подчеркивания позитивного вклада метрополии в технологическое и социальное развитие колоний. Авторы фильмов также регулярно подчеркивают ответственность Британии за колонии, иногда используя кино, как способ показать, почему страна не готова к независимости, не готова взять ответственность за свой народ.

Носов В. А. (СПбГУ, Санкт–Петербург)

Чадский конфликтный конундрум: внутренние и внешние факторы

Одна из самых бедных стран мира, Чад жестоко пострадала сначала от последствий колониального правления, потом от неудачных и непродуманных действий постколониальной элиты. Результатом стало складывание конфликтных практик взаимодействия культур, религий, этносов. В сущности, это позволяет рассматривать историю конфликтного конундрума в Чаде как игру с нулевой суммой, к тому же в условиях крайне ограниченной ресурсной базы. Склонность политической элиты к оппортунизму, неготовность ее представителей договариваться, устанавливать полноценное сотрудничество, делить ответственность и полномочия, сказались на развитии ситуации самым негативным образом. Все попытки создавать коалиционные органы власти и инклюзивные администрации неизменно проваливались именно в силу того, что местному политикуму свойственны эти черты¹. Действующий президент, как мы полагаем, обязан продолжительному периоду своего правления, в частности, готовности кооптировать оппонентов в систему администрирования государства и предоставлять им долю ресурсов. Как оказалось, этого недостаточно для того, чтобы полностью устранить угрозу: группировки, руководство которых заключило с центральным правительством мирное соглашение, незамедлительно вслед за этим делятся на фракции, часть которых продолжает противодействие². Подобные группы обычно не представляют большой угрозы, но их существование не дает добиться окончательного примирения сторон.

¹ Сагоян Л. Ю. Республика Чад. М., 1993; Africa South of the Sahara. 2011. London, 2010; Azevedo M. Roots of Violence: A History of War in Chad. Langhorn, 1998; Chad. A Country Study (2nd ed.). Washington, 1990; Clayton A. Frontiersmen: Warfare in Africa Since 1950. London, 1999; Clodfelter M. Warfare and armed conflicts. V. 2. London, 1992; Decalo S. Historical Dictionary of Chad (3rd ed.). Lanham, MD, 1997; Political Handbook of Africa. 2007. Washington, 2007.

² Africa South of the Sahara. 2011. London, 2010; Azevedo M. Roots of Violence: A History of War in Chad. Langhorn, 1998; Buijtenhuijs R. Le Frolinat et les guerres civiles du Tchad (1977–1984). Paris, 1987; Decalo S. Historical Dictionary of Chad (3rd ed.). Lanham, MD, 1997.

По–видимому, следует признать, что на данном этапе подобная практика является частью политической культуры.

Деятельное участие в политических процессах на территории страны принял целый ряд внешних игроков. Франция, как бывший колониальный сюзерен, заинтересованный в стратегических выгодах, предоставляемых положением Чада в центре Африки, в наибольшей степени оказалась вовлечена в события. В разное время в отношении разных администраций страны она выступала в роли защитника и вооруженных прокси правящей группы, поддержки ее противников, миротворческой третьей силы, а также нейтральной и не вмешивающейся во внутренние дела. Непосредственный сосед Чада — Ливия — длительное время участвовала в местной политической жизни, и тоже сменила несколько амплуа, побывав основным спонсором повстанцев, борцом с повстанческими движениями и снова спонсором повстанцев, а также защитником суверенитета Чада и претендентом на часть его территории и даже подчинения ее целиком. Это же касается и Судана с ЦАР, эти страны также на разных этапах выступали в роли опекунов повстанческих движений и борцов с ними, состояли в дружеских отношениях с властями в Нджамене и враждовали с ними¹.

Наличие пула заинтересованных игроков, многообразность исполняемых ими ролей и готовность менять эти роли с давних пор позволяла различным акторам политической сцены Чада использовать открывающиеся возможности в своих интересах. Отметим, действующий президент во время борьбы, увенчавшейся его приходом к власти, был поддержан Суданом, а позднее оказался к нему в жесткой оппозиции, хартумские и нджаменские власти деятельно спонсировали повстанцев на территории подотчетных федеральному центру государств. Это, естественно, накладывает серьезный отпечаток на все процессы.

Результатом всех этих процессов и стал чадский конфликтный конундрум, самый длительный конфликт Африки новейшего времени.

Примечательно то, что в ходе развития событий полностью сменилась идеологическая парадигма, которую внедряет центральная администрация страны. Если в первые годы независимости проповедовался «возврат к корням», под которым понимались племенные практики организации общественной жизни, принятые к югу от Сахары, то итогом конфликта на данном этапе стало навязывание обществу арабизации. И то и другое повлекло серьезное обострение конфликтных процессов — в первом случае складывание повстанческого движения на севере страны, а во втором — появление и сплачивание противников центральной администрации на юге.

¹ Africa South of the Sahara. 2011. London, 2010; Burr, Millard. Africa's Thirty Years War: Libya, Chad, and the Sudan, 1963–1993. Boulder, Colo., 1999; Chad. A Country Study (2nd ed.). Washington, 1990; Clayton A. Frontiersmen: Warfare in Africa Since 1950. London, 1999; Clodfelter M. Warfare and armed conflicts. V. 2. London, 1992; Decalo S. Historical Dictionary of Chad (3rd ed.). Lanham, MD, 1997; Political Handbook of Africa. 2007. Washington, 2007.

Панцеров К. А. (СПбГУ, Санкт-Петербург)

Проблемы и перспективы внедрения технологий искусственного интеллекта в странах Африки к югу от Сахары

На протяжении двух десятилетий страны Африки, расположенные южнее Сахары, прилагают значительные усилия, направленные на развитие информационных технологий и экономики, основанной на знании. Следует отметить, что этим государствам в этом вопросе удалось добиться впечатляющих успехов. Вдоль как западноафриканского, так и восточноафриканского побережья проложена разветвленная сеть магистральных подводных волоконно-оптических кабельных систем. Сегодня в целом ряде африканских стран идет строительство крупных инновационных комплексов — технопарков, которые в перспективе должны отвечать за развитие информационно-телекоммуникационной индустрии у себя в стране. Однако современный уровень развития информационных технологий ставит перед африканскими странами новые вызовы. Сегодня ведущие мировые державы повышенное внимание уделяют разработкам, направленным на создание алгоритмов, работающих на основе технологий искусственного интеллекта — гибридным интеллектуальным системам, которые способны решать самые сложные задачи, самообучаться и принимать решения без помощи человека.

При этом зачастую поддержка отечественных разработчиков технических решений с использованием технологий искусственного интеллекта оказывается на государственном уровне. Сегодня свыше 30 стран разработали свои национальные стратегии в сфере искусственного интеллекта. Среди них: США, Китай, Франция, Япония, ОАЭ, Россия.

Согласно статистическим данным за 2019 г., в первую пятерку стран по уровню развития технологий искусственного интеллекта входят Сингапур, Великобритания, Германия, США, Финляндия. Что касается стран Африки, расположенных южнее Сахары, то лучшие позиции в указанном рейтинге принадлежат Кении (52-е место), Маврикию (60-е), ЮАР (68-е) и Гане (75-е место). Сенегал расположился на 93-м, а Нигерия — на 107-м месте.

Тем не менее, несмотря на то, что африканские страны прочно обосновались во второй половине представленного рейтинга, в последнее время многие из них стали уделять повышенное внимание исследованиям, направленным на создание технологий искусственного интеллекта (ИИ).

В этой связи автором предпринят анализ современного уровня развития ИИ в государствах Африки к югу от Сахары. На основе последовательного изучения существующих инициатив в области развития ИИ-технологий в африканских странах автор описывает наиболее перспективные направления использования технологий искусственного интеллекта в Африке: в сельском хозяйстве, образовании, здравоохранении и работе различных

государственных органов. Затем он определяет ключевые проблемы и препятствия, которые препятствуют быстрому развитию передовых технологий. Среди этих проблем автор выделяет необходимость повышения базовых компьютерных навыков простых африканцев, слабое развитие инфраструктуры ИКТ в Африке с очень слабым проникновением вглубь континента и недостаточное количество центров обработки данных в регионе Африки к югу от Сахары. Наконец, автор приходит к выводу, что развитие технологий искусственного интеллекта в африканских странах напрямую зависит от принятия подавляющим большинством африканских стран национальных ИИ-стратегий. В настоящее время только в Кении создана целевая группа, в задачу которой входит разработка соответствующей национальной стратегии дальнейшего развития искусственного интеллекта в стране. Но представляется чрезвычайно важным, чтобы каждая африканская страна разработала свою собственную дорожную карту внедрения передовых технологий, которая бы, прежде всего, отвечала потребностям местного населения и национальным приоритетам того или иного конкретного африканского государства. Только в этом случае представляется возможным создание благоприятных условий для поступательного развития технологий искусственного интеллекта в странах Африки к югу от Сахары и, в конечном счете, обеспечение создания в регионе высокотехнологичной экосистемы.

Поздняков К. И. (INALCO, Langage, langues et cultures d'Afrique, France)

Женщины, огонь и другие уникальные вещи

Название классической книги Дж. Лакоффа «Женщины, огонь и опасные вещи» удивительно удачно подходит для обозначения сюжета, который предполагается рассмотреть в моем сообщении. Оно посвящено «странностям» категоризации, которые регулярно наблюдаются в системах именных классов нигеро-конголезских языков. В этих разнообразных системах категоризация происходит как в рамках самых именных классов, так и в рамках корреляций именных классов по числу (роды). Основные категории, характерные для нигеро-конголезских классов / родов хорошо известны. Наиболее релевантными для них являются следующие значения: «одушевленность», «деревья», «плоды», «мелкие круглые предметы», «жидкости / массы», «вещи», «животные», «длинные предметы», «маленькие предметы», «большие предметы», абстрактные имена, локативы, инфинитивы (здесь приведены наиболее общие хрестоматийные формулировки).

Вместе с тем, наряду с перечисленными признаками, которые группируют десятки и сотни имен, по-видимому, для большинства нигеро-конголезских языков

характерны классы / роды, которые включают лишь несколько существительных, а иногда и одно существительное, имеющее особую модель согласования и / или уникальную корреляцию по числу. Так, для ряда атлантических языков характерно наличие классов / родов для «опасных вещей», в которых объединяются, в частности, названия насекомых, змей, ножей и копий. Как правило, эти классы / роды маломестны, то есть включают не более десятка существительных. По-видимому, уже в нигеро-конголезском праязыке, а не только в прабанту, можно выделить особую числовую корреляцию (классы 15/6) для нескольких существительных со значениями «рука», «нога», «ухо», «колени», «луна; месяц», в которой неожиданное для европейского исследователя присоединение луны / месяца к парным частям тела объясняется, вероятно, сохраняющимся признаком разделения лунного календаря на две фазы. Заметим, что мы имеем дело не просто с сохранением в разных языках некоторого слова праязыка, отнесенного к определенному праязыковому классу. Дело в том, что лексические корни в языках, показывающих указанную группировку значений, часто различаются (как, впрочем, и классы) — сохраняется именно семантический признак группировки.

Наиболее типичными одноместными или маломестными именными классами / родами в атлантических языках являются, в частности, специальные согласовательные классы для следующих значений: «огонь», «мозг», «мед», «корова», «ребенок», «человек», «женщина; жена; вторая жена», «старик; старуха», «чужак», «вещь», «рот», «глаз», «рука», «нога».

В описаниях именных классов подобные маргинальные классы чаще всего рассматриваются как отклонения от общей системы. Между тем, практика сравнительно-исторических исследований (по крайней мере, применительно к атлантическим языкам) показывает, что такого рода «исключения», как правило, относятся к наиболее важным фрагментам реконструкции. При этом, приведенные значения не просто маргинальны в системах классов — они регулярно маргинальны, проявляясь в неродственных существительных разных языков. Некоторые вопросы, связанные как с синхронной, так и с диахронической интерпретацией маломестных классов / родов и рассматриваются в докладе.

Попов В. А. (СПбНЦ РАН; ИВР РАН, Санкт-Петербург)

Искусственное родство и номенклатуры родства у народов Африки, говорящих на афразийских языках: современное состояние и перспективы изучения

В конце XX — начале XXI вв. в социальной антропологии Африки активизировались исследования по такой весьма перспективной проблематике, как искусственное (фиктивное) родство (включая ритуальное), прежде всего

у специфических социальных групп (например, у футбольных фанатов), а также таких его форм, как побратимство, гостеприимство, воспитательство, братства по кораблю и по караван-сараям, родство по кормлению, подшучивание («шуточное родство»), включая и обычаи избегания различных родственников и свойственников, например, в системе «отношений по джаму» («паспортных фамилий») у народов Западной Африки. Следует отметить, что специфические «общности по джаму», равно как и их аналоги (в Эфиопии и у бантуязычных народов), способствовали появлению в доколониальную эпоху единых социально-коммуникативных пространств, сопоставимых с локальными цивилизациями. Основным структурообразующим принципом организации таких сетевых сообществ является родство (как правило, фиктивное), поскольку только матрицы родства способны выразить как иерархические, так и горизонтальные отношения, при этом номенклатуры родства отражают не только родственные, но и гендерные отношения и отношения по относительному возрасту.

Что касается современного состояния исследований систем терминов родства, супружества и свойства у народов Африки, говорящих на афразийских языках, то созданы базы данных конкретных номенклатур родства у народов, говорящих на берберских (ливийско-гуанчских), чадских и кушитских языках; выявлена историко-типологическая динамика систем терминов родства большинства чадоязычных народов (прежде всего хаусанцев) от бифуркативного типа к генерационному, а кушитоязычных (сомалийцы, оромо, беджа и др.) и берберских (кабилы, рифы, туареги и др.) от бифуркативного типа к бифуркативно-линейному. Обнаружены и охарактеризованы феномены цикличности чередующихся поколений, и дифференциации сиблингов по относительному возрасту.

*Порхомовский В. Я. (Институт языкознания РАН, Москва),
Шешин В. Г. (Военный Университет МО, Москва)*

База данных и компьютерная программа для сбора, обработки и анализа терминов родства

Настоящий проект предназначен для сбора и обработки лексических материалов и типологического анализа систем и терминов родства в бесписьменных языках Африки.

Данный проект представляет новый этап наших исследований в области систем и терминов родства. В фокусе внимания этих исследований находились языки различных ветвей и групп афразийской (семито-хамитской) семьи языков (Проект ААКТС: Afroasiatic kinship terms and systems). Их

результаты представлены в обширной серии статей и докладов, подготовленных, в том числе, совместно со специалистами по различным языкам этой языковой семьи (см., в частности: Ибришимов Д., Порхомовский В. Я., 2008; Ibriszimow D., Porkhomovsky V., Sheshin V., 2009; Порхомовский В. Я., Шешин В. Г., 2015)¹.

Разработанная в рамках данного проекта программа KinShIP базируется на системе кодировок терминов родства, применявшейся в предыдущих исследованиях, и представляет собой электронную базу терминов родства, которая обеспечивает возможность просмотра и ввода новых данных, а также редактирования языковых баз по терминам родства. Программа KinShIP имеет специальные инструменты для сбора и классификации лексических материалов при проведении полевых исследований, а также для фиксации звуковых файлов, представляющих соответствующие данные, что имеет принципиальное значение при работе с бесписьменными языками.

Программа KinShIP работает следующим образом: для систематизации данных в программе используются созданные на основе кодировки терминов родства файл-шаблоны. Термины родства различных языков заносятся в эти шаблоны. Шаблоны составляют основу программы — языковую информационную базу. По мере заполнения шаблонов происходит наполнение языковой информационной базы, выполняется обработка и систематизация данных.

Вся справочная и языковая информация не зависит от кода программы может быть использована самостоятельно.

Основные инструменты программы — представление терминов родства на диаграмме родственных связей (1), конструктор визуального представления родственных связей (2), который может быть использован при проведении полевых исследований.

(1) При открытии раздела «Выбор языков», выбираем язык из базы данных. Открываем окно с терминами и выбираем интересующий нас термин из списка кодировок терминов родства. После нажатия кнопки программа отображает родственную связь на диаграмме. Диаграмма может быть сохранена в графический файл для последующего использования в любом стороннем документе.

---

¹ Ибришимов Д., Порхомовский В. Я., 2008. Термины родства в семито-хамитских (афразийских языках): современное состояние и перспективы проекта AAKTS — Afro-Asiatic kinship terms and systems // Основы африканского языкознания. Лексические подсистемы. Словообразование. М.: Academia, 2008 С. 138–167.; Ibriszimow D., Porkhomovsky V., Sheshin V., 2009. AAKTS database and KinShIP computer programme for processing Afroasiatic kinship terms and systems // Topics in Chadic linguistics V. Comparative and descriptive studies. Köln: Rudiger Köppe Verlag, 2009. P. 87–93; Порхомовский В. Я., Шешин В. Г., 2015. База данных и программа анализа терминов родства (KinShIP) в контексте африканской полевой лингвистики // Исследования по языкам Африки. Вып. 5. М.: Ключ-С, 2015. С. 238–257.

(2) Предназначен для моделирования визуального представления родственных связей совместно с носителями языка.

После завершения построения родственной связи в конструкторе, термину присваивается код в соответствии с кодировкой терминов родства, приводятся фонетическая транскрипция в сопровождении традиционной графики (при ее наличии) и различные иллюстрации, а также производится звуковая запись в файл с маркировкой и занесением в базу данных описываемого языка, что особенно важно для бесписьменных языков.

Эти инструменты рассматриваются в рамках настоящего доклада.

Программа KinShIP написана на языке C++ средствами программирования с лицензиями свободного использования и распространения в некоммерческих целях.

Кроме того, C++ является кросс-платформенным языком программирования и позволяет после компиляции исходного кода получить рабочую программу для операционных систем Windows, Linux, Android или Mac.

В настоящее время ведется дальнейшая разработка программы, ее тестирование, наполнение языковых баз, подготовка к использованию программы для проведения лингвистического анализа и использования программы в полевых условиях при работе с информантами.

Прохоров К. Н. (Институт языкознания РАН, Москва)

К вопросу происхождения назализованных консонантных кластеров в языках догон

Существующие на сегодняшний день фонологические описания языков догон не включают в репертуар согласных фонем назализованных согласных.

В языках момбо и пенанге, относящихся к западной ветви языков догон, консонантные кластеры вида -NC-, где C — звонкий согласный (*b, d, g*), а N — гоморганый назальный (*m, n, ŋ*), в середине слова обнаруживают признаки монофонемности. Эти признаки обнаруживаются в реализации тональных мелодий посессивного изафета у существительных в посессивной конструкции и в тональном оформлении форм перфектива и императива.

В посессивной конструкции в языке момбо обладаемые существительные маркируются посессивным изафетом, который выражается высокотоновой {H} или нисходящей {HL} мелодией в зависимости от метрической структуры именной основы. В этом отношении основы разделяются на краткие и длинные. Краткие основы содержат 2 моры, а длинные 3 и более мор. Посессивный изафет кратких основ выражается {H} мелодией, а у длинных основ — {HL} мелодией

- (1) *Sam:ruM dembuM*
 PN дом.EZ. POSS
 ‘дом Сейду’ (lex. *dembuM* ‘дом’, 2 моры)
- (2) *Ámárù ápyà*
 A. здоровье.EZ. POSS
 ‘здоровье Амаду’ (lex. *ápyà* ‘здоровье, благополучие’, 3 моры)

Такое же различие релевантно для тонального оформления перфективных форм глаголов. Так, тональная мелодия формы перфектива третьего лица единственного числа — {H}, кратких глагольных основа и {HL} — у долгих.

Таблица 1. Краткие и долгие основы в перфективе 3SG

Глосса	Форма	Тональная мелодия	Моры
‘зарезал(а) (животное)’	<i>sɛmmɛM</i>	{H}	2 (= краткая)
‘видел(а) (к.-л.)’	<i>tamlyɛ̀:</i>	{HL}	4 (=долгая)

В описанных конструкциях двухсложные именные и глагольные основы с консонантными кластерами оформляются по-разному, в зависимости от типа кластера. Так двухсложные с интервокальными геминатами оформляются как долгие основы:

- (3) *AmamruM amnaM*
 PN овца.EZ.POSS
 ‘овца Амаду (lex. *amnaM*)
- (4) *bɛlɪm homkkoM*
 животное загон.EZ.POSS
 ‘загон для скота’, (lex. *homkkoM*)

В данном случае *ánà* и *hók-kò* несут {HL} мелодии. Предполагаемая граница слога лежит между двумя согласными (*án-nà, hók-kò*). Вся основа, в таком случае, содержит 1 закрытый (двухморный) слог и 1 открытый краткий (одноморный) слог, т. е. основа является долгой и получает {HL} посессивный изафет.

Перфективные формы с серединными геминатами также ведут себя как долгие основы и получают {HL} мелодию в формах 3SG.

(5)	гlossa	форма
	‘он(а) повесил(а) (ч.-л.) на крючок’	<i>gɔmɔdɛM</i>
	‘он(а) забыл (а) (ч.-л.)’	<i>imɔdɛM</i>

Двухсложные основы с кластерами вида -NC-, напротив, ведут себя как краткие основы. Существительные получают {H} изафет, а глаголы — {H} мелодию в перфективе 3SG.

(6)	<i>Ámárù</i>	<i>ángù</i>
	PN	клей.EZ. POSS
	‘Клей Амаду’ (lex. <i>ángù</i>)	

(7)	<i>Ámárù</i>	<i>gémbé</i>
	PN	сумка.EZ. POSS
	‘сумка Амаду’ (lex. <i>gémbé</i>)	

(8)	гlossa	форма
	‘он(а) носил(а) (ч.-л.) на голове’	<i>bɪngé</i>
	‘он(а) пошел(а)’	<i>ándé</i>

Можно предположить, что в данном случае именные и глагольные двухсложные основы имеют структуру CV-NCV, т. е. основа состоит из двух открытых слогов и оба они содержат по одной гласной, а кластер вида -NC- во втором слого представляет собой единую назализованную гласную фонему.

Похожие явления наблюдаются за пределами западной ветви догон я языках, того кан, догулу и янда, что позволяет предположить, что, возможно, назализованные согласные *mb*, *nd*, *ŋg* должны быть отнесены к догонскому праязыку.

Саркисова-Куаме В. Ю. (Institut de Linguistique Appliquée de l'Université Nationale de la Côte d'Ivoire de Félix Houphouët-Boigny (Cocody), Abidjan, Côte d'Ivoire)

Легенда о королеве Абла Поку и ценность знаний (народность баулé, Кот-д'Ивуар)

Эпос живет до тех пор, пока люди помнят о его героях и их подвигах. Возможно, не будет преувеличением сказать, что нет человека в Кот-д'Ивуаре, не знакомого, хотя бы в общих чертах, с историей Абла Поку. Повествование о королеве, которая пожертвовала единственным ребенком ради спасения своего народа,

называют «золотой легендой Кот-д'Ивуара». По ее мотивам созданы романы и театральные пьесы. Она является частью программы по истории и литературе для учебных заведений Кот-д'Ивуара. В разных обработках эта легенда неоднократно включалась в хрестоматии и антологии по фольклору Африки ниже Сахары. Ее цитируют в научных трудах, посвященных истории субсахельной Африки.

Несмотря на множество интерпретаций легенды, нам мало известно о самой королеве. Был ли ребенок, принесенный в жертву, рожден ею самой или же он был приемным? Был ли это сын или дочь? Даже имя королевы в разных источниках передано по-разному: ее называют Абла / *Abla*, Абраа / *Abraha*, Аблаа / *Ablaа*, Аура / *Aouга* или даже Азаэ / *Asaé*. Повествование наполнено символами и тем, «о чем не следует говорить прямо», что сближает его с мифом. Подобно героиням античных трагедий, Абла Поку становится перед страшным выбором между личным и общественным благом. И ее королевский статус никоим образом не защищает ее от этого выбора, но даже усугубляет его последствия. Изучая легенду о королеве Поку, мы столкнулись с тем, что существует несколько вариантов легенды, и они как будто нарочито противоречат друг другу. Старейшины народности баулé клана айяу, к которым мы обратились в поисках ответов на вопросы, в некоторой степени подтвердили это впечатление, сказав, что правда о событиях подобного масштаба не должна быть в открытом доступе, и что подобная скрытность защищает историю от чужаков и неблагодарных потомков, которые своим непониманием мотивов и культурно-исторического контекста приравнены к чужакам.

Семенова В. Н. (МАЭ РАН, СПбГУ, Санкт–Петербург)

Иконостасы храмов Марьям Тэмина и Марьям Деголчак (Тыграй, Эфиопия) как источник по локальной политической истории

В докладе представлен анализ полевого материала, собранного в ходе исследования, осуществленного в рамках работы по проекту №19–012–00299 при финансовой поддержке РФФИ.

Иконостасная программа эфиопских христианских церквей обширная и включает много разных сюжетов из библейской истории мира, образы местных святых, жанровые сцены из житий, апокрифические сказания и чудеса. Одной из характерных черт эфиопского христианского искусства является активное изображение донаторов — заказчиков самой росписи, отдельного холста либо отдельной рукописи. Особенно популярным становится изображение донаторов начиная с XVIII в: устанавливается даже определенный канон в изображении реальных исторических лиц. Заказчики писались внизу образа распростертыми

у ног Богоматери, Иисуса Христа или святого. Таким образом, они обращались за защитой к небесному покровителю. Позднее в XIX в. и, особенно, в XX в. заказчикам отводилось отдельное место в иконостасной программе. Они писались уже сидя либо стоя с членами своих семей, а также со свитой. При этом имена и часто даже год исполнения холста был назван в сопроводительной надписи. Благодаря этому удается датировать росписи многих эфиопских храмов.

Рассматриваемые в докладе иконостасы выполнены на холстах, приклеенных к стенам мэкдэса — алтарного пространство эфиопского храма. Обе росписи относятся к середине XX в. Ввиду сырости либо, наоборот, чрезвычайно сухости в скальных и полускальных храмах сохранность росписей на холстах является недолговечной. Есть храмы с более ранними холстами XVIII в, но их не так много сохранилось до наших дней.

Иконостас церкви Марьям Тэамина дает нам несколько имен донаторов церкви, по заказу которых писался в 1940-е гг. по эфиопскому летоисчислению сам иконостас. Ввиду плохой сохранности точно год прочитывать сложно. Однако надпись, что «это изображение было написано во время правления царя нашего Хайле Сылласе Первого» читается четко.

Главным для понимания истории монастырской общины Марьям Тэамина является то, что она была дана во владение расу Мэнгеша, сыну Йоханныса, царя царей Эфиопии. В местной рукописи упомянут несколько раз дэджач Хагос, который владел этой землей. Непосредственным заказчиком росписей назван учитель (мэмхыр) Тэклэ Хайманот Хагос. Как таковой он упоминается несколько раз: совместно с Гэбрэ Микаэлем Хагосом в росписи западной стены иконостаса. Благодаря иконостасу и рукописям Марьям Тэамина прослеживается четкая родственная преемственность в локальной общине христианского севера Эфиопии.

Актуальную политическую ситуацию в Тыграе открывает нам и иконостас храма Марьям Деголчако. Надписи дают два года написания холстов — 1954 и 1956 гг. по эфиопскому летоисчислению. 1956 Год милости — по европейскому летоисчислению — это 1963/64 гг.

Иконостас также изобилует образами донаторов. Наиболее известен из представленных на иконостасе — рас Сыййум Мэнгэша (1887–1960 гг.), который известен своим противостоянием с Хайле Селласе, в частности, и с шоанской властью Аддис–Абебы, в целом. Роспись храма Марьям Деголчако представляет «прошоанскую» точку зрения на политическое положение наместника Тыграя в 1960–е гг. Рас Сыййум Мэнгэша и его сыновья изображены под образом императора Хайле Сылласе, который представлен в богатой красной накидке сидящим на троне и в короне. Такое четкое позиционирование эфиопского императора над тыграйскими властями — к тому же в иконописном образе — приводит к мысли, что эта роспись была заказана специально, чтобы подтвердить лояльность центральным властям, особенно, после попытки военного переворота 1960 г., в которой участвовал и рас Сыййум Мэнгэша.

Сергейчук В. И. (СПбГУ, Санкт-Петербург)

Проблема детей-солдат: взгляд изнутри (на примере книги Ишмаэля Биха «Завтра я иду убивать. Воспоминания мальчика-солдата»)

Изучение темы детей-солдат страдает от использования исследователями сугубо аутсайдерского подхода. Очевидно, что за этим кроются вопросы морального характера: как получить информацию от ребенка, не нанеся ему психологическую травму. Зачастую в вопросе освещения травматического опыта, полученного детьми в результате воздействия на них военных действий, учёные ограничиваются такими методами исследования, как: опрос и интервью.

Пример Ишмаэля Биха в этом отношении уникален. В 12 лет он столкнулся с ужасами гражданской войны в своей родной стране — Сьерра-Леоне. В 13 лет был рекрутирован в правительственную армию, где столкнулся с бесчисленными актами насилия, был множество раз ранен. Наркотики, выдаваемые на военной службе таким же, как Ишмаэль, подросткам, заглушали всю пережитую боль. После трех лет пребывания в армии Ишмаэль вместе с несколькими ребятами из его отряда был перевезен в реабилитационный центр ЮНИСЕФ, где пережил посттравматическое стрессовое расстройство (ПТСР).

После переезда в США в 18 лет для Биха началась «вторая жизнь». Он закончил школу, в 24 года получил степень бакалавра политологии в Оберлинском колледже. А в 27 лет написал свои воспоминания. На это его сподвигла помощь его новой семьи, друзей и коллег. Так родилась книга, послужившая отличным образцом инсайдерского подхода к проблеме.

Заслуга Биха в том, что он широко описал, что чувствует подросток на войне, будучи сначала жертвой, а потом и активным актором. Его искренность в передаче собственных размышлений и переживаний может отлично послужить науке. Описания развития ПТСР, усугубленного действием наркотиков, военный опыт как средство инкультурации в обществе сверстников, отношение к реабилитационным программам в центре ЮНИСЕФ — все это и многое другое, описанное Бихом, может дать толчок к развитию новых путей реабилитации и реинтеграции в общество детей-солдат и детей-террористов.

Сидорова Г. М. (Дипломатическая академия МИД России, МГЛУ, Москва)

Африка в системе международных отношений

Новое осмысление политических процессов в мире, поворот России на Восток в условиях нагнетания напряженности западными СМИ приводит к мысли о том, что именно африканцы могли бы стать надежными партнерами

России в осуществлении своих национальных интересов. Лидеры африканских государств высоко ценят вклад нашей страны в укрепление мира на континенте и поддержке инициатив в контексте устойчивого развития континента. Как постоянный член СБ ООН Россия вносит весомый вклад в выработку стратегической линии и практических мер в вопросах укрепления мира и стабильности в Африке.

Россия способствует облегчению долгового бремени государств региона. К настоящему времени в рамках Инициативы МВФ/ВБ по беднейшим странам с большой задолженностью списан основной долг африканцев — более 20 млрд долл. США. По программе «долг в обмен на развитие» реализуются межправительственные соглашения с Мадагаскаром, Мозамбиком и Танзанией. Россия осуществляет взносы в международные программы содействия развитию Африке по линии ВОЗ, ВПП и Международной организации гражданской обороны (МОГО).

Ряд африканских государств входит в финансируемые Россией программы содействия по линии ВОЗ — «Помощь отдельным странам в разработке политики по активизации национальной многосекторальной деятельности для борьбы с неинфекционными заболеваниями» (ДРК, Замбия) и «Активизация многосекторальных мер по борьбе с туберкулезом в странах с высоким бременем заболевания» (Ангола, Зимбабве, Кения, Мозамбик, Намибия, Нигерия, Танзания, Эфиопия, ЮАР). В рамках финансируемого Россией проекта по укреплению потенциала ВОЗ в области чрезвычайной медицинской готовности и реагирования за счет средств российского донорского взноса в 2017–2019 гг. в связи с распространением холеры в Зимбабве в ноябре 2018 г. в Хараре состоялась передача первой партии российской помощи в виде лекарственных препаратов. В рамках того же проекта в связи с разрушительным циклоном и масштабным наводнением в Мозамбик в апреле 2019 г. была направлена экстренная гуманитарная помощь в виде медицинских модулей.

Африканцы с благодарностью относятся к участию России в такой чувствительной сфере как здравоохранение. Так, министр по вопросам инвестиций и государственно-частного партнерства Гвинейской Республики Кертис Габриель отметила следующие: «Российское присутствие на Африканском континенте и в Республике Гвинея насчитывает уже 60 лет. Мы хотели бы поблагодарить Российскую Федерацию за поддержку в этих областях и также в деле ожесточенной борьбы против ужасной лихорадки Эбола, которая разразилась во втором десятилетии XXI века и достигла своего пика в 2014–2015 годах».

В этой связи очевидно продуктивной будет ориентация на тех деятелей, кто верит в перспективность сотрудничества с Россией и предпринимает в этом направлении конкретные шаги. Об этом неоднократно писал ганский журналист Кестер Кломега, хорошо знающий Россию и много лет работающий в нашей стране. По его мнению, представители африканской стороны считают, что

Россия должна выработать грамотный подход для «возвращения» на континент. Предприниматель и политик Селло Расетхаба полагает, что «Россия должна сформировать стратегию развития деловых отношений совместно с африканскими странами». Он считает, что российские игроки на африканском рынке инвестиций представлены крайне слабо, поэтому «важно, чтобы у России было четкое представление о том, каких отношений с Африкой она хочет».

Сиим (Москвитина) А. Ю. (МАЭ РАН, Санкт-Петербург)

Д. А. Ольдерогге: музеевед, эксперт, собиратель¹

Основатель отечественной африканистики и на протяжении десятилетий заведующий кафедрой африканистики Восточного факультета и Отделом Африки МАЭ профессор Д. А. Ольдерогге дважды посещал Субсахарскую Африку. Именно поездка в Республику Мали (декабрь 1963 г. — март 1964 г.) имела статус официальной коллективной экспедиции. Хотя она была лингвистической, ее параллельной и обязательной целью был сбор предметов по культурам народов региона для МАЭ.

В полевых дневниках Д. А. Ольдерогге прописаны планы приобретений, составлены методические инструкции сборов, намечены списки предметов, подробно рассказаны истории происхождения купленных вещей, названы имена продавцов и агентов-посредников, указаны цены и даже упомянуты случаи неудачных покупок. Заметки о вопросах логистики (заказ ящиков для упаковки вещей, получение разрешения властей на вывоз и отправку груза в СССР) показывают, насколько серьезной для Д. А. Ольдерогге была задача собрать коллекции для музея. До появления возможности лично создать собрание этнографических предметов и произведений традиционного искусства у Д. А. Ольдерогге был большой опыт научно-музейного описания африканских коллекций МАЭ и отдельных предметов из них. Именно он был автором первых (с 1934 г.) публикаций на эту тему в отечественной африканистике; его работы представляются во многом непревзойденными примерами для африканистов-музеевдов.

Причины их актуальности сегодня кроются не только в исключительной эрудиции автора и стройности научного анализа в лучших традициях отечественного востоковедения. Обладая колоссальными системными знаниями о социально-политическом устройстве и истории обществ, в которых бытовали предметы материальной культуры, Д. А. Ольдерогге хорошо представлял себе, как они показаны в крупнейших европейских музеях, являлся знатоком *art negre* (негритянского искусства) и его влияния на западноевропейское новаторское искусство конца XIX — начала XX вв., прекрасно ориентировался в так называемых

---

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 21–18–00254).

«этнических стилях» в масштабах всей Тропической Африки; у него был уникальная для его времени практика работы с африканскими вещами.

В 1925 г. выпускник университета Д. А. Ольдерогге получил предложение участвовать в работах по демонстрации африканских коллекций в МАЭ, а в 1927–1928 гг. отправился в командировку в Германию для изучения африканских языков и изучения африканских коллекций в музеях народоведения (во время этой длительной стажировки по его личной инициативе состоялась и поездка в Бельгию в музей Тервюрена). В Германии Д. А. Ольдерогге работал на научных семинарах по африканскому языкознанию и в нескольких музейных фондах, был принят Лео Фробениусом, теория и работы которого ранее вдохновили его настолько, что он твердо решил оставить египтологию в пользу этнографии (подробная опись коллекции Фробениуса была составлена им в 1926 г.). О степени интенсивности и глубины погружения в мир африканских предметов красноречиво говорят его собственные воспоминания о ежедневной многочасовой работе в музейных фондах. Д. А. Ольдерогге привез из командировки более сотни зарисовок и прорисовок образов традиционных культур африканцев, которые сейчас хранятся в Отделе этнографии Африки. Некоторые из них были впервые опубликованы в разделе «Образы» учебно-теоретического журнала «Манифестация» в 2005 г. Часть рисунков сделаны не с самих предметов, а с изображений в книгах и каталогах, которые по понятным причинам на тот момент были недоступны в СССР. Все они сделаны на хорошем художественном уровне и представляют собой интересный материал для исследования.

Суетина Ю. Г. (ИСАА МГУ, Москва)

Система предлогов в языке хауса и ее эволюция

Традиционно все исследователи языка хауса, уделявшие внимание этому вопросу, делили предлоги хауса на три группы — простые, сложные и генитивные. Простых предлогов насчитывается 13, и они различаются частотностью употребления. Наибольшей частотностью употребления характеризуется предлог *a* с широким спектром значений: ‘в, на, у’ и который употребляется как в темпоральном, так и локативном значениях: *a wannan wata* ‘в этом месяце’, *a takon nan* ‘на этой неделе’, *a birnin Kano* ‘в городе Кано’, *a gida* ‘дома’. Этот предлог также участвует в передаче образа действия: *a banza* ‘напрасно, бесполезно’, *a k’afa* ‘пешком’. И П. Ньюмен¹ и Ф. Джагар² включают сюда

¹ Newman P. Hausa: The Hausa Language. An Encyclopedic Reference Grammar, Yale University Press. London & New Heaven, 2000. 688 p

² Jagar Ph. J. Hausa. John Benjamins Publishing Company, Amsterdam/Philadelphia, 2001, 754 p.

и употребление данного предлога совместно с «именем состояния» (Noun of state), что может вызвать некоторые вопросы.

Другим часто употребляющимся предлогом является *da 'c'*. Основными его значениями являются совместность, инструментальность, образ действия и темпоральность: *da abokaina* 'с моими друзьями', *da fensir* 'карандашом', *da sauri* 'быстро', *da jirgin k'asa* 'на поезде', *da safiyar yau* 'сегодня утром'.

Другие простые предлоги обладают значительно меньшей частотностью употребления. Возникает вопрос по поводу отождествления предлогов *ga* (показывающий адресата действия) и *gare 'y'*, которые П. Ньюмен считает аллофонами. Как кажется, следует различать предлог *ga* при обозначении адресата действия и частицу *ga* в конструкциях типа *ga gidanmu* 'вот наш дом', которая, по мнению Ю. К. Щеглова, является предобъектной формой глагола *gani* 'видеть'. Предлог *ga* является синонимом предлог *wa*, также вводящего объект адресата действия, а различие между ними заключено в их позиции в предложении. Так, предлог *wa* может занимать позицию только после глагола *ya yi wa matasa kira da su nuna ladabi da biyauya* 'он обратился к молодежи с призывом продемонстрировать хорошие манеры и послушание', а предлог *ga* — после прямого объекта: *Ya yi kira ga 'yan jarida da su kauce wa watsa labarum k'arya* 'Он обратился с призывом к журналистам избегать распространения фейковых сообщений'.

Так называемые «генитивные» предлоги представляют собой грамматизированные существительные, у которых перед другим существительным появляется краткая форма генитивной связки *-n*. От собственно существительных их отличает только то, что эта краткая форма не может быть заменена на полную: *cikin zaki* = *ciki na zaki* 'живот льва', но *cikin jaka* 'в сумке'. Но при замене существительного на местоимение, это местоимение всегда будет краткой формой притяжательного местоимения и никогда полной: *kansa* = *kai nasa* 'его голова', *kan teburi* — *kansa* 'на столе — на нем'.

Эти генитивные предлоги могут сочетаться в большинстве случаев с предлогом *a*: *a cikin ruwa* 'в воде', *a gaban masu kallo* 'перед зрителями'.

Сложные предлоги представляют собой сочетание двух простых предлогов или простого предлога и генитивного. Наиболее часто в сочетаниях простого предлога и генитивного выступает предлог *a*: *a cikin littafi* 'в книге', *a wajen sarki* 'у сарки', *a gaban wakilan majalisa* 'перед депутатами'. Простые предлоги не могут сочетаться с предлогом *a*. Возможны другие сочетания: *tun daga wannan rana* 'с этого дня', *tun kafin zuwansa* 'до его прихода', *har zuwa Kano* 'вплоть до Кано'.

Еще одна малочисленная группа предлогов образована от имени состояния: *tare da* '(вместе) с', *game da* 'о чем-то', *dangane da* 'в отношении чего-либо'. Предлог *zuwa* представляет собой отглагольное имя от глагола *zo* 'приходить' и показывает направление движения.

В последние годы в языке СМИ на хауса наблюдается появление новых предлогов. Некоторые из них образованы от имени состояния: *d'aure da*

‘в связи с’, другие — от существительных: *gami da* ‘вместе с’, *sab’ani da* ‘в отличие от’. Кроме того, расширился состав уже существовавших в языке предлогов. Так, вместо *bayan* ‘после’ употребляется сочетание предлогов *baya ga*. *Ya zuwa* ‘до’ встречается наряду с *har zuwa*, имеющим то же значение. Все это свидетельствует о том, что процесс грамматикализации в языке хауса продолжается.

Татаровская И. Г. (Институт Африки РАН, Москва)
**Образ Богини в мифологии народов Тропической
 и Южной Африки**

Одним из самых древних изображений Богини на земле является статуэтка «Венеры». Все статуэтки «Венеры» представляют собой предметы и символы культа Богини-прародительницы и одновременно культа плодородия. Эти статуэтки были найдены на всех континентах, кроме Африки — «колыбели мира». Несмотря на это, немецкий этнограф, африканист Лев Фробениус предположил, что родиной «Венеры» была Африка. Он считал, что самые ранние фигурки Богини были изготовлены в Африке из дерева, а не из камня, и поэтому не смогли выдержать разрушения временем и были потеряны.

В мифологии народов Тропической и Южной Африки редко встречается Богиня. Главная причина этого феномена состоит в том, что мифы первоначально были собраны и описаны не учеными, а миссионерами и путешественниками. Они были мужчинами и почти все христианами. Записывая мифы, они, как правило, правили их в угоду своим убеждениям, вере и ощущениям, как должно быть. Согласно христианскому догмату, Верховный Бог — это мужчина. В иконографии и живописи мы встречаем изображение Верховного Бога — мужчины, поэтому первые исследователи мифов народов Африки описывали их Верховное Божество как мужчину даже в том случае, когда африканцы предполагали иное. Британский офицер, а в последствии антрополог Роберт Ратрей превратил Бога акан и ашанти Ньяме в Бога-мужчину, Бога-неба. После него многие исследователи стали считать Ньяме Богом-отцом. Со временем ситуация стала меняться. На смену дилетантам стали приходиться ученые, многие из которых проводили многолетние полевые исследования в разных уголках африканского континента. Например, Джеффри Париндер проработал в Бенине и Кот-д’Ивуаре около 20 лет. Он утверждает, что Ньяме — это и мужчина и женщина. Женское начало Ньяме воплощается в облике Луны, а мужское — в облике Солнца. В ранней дагомейской мифологии глава пантеона богов Маву-Лиза представляет собой андрогенное божество. Маву (луна) — это женское лицо Бога-создателя, а Лиза (солнце) — мужское. Маву олицетворяет мудрость мира, а Лиза — силу.

Согласно верованиям народов Африки, Верховное Божество находится на самом верхнем уровне мироздания — небе. В некоторых мифах народов Тропической и Южной Африки рассказывается, как Верховное Божество спускается с неба на землю и там осуществляет новый этап творения. Этим Божеством часто выступает Богиня-мать. Она является главным женским божеством во многих мифологиях мира. Люди поклонялись Ей еще в эпоху палеолита. Наибольшую популярность культ Богини-матери получил в эпоху матриархата. Одна из главных задач, стоявших перед древним человечеством в то время, было физическое выживание человека как вида и расселение на пригодной для жизни территории. Решение этой трудной задачи берет на себя Женщина, как носительница некоей верховной силы, которая дает жизнь подобно Матери-земле. Древнейший образ женщины, как божественного начала, дающего жизнь, трансформируется в образе Великой Богини-матери — Матери богов и всего сущего на земле. Например, миф о создании мира народа бауле начинается со слов: «Вначале была только Мать богов. О ней известно лишь, что жила она на небе и родила двух сыновей». Один из мифов народа иджо описывает, как Богиня Мать спускается с небес и приступает к созданию людей.

Мифы народов Тропической и Южной Африки рисуют разные образы африканских Богинь. Мир был создан женщиной — Богиней. Ей принадлежала как первичная Материя, так и творящий Логос. Прежде чем стать Богиней-матерью, она предстала человеку как Мать — *Tellus Mater*. Богиня не нуждалась в мужском начале. Она создала космос из хаоса самостоятельно, т.е. первоначально Богиня предстает в мифологии в образе хаоса, который сама же преобразует, упорядочивает космос. Великая Богиня рождает первоэлементы и первых Божеств, но в каждом ее создании сохраняется ее частица — Великий Дух Женского Начала.

Туряница Д. А. (Институт Африки РАН, Москва),
Шубин В. Г. (Институт Африки РАН, Москва)

Отношения между СССР и Африканским национальным конгрессом (по документам Российского государственного архива новейшей истории)

Доклад посвящен отношениям между национально-освободительным движением Южной Африки — Африканским национальным конгрессом и Советским Союзом. Он подготовлен на основе документов Российского государственного архива новейшей истории, в основном Фонда 4 «Секретариат ЦК КПСС» и Фонда 5 «Аппарат ЦК КПСС». Использовались также некоторые материалы Фонда 89, который включает в себя документы, рассекреченные в связи с рассмотрением в Конституционном суде Российской Федерации в 1992 г. «дела КПСС».

В РГАНИ хранятся основные документы, связанные с контактами ЦК КПСС и, прежде всего, его Международного отдела с АНК и другими национально-освободительными движениями на юге Африки. К сожалению, из-за сложной эпидемиологической ситуации работа в данном архиве была не столь плодотворной, сколь она могла бы быть, но после полугодового перерыва с сентября 2020 г. читальный зал архива снова начал работать, хотя и с ограничениями.

Несмотря на то, что исследователям доступны описи, например, по Фонду 5 до 1984 г, тем не менее, документы Международного отдела ЦК КПСС после 1976 г. все еще полностью засекречены. С другой стороны, продолжается процесс рассекречивания и передачи в РГАНИ документов Политбюро (Фонд 3, к настоящему времени — 1950–1960-х годов).

Материалы Фонда 5, связанные с Международным отделом, во многом состоят из документов, характеризующих контакты с лидерами национально-освободительных движений, как в Москве, так и в Африке, в основном через советские посольства в Танзании и Замбии. Вместе с тем, помимо записей бесед, писем и других документов, поступавших из советских посольств, в данном Фонде хранятся документы, которые были направлены в Международный отдел из различных советских министерств и ведомств, в том числе Главного разведывательного управления Генштаба Вооруженных Сил СССР. В них также содержится оценка положения в африканских странах, политических организаций и их лидеров, и примечательно, что она не всегда совпадает с данными из дипломатических источников.

Урб М. Р. (ИСАА МГУ, Москва)

Языковой идиом tsotsitaal

Тсотситаал является одним из самых интересных явлений языковой ситуации Южной Африки. Сформировавшись в 40-х гг. XX в. в среде африканской молодежи из разных этнических групп в урбанизированных районах Витватерсранда, он выполнял роль лингва франка среди определенных групп молодежи. По вопросу о происхождении языкового идиома тсотситаал и его принадлежности к тому или иному функциональному типу языка среди исследователей не существует единого мнения. Ряд ученых рассматривают его как типичный пиджин, который возник за очень короткий период времени и функционировал как лингва франка в криминализированных кругах черной молодежи тауншипов. Согласно другим предположениям, тсотситаал, который сформировался в период активной урбанизации африканского населения, служит примером социальной дифференциации языка африкаанс, и рассматривается как сленг, уличный жаргон или преступное аргю. Все эти точки зрения объединяют

следующие обстоятельства: во-первых, тсотситаал возник стихийно, в силу потребности во внутригрупповом общении, ему присущи объединительные и выделительные функции, которые сплачивают определенную социальную группу, и противопоставляют ее остальным, во-вторых, основой тсотситаал является язык африкаанс, с большим количеством заимствованной лексики, в основном, из языков группы нгуни (зулу, коса) и сото-тсвана.

Название языка *tsotsitaal* состоит из двух слов *tsotsi* и *taal*. Этимология первого компонента *tsotsi* до сих пор остается неясной и вызывает споры. Считается, что этот термин связан с характерной в 40-х гг. XX-го в. модой среди урбанизированной черной молодежи на зауженные к низу брюки, т.е. те, кто носит такой фасон брюк, относятся к *tsotsi* и говорят на *tsotsitaal*. Согласно другой точке зрения, *tsotsi* происходит от глагола *ho tsotsa* из языка сото ‘вести преступный образ жизни/заниматься бандитизмом’, а человек, вовлеченный в преступную деятельность, называется *tsotsi*. Со временем слово *tsotsi* стало употребляться в значении ‘молодой африканец из криминальных группировок’. Вторая часть названия — *taal* в переводе с языка африкаанс означает ‘язык’. Существуют и другие названия этого языкового идиома: *Shalambombo* (состоит из двух идеофонов языка зулу *shala* (для ‘избегать’) и *mbo-mbo* (для ‘переворачивать’), *Flaaitaal* (*flaai* африкаанс ‘ловкий, крутой, находчивый’), *isiTsotsi* (*isi-* именной префикс 7 класса в языке зулу, который включает в себя названия языков) и др.

Возникновение и развитие тсотситаал связано непосредственно с социально-экономическими процессами в полиэтническом обществе Южной Африки, которые протекали сначала в рамках расовой дискриминации, а затем «раздельного развития». В промышленных районах страны, особенно в тауншипах и поселках, возникали социальные группы, члены которых, чаще всего необразованные или безработные молодые африканцы из различных этнических групп, организовывали уличные банды. Им было присуще чувство солидарности и своей исключительности, враждебное, неприязненное и насмешливое отношение к посторонним. Это противопоставление «своих» «чужим» находит отражение в ряде лексических единиц, применяемых в отношении чужаков, не способных стать «своими», влиться в ту или иную группу. Так, например, для обозначения «своих», т.е. тех, кто знает тсотситаал и законы городской жизни, используются слова *juba* < *ijuba* ‘голубь’ зулу, *autie* < *outlaw* ‘изгой, человек вне закона’, англ., *klevaa* < *clever* ‘умный, ловкий, искусный’ англ.

Характерной особенностью тсотситаал является то, что наиболее широкие синонимичные ряды формируются вокруг понятий, связанных с нарушением общепринятых моральных принципов. В языке присутствует незначительное количество слов для обозначения таких понятий как «джентельмен», «добропорядочная женщина» и др., но зато нет недостатка в таких лексических единицах, как «женщина легкого поведения» (*rubber-neck*, *skêr*, *tickey-line*), наркотики

(*yabus, nzena, dagga*), алкоголь (*cook-dladla, shebeen, babalaas, mahog*) и др.

Словарь тсотситаал богат заимствованными единицами из африканских языков (зулу, коса, сото, тсвана, тсонга). Так, идеофон зулу *mncayi* ‘вкусный, сладкий’ адаптируется как *mncsa* в значении ‘приятно’, ‘любить’, ‘нравиться’. Например, *Sester; ek mncsa jou* — ‘Я люблю тебя, детка’, *Ek is mncsa* — ‘Я в полном порядке’.

Усачева В. В. (Институт Африки РАН, Москва)

Сидди — «африканское племя» Индии

Доклад посвящен изучению малоизвестного в России вопроса — истории появления африканцев в Индии и формированию в этой стране африканских общин. Интерес к индийским африканцам, или скорее к индийцам африканского происхождения, активно демонстрируется и в самой Индии, и за ее пределами последние десятилетия. Появились документальные фильмы, рассказывающие о «потерянном африканском племени», стали проводиться выставки, благодаря развитию социальных медиа увеличилось количество видеоматериалов, повествующих о людях африканского происхождения в Индии, даже коммерческая реклама снимается в деревнях Сидди.

Хотя в официальных документах, как минимум, с 1956 г. Сидди упоминаются среди племен в различных штатах Индии (Гуджарат, Гоа, Карнатака)¹, тот факт, что в течение многих столетий африканцы жили и активно действовали в Индии, не был широко известен ни в Африке, ни в Индии.

На сегодняшний день количество потомков африканцев по самым оптимистичным прогнозам не превышает 250 тыс. человек², а большинством исследователей оценивается в 50–60 тыс³.

Считается, что первыми африканцами на Индийском субконтиненте были люди с Африканского рога, нынешних Эритреи, Эфиопии, Сомали, которые прибыли в VI–VII вв. Отчасти как торговцы, но в большинстве, как рабы. Для их обозначения использовался термин «хабши» (*Habshis*), что подчеркивало страну их происхождения — Абиссинию.

¹ Scheduled Castes and Scheduled Tribes Orders (Amedment) Act, 1956.

² Lodhi A. Y. Bantu origin of the Sidis of India // Pambazuka News. 2008. 29 October Issue 404. URL: <https://www.pambazuka.org/global-south/bantu-origins-sidis-india> (дата обращения: 07.05.2019).

³ Blench R. Using diverse sources of evidence for reconstructing the prehistory of musical exchanges in the Indian Ocean and their broader significance for cultural prehistory. 2012. 1 November. URL: <http://www.rogerblench.info/Archaeology/Africa/AAR%20paper%20Indian%20Ocean.pdf> (дата обращения: 07.05.2019).

Как и когда появилось название Сидди для обозначения африканцев в Индии доподлинно неизвестно. Но ему приписывается арабское происхождение с разницей трактовок от господина (*sayed/sayyid*) до пленника (*saydi*).

Именно термин Сидди на сегодняшний день закрепился за всеми индийцами африканского происхождения.

Позднее африканцев на Индийский субконтинент завозили португальцы и британцы, как правило, из Центральной и Восточной Африки в качестве рабочей силы для использования в сельском хозяйстве и на строительстве дорог.

С течением времени большинство африканцев интегрировалось, став неотъемлемой частью многоэтнического, многоконфессионального и многоукладного индийского общества, при этом сохранив свою культурную самобытность. Сидди компактно проживают в районах Гуджарата, в Карнатаке, где официально считаются «уязвимой группой».

В современной Индии Сидди сталкиваются с множеством проблем — от проявлений расизма, до разрушения их традиционных мест проживания, также с трудностями выживания и сохранения уникальной культуры. По словам антрополога Киран Камал Прасада, который изучает Сидди в течение двадцати лет и около года жил с ними в Карнатаке, «Сидди живут в отдаленных лесных районах, по возможности избегая общения с другими индийцами, опасаясь их. Сами индийцы тоже держат дистанцию, подчас демонстрируют неуважительное отношение к Сидди, но нанимают их для всех тяжелых работ»¹. Важно подчеркнуть, что сами Сидди безоговорочно считают себя индийцами.

В докладе наряду с историей африканцев в Индии, будет уделено внимание и их современному положению, отношению индийского общества к своему «африканскому племени».

Фаттахова А. Р. (КФУ, Казань), Хабибуллина А. М. (КФУ, Казань)

Коранические фразеологизмы в переводах на суахили

Трудности перевода фразеологических единиц (ФЕ) Корана, являющих собой неотъемлемую его часть, объясняются сложностью нахождения эквивалента оригинального фразеологизма или аналога в языке перевода. При этом необходимо учитывать тот факт, что ФЕ Корана не могут быть переведены изолированно вне священного текста, и их интерпретация напрямую зависит от контекста, в котором они встречаются.

Несмотря на большое количество работ по изучению ФЕ в разноструктурных языках, интерпретация коранических фразеологизмов на языке перевода отно-

---

¹ Prasad K. K. In search of an identity: an ethnographic study of the Siddis in Karnataka / Bangalore: Jana Jagrati Prakashana, 2005.

сится к числу малоисследованных областей. В качестве материала для настоящего исследования мы использовали два из четырех известных переводов на суахили: «Qurānī Takatifu» (Священный Коран) Абдуллы Салеха аль-Фарси (издаваемый частями с 1950 г., полная версия перевода — 1969 г.) и «Tarjama al-Muntakhab katika Tafsiiri ya Qur'āni Tukufu» (Аль-Мунтахаб в толковании Священного Корана) Али Мухсина аль-Барвани, опубликованный в 1995 году в Абу-Даби.

Интерпретация коранических ФЕ осуществлялась разными способами, доминирующим которых является калька: *Maama wa miji* от *араб.* 'Ummu-l-qurā «мать городов» (Мекка); *vazi la njaa na khofu* от *араб.* libāsu-l-ğū' i wa-l-ḥawfi «одеяние голода и боязни» и др. Использование калек в переводе коранических ФЕ, по мнению Х. Б. Хассана и К. Менацере, может привести к буквалистскому переводу, а это, в свою очередь, — к искажению смысла и последующему неверному восприятию информации целевой аудиторией. Свои выводы исследователи подкрепляют результатами изучения англоязычных переводов, в которых использование дословного перевода часто приводило к неточному и высокопарному английскому¹. В случае с суахилиязычными переводами калькирование нередко способствовало сохранению как коранических ФЕ, так и арабской лексики, активно используемой в передаче священного текста.

Коранические фразеологические единицы в большинстве передаются на языке суахили в своем смысле, а не в форме. Подбор смыслового эквивалента наглядно прослеживается при переводе арабской лексики *qawl* «слово», «речение», «речь»; «мнение», «верование», «навет»², вошедшей во многие фразеологические обороты Корана. В русских переводах используется эквивалент «слово», в суахили: *kauli* «слово», «высказывание» (*kauli nzito* от *араб.* *qawl taqīl* «тяжелое слово»); *mseto* «выражение»; «изречение» (*mseto wa hishima* букв. «выражение чести /достоинства» от *араб.* *qawl kaīm* «благородное слово»), *pepo* «слово» (*mapopo laini* «мягкие слова» от *араб.* *qawl laīn* «мягкое слово»).

В суахилиязычных переводах Корана может обнаруживаться опущение коранических ФЕ. Приведем пример фразеологизма *qaṣīrātu-ṭ-ṭaraf* (букв. [девы], укорачивающие взор) в значении «потупляющие свой взор», «кроткие»: 37:48 «Рядом с ними — [гурии], потупившие взоры, большеглазые» (перевод М.-Н. О. сманова). Абдулла Салех аль-Фарси оставляет данную ФЕ без перевода: *Na pamoja nao watakuwa wanawake wenye macho mazuri makubwa* (Рядом с ними будут красивые большеглазые девы), а в переводе Али Мухсина аль-Барвани кораническая ФЕ сохраняется: *Na watakuwa nao wanawake wenye macho ya staha mazuri* (Рядом с ними будут девы с красивыми глазами почтительности).

¹ Hassan HB, Menacere K. Demystifying Phraseology: Implications for Translating Quranic Phraseological Units // *Advances in Language and Literary Studies*, 2019. 10 (1). P. 28–40.

² Гиргас В. Ф. Арабско-русский словарь к Корану и хадисам. Москва: Диля, 2006. С. 679.

В докладе особое внимание уделяется анализу коранических ФЕ двух суахилиязычных переводов; исследуются способы перевода; раскрываются вопросы взаимодействия двух мировоззренческих систем через призму интерпретации ФЕ в африканском языке.

Французов С. А. (ИВР РАН, СПбГУ, НИУ ВШЭ, Санкт-Петербург)

Посольство царя Эфиопии Ягба Сиона (1285–1294) к мамлюкскому султану Қалāvūну

О втором правителе эфиопской династии Соломонидов, сыне ее основателя Йэкуно Амлака, носившем тронное имя Ягба Сион (1285–1294), сохранились крайне скудные сведения, связанные в основном с преданием о порядке поочередного наследования престола, который он учредил для пяти своих сыновей¹. Между тем, в мамлюкской историографии есть уникальные сведения о посольстве, которое он направил султану ал-Мансӯру Қалāvūну (1279–1290), чтобы решить вопрос о назначении в Эфиопию митрополита-копта для окормления местных христиан, и о посланиях, которые оно доставило. Речь идет о вышедшей из под пера Мухйй-д-Дйна Ибн ‘Абд аз-Зāхира, секретаря султанов Бейбарса и Қалāvūна, хронике на арабском языке *Таширф ал-аййām ва-л-‘усӯр фй сйрат ал-Малик ал-Мансӯр*, доступной как в каирском издании 1961 г., так и в представленной на сайте Национальной библиотеки Франции черно-белой копии хранящегося там списка Arabe 1704, датируемого кодикологически приблизительно XV в. Соответствующий раздел, озаглавленный *Зикр вурӯд русул ал-Ҳабаша илā абвāб маулā-нā-с-султāн* «Сообщение о прибытии абиссинских посланников ко вратам Господина нашего Султана»², хотя и введен в научный оборот³, не оценен пока в должной мере, особенно в контексте эфиопской истории. Описанные в нем события приурочены к рамадану 689 г. (сентябрю – началу октября 1290 г.)

В этом разделе передано (вероятно, близко к тексту) содержание четырех посланий: двух к султану Қалāvūну (одно из них — о причине задержки посольства), одно к коптскому Александрийскому патриарху и одно к эфиопским

---

¹ Чернецов С. Б. Эфиопская феодальная монархия в XIII–XVI вв. М., 1982, С. 16–17.

² Ибн ‘Абд аз-Зāхир, Мухйй-д-Дйн. Таширф ал-аййām ва-л-‘усӯр фй сйрат ал-Малик ал-Мансӯр / Таҳқиқ Мурад Кāмил. Каир, 1961. С. 170–173; BnF Arabe 1704, fol. 352r.4–360r.3.

³ Nosnitsin D. Yagba Səyon // Encyclopaedia Aethiopica. Vol. 5 / Ed. by A. Bausi in cooperation with S. Uhlig. Wiesbaden, 2014. P.12; Loiseau J. The Ḥaṭī and the Sultan: Letters and Embassies from Abyssinia to the Mamluk Court // Bauden Fr., Dekkiche M. (eds). Mamluk Cairo, a Crossroads for Embassies. Studies on Diplomacy and Diplomatics. Leiden, 2019. P. 640, 643, 652–654.

монахам в Иерусалиме, причем указано, что оригиналы посланий к султану были составлены по-арабски, а остальных — «по-абиссински», т.е., скорее всего, на геэзе (для хроники они были переложены на арабский).

Среди наиболее интересных данных, обнаруженных в этих посланиях, следует отметить указание на то, что в Эфиопии прежде были митрополиты-сирийцы и что Ягба Сион не желает более получать архиерея от сиро-яковитов. Для обоснования этой неприязни эфиопский монарх не погнушался обвинить митрополита, присланного из Сирии, в том, что тот — враг мусульман.

В отличие от своего отца, готового ради утверждения на эфиопском престоле признать вассальную зависимость от Бейбарса¹, Ягба Сион выступает на равных с султаном Қалāvūном. Отсюда можно сделать вывод, что его легитимность в качестве царя Эфиопии под сомнение не ставилась и что с прежней, Загвейской, династией было покончено.

От Ягба Сиона прослеживается традиция отправки даров и средств на содержание эфиопской монашеской общине в Иерусалиме. В связи с тем, что Святая Земля в политическом отношении находилась в подчинении у правителей Египта на протяжении большей части мусульманского средневековья (во всяком случае в аййубидский и мамлюкский периоды) на эфиопские посольства, прибывающие в Каир, возлагались касавшиеся ее поручения.

Фролова Н. С. (Институт мировой литературы РАН, Москва)

Основные тенденции развития англоязычной поэзии Кении рубежа XX–XXI вв.

Кенийская поэзия на английском языке начинает развиваться во второй половине XX в. В период конца 60–70-х гг. в ней складываются основные направления, обозначаются наиболее крупные авторы, чье творчество ярко характеризует два ключевых направления, сложившиеся в кенийской англофонной поэзии: социально-политическое и философски-лирическое. Социально-политическая тематика, продиктованная серьезными политико-историческими преобразованиями, — одна из главных в творчестве кенийских поэтов 60–70-х гг. XX в. Представители первого, прежде всего, Мисере Муго (р. 1942), яростно обличают язвы современного кенийского общества. Данному типу кенийской англоязычной поэзии противопоставляется философски-лирическая поэзия, представители которой — Джаред Ангира (р. 1944), Маури Ямбо и др. — отказываются от прямого обличения в пользу размышления на тему противоречивой истории

¹ Frantsouzzoff S. A. The First Step to Apostasy? (an Ethiopian ruler's missive to the Sultan Baybars re-interpreted) // *Scrinium. Journal of Patrology and Critical Hagiography*. 16. 2020. P. 367–374.

Кении и африканского континента, в целом. Эта типологическая дихотомия сохраняется в творчестве кенийских англоязычных поэтов 1980-х.

В 90-е гг. XX в. в кенийскую англоязычную поэзию приходит новое поколение авторов, чье творчество знаменует смену художественного сознания, продиктованную новой социальной и политической повесткой, принципиально новыми историческими предпосылками и культурными сдвигами, которые происходят в восточноафриканском социуме с середины 1990-х и продолжаются в начале XXI в.

В 2000-е гг. Кения переживает настоящий «печатный бум», что способствует притоку в кенийскую литературу «свежей крови». И вновь читатель сталкивается со знакомой парадигмой: философские рефлексии, с одной стороны, и обличительный пафос, с другой.

Кенийские англоязычные поэты не оставляют социально-политической тематики и обличительный тон этой поэзии не поменялся со времен поэтов-семидесятников, а возможно, стал даже резче, риторика многих поэтов, пишущих в русле обличительной поэзии, в 2000-е гг. становится более жесткой — ярчайшим примером может служить творчество Эрика Мванги, который берет на вооружение знакомый многим читателям речитатив рэп-поэзии. Стихи Мванги — убедительный пример того, как поэзия буквально выходит на улицы из университетских аудиторий и уютных литературных салонов 1970-х:

Blunted and hurt	Ослабленный и раненый,
Hunted and overworked	Загнанный и измотанный,
Cursed from birth	С рождения проклятый
I must end my lust	Мне нужно утолить свою жажду,
Or else I'll rust...	Иначе я стану ржавым... ¹

В русле обличительной поэзии творят Нельсон Алусала (р. 1973), Оченго Орвенджо (р. 1974), Эдвин Агаса и мн. др. Их творчество с легкостью обнаруживает преемственность с наиболее яркими образцами 60–70-х гг. XX в.

Помимо протестных настроений, сохранившихся, как видим, и в поэзии 2000-х, продолжает заявлять о себе и философски-лирическое направление. Так, поэт, колумнист и общественный деятель Капкирвок Джейсон в своем сборнике стихов «Биение сердца в разуме»² пускается в философские размышления о жизни и смерти, быстротечности времени, уходящей молодости, неисполненных мечтах, во многом напоминая классика кенийской англоязычной поэзии, семидесятника Джаредда Ангиру.

---

¹ Mwangi E. *Harvesting gold*. Nairobi, 2003. P. 22.

² Jason K. *Heartbeats of the mind*. Nairobi, 2001

Кенийские англоязычные поэты рубежа XX–XXI вв. во многом демонстрируют преемственность традиций, заложенных авторами старшего поколения. Так, практически без изменений сохраняется типологическая дихотомия кенийской англоязычной поэзии: социально-политическое и философски-лирическое направления. Стоит отметить, что социально-политической поэзии авторов нового поколения чужды «лозунговость» и прямолинейность образов, характерные для политической поэзии конца 60–70-х гг. XX в. Важно отметить, что при сохранении двух ключевых тенденций кенийской англоязычной поэзии, художественный стиль, манера изложения в творчестве авторов нового поколения существенно меняется, берутся на вооружение принципиально новые художественные средства.

Цветков Э. Г. (Средняя общеобразовательная школа №4, Ярославль)

К вопросу о помощи странам Черной Африки: взгляд сенатора А. Дж. Эллендера

Не типичный для времени афрооптимизма подход к оценке помощи странам Африки имел сенатор-республиканец от штата Луизиана в 1937–1972 гг., член сенатской комиссии по ассигнованиям, куратор миссий США по всему миру Аллен Дж. Эллендер (1890–1972 гг.). В октябре-декабре 1962 г. он совершил рабочую поездку по Африке. За 9 недель и 5 дней сенатор посетил 32 государства. Танганьика, Уганда, Сомали и Эфиопия отказали сенатору в пребывании на своей территории¹.

Целью африканского турне сенатора А. Дж. Эллендера было ознакомление с деятельностью дипломатических представительств США за последние 14 лет (с 1951 года) и оценка их деятельности. Кроме того, требовалось проанализировать эффективность работы диппредставительств и дать рекомендации по оптимизации затрат США в Африке. Итогом поездки стал 800-страничный доклад «О деятельности США в Африке», вышедший в марте 1963 г.², в котором сенатор изложил свой взгляд на проводимую США политику в отношении Африки.

¹ Collin G. With Elleuder in Africa // Africa Today, Vol. 10, No. 5 (May, 1963), p. 4–6+16. URL: <http://www.jstor.org/stable/4184421> Accessed: 16/06/2014

² РГАСПИ Ф.3, Оп. 2, Д.114, Л. 237–261 Справочные материалы по Африке за 1965 г. (Отчеты, справки и информации, материалы о Панафриканском семинаре молодежи, заявление, ТАСС, материалы из газет, переписка); A report on United States Foreign Operation in Africa by Honorable Allen J. Ellender, United States Senator From the State of Louisiana // U. S. Congress. Reports and Documents 88th Congress, 1st Session. Senate Documents №1–10. Vol. 19. 1963 P.1025–1837 URL: <https://books.google.ru/books?id=i6kjAQAAMAAJ&hl=ru&pg=PA41#v=onepage&q&f=false> Accessed: 30/10/2020

Доклад состоит из трех частей и приложения. В части 1 дается краткая историческая справка об Африке, описание традиций и достопримечательностей, а также основные замечания, выводы и рекомендации сенатора. Часть 2 скорее похожа на путевой дневник с ежедневными заметками А. Дж. Эллендера о пребывании в той или иной стране, обзор их политических и экономических систем. Часть 3 посвящена описанию работы миссий США в Африке, реализации конкретных планов и мероприятий: имеются характеристики американских представителей, европейских предпринимателей и государственных деятелей Африки. Приложение к докладу занимает более 500 страниц, на которых приведена конкретная статистика деятельности миссий США в Африке, финансирование различных программ содействия развитию; для отдельных стран приведены сведения об активности стран Западной Европы, СЭВ, СССР, КНР, Израиля и т. д.

Позиция сенатора в том, что США необходимо очень взвешенно и прагматично подходить к оказанию помощи странам Африки. Свой скепсис в отношении расширения связей с Африкой, сенатор объясняет тем, что она фактически находится под контролем европейцев, которые и будут получать основную выгоду и поэтому должны нести основное бремя помощи.

Сенатор не против участия частного капитала и использования государственных средств на общих основаниях там, где может быть прямая финансовая выгода. Помощь Африке из средств налогоплательщиков, с точки зрения сенатора, должна касаться исключительно начального и среднего образования, гигиены и медицины, содействия развитию сельского хозяйства и командированием технических специалистов для консультаций. США ни в коем случае не должны вкладываться в капитальное строительство и масштабные проекты, пока не сформируется человеческий потенциал. Помощь должна стимулировать предпринимательство и способствовать повышению уровня жизни местного населения.

А. Дж. Эллендер предвосхищает аргумент о том, что такая позиция приведет к усилению СССР или Китая в Африке. Он указывает на активную политику СССР в Гвинее, но не понимает, зачем строить университет, если ничего не сделано для укрепления начального и среднего образования. Сенатор признает, что зачастую и США действуют также как и СССР: предлагает помощь по политическим мотивам и соревнуется в бессмысленных стройках.

Встречи с государственными деятелями убеждают сенатора, что Африка открыто играет на противоречиях Запада и Востока, вплоть до заявлений, что обратятся к СССР, если США не поторопятся с помощью. Увеличение ее объемов, по мнению сенатора, только стимулирует коррупцию и не приводит к развитию. Поэтому сокращение персонала и расходов не только дипломатических представительств США, но и других организаций¹ в странах Африки

---

¹ «Корпус мира»; USAID — Агентство США по международному развитию; USIA — Информационное агентство США

должно существенно улучшить качество оказываемой помощи. Анализ дел в странах Африки подталкивал сенатора к размышлениям об опасности преждевременной политической независимости.

Шатохина В. С. (ИСАА МГУ, Москва)

Эллипсис и элизия в суахилийских пословицах

Пословицы и поговорки часто оказываются трудными для восприятия, поскольку данные единицы являются частью древнейшего языкового пласта и нередко содержат не только устаревшую лексику, но и редкие грамматические формы. Эллипсис (выпадение согласных фонем) и элизия (выпадение гласных фонем), а также выпадение отдельных слогов и целых слов являются довольно частым явлением среди суахилийских паремий, что значительно осложняет их фонетический «облик». Предметом данного исследования стала реализация в пословичных текстах регулярных и нерегулярных вариантов элизий, «канонических» для суахили слитных форм, а также некоторых архаичных стяжений.

Причинами происхождения подобных фонетических процессов (по А. Мартине) являются экономия речевых усилий, стремление к рациональной фонетической организации синтагмы и иногда избыточность отдельных высокочастотных элементов, что становится еще более актуальным в контексте лаконичности и целостности, к которым стремится любая пословица.

В языке суахили элизия часто происходит на стыке морфем и в некоторых случаях приобретает регулярный характер:

<i>Binadamu</i>	<i>ha-kosi</i>	<i>baya</i>
CL5человек	NEG+3SG-не хватать+NEG	CL9плохое
Человек не без изъяна.		

В данном примере отрицательный префикс *ha-* сливается с субъектным показателем 3 л. ед. ч. *a-*, при этом происходит элизия конечного гласного отрицательного форманта *a* (*ha+a>ha*).

Однако в пословицах можно обнаружить и такие варианты элизии, которые в современном суахили не так широко употребительны:

<i>Hakwi</i>	<i>y-a</i>	<i>mtu</i>	<i>ha-i-liki,</i>	<i>ni</i>
CL9право	CL9-POS	CL1человек	NEG-CL9-есть.STAT+NEG	COP
<i>tungu</i>	<i>ambizan-eni</i>	<i>m-no-i-la.</i>		
CL9горький	говорить.REV-IMP.PL	2PL-PRES+REL. CL2-OBJ.CL9-есть		

Право человека не съешь, оно горькое, съевшие его, расскажите об этом другим.

В приведенном примере помимо регулярной элизии на стыке морфем ($na + eni > neni$), можно обнаружить слияние показателя настоящего времени $na-$ с элизией его конечного гласного и релятивного показателя 2 класса $-o-$ ($na + o > no$).

Как следствие элизии может происходить слияние определенных лексем. Приведем наиболее распространенные виды элизии, иллюстрируя их примерами суахильских паремий.

1. Слияние предлогов na , kwa и копулятивной связки $ndi-/si-$ с различными типами местоимений.

A-fuatana-ye   *na*   *bwana*,   *bwana*
3SG-следовать.REV-REL.CL1   с   CL9господин   CL9господин

na-ye
с-PERS_PERS.PRON.3SG

Тот, кто следует за уважаемым человеком, с ним уважаемый человек (С кем поведешься, от того и наберешься).

($na + yeve > naye$)

Wa-tengeneza   *kwa*   *mwenz-ako*   *na*
2SG+PRES-делать для   CL1друг-POS. PRON.2SG   a

kwa-ko   *kwa-poromoka*
для-POS. PRON.2SG   CL15+PRES-обрушиваться

Делаешь для своего друга, а для себя — ничего не осталось.

($u + a > wa$; $mwenzi + wako > mwenzako$; $kwa + wako > kwako$)

Ku-taataa   *si-yo*   *dawa*   *y-a*   *kufa*
CL15метаться COP.NEG-REL.CL9   CL9лекарство   CL9-POS   CL15умирать

Метаться — не лекарство от смерти.

($si + yo > siyo$)

2. Слияние постпозиционных притяжательных местоимений с определяемым существительным:

- с терминами родства

Furaha   *y-a*   *mzazi*   *kicheko*   *ch-a*
CL9радость CL9-POS   CL1-родитель   CL7смех   CL7-POS

mwana-we

CLребенок-CL1+POS. PRON.3SG

Радость родителя — смех его ребенка.

(*mwana+wake>mwanake*)

- с существительными 1–11 предметных классов (явление характерное только для пословиц)

A-omba-ye   *chumvi*   *hu-ombea*

3SG-просить-REL.CL1   CL9соль   HAB-просить.TRANS

chungu-che

CL7горшок-CL7+POS.PRON.3SG

Тот, кто просит соль, обычно просит для своего горшка.

(*chungu+chake>chunguche*)

Таким образом, в пословицах, ввиду логико-семантических особенностей их употребления, наиболее продуктивно слияние притяжательного местоимения 3 л. ед. ч. с определяемым существительным; данный пласт языка хранит в себе архаичные черты, активно используя не только широко употребляемые сокращенные лексические формы, но и те, что не функционируют в современном языке; пословицы демонстрируют некоторые нерегулярные формы элизии на стыке морфем.

Шатохина С. А. (СФУ, Красноярск)

Танзанийский жестовый язык: историческая ретроспектива и сопоставительный анализ лексики

Жестовые языки представляют собой естественные лингвистические системы, обладающие уровневой организацией и полностью сопоставимы со звуковыми языками во всех аспектах функционирования языковой структуры. Развитие и становление жестовых языков тесно связаны с образованием специализированных учебных заведений для глухих и слабослышащих, поскольку витальность жестовых языков зависит от возможности носителей коммуницировать. Лексикостатистический анализ базовой лексики и исторические сведения позволяют выявить генетическое родство жестовых языков.

История развития жестовых языков Африки непосредственно зависит от истории колонизации и деятельности различных миссий. Первой специализированной школой Танзании стала школа для глухонемых Табора, основанная в 1963 г. Римско-католической церковью. В 1974 г. Танзанийское общество глухих основало Дар-эс-Саламскую школу для глухих в Бугуруни. Лютеранская церковь также открыла две специальные начальные школы в 1981 г.

Хотя исторически на территории Танзании было несколько школ, в которых использовались разные жестовые языки, в настоящее время распространен унифицированный вариант жестового языка. В 1993 г. началась работа по сбору данных о региональном варьировании и в результате были выбраны наиболее частотные варианты, которые послужили основой для создания стандартизированного Танзанийского жестового языка¹. В Танзании были распространены Американский, Шведский и Финский жестовые языки, также отмечается наличие местных жестовых языков². Таким образом, стандартизированный Танзанийский жестовый язык должен представлять собой своеобразную смесь, и целью настоящего исследования является сопоставление базовой лексики Танзанийского, Английского, Шведского и Финского жестовых языков для установления степени схожести.

Жесты рассматриваются как родственные в том случае, когда такие параметры как форма руки, локализация, ориентация и параметр движения идентичны или есть отличия по одному из параметров. В результате сопоставления удалось установить, что базовая лексика Танзанийского жестового языка демонстрирует довольно высокую степень схожести со Шведским жестовым языком и очень низкую с Английским жестовым языком, однако большая часть лексики не является родственной никаким из проанализированных жестовых языков. Дальнейшее исследование предполагает сопоставление морфологических и синтаксических конструкций.

Шипилов А. Ю. (РУДН, ИВИ РАН, Москва)

Американская дипломатия в Либерии на раннем этапе гражданской войны (1989–1990 гг.)

Гражданская война в Либерии (1989–2003 гг.) коснулась одной из наиболее близких США африканских стран в годы холодной войны. Администрация Рейгана изначально установила тесные связи с Сэмюэлем Доу, пришедшим к власти в 1980 г., однако к 1989 г. отношения между США и диктатурой Доу осложнились. При этом организатор мятежа, переросшего в гражданскую войну, глава Национального патриотического фронта Либерии Чарльз Тейлор считался перспективным и предпочтительным главой государства в будущем, о чем свидетельствуют документы госаппарата США и воспоминания участников тех событий.

---

¹ Mreta A. Y., Muzale H. R. The influence of Kiswahili on Tanzanian Sign Language. University of Dar-es-Salaam, Dar es Salaam, 2001.

² Fenlon J., Wilkinson E. Sign languages in the world // A. Schembri & C. Lucas (eds.) Sociolinguistics and Deaf Communities. Cambridge University Press, 2015.

Государственный департамент США использовал в контактах с Тейлором либерийские диаспоральные структуры¹. После начала войны Государственный департамент США попросил Ассоциацию за конституционную демократию в Либерии связаться с Тейлором и призвать его к сдержанности в отношении мирного населения, для достижения чего повстанцам передали небольшую сумму для покупки продовольствия и предметов первой необходимости².

В сложившейся ситуации часть государственного аппарата США, (а именно Государственный Департамент) была готова вмешаться в кризис для достижения мирного урегулирования и поспособствовать быстрому приходу к власти Тейлора в случае отсутствия с его стороны серьезных нарушений прав человека. Заместитель госсекретаря США по африканским вопросам в 1989–1993 гг. Герман Коэн предложил план по принуждению Доу к уходу в отставку, передаче власти вице-президенту Гарри Монибе, который, в свою очередь, должен был назначить своим вице-президентом Тейлора и сам уйти в отставку³. Однако в итоге администрация Дж. Буша по настоянию Министерства обороны отказалась напрямую рисковать собственными солдатами и вмешиваться в либерийский конфликт ради установления власти Тейлора и ограничились лишь эвакуацией своих граждан⁴.

Отмечается, что именно в это время политика Министерства обороны США в Либерии была направлена на сдерживание НПФЛ, связанного с африканскими союзниками Франции (ключевого конкурента США на континенте в этот период)⁵. Именно американское вмешательство могло вызвать раскол в НПФЛ и выход из него фракции Йорми Принса Джонсона, преобразовавшейся в Независимый национальный патриотический фронт Либерии, предпринявший самостоятельное наступление на Монровию⁶.

В результате, вместо быстрого захвата власти Тейлором начался кровопролитный трехсторонний гражданский конфликт без перспективы чьей-либо быстрой победы. Репрессивная политика Тейлора по отношению к населению захваченных территорий и криминальный характер проводимых им боевых действий к концу июля 1990 г. привели к отдалению от него политических структур диаспоры. Гражданские политические силы, сконцентрированные преимущественно в Сьерра-Леоне, с этого момента начали

¹ Johnson-Sirleaf E. *This Child Will Be Great*. P. 173.

² Johnson-Sirleaf E. *Op.cit.* P. 173.; Cohen, H. *Intervening in Africa. Superpower Peacemaking in a Troubled Continent*, 2000. P. 144.

³ Cohen H. *Intervening in Africa. Superpower Peacemaking in a Troubled Continent*. London: Palgrave Macmillan, 2000. P. 144.

⁴ . Grimmett R. F. *War Powers Resolution: After Thirty-Six Years*. Congressional Research Service. April 22, 2010. P. 52. URL: <https://fas.org/sgp/crs/natsec/R41199.pdf>.

⁵ Мазов С. В. Сэмюэль Доу // *История Африки в биографиях*. С. 503.

⁶ Adeleke A. *Op.cit.* P. 575.

последовательно работать над формированием временного правительства. В качестве представителя всех либерийцев оно должно было пользоваться международным признанием и находиться по статусу выше Доу, Тейлора и Джонсона, а также иных полевых командиров. По этим причинам Соединенные Штаты дистанцировались от сторон конфликта и стали поддерживать отношения преимущественно с Переходным правительством, слабо влиявшим на развитие событий, что поспособствовало дальнейшему затягиванию гражданской войны. Итак, позиция США в начале войны носила противоречивый характер, итогом чего стал отказ от прямого военного вмешательства и смена объектов поддержки. Это способствовало затягиванию либерийского конфликта и долгосрочной дестабилизации ситуации в регионе, многочисленным военным преступлениям и гражданским жертвам, прекратившимся лишь к середине 2000-х гг.

Шлуинский А. Б. (Институт языкознания РАН, Москва)

Морфологические особенности выражения сопутствующего движения в языке акебу¹

В докладе рассматривается выражение значения сопутствующего движения в языке акебу. Акебу — малоизученный язык семьи ква, на котором говорят в Того. Материал исследования был собран в ходе нескольких экспедиций в 2012–2019 гг. и включает как примеры, полученные от носителей, так и примеры из естественных текстов.

В акебу довольно сложная глагольная морфология, которая включает, во-первых, образование глагольных основ, во-вторых, префиксальные серии, кумулятивно выражающие лицо, число и именной класс, модально-видо-временные значения и значение отрицания, а в-третьих, отдельные модально-видо-временные префиксы. Базовая основа глагола используется для образования большинства модально-видо-временных форм, тогда как фактативная основа используется для образования формы фактатива (имеющей референцию к настоящему со стативными глаголами и к прошлому с динамическими) и стативного прошедшего, например: *yé* (базовая основа) > *yéli* (фактативная основа) 'делать'. Префиксы в структуре глагольной формы имеют алломорфы, основанные на гармонии гласных по признаку продвинутости корня языка (+ATR), а у гласных +ATR также по признаку ряда.

Как и в других языках ква, в акебу представлены сериальные глагольные конструкции. В некоторых из них один из глаголов частично грамматикализован, но тем не менее, во всех сериальных глагольных конструкциях акебу

---

¹ Работа выполнена в рамках проекта по гранту РФФИ №17–78–20071.

все глаголы имеют полноценную морфологию и, в частности, все они присоединяют префиксальные серии. В зависимости от значения вида, времени, модальности и полярности, представлены две возможности: либо все глаголы в сериальной глагольной конструкции оформлены одинаково, как в (1a), либо первый глагол выражает соответствующее значение, а форма последующие глаголы стоят в форме конъюнктива, как в (1b).

(1 a) *nó-fú*   *kēēṽṽ-wā*   *nó-kùṽ*   *má*   *à-nàṽṽ-ṽ-pá*
 1sg.pfv-покупать   еда-cl   1sg.pfv-давать   1sg.poss   cl-член_семьи-cl1
 ‘Я купил еду для своей семьи.’

(b) *nòḍ-fú*   *kēēṽṽ-wā*   *ṽ-kùṽ*   *má*   *à-nàṽṽ-ṽ-pá*
 1sg.pfvneg-покупать   еда-cl   1sg.sbjv-давать   1sg.poss   cl-член_семьи-cl
 ‘Я не купил еду для своей семьи.’

Конструкции со значением сопутствующего движения с глаголами *kó* ‘идти’ и *pā* ‘приходить’ представляют собой интересный промежуточный случай между стандартным сериальными глагольными конструкциями и словоизменительной морфологией глагола. С одной стороны, в некоторых глагольных формах, в том числе образованных при помощи фактативной основы, основы, *kó* и *pā* ведут себя как самостоятельные глаголы в обычной сериальной глагольной конструкции (2a). С другой стороны, в большинстве глагольных форм они морфологически редуцированы и представляют собой глагольные префиксы (*-kṽ-* и *-pṽ-* соответственно, символ *ṽ* обозначает гласный, подверженный гармонии), располагающиеся непосредственно перед корнем глагола (2b–с). Эти префиксы сильно интегрированы в словоформу глагола, в частности, они подчиняются гармонии гласных, как показано в (3)–(4), и не сохраняют никаких собственных морфологических показателей.

(2) a *àsāḍkā*   *ṽ-kólú*   *ṽ-fúú*   *ò-sú-yá*
 вчера   1sg-идтиFCT   1sg-покупатьFCT   cl-ямс-cl
 ‘Вчера я пошел купил ямс.’

(b) *nó-kó-fú*   *ò-sú-yá*
 1sg.pfv-<идти-покупать   cl-ямс-cl
 ‘Я пошел купил ямс.’

¹ CL — показатель именного класса, FCT — фактативная основа, PFV — перфектив, PFVNEG — отрицательный перфектив, POSS — possessивное местоимение, SBJV — конъюнктив, SG — ед. число.

- (c)   *nòò-kó-fú*   ò-sù-yá'
1sg.pfvneg-<идти-покупать   cl-ямс-cl
'Я не пошел купил ямс.'
- (3 a)   *né-ké-fĩ*   (b)   *né-pē-fĩ*
1sg.pfv-<идти-есть   1sg.pfv-<приходить-есть
'Я пошел поесть.'   'Я пришел поесть.'
- (4 a)   *ná-ká-kpéŋ̀*   (b)   *ná-pā-kpéŋ̀*
1sg.pfv-<идти-резать   1sg.pfv-<приходить-резать
'Я пошел резать траву.'   'Я пришел резать траву.'

Таким образом, показатели сопутствующего движения в акебу представляют собой крайне нетривиальный случай принципиально разной стадии грамматикализации для разных глагольных форм. В докладе будет дано более детальное описание взаимодействия выражения этих значений со словоизменением глагола.

Юзмухаметов Р. Т. (КФУ, Казань)

Появление мусульманской общины в Южной Африке

Доклад посвящен истории распространения ислама в Южной Африке начиная с XVII в., и который получил впоследствии мощное развитие по всей стране (современная ЮАР).

В статье подробно рассматривается структура мусульманского сообщества Южной Африки, состоящей главным образом из так называемых малайцев (выходцев из Малайзии, Индонезии и Сингапура) (начиная с XVII в.), индийцев (выходцев штата Гуджарат, Индия) (начиная с XIX в.), занзибарцев (начиная с XIX в.) и других африканцев. В основном все мусульмане здесь — это сунниты. Религиозно-правовые школы ислама в Южной Африке представлены главным образом шафиитами (90 % всех мусульман). На втором месте по численности стоит ханафитская школа (ок. 10 %), живут в Южной Африке и немногочисленные шииты. Ислам в Южной Африке появился в ходе расширения Голландской Ост-Индской Компании, когда с берегов Малайского архипелага на южное побережье Африки начали свозить ссыльных заключенных, которые были мусульманами. Так возник очаг новой доселе не известной тут мусульманской культуры. Чуть позже в Южную Африку стали прибывать

индийские торговцы мусульмане, а также свозились освобожденный рабы из Занзибара, тоже мусульмане.

Вначале ислам существовал в Южной Африке в форме суфизма, то есть вокруг ярких личностей, почитаемых в народе, создавались мусульманские институты, зарождалась новая культура. Затем по мере роста городской культуры и освобождения заключенных и рабов стали строиться мечети, медресе и таким образом ислам из суфизма плавно перетек в «книжную форму» или «ученую форму». Утвердились определенные религиозно-правовые школы в Южной Африке, появилась мусульманская литература, сначала на малайском языке, затем на языке африкаанс, и впоследствии на других языках.

Сегодня в Южной Африке насчитывается до 1 млн мусульман, построено большое количество мечетей, мусульманская община живет полноценной культурной, экономической и политической жизнью.

СЕКЦИЯ XIV • SECTION XIV
СЕКЦИЯ ИМЕНИ АКАД. В. В. СТРУВЕ:
ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ
И ИСТОРИОГРАФИЯ ДРЕВНЕГО ВОСТОКА
«ACADEMICIAN VASILY V. STRUVE SECTION»:
HISTORIOGRAPHY AND SOURCE STUDIES
OF THE ANCIENT NEAR EAST

Алексеев А. А. (СПбГУ, Санкт-Петербурга)

Гекзаплы Оригена и канон Библии

Обсуждение вопроса о библейском каноне приходится начинать с письма императора Константина к Евсевию, написанного вскоре после основания Константинополя в 330 г.:

«Победитель Константин, великий Август — Евсевию. В одноименном нам городе, по промыслению Спасителя Бога, святейшая Церковь приобрела вновь очень много людей. С быстрым же умножением верующих оказывается весьма нужным и умножение церквей. Итак, прими со всей готовностью наше решение. Нам заблагорассудилось объявить твоему благоразумию, чтобы ты приказал опытным, отлично знающим свое искусство писцам написать на выделанном пергаменте 50 томов, удобных для чтения и легко переносимых для употребления. Эти тома должны содержать от божественного Писания (τῶν θεῶν γραφῶν) то, что, по твоему разумению, нужно особенно иметь и употреблять в Церкви» (С IV.36). Описание реакции адресата: «Таково было повеление василевса, и за словом немедленно последовало дело. Я переслал ему роскошно приготовленные 3- и 4-листовые свитки (τεύχεσι τρισσὰ καὶ τετρασσὰ)» (IV.37).

В научной традиции чаще всего с описанным событием связывают происхождение больших библейских кодексов IV в. — Синайского,

Ватиканского и Александрийского¹. Все три содержат Ветхий и Новый Завет в более или менее полном составе и с некоторыми различиями в последовательности расположения книг. Однако с таким пониманием данного текста согласиться невозможно. Тому много причин. 1) Трудно допустить, чтобы в такой короткий срок (император умер в 337 г., Евсевий — в 339 г.) мог быть выполнен и распределен по церквам столь объемный заказ. 2) Нет свидетельств того, чтобы полные Библии на греческом языке были в ходу в это и в последующее время. Совершенно не ясно, каково могло быть назначение этих кодексов в тех сравнительно скромных церковных собраниях, которые только начали свою деятельность в Константинополе. 3) Не известны случаи, чтобы когда-либо в истории греческой церкви использовался в богослужении полный текст Ветхого и Нового завета; объем рукописной книги ограничивался Четвероевангелием, тогда как Ветхий Завет читался по лекционариям. 4) Наконец положительно известно, что в IV–VI вв. в Константинополе не практиковалось последовательное чтение Ветхого Завета, даже в богослужебной практике Иоанна Златоуста в конце IV в. представлен исключительно Новый Завет². Таким образом, по всей вероятности, Евсевий отправил в Константинополь 50 экземпляров подборки разных чтений из Нового завета, а не копии одной выборки, отсюда разница в объеме: 3 и 4 листа.

Все же вполне вероятно, что именно с Евсевием связаны упомянутые три большие кодекса. В кесарийском скриптории, который Евсевий в это время возглавлял, находился исключительный по объему и важности труд Оригена (185–254 гг.), так наз. *гекзаплы* — от четырех до шести греческих переводов еврейских библейских книг в виде параллельных столбцов. Это был единственный источник, из которого можно был извлечь полный текст *Септуагинты*. Эпоха Оригена — переходная от папируса к пергамену и, соответственно, от свитка к кодексу. Библейские тексты иудейской синагоги, будучи написаны на папирусе или коже, хранились в форме свитков. Это не позволяло создавать тексты большого объема, каждая из библейских книг хранилась как отдельный свиток; в Кумране не было свитков Пятикнижия. Действительно, концепция *Торы Моисея* в форме *Пятикнижия* возникла лишь во II в. до н. э., греческое слово *Pentateuch* не старше II в.

¹ Lake L. The Sinaitic and Vatican manuscripts and the copies sent by Eusebius to Constantine // Harvard Theological Review. Vol. XI. 1918. P. 32–35.

² Rouwhorst G. The liturgical reading of the Bible in Early Eastern Christianity. The protohistory of the Byzantine lectionary // The liturgical reading of the Bible in Early Eastern Christianity. Subsidia 1. Challenges and Perspectives. Collected Papers, resulting from the expert meeting of the Catalogue of Byzantine Manuscripts programme held at the PThU in Kampen, the Netherlands on 6th–7th Nov. 2009. Spronk K., Rouwhorst G., Royé S. (eds.). Brepols, 2013. P. 167–168 (156–171).

н. э.; Пятикнижие в одном свитке появляется для того, чтобы разделить письменную и устную Тору¹. Таким образом, Септуагинта, представленная Оригеном в гекзаплах, была единственным греческим переводом всего корпуса еврейских книг Св.Писания. Сам Ориген свел разные греческие переводы еврейского оригинала в богословских целях, стремясь установить подлинный смысл Божественного откровения евреям. Евсевий, когда извлек из этой громадной сокровищницы текстов одну версию целиком, создал обдуманно или по счастливой случайности то, чего прежде не было, — корпус Св.Писания иудаизма. Прибавив к нему совокупность новозаветных писаний на греческом языке, он на следующем этапе получил христианский корпус Писаний. Спустя тысячу лет этот корпус получил знакомое нам название — *Библия*.

Демидчик А. Е. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)

**Древнеегипетские *nds.w*:
историографическая сказка
про белого бычка**

The great tragedy of Science — the slaying of
a beautiful hypothesis by an ugly fact.

T. H. Huxley

Существительное *nds* с исходным значением «юноша», «молодой человек» в египетской письменности Первого переходного периода и начала Среднего царства порой употреблялось и в переносном значении в аспекте социальном — применительно к лицам сравнительно низкого общественного положения, малоимущим, незащитным, и т. д. Без специальных исследований содержания слова египтологи середины XX в. стали усматривать это «социальное» значение почти повсюду, так что сложилось убеждение в существовании социального слоя *nds.w*, охватывавшего низы египетского общества. А поскольку «доблестными» или «справными» *nds.w* подчас называли себя даже лица высокопоставленные, утвердилось мнение, будто в Переходный период часть *nds.w* настолько разбогатела и возвысилась, что составила «своего рода средний слой... который либо, в отдельных случаях, сливался со знатью,

---

¹ De Troyer K. When did the Pentateuch come into Existence? // Die Septuagint — Texte, Kontexte, Lebenswelten. Internationale Fachtagung veranstaltet von Septuaginta Deutsch (LXX. D), Wuppertal 20.–23. Juli 2006. Hrsg. von M. Karren und W. Kraus unter Mitarbeit von M. Meiser. Mohr Siebeck, Tübingen, 2008. S. 269–286.

либо сделался настолько популярным, что вынудил знать, так сказать, рядиться под *nds.w*»¹.

В 1978 г. проделанный О. Д. Берлевым лексикографический анализ показал, что в большинстве случаев *nds* значит «юноша», «молодой человек» и производные от этого — «мóлодец», «воин»². В социальном же аспекте слово было «самым общим названием всех тех, кто может быть противопоставлен «большим»... Емкость понятия в значительной мере зависит от того, каким «большим» / «великим» эти «маленькие» противопоставляются»³. Особого «социального слоя» *nds.w*, таким образом, не существовало.

Однако за рубежом труд Берлева оставался неизвестен, и в 1980–1990-е гг. о *nds.w* стали даже писать как о своего рода «среднем классе», отличавшемся «экономической независимостью», «интеллектуальной эмансипированностью» и породившем среднеегипетскую литературу. В 1998 г. Д. Франке пришлось поэтому опубликовать статью с уничтожающей критикой таких вымыслов и пересказом выводов Берлева⁴.

Поразительным образом, — без каких-либо опровержений Берлева и Франке — часть египтологического сообщества продолжает рассуждать о «социальном слое» *nds.w*. В чем причина такой невосприимчивости к доказанной научной истине и превращения историографии *nds.w* в своего рода «сказку про белого бычка»?

Объяснить это «языковым барьером» уже невозможно, и В. Грайетски предположил, что открытие Берлева замалчивается «по идеологическим соображениям»⁵. Особенно после бесславной кончины СССР в египтологическом сообществе возобладало неолиберальное мировоззрение, связывающее прогресс и величайшие достижения — в т. ч. и древнеегипетской цивилизации — с развитием рыночных отношений, индивидуальной свободы, предприимчивости, и т. д.⁶ Без учения же о «среднем классе»-*nds.w* «неолиберальные» концепции Среднего царства утрачивают убедительность.

Однако и данное объяснение не выглядит исчерпывающим. Результаты проделанного Берлевым *лексикографического* анализа могут кому-то казаться не окончательными в свете предполагаемых *исторических* параллелей. Кроме того, разрушив важный компонент прежнего нарратива о Среднем царстве,

¹ Берлев О. Д. Общественные отношения в Египте эпохи Среднего царства. Социальный слой «царских Hmww». М., 1978.

² Там же. С. 73–125.

³ Там же. С. 100–101.

⁴ Franke D. Kleiner Mann (*nds*) — was bist Du? // Göttinger Miszellen. 1998. Ht. 167. S. 33–48.

⁵ Grajetzki W. The People of the Cobra Province in Egypt. Oxford; Philadelphia, 2020. P. 25, nt. 92.

⁶ Ibid. P. 9–12.

Берлев и Франке не предложили ему замену. Возникшая в результате «пустота» сильно ограничила возможности сочинять «концептуализированные» повествования о Среднем царстве, с чем не готовы смириться египтологи, ожесточенно конкурирующие на рынке исторических теорий и нарративов¹.

Емельянов В. В. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)
Эпос и календарь в древней Месопотамии²

В настоящее время создались благоприятные условия для изучения эпического времени на материале самых ранних известных эпосов, созданных на шумерском и аккадском языках и записанных на глине во II–I тыс. до н. э. Эти новые условия связаны с публикациями большого числа так наз. “пояснительных текстов” (Explanatory Texts)³, в которых сюжеты того или иного эпоса имеют календарную датировку. В докладе впервые ставится вопрос о конкретном содержании эпического времени в литературе древней Месопотамии. На основании анализа двух групп клинописных источников — эпических произведений и комментаторской литературы — проверяются три теории эпического времени (М. М. Бахтин, Я. В. Васильков, Н. Фрай)⁴.

Установлено, что в случае каждого из рассмотренных текстов существует конкретное календарное время, в котором разворачивается действие эпоса. Зачастую эпос является частью праздника. В частности, шумерский эпос о подвигах Нинурты приходится на месяц Аййару (апрель-май). Вавилонский

---

¹ Напр., Moreno García J. C. Social inequality, private accumulation of wealth, and new ideological values in late 3rd millennium BC Egypt // Rich and Poor — Competing for resources in prehistoric societies. Halle (Saale), 2016. P. 500–503.

² Исследование выполнено при поддержке гранта РФФ N 19–18–00085 «Календарные праздники древнего Востока: календарный ритуал и роль темпоральных представлений в формировании традиционного сознания народов древнего мира».

³ Livingstone A. Mystical and Mythological Explanatory Works of Assyrian and Babylonian Scholars. Oxford, 1986; Livingstone A. Hemerologies of Assyrian and Babylonian Scholars (Cornell University Studies in Assyriology and Sumerology). Bethesda, 2013; Frahm E., Jiménez E. Myth, Ritual, and Interpretation. The Commentary on Enūma eliš I–VII and a Commentary on Elamite Month // Hebrew Bible and Ancient Israel. Interpreting the Interpreters: Hermeneutics in Ancient Israel and Mesopotamia. 2015. No. 3. P. 293–343; Reynolds F. A Babylonian Calendar Treatise: Scholars and Invaders in the Late First Millennium BC. Edited with Introduction, Commentary, and Cuneiform Texts. Oxford, 2019. Комментариям также посвящен сайт Cuneiform Commentaries Project. URL: <https://ccp.yale.edu>

⁴ Бахтин М. Эпос и роман. СПб.: Азбука, 2000; Васильков Я. В. Учение о Времени как судьбе в индийском эпосе // Радловский сборник / Научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2008 году. СПб.: 2009. С. 48–53; Frye N. Anatomy of Criticism. Four Essays. Princeton, 2000.

эпос «Энума элиш» связан с первым месяцем календаря Нисанну (март-апрель). События эпоса о Харабе охватывают целое полугодие (октябрь — апрель) с указанием на самые значительные дни каждого месяца. В текстах «Смерть Бильгамеса» и «Бильгамес и Подземный мир» датой спортивных праздников и поминовений указан 9-й день месяца Абу (июль-август). В докладе приводится новый аргумент в защиту гипотезы Г. Раулинсона о соответствии таблиц эпоса о Гильгамеше и знаков зодиака¹: в опубликованном недавно комментаторском тексте Воды Смерти из X таблицы эпоса сопоставляются с десятым зодиакальным знаком Козерог и планетой смерти Марсом². Таким образом, путь Гильгамеша через Воды Смерти оказывается путем Солнца к свету после зимнего солнцестояния. Выдвигается гипотеза о календарном характере эпоса об Эрре. Этот текст, возможно, связан с девятым месяцем календаря Кислиму (ноябрь-декабрь), в котором почитался бог мрака и смерти Нергал-Эрра.

На основании приведенных данных становится понятно, что актуальным временем месопотамских эпических текстов является не какое-то неразличимое абсолютное прошлое, а время культового календаря. В полном соответствии с классификацией Василькова мы видим в самых ранних эпических текстах представление о вечном возвращении и связанные с ним космогонические мифы. Что же касается эпоса о Гильгамеше, то заложенный в нем диалог архаического и героического времен способствует соотносению жизни главного героя с путем солнца на протяжении года. Точно так же подтверждается и теория Н. Фрая: мы отчетливо видим соотношение сезонов года и эпических сюжетов. Однако уникальность месопотамского материала в том, что эпическое время здесь буквально соотносено с ритуалами и имеет точные датировки вплоть до дней. Вопреки мнению Бахтина, эпос древней Месопотамии призван выразить не национальное начало, а смену времен года и связанную с этим смену адаптационных моделей коллективного поведения. Эпический мир не отделен от современности, потому что современность пребывает в кругу постоянно повторяющихся событий, и в этом кругу даже катастрофы рассматриваются как временные явления, занимающие свое небольшое место в структуре мирового порядка. Источниками же эпоса являются не национальные предания и не циклы сельскохозяйственных работ, а климатические явления, присущие Междуречью на протяжении года.

¹ Емельянов В. В. Аккадский эпос о Гильгамеше и вавилонский зодиак (историография и аргументация гипотезы) // Мистико-эзотерические движения в теории и на практике. Пятая международная научная конференция «История и дискурс: историко-философские аспекты исследований мистицизма и эзотеризма». СПб., 2012. С. 7–19.

² Wee J. Z. A Late Babylonian Astral Commentary on Marduk's Address to the Demons // *Journal of Near Eastern Studies*. 2016. No. 75/1. P. 127–167.

Карлова К. Ф. (ИВ РАН, Москва)

Змееборческий миф в Древнем Египте: политико-идеологические аспекты¹

В древнеегипетской мифологии сюжеты борьбы со змеем известны уже с III тыс. до н. э. Это сражение, в котором солнечный бог или его защитники борются со змеем, воплощающим хаос — *исефет* в древнеегипетской терминологии. Особую роль в этом мифологическом сюжете играет бог Сет, который выступает в качестве непосредственного противника змея уже в «Текстах саркофагов».

Наибольшее распространение змееборческий сюжет получает в период правления XIX династии, а образ Сета, повергающего змея, фиксируется в изобразительной традиции². На многих памятниках Сет, пронзающий копьём змея, изображается с иконографическими атрибутами западносемитского бога Баала. Это связано с тем, что Рамсес II делает Сета своим личным богом-покровителем, однако в иконографической традиции Сет принимает на себя определенные черты, которые были характерны для Баала ввиду схожих функций этих богов. Мифологема борьбы Сета со змеем Апопом и его роль защитника космического порядка должны были сблизить Сета с образом Баала, который также являлся богом-змееборцем³. При этом избрание Сета (Сета-Баала) в качестве бога царской власти и личного покровителя фараонов должно было быть связано с происхождением царской династии.

Религиозная и идеологическая деятельность Рамсеса II позволяет говорить о его целенаправленных попытках придать XIX династии статус легитимной, поскольку она могла быть связана с гиксосскими правителями или теми азиатами, которые остались в Египте после изгнания гиксосов. Тогда вопрос тождества Сета и Баала и их необычайной популярности в рамессидскую эпоху необходимо решать именно в связи с характерным для XIX династии вниманием к гиксосской традиции. Мифологема убийства змея Сетом приобрела наиболее широкое распространение в эпоху Рамсеса II в связи с тем существенным влиянием, которое могла оказать на нее переднеазиатская традиция, связанная с мифом о змееборчестве. Характерно, что после прав-

---

¹ Тезисы публикуются в рамках гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых — кандидатов наук, № МК-2320.2020.6. «Эволюция культа Сета как пример религиозного синтеза на территории Египта и Передней Азии во второй половине II—I тыс. до н. э.».

² Подробнее по этому вопросу с отсылками к источникам и литературе см.: Карлова К. Ф. Крылатый Сет и его связь с солнечным божеством // Восток (Oriens). 2016. № 3. С. 6–19.

³ О Ба⁴лу. Угаритские поэтические повествования. Перевод с угаритского, введение, комментарии И. Ш.Шифмана // Памятники письменности народов Востока. CV, 2. М., 1999. С. 59.

ления XIX династии иконографический сюжет о Сете (-Баале)змееборце больше не используется, но идеологическую преемственность по отношению к нему обнаруживает памятник, гораздо более поздний по происхождению. Речь идет о рельефе из храма Хибиса в оазисе Харга¹, который обычно датируется временем правления Дария I (XXVII династия), поскольку основная часть этого святилища была возведена в правление династии Ахеменидов. На рельефе представлена сцена повержения сокологоловым Сетом змея Апопа, типологически схожая с изображениями времени Нового царства. Однако использование мифологемы убийства Сетом змея в правление персидской династии в Египте не подтверждается другими источниками и, по-видимому, не имеет ничего общего с правлением Дария I. По ряду признаков этот рельеф нужно датировать периодом римского господства в Египте, когда в оазисах Западной пустыни Египта (Харга и Дахла) процветал культ бога-змееборца.

Козырева Н. В. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)

Городские кварталы (шум. *dag-gi4-a*, акк. *bābtum*) как социальные и хозяйственные институты Южной Месопотамии конца III – начала II тыс. до н. э.

В конце IV тыс. до н. э. население Южной Месопотамии выработало оптимальную модель организации социальной и хозяйственной жизни в специфических природных условиях данного региона, которую можно условно обозначить как городская система². Каждая такая система объединяла определенную территорию и людей, живших на ней, в единый хозяйственный и социальный механизм, состоявший из нескольких автономных единообразно устроенных крупных хозяйств. Центром такой системы был город, где жила основная часть населения. Городское сообщество состояло из нескольких отдельных групп, членство в которых было связано с принадлежностью к персоналу того или иного крупного хозяйства. Каждая такая группа не только занимала свою часть городского пространства (как физического, так и хозяйственного), но и имела свое выборное представительство в городском управлении. Традиционная система четко разработанных правил общежития и взаимных обязательств объединяла жителей города в единый коллектив. Такого рода городские системы, постепенно неизбежно размываясь и изменяясь, просуществовали в Южной Месопотамии почти две тысячи лет до середины II тыс. до н. э.

¹ Davies N. de G. The Temple of Hibis in El Khargeh Oasis. Pt. III. The decoration. New York, 1953.

² Козырева Н. В. Очерки по истории Южной Месопотамии периода ранней древности (VII тыс. до н. э.–середина II тыс. до н. э.). СПб., 2016.

Собственно городское население региона после пика урбанизации (первая половина III тыс. до н. э.), по-видимому, росло незначительно. Тем не менее, пустые пространства внутри городских стен постепенно застраивались и заселялись, в основном, вероятно, за счет пришлого населения, которое обустраивалось здесь с разрешения высшей городской администрации и находилось под ее непосредственным контролем. Социум новых кварталов (шум. *dag-gi4-a*, акк. *bābtum*) выстраивался по традиционной городской модели с определенным уровнем внутреннего самоуправления и юрисдикции и с городским чиновником (*ugula*) во главе каждого квартала. Особенно заметным появлением новых резидентных кварталов в городах Южной Месопотамии становится в конце III тыс. и в начале II тыс. до н. э., что было, очевидно, связано с притоком в это время на территорию Южной Месопотамии мигрантов с соседних западных и северо-западных территорий.

До сравнительно недавнего времени упоминания термина *dag-gi4-a/bābtum* были известны преимущественно из письменных памятников начала II тыс. до н. э. Новые данные о роли и статусе городских кварталов в конце III тыс. до н. э. стали доступны исследователям после публикации неизвестного ранее списка законов царя Ур-Наммы, составленного в XXI в. до н. э.¹ Несколько законодательных установлений, зафиксированных в данном тексте, затрагивают отдельные аспекты деятельности городского квартала (статьи *C 3–6* касаются пропажи домашнего скота и ложного заявления о пропаже имущества; см. Civil 2011, 231). Судя по этим свидетельствам, в последние века III тыс. до н. э. городские кварталы Южной Месопотамии представляли собой относительно автономные социальные и хозяйственные институты со своим уровнем самоуправления, юрисдикции и коллективной ответственности. Такое устройство городских кварталов сохранялось в Южной Месопотамии, судя по законам Хаммурапи, и в последующие столетия.

*Корниенко Т. В. (Воронежский гос. педагогический университет,
Воронеж)*

Результаты первых сезонов исследований памятника эпохи докерамического неолита Карахан Тепе в Юго-Восточной Анатолии

Карахан-тепе открыт в 1997 г. на расстоянии 63 км к востоку от г. Шанлыурфа в Юго-Восточной Турции. Этот памятник эпохи докерамического

---

¹ Civil M. The Law Collection of Ur-Namma // George A. R. (ed.), with contributions by M. Civil, G. Frame, P. Steinkeller, F. Vallat, K. Volk, M. Weeden, and C. Wilcke. *Cuneiform Royal Inscriptions and Related Texts in the Schøyen Collection. Cornell University Studies in Assyriology and Sumerology (CUSAS)*. Vol.17. Bethesda, Maryland, 2011. P. 221–286.

неолита расположен на высоком плато над равниной Харран, подобно таким местам как Гёбекли Тепе, Хамзан Тепе и Ени Махалле, в гористой местности региона Урфа¹.

В 2000 и 2011 гг. турецкими археологами проводилось предварительное обследование Карахан-тепе. Его площадь определена в 60 000 кв. м. Анализ собранных каменных орудий и изделий при сопоставлении их с материалами других ранненеолитических памятников дает основание предполагать временем функционирования поселения на Карахан Тепе период конца докерамического неолита А (PPNA), раннего и среднего докерамического неолита Б (PPNB) (IX тыс. до н. э. в калиброванных датах). Особое значение этого места определено по зафиксированным здесь 266 монолитным Т-образным стелам, сделанным из известняка, вершины которых выступали над поверхностью земли на 50–60 см. Высота стел, которые были изъятые из земли в ходе проводившихся здесь ранее незаконных раскопок, от 1 до 2 м, толщина — от 20 до 25 см, ширина — от 50 до 90 см. На некоторых Т-образных стелах сохранились рельефные или процарапанные изображения животных: змей, кролика, газели и других².

С конца XX в. Т-образные стелы высотой от 1 до 7 м и весом до 50 т обнаружены на нескольких памятниках региона Урфа X–IX тыс. до н. э., многие из этих объектов были зафиксированы *in situ* в культовых сооружениях общественного значения. Подробно материалы таких конструкций изучены в ходе исследований Невали Чори и Гёбекли Тепе. В настоящее время Гёбекли Тепе известен на весь мир как прекрасно сохранившийся, построенный ранне-неолитическими сообществами комплекс круглоплановых мегалитических сооружений, наполненных Т-образными нередко рельефно украшенными сложным рисунком стелами и скульптурой³. По своим размерам он в 3 раза превышает Карахан Тепе.

Стационарные раскопки расположенного в 30 км от Гёбекли Тепе в природном заповеднике гор Тэк-Тэк Карахан Тепе начаты международной экспедицией под руководством профессора Стамбульского университета Неджми Карула с 2019 г. Первый сезон длился всего 17 дней и подтвердил культурную близость материалов Карахан Тепе с данными Гёбекли Тепе. Весьма вероятно,

¹ Moetz F. K., Çelik B. T-shaped pillar sites in the landscape around Urfa // Matthews R., Curtis J. (eds.). Proceedings of the 7th International Congress on the Archaeology of the Ancient Near East. 12 April–16 April 2010, the British Museum and UCL. Vol. 1. Mega-cities & Mega-sites. The archaeology of consumption & disposal, landscape, transport & communication. London, 2012. P. 695–709.

² Çelik B. Karahan Tepe: a new cultural centre in the Urfa area in Turkey // Documenta Praehistorica. 2011. Vol. 38. P. 241–253.

³ Шмидт К. Они строили первые храмы. Таинственное святилище охотников каменного века. Археологические открытия в Гёбекли Тепе. СПб., 2011.

что эти центры в какой-то период функционировали одновременно. Осенью 2020 г. полевые исследования на Карахан Тепе были продолжены, вскрытые участки на восточном склоне холма показали различные типы конструкций и приемы строительства того времени. Ряд построек, круглоплановые и прямоугольные в плане, сделаны из камней; другие (круглоплановые и подпрямоугольные) — путем выдалбливания их помещений по периметру в известняковом грунте.

Из символов докерамического неолита, хорошо известных по памятникам этого времени на территории Юго-Восточной Анатолии и стран Восточного Средиземноморья, помимо поражающего количества Т-образных стел, на Карахан Тепе открыты рельефные и процарапанные изображения змеи, диких животных. Также обнаружены скульптуры в форме голов человека и диких животных, зоо-антропоморфных мужского и женского существ с явно выраженными признаками пола.

Продолжение исследований на Карахан Тепе даст дополнительные важные данные для понимания процессов ранней неолитизации в Юго-Восточной Анатолии и зоне Плодородного полумесяца в целом.

Кудряшов П. Н. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)

Проблема набожности древних египтян эпохи Среднего царства: историографический обзор

В Египте Старого царства (XXVIII–XXIII вв. до н. э.) религия имела преимущественно «общинный» характер: под руководством царя люди сообща трудились для богов, рассчитывая на их ответную благосклонность всему сообществу, возглавляемому и персонифицированному государем. Однако гибель Мемфисской монархии и смуты Первого переходного периода привели к существенным изменениям в религиозном сознании древних египтян. В России на это указывал уже Б. А. Тураев, а развернуто данная проблема была поставлена к середине XX в. Дж. Брэстедом и Дж. Уилсоном, подчеркивавшими противоречивость религиозного развития в ту эпоху: от проявлений религиозного пессимизма до приближения к «личной набожности»¹. В конце XX–начале XXI вв. круг обсуждаемых в этой связи вопросов значительно расширился и основательность их рассмотрения возрастает: некоторым посвящены специальные монографии или ряд статей.

В части изучения представлений о посмертной участи огромное значение имела завершившаяся публикация «Текстов саркофагов» и новых

¹ Теперь, напр., см. Assmann J. *The Mind of Egypt*. New York, 2003. P. 157–195.

археологических данных с кладбищ, позволяющая переосмыслить так называемую «демократизацию» загробных верований после Старого царства и развитие их этической составляющей.

Исследования же «посюсторонней» религиозности, направленной на обустройство текущей жизни, помимо культовой деятельности царей посвящены:

- проблеме «не-должностной» вовлеченности египтян Среднего царства в организуемое властями культовое служение богам¹;
- проблеме религиозной, культовой и магической составляющих обыденной жизни египтян²;
- представлениям о взаимоотношениях богов с индивидом и складыванию элементов «личной набожности»³
- местным культам обожествленных людей («местных святых»)⁴;
- «письмам мертвым»⁵
- восприятию Пустыни как особого религиозного пространства⁶.

В последние десятилетия пришло понимание того, что информационные возможности письменных источников по данной теме очень ограничены и при существующих методиках исследования почти исчерпаны. Следствием этого стало более широкое использование данных археологии и все возрастающее внимание к так называемой «археологии поселений»⁷.

¹ Демидчик А. Е. Безымянная пирамида: Государственная доктрина древнеегипетской Гераклеопольской монархии. СПб., 2005. С. 85–99; Dewsbury L. M. Invisible religion in ancient Egypt: a study into the individual religiosity of non-royal and non-elite ancient Egyptians. Birmingham, 2017. P. 85–130.

² Baines J. Practical Religion and Piety // *The Journal of Egyptian Archaeology*. Vol. 73, 1987 P. 79–98; Dewsbury L. M. Op.cit.; Mota S. Beyond the obvious: the Middle Kingdom sources and its contribution to the study of household religion in ancient Egypt // ENiM — Une revue d'égyptologie sur internet, 2018. P. 23–32.

³ Ausec C. L. *Gods Who Hear Prayers*. Berkeley, 2010 P. 8–22; Luiselli M. *Die Suche nach Gottesnähe. Untersuchungen zur Persönlichen Frömmigkeit in Ägypten von der Ersten Zwischenzeit bis zum Ende des Neues Reiches*. Wiesbaden, 2011 S. 42–44, 183–184;

⁴ Образцовое исследование на эту тему — Franke D. *Das Heiligtum des Heqaib auf Elephantine*. Heidelberg, 1994. XVI, 289 S., Tf.; с указанием новейшей литературы теперь см.: Большаков А. О. Стелы из ал-Қаср ва ас-Сайада // *Aegyptiaca Rossica*. Вып. 4. 2016. С. 43–110.

⁵ Литература перечислена в: Troche J. *Letters to the Dead* // *UCLA Encyclopedia of Egyptology*, 2018. <https://escholarship.org/uc/item/6bh8w50t>.

⁶ Демидчик А. Е. Древнеегипетская «Пустыня» — «земля бога» // *Вестн. Новосиб. гос. ун-та : История, филология*. 2015. Т. 14. Вып. 1: История. С. 9–18; Лебедев М. А. *Слуги фараонов вдали от Нила*. М., 2015. С. 322–336.

⁷ Quirke S. *Exploring Religion in Ancient Egypt*. Chichester; Malden, 2015.

Лебедев М. А. (ИВ РАН, Москва)

Полевые эпиграфические исследования в Восточном некрополе Гизы: история, проблемы и перспективы

Гиза — один из важнейших древнеегипетских некрополей, получивший особую известность благодаря пирамидам царей IV династии, а также богато оформленным монументальным гробницам знати. Изучение эпиграфических памятников Восточной Гизы началось в первой четверти XIX в., на заре современной египтологии, и продолжается по сей день. С 1996 г. на восточной окраине плато работает Российская археологическая экспедиция, одной из важнейших задач которой является документирование и публикация текстов и изображений, что сохранились в скальных гробницах Древнего царства. За четвертьвековую историю экспедиции эпиграфические работы решали разные задачи, менялась и методика копирования. Анализ промежуточных итогов полевой эпиграфической работы отечественных специалистов в Восточной Гизе, равно как и формулирование задач для будущих исследований, невозможны без систематизации опыта предыдущих эпиграфических работ в этой части некрополя.

Доклад посвящен истории полевых эпиграфических исследований в Восточной Гизе со времен первых египтологов XIX в.¹ до европейских², американских³ и египетских⁴ экспедиций XX в., а также современной российской экспедиции⁵. Выделяются три основных этапа развития эпиграфических исследований в Гизе: антикварианизм, типологический, контекстуальный.

---

¹ Usick P., Manley D. *The Sphinx Revealed: A Forgotten Record of Pioneering Excavations*. London, 2007; Champollion J.-F. *Monuments de l'Égypte et de la Nubie*. Vol. IV. Paris, 1845; Lepsius K. R. *Denkmäler aus Ägypten und Äthiopien*. Textbände: Bd. I; Tafelwerke: Abt. II, Bd. III. Berlin, 1849–1859; Mariette A. *Les mastabas de l'ancien Empire*. Paris, 1889.

² Curto S. *Gli scavi italiani a el-Ghiza (1903)*. Roma, 1963.

³ Dunham D., Simpson W. K. *Giza Mastabas*. Vol. 1. *The Mastaba of Queen Mersyankh III*. Boston, 1974; Kendall T. *An Unusual Rock-Cut Tomb at Giza*. *Studies in Ancient Egypt, the Aegean, and the Sudan* // Simpson W. K., Davies W. M. (eds.). *Essays in Honor of Dows Dunham on the Occasion of his 90th Birthday*. June 1, 1980. Boston, 1981.

⁴ Fakhry A. *Sept tombeaux à l'est de la Grande pyramide de Guizeh*. Le Caire, 1935; Badawy A. *The Tombs of Iteti, Sekhemankh-Ptah, and Kaemnofret at Giza*. Berkeley; Los Angeles; London, 1976.

⁵ Kormysheva E., Malykh S., Vetokhov S. *Giza Eastern Necropolis I. The Tomb of Khafraankh*. Moscow, 2010; Kormysheva E., Malykh S., Lebedev M., Vetokhov S. *Giza Eastern Necropolis III. Tombs of Tjenty II, Khufuhotep, and Anonymous Tombs GE 17, GE 18, GE 47, GE 48, and GE 49*. Moscow, 2015; Kormysheva E., Malykh S., Lebedev M., Vetokhov S. *Giza Eastern Necropolis IV. Tombs of Perseneb, Ipy, and Anonymous Tombs GE 23, GE 40, GE 56, GE 57, and GE 58*. Moscow, 2018.

В контексте изучения взаимоотношений России и Востока особый интерес представляют работы русских белоэмигрантов, внесших заметный вклад в документирование эпитафического наследия Древнего Египта. Один из них, Николай Мельников, работал иллюстратором в составе американской экспедиции в Гизе под руководством Дж. Э. Райзнера. Несмотря на то, что рисунки Н. Мельникова, сделанные с эпитафических памятников, часто неточны, они весьма красноречиво характеризуют методику работы с эпитафическими памятниками в поздние годы жизни Дж. Э. Райзнера.

Сопоставляя данные по уже проведенным полевым эпитафическим изысканиям, автор выделяет основные проблемы, с которыми приходится сталкиваться при работе с корпусом опубликованных эпитафических источников из Восточной Гизы: неравномерный охват памятников, неоднородность методик и техник, использованных при передаче трехмерных рельефов в двухмерных копиях, ошибки художников и эпитафистов. Многие гробницы на территории Восточного некрополя — одной из наиболее посещаемых частей Гизы — нуждаются сегодня в срочном и качественном документировании сохранившихся рельефов. Необходимый баланс между скоростью и качеством может быть достигнут за счет современных техник цифровой эпитафики.

Лопатин М. Д. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)

Проблема праведного страдальца и божественной несправедливости в древневосточных, античных и раннехристианских сочинениях

Последовательное развитие представлений о месте зла в мире, созданном высшей силой, и о причинах страданий праведных людей прослеживается не только в библейских, античных и раннехристианских, но и в целом ряде месопотамских и египетских произведений. Некоторые из них можно было бы достаточно условно назвать теодицеями («богооправданиями»), однако их целью главным образом являлось восхваление того или иного бога и возвышение его над остальными. Поэтому употребление термина «теодицея» в отношении древневосточных текстов не совсем корректно¹. Безусловно, вопросы о том, почему бог допускает существование зла и почему страдают невинные, волновали и древних авторов. При этом нельзя считать справедливым расхожее мнение о том, что политеистическое мировоззрение древних связывает зло лишь со злыми духами и божествами.

---

¹ Клочков, И. С. Старовавилонская поэма из цикла сочинений о невинном страдальце // ВДИ. 1978. №143/1. С. 19.

В шумерской и ассиро-вавилонской литературе («Человек и его бог», «Муж со стенаньем...», «Восславлю я владыку мудрости», «Вавилонская теодицея») именно боги творят зло и в силах избавить человека от страданий, однако причина их гнева или милости может оставаться неясной; начинает формироваться теоцентристская точка зрения, хотя индивидуум все еще находится в центре внимания. В египетской мифологии зло чаще рассматривается в рамках глобального противостояния космического порядка-Маат и хаоса-Исфет; в таких текстах, как «Поучения Мерикара»¹ и «Речения Ипусера»², способные к состраданию боги-создатели творят зло в ответ на бесчинства людей, осуществляя тем самым божественное правосудие, при этом акцент делается на страдании не отдельных людей, а общества в целом³.

Теоцентризм окончательно утверждается в библейской книге Иова: в отличие от месопотамских поэм, дистанция между человеком и богом здесь очень велика, при этом Иова некий Елиуй и сам Господь упрекают в излишнем эгоизме (Иов 34:16–20, 40:1–4, и др.); в то же время развивается представление о предопределенности и неисповедимости божественного промысла. В античной традиции проблемы зла касались, например, стоики и эпикурейцы. Согласно первым, всякое зло имеет свое предназначение и смысл, которые станут известны в будущем, а мировой порядок всецело управляется богами. Последователи эпикуреизма, в том числе Лукреций («О природе вещей»)⁴ и Цицерон («О природе богов»)⁵, отрицали участие богов в жизни людей вообще и в сотворении зла в частности.

Христианский мыслитель Лактанций («О гневе Божиим») приводит и точку зрения стоиков, и так наз. «эпикурейскую трилемму», но критикует обе позиции: основное назначение зла — в том, чтобы человек научился различать добро, в то время как зло намеренно оставлено Богом, чтобы человек мог всякий раз противостоять злу, выбирая добро⁶. Примечательно, что в трактатах Августина («О порядке вещей», «О граде Божиим», и др.)⁷ многие из зародив-

¹ Поучение гераклеопольского царя своему сыну Мерикара. Пер., комм. А. Е. Демидчика // Кузищин В. И. (ред.). История Древнего Востока: Тексты и документы. М., 2002. С. 17–23.

² Речения Ипусера. Пер., комм. В. В. Струве // Там же. С. 38–47.

³ Enmarch R. Theodicy // Dieleman J., Wendrich W. (eds.). UCLA Encyclopedia of Egyptology. Los Angeles, 2008.

⁴ Тит Лукреций Кар: О природе вещей. Пер. Ф. А. Петровского. М., 1983.

⁵ Марк Туллий Цицерон: Философские трактаты. Пер., комм. М. И. Рижского. М., 1985. С. 60–190.

⁶ Лактанций: О творении Божиим. О гневе Божиим. О смерти гонителей. Эпитомы божественных установлений. Пер., вступ. ст. В. М. Тюленева. СПб., 2007. С. 13–18, 103–104.

⁷ Блаженный Августин. Творения в 4-х т. СПб., Киев, 2000.

шихся еще в древневосточной литературе представлений о месте и назначении зла фактически собраны воедино. Они образуют целостную теозстетическую картину божественного космоса, в котором всякое зло служит некоей непостижимой высшей цели, и всякое зло противопоставлено добру и, в то же время находясь с ним в абсолютной гармонии, является частью единой Вселенной.

Макеева Н. В. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)

Сложный древний текст: как представить египетский источник современному русскому читателю

В корпусе классической египетской светской литературы есть тексты, которые до сих пор не поддаются уверенному переводу. Их понимание осложняют не только обычные проблемы сохранности и палеографии, но сам «литературный» их характер. Эти сочинения, написанные в жанре поучений и жалоб, скудны на нарративы и конкретные детали, зато изобилуют языковой игрой и малопонятной образностью. За полтора столетия египтологи сделали очень много, и все же мы до сих пор далеки от того, чтобы преодолеть очень существенные разночтения и дать «окончательный» вариант перевода. Попытка представить интересующемуся читателю гладкий текст почти неминуемо ведет к упрощению или реконструкции¹, а пересказ — не позволяет в должной мере оценить оригинальный текст².

И читательская аудитория, и египтология, и возможности для представления информации постоянно меняются, и у нас появляется возможность переосмыслить способы подачи египетского источника современному русскому читателю. Раз уж в настоящее время нет согласия специалистов относительно понимания сложных пассажей, почему бы не представить египетский текст в том виде, в каком он действительно существует в современной науке — в виде многовариантного перевода. Ведь и качественные художественные произведения, создаваемые в наше время, редко уже бывают простыми нарративами. И литература, и кинематограф последних десятилетий приучили современного человека к открытым или многовариантным финалам, а логика представления информации в привычном нам компьютерном пространстве часто разворачивается как следование по цепочке возможностей.

Подобным образом мы можем попытаться представить египетский источник, сопротивляющийся однозначному пониманию. Варианты перевода при этом не будут перечисляться в тяжеловесном последовательном комментарии,

¹ Коростовцев М. А. Размышления Хахеперрасенеба / Повести о Петеисе III. Древнеегипетская проза. М., 1978. С. 219–221.

² Тураев Б. А. Беседа Хахеперсенеба Онху со своим сердцем. / Египетская литература. М., 1920. С. 70.

но будут представлены как древовидная структура. В качестве примера можно рассмотреть первую часть текста «Жалоб Хахаперрасенеба»¹. Здесь в пределах нескольких предложений палеографические, грамматические и лексические разночтения создают возможность выбора из нескольких смысловых вариантов, каждый из которых разумен и интересен.

Малинина А. А. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)

Город Машкан-шапир — вторая столица государства Ларса (по строительной надписи царя Ларсы Син-иддинама, 1849–1842 гг. до н. э.)

В начале II тыс. до н. э. на территории Южной Месопотамии существовало несколько десятков соперничавших городов-государств, наиболее важными из которых были Ларса, Исин, Эшнунна и Мари. С возвышением государства Ларса в XIX в. до н. э. все большую роль стал играть ранее малозаметный город Машкан-шапир (совр. Абу-Дувари), располагавшийся на северо-востоке региона.

Судя по данным археологии, место, где впоследствии располагалось поселение Машкан-шапир, было обитаемым еще в IV тыс. до н. э., но постоянное поселение сформировалось здесь к XXIV в. до н. э. Рост Машкан-шапир до размеров города произошел в начале II тыс. до н. э. С этого времени и вплоть до 1763 г. до н. э., когда город был завоеван Хаммурапи и включен в состав его государства, Машкан-шапир играл роль важнейшего в Южной Месопотамии центра посреднической торговли с востоком.

Впервые город попал под контроль Ларсы в правление четвертого царя династии Ларсы Забайи (1942–1932 гг. до н. э.). Позднее Ларса на время потеряла контроль над Машкан-шапир, но снова вернула его при царе Нур-Ададе (1865–1849 гг. до н. э.). Во время правления его сына Син-иддинама (1849–1842 гг. до н. э.) были построены городские укрепления. Син-иддинам вел успешные войны с Вавилоном и на 4-м году своего царствования разгромил армию царя Сумулаэля. Он также пытался распространить свою власть и на более северные районы течения Тигра, на 5-м году правления захватил города Ибрат и Малгиум, а еще через год подверг разорению земли царства Эшнунны.

Машкан-шапир должен был стать важнейшим оплотом Ларсы на северных территориях, и с этой целью на 7-м году своего правления, как это следует из

---

¹ Gardiner A. H. The Admonitions of an Egyptian Sage from a Hieratic Papyrus in Leiden (Pap. Leiden 344 recto). Leipzig 1909. P. 95–110; Vernus P. Essai sur la conscience de l'Histoire dans l'Egypte pharaonique. Paris 1995. P. 1–33; Parkinson R. B. The Text of Khakheperreseneb: New Readings of EA 5645, and an Unpublished Ostrakon // The Journal of Egyptian Archaeology. 1997. P. 55–56.

датировочных формул, Син-иддинам обнес город мощной оборонительной стеной.

В ходе археологических раскопок Машкан-шапир в 1989 г. на месте городской стены и южных ворот были найдены фрагменты глиняных цилиндров со строительной надписью царя Ларсы Син-иддинама, посвященной возведению городской стены Машкан-шапир. Предварительная транслитерация надписи была подготовлена П. Штайнкеллером¹. В надписи Син-иддинам, как это было принято, прежде всего, перечисляет свои титулы, а также описывает свои предшествующие достижения: строительство храма Эбббар в Ларсе и проведение ирригационных работ по возвращению течения Тигра в его прежнее русло. Далее в тексте идет описание самого строительства. В докладе подробно анализируется содержание этой надписи и проводится сравнение ее с другими уже опубликованными надписями этого царя².

Судя по тексту надписи Син-иддинама, строительство городской стены в Машкан-шапир было посвящено главному божеству города богу Нергалу³; на работы по ее возведению была задействована «четверть рабочей силы моей (т. е. Син-иддинама) страны» (igi.4.gál ugnim kalam.ma.mu). За свою работу участники строительства получали исключительно высокую плату: 40 литров ячменя, 2 литра хлеба, 2 литра пива, 1 литр масла — ежедневно на каждого. В заключительной части надписи Син-иддинам говорит о том, какого процветания достигло при нем все государство и, в частности, город Машкан-шапир: площадь его значительно увеличилась, в центре города был прорыт канал, ставший источником пресной воды для горожан, велось активное строительство в жилых районах.

После смерти Син-иддинама, при последнем царе династии Ларсы Рим-Сине (1822–1763 г. до н. э.) город приобрел еще большую значимость, получив статус второй столицы государства; им управлял Син-мубаллит, брат Рим-Сина.

После падения Ларсы при Хаммурапи⁴ город постепенно пришел в запустение, что было связано с общим упадком городов юга в период правления Самсуилуны. Вплоть до парфянского периода Машкан-шапир оставался заброшенным. Небольшое поселение, основанное парфянами, просуществовало недолго, и город окончательно был покинут.

¹ Stone E., Zimansky P. *The Anatomy of a Mesopotamian City: Survey and Soundings at Mashkan-Shapir*. Winona Lake, Indiana, 2004. P. 137.

² Frayne D. *Old Babylonian Period (2003–1595 BC) / The Royal Inscriptions of Mesopotamia. Early periods*. Vol. 4. (RIME 4). Toronto, 1990.

³ Очевидно, храм Нергала в г. Машкан-шапир (*Э-меслам*) упомянут в Прологе к Законам Хаммурапи как MIŠ. LAM (Col. iva 6; см.: Driver G. R., Miles J. C. *The Babylonian Laws*. Vol. II. Oxford, 1955. P.10–11).

⁴ Charpin D. *Archives épistolaires de Mari I/2*. Archives royales de Mari. Vol. 26. Paris, 1988.

Медведская И. Н. (ИВР РАН, Санкт-Петербург)

Немного об истории и изобразительном искусстве Маннейского царства

Маннейское царство стало первым государством, сформировавшимся на Иранском плато в начале I тыс. до н. э. Клинописные источники позволяют в общих чертах восстановить историю Маннейского царства и его взаимоотношений с Ассирией и Урарту, а также локализовать маннейские владения к югу от оз. Урмия.

Манна упоминается в ассирийских источниках с середины IX в. до н. э., когда ассирийские цари предприняли попытки завоевать маннейские земли, что привело к разорению, разрушению городов и гибели населения. В 1-й половине VIII в. до н. э. Ассирия переживает кризис, походы прекращаются. Наступление начинает Урарту. Завоевав в конце IX в. до н. э. западное побережье Урмии, урарты затем продвинулись на южное побережье озера, захватив часть маннейских владений.

Все изменилось в правление Тиглатпаласара III (744–727 гг. до н. э.), который провел ряд военных и административных реформ. Теперь завоеванные территории включались в границы Ассирийского царства, местное население частично депортировалось в другие страны, оставшееся население облагалось тяжелой данью. О вторжении на территорию Манны Тиглатпаласар III не сообщает.

Образование провинций приблизило Ассирию к южным и западным границам Маннейского царства; а на севере господствовало Урарту. Манна, подвергаясь их военному давлению, вынуждена была лавировать между ними. Постепенно здесь сформировались две партии — проассирийская и проурартская. Центральная власть чаще склонялась к союзу с Ассирией, северные области Манны — к союзу с Урарту.

В 714 г. Саргон II (721–705 гг. до н. э.) усилил позиции проассирийской коалиции в Манне в результате разгрома проурартски настроенных правителей северных провинций и завоевания урартских владений в Приурмийском районе. Маннейский царь оставался данником Ассирии, но еще не верным ее союзником.

Коренным образом изменил ситуацию Ашшурбанапал (668–635/27 гг. до н. э.), покорив в 660 г. до н. э. маннейского царя; Манна до конца оставалась союзником Ассирии, будучи зависимым, но самостоятельным государством. Последний раз о существовании маннейского союзника, отправившего армию на помощь Ассирии, сообщается в 616 г. до н. э. (Вавилонская хроника). В 612 г. до н. э. Ассирия пала, а Маннейское царство было завоевано мидийским царем. Манну упоминает пророк Иеремия: «царства Арарата (*Урарту*), Минни (*Манна*), Ашкеназа (*Скифское*)»; затем следует упоминание «царей Мадай

(*Мидии*)» (Кн.Иеремии 51:27–28). Исследователи считают это библейское свидетельство реальностью 594 г. до н. э.¹

Данные письменных источников позволяют предполагать, что только в VIII в. до н. э. после прекращения кровопролитных войн начались взаимные поиски союзнических контактов между Манной, с одной стороны, и Ассирией и Урарту, с другой. Именно это и могло послужить толчком к началу культурных контактов между ними. Повлияла ли новая геополитическая ситуация на развитие культуры Маннейского царства, и именно на его изобразительное искусство?

Одним из признаков маннейской культуры являются расписные глазурованные кирпичи с фигурными и орнаментальными изображениями. Появление на них изображений ассирийских и урартских божеств и атрибутов религиозных обрядов может положительно ответить на поставленный вопрос. Что касается геометрического и растительного орнамента, то учитывая его популярность на Древнем Востоке на протяжении тысячелетий, необходимо было определить преобладание того или иного орнамента и сочетание его элементов в каждой из этих культур. И в этом случае маннейская орнаментика отражает особенности ассирийской и урартской изобразительности.

Очевидно, что VIII в. до н. э. стал наиболее плодотворным для формирования маннейской культуры в рамках взаимодействия с культурой доминирующих стран этого времени.

Мещерская Е. Н. (СПбГУ, Санкт-Петербург)

Особенности рассказа о крещении Эфиопии в «Церковной истории» Руфина (IV в.)

Христианские источники, из которых можно почерпнуть сведения о крещении Эфиопии, делятся на две группы. Первая — раннехристианская группа — Деяния апостолов 8:26–39, литература апостольских деяний, приписывающая христианизацию Эфиопии разным апостолам — Матфею, Андрею, которые не вызывают уверенности в их подлинности. Более реальные исторические факты получили описание в источниках второй группы, датируемых начиная с конца IV в. Существует два основных рассказа, которые сохранились в «Церковной истории» Руфина и «Церковной истории» Филосторгия.

В докладе мы проанализируем рассказ из «Церковной истории» Руфина Туранского. Руфин (ок. 345–410 гг.) — римский церковный деятель и писатель,

¹ Медведская И. Н. Рец. на кн.: S. Zawadski. The Fall of Assyria and Median-Babylonian relations in light of Nabopolassar Chronicle. Poznan, Delft, 1988 // ВДИ. 1992. № 1. С. 226–231.

который известен, прежде всего, как переводчик на латинский язык грекоязычных авторов, в том числе знаменитой «Церковной истории» Евсевия Кесарийского. Он дополнил текст Евсевия двумя книгами. Эти две дополнительные книги были написаны им после 402 г. и являются ценными источниками по истории христианства, поскольку донесли до нас уникальную информацию о некоторых событиях. К числу таковой относится его рассказ о христианизации «дальней» или «противоположной» Индии, так Руфин называл Эфиопию, противопоставляя ее «ближней» или «посюсторонней» Индии, т.е. Южной Аравии. В повествовании, действие которого происходит ок. 330 г., излагается история двух отроков, Фрументия и Эдезия, которые оказавшись в плену у жителей Эфиопии, не только выжили, но заняв видное положение при царском дворе, много сделали для насаждения в этой стране христианства.

Этот рассказ по своему содержанию и по форме близок к особому ряду апокрифических сказаний, посвященных теме обращения в христианство иноверного монарха. Для всех этих сказаний характерен один общий мотив — чудесное исцеление обращаемого от болезни или даже, иногда, его воскрешение апостолом Христа, который трактуется символически: недуг — это язычество, исцеление или воскрешение — освобождение от греховного заблуждения. Но повествование Руфина, в отличие от этих сказаний, имеет ряд особенностей, когда автор отступает от традиционной формы религиозной легенды, и история развивается как рассказ о совершенно реальных событиях¹.

В докладе будет рассмотрен ряд реалистичных особенностей рассказа Руфина.

1. Морское путешествие, предпринятое жителем приморского Тира философом Меропием, не было каким-то уникальным и из ряда вон выходящим для этого времени событием. О путешествиях и торговых поездках из Средиземноморья в Красное море и Индийский океан в римское и ранневизантийское время нам известно по самым разным источникам, и эта проблема получила исчерпывающее освещение в научной литературе². Рассказ Руфина будет сопоставлен с самым показательным литературным источником «Периплом Эритрейского моря»³.

¹ Rufinus Turranius. *Historia ecclesiastica*. Lib.X, cap. 9–10 // Eusebius Werke. Bd. 2. / Hrsg. E. Schwartz, dearb. Th.Mommsen. Leipzig, 1908. S. 971–973.

² Хвостов М. История восточной торговли греко-римского Египта (332 г. до Р. Х. — 284 г. по Р. Х.). Казань, 1907; Пигулевская Н. В. Византия на путях в Индию. М.; Л., 1951; Ирмшер И. Византия и Индия // Византийский временник. Т. 45. М., 1984. С. 66–71.

³ The Periplus of the Erythraean Sea by unknown Author, with some Extracts from Agatharkhides «On the Erythraean Sea» / Trnsl., ed. by G. W.B. Huntingford. L., 1980 (Harluyt Society, 2 Ser., №151); Русск. пер. см.: Бауэр Г. М. Незвестного автора «Перипл Эритрейского моря», (1–18) // Дрейер О. К. (ред.), Берзина С. Я., Куббель Л. Е. (сост.). История Африки в древних и средневековых источниках. Хрестоматия. 2-е изд. М., 1990. С. 99–110.

2. Конфликт, разгоревшийся в гавани Красного моря между командой корабля и местными жителями, также имеет под собой реальную почву и может быть истолкован вполне адекватно, исходя из особенностей экономической политики Византийской империи этого времени¹.

3. В рассказе Руфина исторически достоверным следует признать и ту его часть, где говорится о поездке одного из героев Фрументия в Александрию и его рукоположении там у архиепископа Афанасия Александрийского. Мы предполагаем, что это событие и утверждение в Аксуме епископии произошло между 346 г. и началом 350 г. Личность Фрументия, как она описана у Руфина, плохо соответствовала традиционным представлениям о церковном харизматическом лидере. Это ощущали византийские историки, и позднее некоторые из них, например, Никифор Каллист дополнил характеристику Фрументия более уместными для крестителя фразами, в том числе и такими, в которых говорилось об исцелении душ и тел крещенного им народа². Тем самым Никифор восстановил символику целительства, присущую христианским рассказам о крещении.

Москалева А. О. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)

Археологические раскопки в Кюльтепе: новейшие исследования

Древний город Канеш (соврем. Кюльтепе) был расположен в центральной Анатолии в 18 км на северо-восток от современного г. Кайсери (Турция) на пересечении важных торговых путей и являлся, по мнению многих исследователей, торговой колонией Ашшура³. Расцвет этого города приходится на начало II тыс. до н. э. (XXI-XVIII вв. до н. э.). После того, как правитель Ашшура Эришум I провел экономические реформы и упразднил государственную монополию на торговлю, многие частные фирмы и коммерческие организации

¹ Пигулевская Н. В. Византия на путях в Индию. М.; Л., 1951. С. 67–68.

² Nikephoros Kallistos. *Historia ecclesiastica*. Lib. VIII, cap. 35 // *Patrologia graeca*. T. 146. Paris, 1865. Col. 132–133.

³ Многие отечественные и зарубежные исследователи (Б. Ландсбергер, Н. Б. Янковская, И. М. Дьяконов, Т. Озгюч, М. Т. Ларсен, Х. Эрл, С. Мишель, Ф. Кулакоглу) считают Каниш торговой колонией Ашшура. Однако, к примеру, Н. Б. Янковская вслед за П. Гарелли с осторожностью использует такое определение Каниша, подчеркивая, что только пригород действительно формировался под влиянием ассирийцев и что на основании архивов Каниша нельзя считать данное поселение ни ассирийским, ни вообще акадским (Янковская Н. Б. Клинописные тексты из Кюль-тепе в собраниях СССР (Письма и документы торгового объединения в Малой Азии XIX в. до н. э.). М., 1968. С. 19, 21).

начали отправлять свои караваны в Анатолию. Ассирийцам удалось разработать систему торговых колоний, где создавались рынки, иначе «карумы» (акк. *kārum* «пристань, порт; торговый квартал»). В документах, обнаруженных в Кюльтепе, упоминаются около 40 названий таких поселений, в которых наряду с местным населением жили и торговали ассирийские купцы.

Что касается археологии, Кюльтепе является одним из крупнейших теллей Центральной Анатолии. В конце XIX–начале XX вв. исследователи обычно проводили раскопки в поисках табличек или древних артефактов, а местные жители использовали землю с холма в хозяйственных целях. Планомерные научные раскопки начались в 1948 г. под руководством профессора, доктора факультета филологии, истории и географии Университета Анкары Тахсина Озгюча (Tahsin Özgüç) совместно с Турецким историческим обществом и Главным управлением древностей и музеев. Раскопки проводились ежегодно на протяжении 57 лет вплоть до смерти Т. Озгюча, а затем с 2006 г. продолжались под руководством проф. Фикри Кулакоглу.

Ежегодные археологические раскопки дают богатейший материал¹. Кюльтепе состоит из двух частей — Канеш и Карум. На круговом холме (*Канеше*) было обнаружено 18 культурных слоев. Фаза III бронзового века — период установления тесных отношений с Месопотамией и Северной Сирией — характеризуется монументальными зданиями, наличием импортной керамики, цилиндрическими печатями и ювелирными изделиями. В в Нижнем городе, *Каруме*, который оставался заселенным около 250 лет, были обнаружены четыре жилых слоя, последний из которых был двухъярусным. В слое II — период экономических связей с Ашшуром — были обнаружены многочисленные клинописные документы. Из письменных источников мы узнаем, что, вероятно, в период расцвета Канеш-Карум был укрепленным городом, окруженным сильной стеной. В этом городе имели первостепенное значение добыча полезных ископаемых и текстильное производство. В Кюльтепе было найдено более 20 000 глиняных табличек. Большинство этих документов являются архивами купцов и семей, ведущих торговые дела в Анатолии². Документы из Кюльтепе хранятся во многих музеях мира, а семейные архивы ежегодно публикуются

¹ Археологические отчеты о раскопках в Кюльтепе с 1948 года опубликованы на базе Турецкой исторической организации в Анкаре (Türk Tarih Kurumu) — <https://www.ttk.gov.tr>. С 2008 года ежегодные отчеты экспедиции освещаются в рамках Археологического проекта исследования поверхности в Кайсери (Kayseri Arkeolojik Yüzey Araştırması Projesi KAYAP).

² Примером таких архивов являются: архив семьи Шу-Иштара (Erol H. Kültepe Tabletleri XI-a: The Archive of Su-İhtar. Türk Tarih Kurumu, Ankara, 2018), архив Кулии (Veenhof K. R. Kültepe Tabletleri V: The Archive of Kuliya, Son of Ali-abum (Kt. 92/k 188–263). Türk Tarih Kurumu, Ankara, 2010), архив Шалим-Ашшурпа (Larsen M. T. Kültepe Tabletleri VI-a. Türk Tarih Kurumu Yayınları, Ankara, 2010).

в серии «Клинописные тексты из Кюльтепе»¹, освещаая все стороны жизни общества в Ашшурской колонии.

С 2013 г. на раскопе Кюльтепе собирается конференция KİM (*Kültepe International Meeting*)², в рамках которой обсуждаются все новейшие достижения в области изучения Кюльтепе³.

Мушулова А. В. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)

Семейные отношения в законодательстве и реальной практике Южной Месопотамии начала II тыс. до н. э. Вопрос наказания за супружескую измену

В конце III–начале II тыс. до н. э. в разных городах Южной Месопотамии было составлено несколько законодательных сборников, с помощью которых правители этих городов стремились регулировать различные аспекты социальной и хозяйственной жизни городского населения. Среди других казусов в них рассматривались и вопросы семейных отношений, в том числе ситуация наказания за супружескую измену; виновной в таких конфликтах чаще всего выступает жена, а потерпевшей стороной — муж⁴. Какого рода наказания предлагало законодательство? В Законах Ур-Намму (21 в. до н. э.) в § 7 сказано, что, если замужняя женщина станет инициатором интимных отношений с другим женщиной, ее следует казнить, а ее партнер должен быть свободен от наказания. В Законах Эшнунны (18 в. до н. э.) в § 28 говорится о том, что, если замужняя женщина будет схвачена на коленях другого мужчины, ее следует казнить (о наказании любовника не сообщается). В Законах Хаммурапи (18 в. до н. э.; далее ЗХ) теме супружеской измены посвящены несколько параграфов. ЗХ § 129 описывает следующую ситуацию: если замужняя женщина будет схвачена лежащей с другим женщиной, то ее следует связать вместе с этим женщиной и бросить их в воду. Если муж захочет пощадить свою жену, тогда царь должен пощадить своего раба (любовника). В ЗХ § 131 сказано, что, если муж обвиняет свою жену в неверности, хотя она не была схвачена с другим женщиной, она должна поклясться именем бога в своей невиновности, после чего может вер-

¹ В серии «Клинописные тексты из Кюльтепе» (*Kültepe Tabletleri*) к настоящему времени вышло 11 томов. Каждый том представляет обширное исследование одного или нескольких связанных между собой архивов — <https://kutuphane.ttk.gov.tr/search?query=K%C3%BClktepe+tabletleri>.

² <http://letters.ankara.edu.tr/kultepe/homepage.html>

³ Наиболее значимые доклады публикуются в виде статей в журнале *Subartu* (KİM 1 — SUBART 35 (2015), KİM 2 — SUBART 39 (2017), KİM 3 — SUBART 45 (2020).

⁴ Roth M. *Law Collections from Mesopotamia and Asia Minor*. Atlanta, 1995.

нуться домой. ЗХ § 132 посвящен случаю, когда замужнюю женщину обвиняет в прелюбодеянии третье лицо (букв. на нее «показывают пальцем в отношении другого мужчины»), и, хотя она не была схвачена с любовником, ей следует пройти водную ордалию ради своего мужа (*ana mutī-ša dīd išalli*). В ЗХ § 142–143 сообщается: если жена отречется от своего мужа и запретит ему иметь с ней супружеские отношения, то это дело должно быть рассмотрено кварталом. Если женщина невиновна, а ее муж ей изменяет и унижает ее, то она будет свободна от наказания и может взять свое приданое и вернуться в дом отца; если же женщина изменяет, растрчивает имущество дома и унижает мужа, то ее следует («могут/должны») бросить в воду (*ana tē inaddū-ši*).

Помимо законодательных сборников, от этого периода (конец III — начало II тыс. до н. э.) сохранилось немало юридических документов, в том числе более десятка судебных протоколов, в которых зафиксированы реальные, конкретные случаи разбирательства по поводу супружеской измены¹. Они происходят из трех городов Южной Месопотамии: из Ниппура, Ларсы и Ура. В рассматриваемых судебных протоколах засвидетельствованы разные варианты решения дел о супружеской неверности: женщине вместе с любовником выносятся суровое наказание² (UET V 203); с жены на суде берут клятву в невинности (NSG 24); невеста на суде сознается в измене, и жених расторгает помолвку (NSG 205 II); женщина (уличная блудница) на суде дает клятву, что она впредь не будет вступать в интимные отношения с этим мужчиной, вероятно, женатым (BM 13912; ср. Законы Липит-Иштара §30).

Один из судебных протоколов, составленный в середине 20 в. до н. э. в городе Ниппуре (IM 28051)³, подробно рассматривается в докладе. Судя по этому тексту, некий Эрра-малик, муж, обвинил свою жену, Иштар-умми, в растрате его имущества и измене. Характер наказания, к которому приговорили женщину в результате данного разбирательства, не имеет параллелей ни в законодательстве, ни в текстах других судебных протоколов: женщине бреют половые органы, прокалывают колышком нос, и в таком виде водят по городу.

¹ Westbrook R. Adultery in Ancient Near Eastern Law // Wells B., Magdalene R. (eds.). Law from the Tigris to the Tiber: the Writings of R. Westbrook. Vol. 1: The Shared Tradition. Part 2: The Tradition in Legal Practice. Winona Lake, Indiana, 2009. P. 245–287; Stol M. Women in the Ancient Near East. Boston, Berlin, 2016.

² Шум. nam.giš.dim.še₃ ba.an.sum.mu.uš «к столбованию он их приговорил»; это место исследователи переводят так: «zum Pfale verurteilte er sie» (Kraus F. R. Neue Rechtsurkunden der altbabylonischen Zeit // WO 2. 1955. S. 120–136; см. с. 131); «(the king, who) gave them to the stake» (Westbrook. 2009. P. 268); неясно, закончился ли этот инцидент казнью любовников, которых застали врасплох, или упомянутое в документе наказание заключалось в чем-то другом.

³ Greengus S. A Textbook Case of Adultery in Ancient Mesopotamia. Hebrew Union College Annual 40–41. 1969–1970. P. 33–34.

Судя по сохранившимся законодательным памятникам и судебным протоколам, реальная практика регулирования семейных отношений в Южной Месопотамии конца III— начала II тыс. до н. э. во многом сохраняла, по-видимому, традиционный характер и была гораздо разнообразнее официального законодательства, с помощью которого государство стремилось максимально унифицировать жизнь общества, в том числе и семейные отношения.

Немировская А. В. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)

Древневосточные корни иудейской и христианской традиции: вавилонский месяц поминовения усопших *абу* и прообразовательное богословие (от почитания царя Гильгамеша к Успению Пресвятой Богородицы)

В клинописных текстах из Южной Месопотамии конца III тыс. до н. э. содержится древнейшее письменное свидетельство существования особых ритуальных действий в месяц *абу* (июль-август), посвященных обрядам поминовения усопших (духов предков); в дальнейшем, во II—I тыс. до н. э. эти ритуалы упоминаются и в вавилонских, и в ассирийских источниках. С празднествами поминовения духов умерших были, в частности, связаны ритуалы в честь обожествленного царя г.Урука Гильгамеша, почитавшегося в качестве одного из правителей Загробного (Подземного) мира¹. В связи с ритуалами в честь Гильгамеша примечательно упоминание 9-го дня, или — в зависимости от интерпретации — «девятидневки» (акк. *tu-šu-²-ú UD-mi*)² месяца *абу* (Вавилонская Астролябия, 2-я пол. II тыс. до н. э.).

Иудейская диаспора Вавилонии заимствовала вавилонский календарь, о чем упоминается в Талмуде (*j. Roš Haš.* 1.56d)³. Традиция скорби 5-го вавилонского

¹ Cohen M. E. *Cultic Calendars of the Ancient Near East*. Bethesda, 1993. P. 259–261, 277, 319–321; Scurlock J. *Magical uses of Ancient Mesopotamian Festivals of the Dead* // Meyer M., Mirecki P. (eds.). *Ancient Magic and Ritual Power*. Leiden, New York, Köln, 1995. P. 93–107; George A. R. *The Babylonian Gilgamesh Epic*. Vol. 1–2. Introduction, critical edition and cuneiform texts. Oxford, 2003. P. 124–135; Гильгамеш И. М. Дьяконова: попытка реставрации. Вступ. ст. Л. Е. Когана; пер. с акк. и коммент. Р. М. Нуруллина (продолжение) // ВДИ. 2012. № 4. С. 220–263.

² *tušū²a* “Neunfaches” (GAG § 16m*) // *tušu²a* “ninefold” ОБ; *tušu²ú* adv. “on the ninth day” jB (CDA p.411) // “for nine days” (George 2003, 126) // «на девятый день» (ВДИ. № 4. 2012. С. 232 + сн. 191).

³ Ydit M. Av, *The Fifteenth of* // Skolnik F., Berenbaum M. (eds.). *Encyclopaedia Judaica*. 2nd ed. Detroit, New York, 2007. Vol. 2. P. 714–716; Vanderkam J. C. *Calendars. Ancient Israelite and Early Jewish* // Freedman D. N. (ed.). *Anchor Bible Dictionary*. Doubleday, 1992. Vol. 1.

месяца *абу* трансформировалась в иудейский траур 9-го дня месяца *ав* (евр. *tiš'ā bə-ʾāb*) по разрушенному Первому иерусалимскому храму (храму Соломона); впоследствии — Второму (отстроенному царем Иродом в I в. до н. э.), а в так наз. прообразовательном христианском богородичном богословии — в траур по усопшей Деве Марии. Основанием последнего послужило то, что, согласно христианским богословам, Иерусалимский храм (как и его «портативный» прототип — ветхозаветный Ковчег завета со скрижалями) символизировал Богородицу¹.

Связь между христианской традицией празднования Успения Богородицы (вост.-христ.), или Триумфа Девы Марии (зап.-христ.), с одной стороны, и иудейской традицией траура по разрушению Иерусалимского храма, с другой, прослежена в работах А. А. Алексеева. Импульс возникновению и развитию христианских праздников дал Миланский эдикт (313 г.). Первым новым праздником стало Рождество (*Natalis Domini*). Эфесский собор (431 г.) официально утвердил титул Богородицы (*Theotokos*). 15 августа как дата празднования Успения впервые появляется в армянских источниках V в., а затем в сирийских благодаря влиянию яркого поборника иерусалимских богослужебных традиций эдесского епископа Раббулы (ум. 435 г.). 15 августа Юлианского календаря (29 августа по Григорианскому летоисчислению) является принятым в христианской традиции соответствием 9-го дня иудейского месяца *ава*. Согласно как иудейско-раввинистическим², так и новозаветным представлениям разрушение Иерусалимского храма служит сигналом прихода в мир Мессии. По мнению исследователей, именно эта богословская концепция послужила основанием для определения даты главного богородичного праздника — Успения³.

Апокрифический цикл на сирийском языке «Исход Марии» (предположительно переведен с греческого в III в.) содержит апостольское постановление о памятных днях, посвященных Деве Марии, которые наступают трижды в году, а именно в месяцы: *канун-второй* (январь), *ияр* (май) и *ав* (август)⁴. Их основное содержание — молитва к Богородице о спасении от природных напастей.

¹ Алексеев А. А. Библия в богослужении. Византийско-славянский лекционарий. СПб., 2008. С. 46, 166–167; Мещерская Е. Н. Апокрифы о Моисее и Успение Богородицы // Битнер К. А., Лукинцова Л. А. (отв. ред.). Иудаика и библеистика. СПб., 2013. С. 124–138.

² Bliedstein G. J. Messiah in Rabbinic Thought // Skolnik F., Berenbaum M. (eds.). Encyclopedia Judaica. 2nd ed. Detroit, N. Y., 2007. Vol. 14. P. 112–113.

³ Alexeev A. A. On Jerusalem Vestiges of the Byzantine Gospel Lectionary // Catalogue of Byzantine Manuscripts in Their Liturgical Contexts: Subsidia I. Spronk K. et al. (eds.). Turnhout, 2013. P. 173–182.

⁴ Мещерская Е. Н. Времена года и богородичные праздники в сирийском апокрифе «Исход Марии» // Алексеева Е. Л. (отв. ред.). Библеистика. Славистика. Русистика: К 70-летию зав. каф. библеистики проф. А. А. Алексеева. СПб., 2011. С. 168–186.

В этом, очевидно, проявилось восходящее к глубокой древности отношение, прежде всего, к 5-му вавилонскому месяцу как к наиболее опасному в году, чреватому масштабными природными и социальными бедствиями. Неслучайно основным днем поминовения Богородицы в конечном счете оказался именно тот, который приходится на древний месяц *abu/av*.

Николаев А. Н. (Государственный Эрмитаж, ВФ СПбГУ,
Санкт-Петербург)

Ожерелье с древнеегипетскими скарабейми

В коллекции Государственного Эрмитажа под несколькими инвентарными номерами (ДВ-3054, ДВ-3055, ДВ-3056 и др.) хранится кольцо, а также серьги из золота, выполненные в египетском стиле в XIX в. При создании ожерелья было использовано двадцать семь амулетов, а также четырнадцать оригинальных египетских скарабеев, из которых десять имеют надписи или орнаментальные изображения на нижней стороне. Основываясь на фундаментальных работах по классификации известных скарабеев О. Киля¹, Д. Бен-Тор, а также на основных публикациях коллекций для большинства скарабеев удалось найти близкие по оформлению аналогии. 1) надпись: *jmn* «Амон», окруженная ожерельем; 2) надпись: *mn-hpr-rʿw* «Тутмос III», *tj.t jmn* «образ Амона»; 3) надпись: *wr-m-nfr.t* «Уп-эм-нефрет» (имя собственное); 4) изображение: цветок с четырьмя округлыми и четырьмя треугольными лепестками; 5) надпись: *mn-hpr-rʿw* «Тутмос III», кобра и двойной урей с солнцем сверху; 6) надпись: *ʿ3-hpr.w-rʿw* «Аменхотеп II», *nfr-nfr nb t3.wj* «молодой бог, владыка обеих земель», *mrw (n) jmn* «любимый Амоном»; 7) изображение: спиралевидные завитки, знак *nfr* «добрый»; 8) изображение: антропоморфное божество, солнце, лотос; 9) надпись: *hʿ dʿsr.t wd3.t nb* «появление Красной короны во всей целостности»; 10) надпись: *hʿ dʿsr.t dd nb* «появление Красной короны во всей вечности». Анализ представленных типов позволяет утверждать, что скарабеи в ожерелье относятся к очень широкому временному диапазону от начала Среднего царства до Римского периода; некоторые из них, в частности, № 10 испытали ближневосточное влияние.

Использованные в эрмитажном ожерелье амулеты это: головы змей (защита от возможных укусов), сердца (средоточие мыслей и чувств), столбы-джед (символ вечности), цветок лотоса, семенная коробочка лотоса, статуэтки Исида, Нефтиды, Ра, Амона, Хнума, Сохмет. Датироваться подобные амулеты могут эпохой Среднего царства – Римского времени, однако максимум их распространения приходится на Новое царство.

¹ Keel O. Corpus der Stempelsiegel-Amulette aus Palästina/Israel: von den Anfängen bis zur Perserzeit. Einleitung. Freiburg (Schweiz); Göttingen, 1995 и др.

Таким образом, при изготовлении эрмитажного ожерелья использовались очень разные по времени и месту производства оригинальные египетские вещи, что ставит вопрос об источнике их происхождения. Точный ответ на этот вопрос едва ли возможен; следует отметить, что создание весьма массивных золотых оправ для каждой египетской вещи, включенной в ожерелье, по стоимости должно было существенно превосходить стоимость их приобретения.

Ближайшими аналогиями следует считать ожерелье, опубликованное Д. Бен-Тор в каталоге Музея Израиля 1989 г.¹, а также ожерелье Британского музея, опубликованное в каталоге Луврского музея².

Эволюция подражаний древнеегипетским мотивам в европейской ювелирной традиции рассматривается в ряде работ, среди которых следует упомянуть каталог Британского музея³. Одним из главных трендов ювелирного искусства Европы второй половины XIX в., имеющего непосредственное отношение к рассматриваемому произведению, является распространение «археологического» стиля. Этрусские, римские, древнеегипетские мотивы стали популярными и модными в среде людей, заказывавших весьма дорогие предметы. Отличительной чертой следует считать отказ от подражания собственно египетским ювелирным украшениям; мастер XIX в. предпочел включить оригинальные египетские предметы в придуманное им самим кольцо, а не воспроизводить доступные ему по публикациям и в музейных коллекциях ожерелья древнего Египта.

С большой долей вероятности и эрмитажное кольцо было сделано в последней четверти XIX в. Возможно, оно было преподнесено в дар Александру III для его супруги Марии Федоровны.

Николаева Т. Д. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)

Повседневная жизнь городского населения Южной Месопотамии начала II тыс. до н. э.: описание домашней утвари в соглашении о возврате приданого (*PSBA 33 29*)

Отдельные свидетельства о повседневной жизни и особенностях быта городского населения Южной Месопотамии в начале 2 тыс. до н. э. содержатся в разных по жанру клинописных текстах того времени, однако, наиболее информативными в этом плане являются документы, зафиксировавшие брачные контракты и соглашения о возврате приданого. Изучение такого

---

¹ Ben-Tor D. The scarab: a reflection of ancient Egypt. Jerusalem, 1989. P. 2.

² Humbert J.-M., Pantazzi M., Ziegler C. (eds.). Egyptomania: l'Égypte dans l'art occidental, 1730–1930. Paris, 1994. P. 478–481.

³ Gere C., Rudoe J. (eds.). Jewellery in the age of Queen Victoria : a mirror to the world. London, 2010.

рода документов позволяет частично воссоздать черты домашней обстановки нуклеарной семьи (малой семьи, включающей мужа, жену и неженатых детей) в рассматриваемый период.

Приданое, которое должно было помочь девушке обустроиться на новом месте (в доме мужа или храме), как правило, включало предметы быта, необходимые для повседневной жизни. Оно оставалось в полном распоряжении женщины, а после ее смерти переходило к ее детям. Если в семье не было детей, после смерти одного из супругов или в случае развода приданое возвращалось семье невесты¹.

Примером такого рода соглашения о возврате приданого является документ PSBA 33 29². Он был составлен в городе Киш в декабре 1660 г. до н. э. в присутствии пяти свидетелей. В соответствии с соглашением некий Илиусати (тесть) после смерти своего сына вернул имущество своей невестки, Белессуну, принесенное в семью в качестве приданого, ее брату, Син-надин-шуми.

В соглашении приведена опись возвращенного имущества: 1 бронзовый котел емкостью 2 бан (20 л), 1 базальтовая зернотерка, 1 зернотерка [...], 2 кровати из древесины тополя, 6 табуретов, 1 корзина «цирюльника», 1 корзина-кип-пату, 1 корзина для табличек, 1 корзина из пальмового дерева, 1 подголовник, 1 ткацкий станок-кадабибу, 1 подставка для сосуда, 1 табуреточка под ноги, 1 бронзовая чаша, 1 зернотерка, 1 деревянная шкагулка, в которой находилась цилиндрическая печать вместе с гирьками, 4 ложки, 1 сосуд-аллу для масла. Белессуну, как указано в документе, была дочерью писца и, соответственно, ее семья занимала достаточно высокое социальное положение. О ее материальном благополучии свидетельствует также и то, что у Белессуну была собственная цилиндрическая печать и мерные гирьки, то есть она и сама вела, вероятно, какую-то хозяйственную деятельность.

Сравнение приданого Белессуну с описаниями имущества невесты, которые содержат другие брачные контракты и соглашения о возврате приданого, сохранившиеся от этого времени, показывает, что набор имущества, входившего в состав приданого, был достаточно стандартным для городской семьи: мебель для жилой комнаты (кровать, табуреты, стол), кухонная утварь (корзины для хранения, различные виды зернотерок и бронзовых и глиняных сосудов), а также личные вещи невесты (одежда, украшения и т. п.). Данные этнографии (жилища так называемых болотных арабов)³ позволяют предположить, что и в древности в состав приданого в этом регионе могли входить различные тростниковые циновки и матрасы, а также глиняные сосуды, которые обычно не указывались в контрактах, но, по всей видимости, составляли важную часть повседневного обихода.

¹ Westbrook R. (ed.). *A History of Ancient Near Eastern Law*. Leiden, 2003.

² Dalley S. *Old Babylonian Dowries // Iraq*. Vol. 42. No. 1 (Spring, 1980). P. 53–74.

³ Ochsenschlager E. L. *Iraq's Marsh Arabs in the Garden of Eden*. Philadelphia, 2004.

Орехов Р. А. (Центр египтологических исследований РАН, Москва)
Историография эпохи раннего становления Мемфиса

Тон в описании истории раннего Мемфиса во многом был задан античной историографией, точнее, Геродотом (Herodot. II. 99). «Отец истории» смог навязать будущим поколениям исследователей миф, который до сегодняшнего дня определяет наши взгляды на древнейшую эпоху истории Египта. Первая составляющая этого мифа заключается в том, что Мемфис был основан как столица в момент образования единого египетского государства и продолжал существовать на одном и том же месте как некое статичное образование. Другим компонентом мифа является личность царя Мина (в Геродотовом написании — Μῖν, Μῆν, Μεῦν) или Менеса (Μήνης) Манефона, который якобы основал этот город и для которого исследователи давно уже пытаются найти реальный исторический прототип¹.

На основании свидетельства Геродота выдающийся германский египтолог К. Зете еще в 1905 г. разработал теорию, согласно которой первый царь первой династии Мин/Менес около 3000 г. до н. э. основал Мемфис в апексе дельты Нила². В задачу этого центра входил контроль за присоединенными северными территориями и торговыми путями, которые шли на восток. К. Зете полагал, что в результате победы могущественного верхнеегипетского царства над нижним, которое располагалось в Дельте, образовалось двуединое централизованное государство, а ставка царей из верхнеегипетского Абидоса/Тина переместилась на север, в крепость «Белые стены», которая и стала ядром будущей столицы. «Белые стены» стали одновременно столицей объединенного Египта и раннего египетского государства. На месте «Белых стен» впоследствии вырос знаменитый Мемфис (Μέμφις, — *Mn-nfr*).

Подтверждение теории К. Зете как будто пришло из середины 1950-х гг., когда крупный германский археолог В. Кайзер на основе анализа распространения керамики верхнеегипетской культуры Нагада II на территории Среднего и Нижнего Египта предположил, что одной из главных причин складывания единого государства и образования новой столицы была экспансия этой культуры на север, к Средиземному морю. По его мнению, процесс культурной экспансии носителей этой культуры предшествовал экспансии политической. Последняя, по мнению ученого, проходила в форме как в форме краткосрочных рейдов верхнеегипетских правителей, направленных на уничтожение отдельных поселений Дельты, так и хорошо спланированных операций на

¹ Heagy T. C. Who was Menes? // Archéo-Nil: Revue de la société pour l'étude des cultures prépharaoniques de la vallée du Nil 2014. № 24. P. 59–92.

² Sethe K. Menes und Gründung von Memphis. Untersuchungen zur Geschichte und Altertumskunde Ägyptens III. Leipzig, 1905. S. 130.

значительной территория Нижнего Египта¹. Теории К. Зете и В. Кайзера, чьи авторитеты в науке всегда были и остаются весьма высокими, продолжают до сего дня оказывать серьезное влияние на исследователей.

Принципиально иное мнение на причину появления Белых стен высказал выдающийся отечественный востоковед Б. А. Тураев. Он писал, в частности, следующее: «Цари IV и V династий строили свои гробницы в Гизни Абусире, близ Каира, в древности у крепости «Белая стена», из которой потом развился Мемфис; возможно, что одной из причин выбора этого места было то, что это был некрополь Илиополя, священного города бога Солнца»². Как полагает в свою очередь Д. Джеффрис, возглавляющий проект исследования Мемфиса (Survey of Memphis, SoM), в Позднединастическом и Раннединастическом периодах территория восточного берега была более густо заселена и играла ведущую роль в урбанизации всего региона Мемфиса³. А если это так, то уже в додинастическое время возникают предпосылки для возвышения отнюдь не Мемфиса, а именно Гелиополя. Подчеркнем, что вывод Д. Джеффриса вполне подтверждает и знаменитый памятник Мемфисской теологии, который недвусмысленно намекает, что столицей Египта до Мемфиса мог являться именно Гелиополь⁴.

Альтернативный взгляд на причины появления Мемфиса возможен в том случае, если за исходный пункт мы будем брать не свидетельства Геродота, а Диодора Сицилийского (Diod. Sic. I, 50 (3–5)). По свидетельству историка, город построил вовсе не Мин, а Ухорей, восьмой потомок Озимандия (последний отождествляется в классической традиции с Рамсесом Великим). Историк, в частности, сообщает, что после основания города многие цари оставили Фивы и переселились в Мемфис, построив там собственные дворцы. Последнее согласуется и с данными SoM, так, все обнаруженные на данный момент объекты *in situ* на территории храма Птаха и прилегающих к нему районов, относятся к Новому царству, преимущественно к XIX династии⁵. Таким образом, согласно версии Диодора, Мемфис был намного моложе Фив. Очевидно также, что свидетельство Диодора отражает строительную активность царей именно в эпоху Нового царства.

¹ Kaiser W. Zur inneren Chronologie der Naqadakultur // *Archaeologia Geographica* 1957. № 6. S. 69–77.

² Тураев Б. А. Древний Египет. СПб., 2000. С. 49.

³ Jeffreys D. G. Hierakonpolis and Memphis in Predynastic Tradition // Hendrickx S., Friedman R. S., Ciałowicz K. M. and Chłodnicki M. (eds.) *Egypt at Its Origins. Studies in memory of Barbara Adams. Proceedings of the international conference «Origin of the state: predynastic and early dynastic Egypt»*, Kraków, 28th August — 1st September 2002 (*Orientalia Lovaniensia Analecta* 138). Leuven, 2004. P. 837–845.

⁴ Junker H. *Die Politische Lehre von Memphis*. Berlin, 1941. S. 27–30.

⁵ Jeffreys D G. *The Survey of Memphis I: the archaeological report*. London, 1985. P. 57–60.

Орлов В. П. (КФУ, Казань)

Бехистунская надпись: новые интерпретации старых проблем о династии Ахеменидов

Монументальная трилингва, высеченная на скале Бехистун по приказу Дария I, активно изучается исследователями на протяжении уже почти двух столетий. За это время многие фрагменты надписи переводились по-разному, тем самым вызывая различные интерпретации тех или иных сюжетов¹. В рамках доклада нас в первую очередь интересуют проблемы, связанные с легитимацией власти рода Ахеменидов и коммуникацией в Персидской империи.

Говоря о первой проблеме необходимо упомянуть ныне популярную у многих зарубежных исследователей, в том числе В. Хенкельмана², М. Уотерса³, Р. Роллингера⁴, идею о существовании так наз. рода Теиспидов, который не был связан с Ахеменидами по мужской линии. При этом нередко утверждается, что генеалогия Дария I, представленная в Бехистунской надписи, была подложной, а сам новоиспеченный Великий царь являлся узурпатором престола Кира Великого. Однако сторонники такой трактовки персидского источника не упоминают о матери Камбиза II и Бардии, о которой единожды сообщает Бехистунская надпись. Опираясь на данные Геродота (Hdt. II. 1; III. 2–3), можно прийти к выводу о том, что этой матерью могла быть жена Кира II Кассандана из рода Ахеменидов. Таким образом, если принять принадлежность Кассанданы к роду Ахеменидов, Дарий I имел кровное родство с Камбизом II и Бардией по матрилинейному принципу, что и могло дать ему право занять персидский трон.

¹ Абаев В. И. Перевод персидского текста Большой, или Бехистунской надписи // Хрестоматия по истории Древнего мира. 2-е изд. Т. 1. М., 1950. С. 255–263; Дандамаев М. А. Бехистунская надпись (перевод) // Рак И. В. Мифы древнего и раннесредневекового Ирана. СПб., 1998. С. 418–427; Меликов Р. С. Древнеперсидские надписи. Транслитерация, перевод, глоссарий. Баку, 2013; Bae C. H. Comparative Studies of King Darius's Bisitun Inscription. PhD Diss. Harvard University. 2001; Vallat F. Corpus des inscriptions royales en elamite achéménide. Paris, 1977; Voigtlander E. N. The Bisitun Inscription of Darius the Great: Babylonian Version. London, 1978.

² Henkelman W. F.M. Consumed before the king: The Table of Darius, that of Irdabama and Irtaštuna, and that of his satrap, Karkiš // Jacobs B., Rollinger R. (eds.). Der Achämenidenhof. Akten des 2. internationalen Kolloquiums zum Thema «Vorderasien im Spannungsfeld klassischer und altorientalischer Überlieferungen», Landgut Castelen bei Basel, 23.-25. Mai 2007 (Classica et Orientalia 2). Wiesbaden, 2010. P. 667–775.

³ Waters M. Darius and the Achaemenid Line // Ancient History Bulletin. 1996. Vol. 10. P. 11–18.

⁴ Rollinger R. Der Stammbaum des achaimenidischen Königshauses oder die Frage der Legitimität der Herrschaft des Dareios // Archäologische Mitteilungen aus Iran und Turan. 1999. Bd. 30. S. 155–209.

Вторая проблема напрямую взаимосвязана с первой и касается политической коммуникации в Ахеменидской державе как государстве имперского типа. Текст на скале Бехистун хорошо иллюстрирует обострившуюся в империи проблему коммуникации между центральной властью и периферией. Кризис вылился в мятежи, которые устроили т.н. девять царей. Нам представляется возможным допустить, что лидеры восставших зачастую были представителями влиятельной родовой знати и проживали в крупных городах или в своих доменах. Оттуда они отсылали сообщения в более мелкие населенные пункты с требованием собрать войско из свободных членов той или иной общины, которые имели право носить оружие. Эта гипотеза находит подтверждение у Геродота. «Отец истории» описывает, как знатный мидянин Гарпаг посылает Киру II сообщение с просьбой собрать войско и выступить против Астиага (Hdt. I, 125). Кир II же, чтобы собрать войско идет на обман. Он сообщает народному собранию персов (Hdt. I, 125), что Астиаг назначил его военачальником. На основании этого он приказал им явиться с серпом. То есть изначально Кир II был не властен над персами, поэтому он вынужден санкционировать возможность отдавать приказы через легитимизирующую его права фигуру общепризнанного мидийского царя Астиага. С проблемой узаконивания своего верховного статуса столкнулся и Дарий I: в первую очередь ему нужно было заручиться поддержкой иранских *kāra* («народ-войско»), а для этого следовало выстроить отлаженную систему коммуникации между политическими акторами. Именно текст Бехистунской надписи становится тем посланием, что должно окончательно узаконить власть Ахеменидов. После победы над восставшими Дарий I велел разослать копии Бехистунской надписи по всей империи. В последних строках четвертого столбца содержится любопытное выражение, а именно: *kāra hamātaxšatā* (DB. IV, 92). Данный текст сохранился плохо, и поэтому возникают трудности с его интерпретацией. Р. С. Меликов считает корректным перевод: «Народ-войско сотрудничал»¹; М. А. Дандамаев не исключал вариант «Народ работал [над её изучением?]²; А. Курт приводит варианты Р. Кента («люди работали над этим вместе»), Н. Гершевича («люди поняли это») и П. Лекока («Народ, то есть народное собрание (или «армия»), сотрудничал в этом»)³.

Словосочетание *kāra hamātaxšatā* является завершающей для основной части трилингвы, т.к. пятый столбец был добавлен позже и только на древнеперсидском языке. Соответственно последняя фраза столь монументального документа должна отражать некий итог, описанной в ней деятельности Дария I.

¹ Меликов Р. С. Древнеперсидские надписи. Транслитерация, перевод, глоссарий. Баку, 2013.

² Дандамаев М. А. Иран при первых Ахеменидах (VI в. до н. э.). М., 1963.

³ Kuhrt A. The Persian Empire: A Corpus of Sources of the Achaemenid Period. London, 2007.

А итогом соответственно стало то, что различные *kāra* («народ-войско») получили копию данной надписи и должны были выразить свою лояльность новому Великому царю.

Петина Е. А. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)

Практика гепатоскопии в Южной Месопотамии начала II тыс. до н. э.: отчеты об обследовании внутренностей животных (*têrtum*)

На всем протяжении древней истории Месопотамии практика предсказаний была очень развита, являясь частью системы миропонимания населения этой территории, поскольку все люди — от царя до пастуха — были убеждены в том, что все события в жизни государства и каждого отдельного человека предопределены и происходят по воле богов. Узнать будущее и избежать ошибочных поступков можно было с помощью разнообразных видов гаданий: по звездам, дыму, маслу, поведению животных, птиц и т.п.

Самым распространенным видом получения предсказаний была гепатоскопия — изучение печени жертвенного животного (чаще всего ягненка или козленка), а также других его внутренних органов для выявления благоприятных или неблагоприятных предзнаменований¹.

Предсказания такого рода в целом были основаны на обнаружении наличия или отсутствия аномалий в расположении и виде внутренних органов жертвенного животного. Если никаких изменений ни в положении самих органов внутри животного, ни в расположении и виде прожилок и сосудов на органах не наблюдалось, ответ на запрос считался благоприятным. Если же обнаруживалось хоть малейшее отклонение от нормы, оракул (*bārûm*) был обязан учесть, насколько существенным является такое отклонение и каким образом оно влияет на результат предсказания. Закончив анализировать внутренности, оракул составлял отчет о совершенной процедуре с описанием органов, формулируя предсказание. Зачастую полученные в процессе обследования результаты требовали дальнейшего более подробного толкования, и в таких случаях в отчете об обследовании характер предсказания не указывался.

В клинописных текстах 1-ой половины II тыс. до н. э. из Южной Месопотамии для обозначения предсказания по внутренностям животного и самого процесса обследования внутренних органов, прежде всего печени, чаще всего использовался термин *têrtum*². Начиная со II тыс. до н. э. практика составления

---

¹ Maul S. Divination Culture and the Handling of the Future // Leick G. (ed.). The Babylonian World. N. Y., London, 2007. P. 361–372.

² Biggs R. et al. (eds.). The Assyrian Dictionary of the Oriental Institute of the University of Chicago (CAD T). Chicago, 2006. P. 364.

протоколов с описанием предзнаменований, полученных путем обследования органов жертвенного животного, стала постоянной. Сохранилась целая группа текстов такого рода, по большей части из Вавилона и Сиппара, относящихся предположительно к началу II тыс. до н. э. У. Кох-Вестенхольц составила список текстов этого жанра из 37 документов¹, еще один, 38-й текст этой группы был позже издан С. Ричардсоном (NABU 2007 №3).

В докладе будет подробно рассмотрен один из текстов данного жанра (VAT 6678), датированный 10-м годом правления вавилонского царя Амми-цадуки (прим. 1638 г. до н. э.)². Он содержит последовательное описание внутренностей овцы, полученное в ходе исследования, в частности, частей ее печени, желчного пузыря, легких и толстой кишки. Это исследование (*têrtum*) было проведено для составления предсказания относительно благополучия некой женщины по имени Белтани. Документ особенно ценен тем, что является одним из немногих довольно хорошо сохранившихся образцов этого жанра с упоминанием термина *têrtum* для обозначения процесса обследования органов, а также наличием в конце вывода оракула относительно характера предсказания и датировочной формулы.

Благодаря тому, что до нас дошли тексты такого характера, мы можем получить представление о том, каким образом происходила процедура получения предсказаний, для каких целей это совершалось и что влияло на характер предсказания. Практика предсказаний была неотъемлемой частью жизни населения Месопотамии периода древности, и ее изучение расширяет наше понимание мировосприятия жителей Древней Месопотамии в целом.

Рунг Э. В. (КФУ, Казань)

Сведения иконографических и письменных источников в отношении приветствия царя во время дворцовых аудиенций в Древней Передней Азии III–I тыс. до н. э.

Аудиенции или официальные приемы при дворах правителей Древней Передней Азии в III–I тыс. до н. э. являются наиболее важным элементом повседневной жизни царского двора и находят отражение как в иконографических, так и в письменных источниках³.

¹ Koch-Westenholz U. Old Babylonian Extispicy Reports // Wunsch C. (ed.). Mining the Archives. Festschrift for Ch. Walker on the Occasion of His 60th Birthday, 4 October 2002. Dresden, 2002. P. 132–133.

² [m]u am-mi-ša-du-qa lu gal.e alam.a.an.ni šu.silim.ma.a «Год (когда) царь Амми-цадука (принес в Эметехурсаг для Забабы и Инанны) свою статую, произнося приветствие» (Ibid. P. 135. № 5).

³ Подробнее о практике царских аудиенций в Древней Передней Азии см.: Allen L. Le Roi Imaginaire. An Audience with the Achaemenid Kings // Imaginary Kings. Royal Images

Наиболее отчетливо ритуал приветствия царя в ходе таких аудиенций можно проследить на материале Древнего Египта, Древней Месопотамии и Древнего Ирана. Обращение к практикам аудиенций в этих регионах позволяет сделать вывод об эволюции церемониала, присущего аудиенциям при дворах правителей.

Следует выделить несколько наиболее показательных примеров такого рода аудиенций: 1) прием царем собственных подданных разного социального статуса; 2) прием царем иностранных правителей (в том числе, дающих клятву верности); 3) прием царем иностранных послов. В частности, материал источников (автобиографические надписи вельмож Птахшесеса и Вашптаха, пророчество Неферти, дипломатическая переписка из Телль эль-Амарнского архива и др.) позволяет показать, что в Древнем Египте неотъемлемой частью церемонии аудиенции (*nd-hrt*) было выказывание почтения царю посредством падения ниц и целования земли или ноги царя (как привилегии), подчеркивая религиозную составляющую этого действия ввиду сакрального статуса самого фараона¹.

В государствах Месопотамии, однако, приветствие царя во время аудиенций, обозначаемое словом *karābu*, уже больше зависело от социального статуса приходящего ко двору царя и от целей визита, и могло принимать форму как падения ниц с поцелуем ног правителя (*našāqu šēpī*) или земли перед ним (*našāqu qaqqaru*) (ABL 216, 842; RINAP IV 1.i.81; IV 1.ii. 64; IV 1.iii.78; IV 1.iv.8; IV 1.iv.75; SAA 17, 33), так и поднятие руки или рук (*nīš qāti*) (ко рту или перед собой) в знак приветствия (SAA 10, 198; 17, 34). Первоначально приветствие также имело некую религиозную окраску. Поднесение правой руки ко рту видно на стеле царя Хаммурапи, который стоит перед богом Шамашем в молитвенной позе.

В Древнем Иране сохранялись основные формы приветствия царя, уже принятые в Месопотамии, однако, как кажется, дворцовые церемонии уже вышли за пределы царского двора и превратились в приветствие нижестоящими вышестоящих по социальной иерархии, что способствовало понижению

---

in the Ancient Near East, Greece and Rome / Ed. by O. Hekster, R. Fowler. Stuttgart, 2005. P. 39–62; Portuese L. Interaction between king and foreigners: visitors at the Assyrian Court of Sargon II // Imperial Connections. Interactions and Expansion from Assyria to the Roman Period. Vol. 2. Proceedings of the 5th “Broadening Horizons” Conference (Udine 5–8 June 2017), Trieste / Ed. by K. Gavagnin, R. Palermo. Trieste, 2020. P. 137–154.

¹ Breasted J. H. Ancient Records of Egypt. Historical Documents from the Earliest Times to the Persian Conquest I. Chicago, 1906. P. 118; Picardo N. S. (Ad)ressing Washptah. Illness or Injury in the Vizier’s Death, as Related in his Tomb Biography // Millions of Jubilees. Studies in Honor of David P. Silverman II / Ed. by Z. Hawass, J. H. Wegner. Cairo, 2011. P. 95; Morris E. F. Bowing and Scraping in the Ancient Near East. An Investigation into Obsequiousness in the Amarna Letters // JNES. 2006. Vol. 65. P. 179–196.

религиозной значимости самого этого действия, как мы можем судить по сообщениям античных авторов (Hdt. I. 134. 1; Strabo. XV. 3. 20; Xen. *Anab.* I. 6. 10). Античная традиция называет ритуал, совершаемый в присутствии царя во время аудиенций, словом *προσκύνησις*, рассматривая его в качестве действия, совершаемого по отношению либо к богам (Aeschyl. *Pers.* 400, *Prom.* 936; Soph. *Phil.* 533, 657, 776, 1408, *El.* 1374, *OT.* 1327, *OC.* 1654; fr. 738 TrGF; Aristoph. *Plut.* 771–773), либо же к людям — в придворном церемониале правителей Востока (Hdt. III. 86. 2; VII. 13, 3; 136. 1; VIII. 118. 4; Xen. *Cyr.* II. 4. 19; IV. 4. 13; V. 3. 18; VII. 5. 32; VIII. 3. 14; Plut. *Them.* XXVII. 3–4)¹.

Современные исследователи сводят *προσκυνесис* или к определенному виду жеста (чаще всего это поднесение своей руки ко рту, символически выражающее направление поцелуя с расстояния по отношению к царю², или земной поклон³), или же полагают, что *προσκυνесис* обозначал целый ряд жестов, не сводящихся к какому-либо конкретному⁴.

Однако, рассмотрение употребления в древнегреческой литературной традиции глагола *προσκύνην* и, в частности, производного от него существительного *προσκύνησις*, демонстрирует, во-первых, что греки не относили их к характеристике какого-либо конкретного жеста, а, во-вторых, употребляли их для выражения определенных чувств самого широкого диапазона по отношению как к богам, так и к людям (молитва, благословление, уважение, приветствие, подчинение). Наиболее часто выражение *προσκυνесиса* греки, конечно, видели в коленоприклонении и земных поклонах, однако, среди жестов *προσκυνесиса* поднесение руки ко рту было в числе наиболее значимых⁵.

¹ *LSJ*, s. v. *προσκυνέω*: I. 1. make obeisance to the gods and their images, fall down and worship; 2. esp., of the Oriental fashion of prostrating oneself before kings and superiors; II. later 1. kiss; 2. greet; 3. welcome respectfully, respect; *προσκύνησις*, adoration, obeisance.

² Scott J. A. The Gesture of Proskynesis // *CJ.* 1921/2. Bd. 17. P. 403–404.; Taylor L. R. The ‘Proskynesis’ and the Hellenistic Ruler Cult // *JHS.* 1927. Vol. 47. P. 53; Frye R. N. Gestures of Difference to Royalty in Ancient Iran // *IA.* 1972. Vol. 9. P. 106; Wiesehöfer J. “Denn ihr huldigt nicht einem Menschen als eurem Herrscher, sondern nur den Göttern”: Bemerkungen zur Proskynese in Iran // *Religious Themes and Texts of Pre-Islamic Iran and Central Asia: Studies in Honour of Professor Gherardo Gnoli* / Hg. von C. Cereti, M. Maggi, E. Provasi. Wiesbaden, 2003. S. 448; Matarese C. Sending a Kiss to the King: The Achaemenid *Proskynēsis* between explanations and misunderstandings // *AW.* 2014. Vol. 45. P. 122.

³ Cotesta V. *Kings into Gods. How Prostration Shaped Eurasian Civilizations.* Leiden–Boston, 2012.

⁴ Bowden H. On Kissing and Making Up: Court Protocol and Historiography in Alexander the Great’s Experiment with Proskynesis // *BICS.* 2013. Vol. 56 (2). P. 59; Abe T. Proskynesis: From a Persian Court Protocol to a Greek Religious Practice // *TEKMERIA.* 2017–2018. Vol. 14. P. 4.

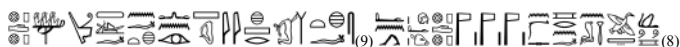
⁵ Rung E. V. The Gestures of *proskynēsis* in the Achaemenid Empire // *Klio.* 2020. Bd. 102 (2). P. 405–444.

Новая надпись на гробнице Дария I в Накш-и Рустаме, опубликованная в 2019 г.¹, описывает жест поднесения руки ко рту, изображенный на рельефе и интерпретируемый как выражение *проскинесиса* посредством употребления глагола *karābu* на аккадском языке. Данный глагол используется как правило в связи с пожеланием подданными благословения богов по отношению к царю, в связи с благословением от лица царя самих подданных, и, наконец, если подданные непосредственно посылали благословения самому царю². В «Цилиндре Кира» (стк. 36) говорится, что народ Вавилона благословил царство Кира (UN. MEŠ TIN. TIR. KI 'ik-tar-ra-bu¹ LUGAL-ú-tu). В случае если подданные посылали благословение царю непосредственно в его присутствии, то они поднимали свои руки в качестве жеста, выражающего эти благословения, как это показывают ассирийские рельефы и строки из писем придворных, обращенных к самим царям (SAA 10, 198; 17, 34).

Сафронов А. В. (ИВ РАН, Москва)

Синтаксис строк 8–9 «Стелы сатрапа»

В строках 8–9 «Стелы сатрапа» (Urk. II. 17:1–4) содержатся сведения о конфискации персидским царем Ксерксом владения «Топь земли Ваджит» у жречества г. Буто:

Конец строки 8 — начало строки 9 (9) обычно переводился как «...bevor es umgewandelt hat der Feind Xerxes»³ или «...before the enemy Xerxes revoked it»⁴. Все исследователи видели в знаках лексему *lft.j* «враг». Соответственно, словосочетание *lft.j Hsrš* «враг Ксеркс» рассматривалось переводчиками как подлежащее, переходный глагол *ʿn* «поворачивать» — как сказуемое, а зависимое местоимение *s(w)* «его» считалось прямым дополне-

¹ Delshad S., Doroodi M. DNf: A New Inscription Emerges from the Shadow // ARTA 2019.001 (http://www.achemenet.com/pdf/arta/ARTA_2019.001_Delshad_Doroodi.pdf).

² CAD, VIII, p. 192–193 (s. v. *karābu*): 1) to pronounce formulas of blessing; 2) to pronounce formulas of praise, adoration, homage and greeting; 3) to invoke blessing upon other persons before the images of the gods, to pray to the gods; 4) to make the gesture of adoration or greeting.

³ Schäfer D. Makedonische Pharaonen und hieroglyphische Stelen. Leuven; Paris; Walpole, 2011. S. 133.

⁴ Ritner R. K. The Satrap Stela (Cairo JdE 22182) // Simpson W. K. (ed.). The Literature of Ancient Egypt. Cairo, 2003. P. 394.

нием. При этом глаголу ζn приписывалось семантика «отнять, забрать», хотя ее затруднительно вывести из основного значения данной лексемы «поворачивать» (Wb. I.188:21–189,1).

Ключевым моментом в понимании синтаксиса фразы является интерпретация группы знаков 𐤀𐤏𐤕 . Для прояснения фонетического значения знака 𐤕 я привлек птолемеевские тексты из храмов Эдфу и Дендеры как хронологически близкие рассматриваемому тексту. Выяснилось, что для предполагавшейся в «Стеле сатрапа» лексемы *hft.j* «враг» зафиксированы лишь написания с детерминативом 𐤀 , но не со знаками $\text{𐤕}/\text{𐤕}$ или 𐤕 (см.: Е II, 167:11; Е III, 182:16, 183:4; Е IV, 163:10; Е V, 41:1; Е VI, 17:3, 39:12; 62:10; 71:1; 72:2; Е VII, 65:11; 66:3; 129:11; 263:5; 266:9; 274:4; 292:7; 293:6). В ряде контекстов слово *hft.j* с детерминативом 𐤀 встречается с идеограммой 𐤕 (Е V, 41:12, 14; 43, 5–6; Е VII, 213:14). Этот факт уже наводит на мысль, что в текстах птолемеевского времени лексема *hft.j* выписывалась только идеограммой 𐤕 , но не графемой 𐤕 .

Данное предположение получает дополнительную аргументацию, если учесть случаи фонетической записи *sbj* перед детерминативом $\text{𐤕}/\text{𐤕}$ в текстах Эдфу и Дендеры (см.: Е IV, 106:16, 19; 129:6; Е VI, 18:11; 44:14, 17; 66:8; 78:6; 84:8; 106:12; 117:13, 14; 122:7, 9; 127:2; 134:5; 139:4; 213:9, 12; 333:5; Е VII, 128:8; D II, 166:9). Окончательно проясняют значение идеограммы 𐤕 случаи фонетического написания лексем *hft.j* «враг» и *sbj* «мятежник» в одном контексте с детерминативами 𐤀 и 𐤕 соответственно (см.: Е VI, 78:6, 9; 84, 7–8; 106:11, 12, 14; 117:11, 13–14; 139:4, 8; 333:3, 5).

Этот далеко неполный список примеров убедительно показывает, что идеограмма 𐤕 в «Стеле сатрапа» имеет значение *sbj* «мятежник». Данное незначительное уточнение полностью меняет понимание синтаксиса рассматриваемой фразы. Во фрагменте 𐤀𐤏𐤕𐤀𐤏𐤕𐤀𐤏𐤕 группа знаков 𐤀𐤏 не может быть фонетическимписанием перед детерминативом 𐤕 и означать подлежащее *hft.j* «враг». Очевидно, речь идет о предлоге *hft* с широким диапазоном значений, за которым следует выписанная идеограммой лексема *sbj* «мятежник». Следовательно, знаки 𐤀𐤏𐤕𐤀𐤏𐤕𐤀𐤏𐤕 следует транслитерировать как *hft sbj Hsrš* и рассматривать это словосочетание как косвенное дополнение.

Каков же тогда синтаксис в строках 8–9? Нет сомнений, что в рассматриваемой фразе знаки 𐤀𐤏 могут передавать только возвратный глагол ζn *s(w)* «отступать, отходить, поворачиваться»¹, который и является предикатом. Словосочетание 𐤀𐤏𐤕𐤀𐤏𐤕𐤀𐤏𐤕 *hft sbj Hsrš* следует признать косвенным дополнением. Логическим подлежащим всего контекста в таком случае будет упомянутый в строке 8 топоним *ph.w p3 t3 n W3d.t*. Тогда непосредственным подлежащим строки 9 является невыписанное суффиксальное местоимение 𐤀 , пропуск которого при возвратном глаголе зафиксирован надписями. Вероятно, весь

¹ Wilson P. A Ptolemaic Lexikon. Leuven, 1997. P. 154.

фрагмент в строках 8–9 следует транслитерировать как $\text{ʿn}<=f>_{(9)} \text{ s}<w> \text{ hft sbj } \text{Hšrš}$.

Следовательно, вся рассматриваемая фраза $_{(8)} \text{ ph.w } \text{ p3 } \text{ t3 } \text{ n } \text{ W3d.t } \text{ rn}=f \text{ n.j-sw } \text{ ntr.w } \text{ P-Dp } \text{ tp-ʿ } \text{ hnt(.w)} \text{ ʿn}<=f>_{(9)} \text{ s}<w> \text{ hft sbj } \text{Hšrš } \text{ nn } \text{ jr.n}=f \text{ h.t } \text{ jm}=f \text{ n } \text{ b3.w } \text{ P-Dp}$ должна переводиться как: «⁽⁸⁾Ее название (т. е. название области — А. С.) — «Топь земли Ваджит». Ранее она принадлежала богам Буто до того, как <она> отошла ⁽⁹⁾ к мятежнику Ксерксу, который не совершал там жертвоприношений для „душ Буто“». Подобное понимание синтаксиса строк 8–9 позволяет снять вышеупомянутую надуманную трактовку значения глагола ʿn прежних интерпретаций и получить непротиворечивый перевод рассматриваемого фрагмента текста «Стелы сатрапа»¹.

Сизиков А. В. (СПбГУ, Санкт-Петербург)
**Книга премудрости Иисуса сына Сираха
 в славянской традиции**

Неканоническая Книга премудрости Иисуса сына Сирахова (далее Сирах), изначально составленная на древнееврейском языке, долгое время была известна только в различных переводах, многие из которых были выполнены с греческих источников. В 1896 г. С. Шехтер идентифицировал фрагмент древнееврейского текста, привезенный ему сестрами А. Смит Льюис и М. Данлоп Гибсон, который они приобрели в Египте. Позже выяснилось, что этот фрагмент (39:15b–40:8) был найден в генизе караимской синагоги в Каире. На сегодняшний день доступно 68% древнееврейского текста. Древнегреческий перевод Сираха существует в двух вариантах. Первый вариант (краткий; традиционное обозначение GI) представлен маюскульными кодексами: Ватиканским, Синайским, Александрийским. Рукописи, содержащие GI, очень часто имеют в своем составе так наз. Пролог внука. Другой вариант (GII), представленный в минускульных рукописях, примерно на 135 строк длиннее и не имеет Пролога внука. Чтения из второго греческого перевода представлены в редакции греческого текста Лукиана и Оригена.

В славянской традиции книга существует в виде тематических выборок (florilegia), различающихся по объему, в составе различных антологий (Изборник 1076 г.); в составе сборников библейских книг начиная с XIV в.; в составе бревиариев, в которых представлены несколько глав из книги

¹ О значении глагола ʿn sw hft «поворачиваться к, отходить к» см.: Сафронов А. В. Мог ли Ксеркс «попятить» землю? К пониманию некоторых фрагментов «Стелы Сатрапа» // *Orientalistica*. 2021. № 1. Прим. 14.

в отличие от выборок в том же порядке, что и в полном тексте перевода; в составе цитат у различных авторов, сочинения которых были переведены на славянский, к примеру, в составе ответов Анастасия Синаита в Изборнике 1073 г. Появление выборки из книги Сираха в Изборнике 1076 г. говорит о том, что перевод был выполнен довольно рано. Некоторые исследователи (А. А. Алексеев, С. Николова) полагают, что он был выполнен Мефодием или его учениками. А. А. Пичхадзе¹ считает, что сначала была переведена книга полностью, а затем из нее сделана выборка, представленная в Изборнике 1076 г. Подробно состав Изборника был исследован У. Федером², который реконструировал так называемый «Княжий Изборник» и в составе его — выборку из книги Сираха. Текст перевода, встречающийся в выборках, представляет собой отдельную редакцию, которая существенно отличается от полных списков. Среди полных списков Сираха можно условно выделить четыре редакции, отличающиеся порядком следования глав, расположением некоторых чтений и лакунами. Восточнославянская редакция отличается последовательным исключением чтений из GII, что может указывать на использование греческого оригинала при редактировании. Создателям Елизаветинской Библии пришлось повторно переводить некоторые чтения, утраченные в восточнославянской традиции.

Отдельной проблемой славянского перевода является вопрос: была ли выборка Княжьего изборника сделана из полного славянского перевода или была переведена отдельно, а затем были переведены недостающие части. На возможность перевода в два этапа указывают непоследовательность в подборе эквивалентов в переводе; отсутствие славянских эквивалентов для некоторых греческих лексем в тех частях книги, которые не вошли в выборку, хотя в ней они прекрасны переданы славянской лексикой; наличие вариантов перевода для некоторых чтений.

В рукописи XV в. из собрания РНБ существует еще один церковно-славянский перевод книги Сираха, который не оставил традиции и, по нашему мнению, не известен специалистам. Перевод, по всей видимости, выполнен с редакции греческого текста Лукиана или Оригена и передает большое количество чтений GII, которые отсутствуют во всех известных нам источниках древнейшего славянского перевода. Этот поздний перевод создан независимо от древнего и существенно отличается выбором грамматических и лексических эквивалентов.

¹ Пичхадзе А. А. Книга Иисуса Сирахова в Изборнике 1076 г. // Молдован А. М., Кравецкий А. Г. (ред.). Лингвистическое источниковедение и история русского языка. М., 2003. С. 7–27.

² Федер У. Кънажий изборникъ за възпитание на канартикина. Т. 1–2. Велико Търново, 2008.

Солозубова М. В. (Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург)

**Образ богини-жены, богини-сестры и богини-дочери
на старовавилонской печати ДВ-6450
из Государственного Эрмитажа:
к вопросу о функциональности печатей жриц-*надиту***

Глиптика старовавилонского периода — один из важнейших памятников, отражающих визуализацию представлений о божественном пантеоне того времени. На многочисленных печатях присутствуют изображения антропоморфных фигур, которых принято отождествлять с божествами вавилонского пантеона. Для каждого из них характерна определенная иконография. Подчас не только атрибут божества, его поза и костюм, но само расположение фигуры в поле изображения помогают распознать конкретного бога или богиню.

Вавилонское общество II тыс. до н. э. было традиционно патриархальным. Божественное сообщество также не отличалось от земного, и богиня чаще всего помогала своему божественному супругу исполнять предопределенные ему обязанности.

Из обширного корпуса литургических текстов нам известно о месте богини в культе ее мужа. Адорант мог обращаться к богине с просьбой передать молитву своему супругу, а также проследить за тем, чтобы его просьба была исполнена. Подобная схема могла быть отражена в изображениях на печатях.

В Государственном Эрмитаже хранится старовавилонская печать ДВ-6450 с нестандартным изображением. На ней представлены пять богинь, при этом на первый взгляд не ясно, кто из них является центральным персонажем. В стандартной для старовавилонской глиптики сцене главное божество, чаще мужского пола, изображалось справа, левее присутствовали второстепенные божества-покровители и люди-адоранты. Богиня на печати изображалась либо в качестве одного из божеств-покровителей, либо стояла рядом со своим супругом, который занимал в сцене позицию главного божества.

На печати ДВ-6450 единственной мужской фигурой является «обнаженный герой» *лахму*, держащий в руках жертвенного козленка. Роль этого персонажа в данной сцене также нуждается в пояснении. При всей унификации облика каждой из богинь они имеют небольшие различия: поза, костюм, головной убор и прическа, а также немногочисленные атрибуты (жезл, животное). Тщательность и детализация проработки изображения каждого из персонажей свидетельствует о происхождении печати из мастерских Сиппара. Надпись на печати отсутствует. Понять, кто эти богини, можно проанализировав иконографию каждой из них, а также обратившись за аналогиями к коллекциям других музеев.

Печати такого типа, вероятно, могли принадлежать жрицам-*надиту*, которые служили при храме бога Шамаша и его супруги Айи. На ниппурских документах старовавилонского времени эти жрицы часто упоминались в качестве свидетелей. Такая приписка могла сопровождаться оттиском печати, иконография которой во многом напоминала печать ДВ-6450. Опираясь на документы из ниппурских архивов, в которых встречаются оттиски печатей подобных ДВ-6450, мы можем проанализировать особенности их иконографии, а также сделать выводы о функциональности этих печатей в качестве личных знаков, принадлежащих жрицам храма бога-солнца.

Хапрова А. В. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)

Древнеегипетские письма Первого переходного периода и начала Среднего царства: историография вопроса

Нас интересуют известные на сегодня письма к живым Первого переходного периода и начала Среднего царства (то есть приблизительно с VII до начала XII династии, XXII–XX вв. до н. э.), за исключением царских писем (написанных царем или адресованных ему) и писем от визиря/к визирию — то есть письма личные, включая так называемые письма-образцы, или модельные письма (*model letters*). Письма этой эпохи выделяют отдельно, поскольку они предшествуют становлению новой эпистолярной традиции во времена укрепления и расцвета XII династии, когда были предприняты меры для создания новой прослойки лояльных царю писцов. Их объединяет ряд фразеологических особенностей: например, частое использование эпистолярных клише из книги «Кемит»¹. Таких писем автору известно тринадцать².

Четыре из них принадлежат к знаменитому архиву Хеканахта. Обнаруженный в 1921–1922 гг., в дальнейшем он был тщательно изучен. После первичного описания, составленного Г. Уинлоком³, за исследование архива взялся Б. Ганн, однако до своей смерти работу над ним ему так и не уда-

¹ Wente E. F. *Letters from Ancient Egypt // Writings from the Ancient World* № 1. Atlanta, 1990. P. 54–55, 68.

² P. Berlin 8869, P. Hekanakht No. 1, No. 2, No. 3, No. 4, P. Meketre, P. Cairo 91061, P. Haun No. 1, P. BM 10549, P. BM 10567, Writing Board MMA 28.9.4, O. Cairo JE 49911, Writing Board MMA 26.3.277. См. *ibid.* P. 224–225 (список публикаций) и James T. G.H. *The Hekanakhte Papers and Other Early Middle Kingdom Documents*. New York, 1962. Vol. XIX. P. 78–80, 97–98.

³ Winlock H. E. *The Egyptian Expedition 1921–1922: excavations at Thebes // Bulletin of the Metropolitan Museum of Art*. 1922. № 17 (12.2). P. 40–49.

лось завершить. Его изыскания продолжил Т. Джеймс, благодаря которому архив наконец был опубликован наряду с семью другими интересующими нас письмами¹. Незадолго до этого материалы архива использовал в своем исследовании Я. Черны², а после монографии Т. Джеймса вышла статья К. Баера³. Оба ученых сосредоточились на исследовании социально-экономических данных и социально-исторического контекста архива, в то время как Т. Джеймс больше внимания уделил языку. В 2002 г. вышла монография Дж. Аллена⁴, который дополнил предыдущую публикацию архива новыми данными касательно языка и социально-исторического контекста писем, полученными за прошедшие 40 лет, а также новыми параллелями с другими текстами (например, с одним из так называемых папирусов Райзнера).

В монографии Т. Джеймса было впервые издано еще семь из интересующих нас писем, но на них мы не станем останавливаться отдельно, так как впоследствии им практически не было посвящено публикаций, не считая переводов. Перейдем к двум оставшимся документам. Письмо Иру[...] (P. Berlin 8869), факсимиле которого было опубликовано Г. Меллером вместе с не вполне удачной транскрипцией еще в 1911 г.⁵, оказалось издано П. Смитером только в 1942 г.⁶ Уже в начале нашего века впервые была предпринята попытка⁷ вписать это письмо в более широкий социально-исторический контекст, основываясь на данных как самого текста, так и археологии. Фрагментарно сохранившееся письмо на папирусе Хаун, приобретенном в Египте, судя по всему, еще в 1921 г. и немногим позже оказавшемся в Копенгагене, было опубликовано П. Франдzenом лишь в 1978 г.⁸ Больше никаких посвященных ему публикаций, насколько мне известно, не выходило.

¹ James, *ibid.*

² Černý J. Prices and wages in Egypt in the Ramesside period // *Cahiers d'histoire mondiale / Journal of world history / Cuadernos de historia mundial*. 1954. № 1 (4). P. 903–921.

³ Baer K. An Eleventh Dynasty farmer's letters to his family // *Journal of the American Oriental Society*. 1963. № 83 (1). P. 1–19.

⁴ Allen J. P. The Heqanakht papyri // *Publications of the Metropolitan Museum of Art Egyptian Expedition*. New York, 2002. № 27.

⁵ Hieratische Papyrus aus den königlichen Museen zu Berlin, III: Schriftstücke der VI. Dynastie aus Elephantine. Zaubersprüche für Mutter und Kind. Ostraka. Hieratische Papyrus aus den königlichen Museen zu Berlin 3. Leipzig, 1911. S. 2–3.

⁶ Smither P. C. An Old Kingdom letter concerning the crimes of Count Sabni // *Journal of Egyptian Archaeology*. 1942. № 28. P. 16–19.

⁷ Manassa C. The crimes of Count Sabni reconsidered // *Zeitschrift für ägyptische Sprache und Altertumskunde*. 2006. № 133. S. 151–163.

⁸ Frandsen P. J. A fragmentary letter of the early Middle Kingdom // *Journal of the American Research Center in Egypt*. 1978. № 15. P. 25–31.

Таким образом, мы видим, что не все письма вызвали одинаковый интерес у исследователей: одни хорошо изучены как в отношении языка, так и социально-исторического и экономического контекста, в то время как другим аналитических публикаций не посвящено вовсе. В последние десятилетия, однако, наметилась тенденция к исследованию социально-исторического контекста писем, а не только вопросов филологии. При этом чаще всего такие исследования посвящены одному определенному письму, а потому представляется перспективным работать в том же ключе, но с привлечением материалов нескольких писем, а также документов из смежных корпусов текстов — например, современных им писем к мертвым.

Чиж Н. С. (РГУ, Москва)

Развитие жанра древнеегипетских экспедиционных надписей во второй год царствования Менутхотепа Небтауира

«Экспедиционными» принято называть надписи, оставленные египтянами в местах добычи ресурсов вне долины Нила. Нередко они содержат лишь имена и титулы участников экспедиций, однако есть и более пространные тексты, повествующие, например, о ходе экспедиции или ее составе. Они являются важным источником при изучении социальной структуры общества, экономической деятельности и внешней политики египетского государства. Ввиду того, что данные источники обладают рядом общих характерных черт, их принято выделять в отдельный жанр¹.

В течение Старого царства структура экспедиционной надписи постепенно усложняется. По крайней мере с IV дин. появляются редкие сведения о задачах экспедиции и предваряющая основной текст датировка. С конца V дин. распространяется формула *wpj.t n.j-šw.t*, имевшая несколько вариантов: *wpj.t n.j-šw.t h3b.t hn^c* и *wpj.t n.j-šw.t irj.t.n* — «царская экспедиция, посланная с [имя]» и «царское поручение, выполненное [имя]», соответственно, однако первая из них выходит из употребления с конца Старого царства. В правление царя VI дин. Пепи II появляются повествования о ходе экспедиции от лица начальника. Постепенно увеличивается количество упоминаний прочих участников похода.

С XI династии экспедиционные надписи могли включать множество хвалебных эпитетов начальника. В Вади Хаммамат это впервые наблюдается

¹ Blumenthal E. Die Textgattung Expeditionsbericht in Ägypten // Assman J. (Hrsg.). Fragen an die altägyptische Literatur. Wiesbaden, 1977. S. 85–118.

в надписи Хену — самой пространной для того времени¹. Помимо этого, в тексте описаны личные заслуги начальника, ход экспедиции и сообщаются некоторые сведения об организации похода.

Особый интерес представляет группа граффити из Вади Хаммамат, повествующих об экспедиции верховного сановника Аменемхета на 2 год правления Ментухотепа Небтауира². Одна из четырех крупных надписей данной экспедиции по структуре идентична тексту Хену³: обе содержат множество эпитетов главы экспедиции, описание ее состава и рассказ начальника об ее успехах. Другие надписи, однако, имеют ряд новых черт. Впервые за пределами Египта полностью процитирован царский указ, объявляющий в том числе о покровительстве царю бога Восточной пустыни Мина. Другим новшеством явились представляющие отдельные надписи повествования о чудесах, будто бы случившихся в ходе экспедиции по воле благоволящего царю Мина. Центральными фигурами в них являются уже сам бог Мин и царь, а не начальник экспедиции.

В докладе обосновывается предположение, что отмеченные новшества могли быть вызваны причинами политического свойства.

Шелестин В. Ю. (СПбГУ, Санкт-Петербург; ИВ РАН, Москва)

Некоторые особенности хеттских зимних праздников⁴

Зимние праздники относятся к наименее изученному разделу хеттского календаря⁵, что обусловлено как плохой сохранностью описывающих их текстов⁶, так и доминирующим положением весенних и осенних ритуалов в хеттском календарном цикле⁷. Вместе с тем, более 3700 фрагментов описаний праздников до сих пор не соотнесено с известными текстами описаний

---

¹ Couyat J., Montet P. Les inscriptions hiéroglyphiques et hiératiques du Ouadi Hamamat. Cairo, 1912. n. 114. P. 81–84.

² Ibid. n. 110. P. 77–78; n. 113. P. 79–81; n. 191. P. 97–98; n. 192. P. 98–100.

³ Ibid. n. 113. P. 79–81.

⁴ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 19–18–00085 «Календарные праздники древнего Востока: календарный ритуал и роль темпоральных представлений в формировании традиционного сознания народов древнего мира») на базе Санкт-Петербургского государственного университета.

⁵ Емельянов В. В. Между жертвой и спасением. Календари и праздники Ближнего Востока. СПб., 2020. С. 160.

⁶ Cammarosano M. Hittite local cults. Atlanta, 2018. P. 136.

⁷ Archi A. Fêtes de printemps et d'automne et réintégration rituelle d'images de culte dans l'Anatolie hittite // Ugarit-Forschungen. 1973. Bd. 5. P. 7–27.

праздников, и среди этих неопознанных фрагментов значительную долю могут занимать описания зимних праздников. Для их выявления необходимо выявить особенности уже известных описаний зимних праздников, отличающих их от весенних и осенних.

Последнее крупное исследование особенностей хеттских календарных ритуалов проводили С. Гёрке и А. Мутон¹, выделившие особенности отдельных праздников, но не сезонов в целом. Однако в их корпус вошли не все известные описания зимних праздников, и в фокусе их исследования находилась роль царя, тогда как нас больше интересуют маркеры сезона. Исследуемый нами корпус включает:

- 1) СТН 597 «Зимний праздник Хаттусили III»²;
- 2) СТН 597.6? (КВо 45.11) «Зимние праздники для небесного Бога Грозы и Ураша»³;
- 3) СТН 598 «Зимний праздник для Солнечной богини города Аринна»;
- 4) СТН 599 «Зимнее путешествие Божественного Руна»;
- 5) СТН 715 «Зимний праздник Иштар ниневийской»;
- 6) СТН 526.18 (инвентарь праздников Гурсаммасы, который содержит «Праздник омовения Бога Грозы», справлявшийся в 12-м месяце).

Среди мест отправления этих ритуалов известны дом поваров (СТН 597), дом виночерпия и Храм Солнечной богини города Аринна (СТН 598), «место окружения» (СТН 599) — в этих местах справлялись праздники и других сезонов. Среди упоминаемых в этих текстах одеяний царя примечательно адупли (СТН 598: KUB 2.6 IV 4). Адупли связывает с культом Солнечной богини города Аринна и молитва Арнуванды I и Асмуникаль (СТН 375), это одеяние также засвидетельствовано в культах города Нерик и церемониях праздника килам, однозначная привязка которого к какому-либо сезону не установлена⁴. Зимние и осенние ритуалы противопоставляются весенним в пищевом аспекте (ср. СТН 714: KUB 27.16 I 9–15).

Для изученных зимних праздников не характерны такие структурные элементы хеттских праздников как «большое собрание» и состязания⁵. Возможно,

¹ Görke S., Mouton A. *Royal Rites of Passage and Calendar Festivals in the Hittite World // Life, death and coming of age in antiquity: individual rites of passage in the ancient Near East and adjacent regions*. Leiden, 2014. P. 117–146.

² Не включая в его состав КВо 45.12, поскольку этот текст упоминает и зимний, и весенний праздники, а его содержание слабо соотносится с СТН 597.

³ Хотя у этого текста есть некоторое сходство с СТН 597, в КВо 45.11 почитаются 7 Богов Грозы, из которых поименно названы 5, но в основной версии СТН 597 почитаются 4 не упомянутых в КВо 45.11 Бога Грозы, поэтому это описания разных праздников.

⁴ Singer I. *The Hittite KI. LAM Festival*. Wiesbaden, 1983. P. 132–133.

⁵ Ср. Ардзинба В. Г. *Ритуалы и мифы древней Анатолии*. М., 1982. С. 58–81.

их отсутствие в большей степени связано не с сезоном, а с компактным характером известных зимних праздников.

Таким образом, ряд особенностей хеттских зимних праздников сближает их с осенними праздниками, при этом для зимы характерны компактные праздники, хотя и они бывают связаны с поездками. Выявленных особенностей недостаточно для отнесения неопознанных ритуальных фрагментов к зимним праздникам вообще, но возможна их идентификация по соотнесению с признаками конкретных праздников.

*Ярмолович В. И. (Центр египтологических исследований РАН,
Москва)*

История изучения иностранного влияния на материальную культуру Египта в эпоху Позднего периода (VII–IV вв. до н. э.)

Доклад посвящен истории изучения иноземного влияния на материальную культуру Египта эпохи Позднего периода (VII–IV вв. до н. э.). В специальных исследованиях не раз поднимался вопрос о греческом влиянии на древних египтян, в то время как влиянию персидской культуры на древнеегипетскую уделялось значительно меньше внимания. Однако за последние десятилетия ситуация начала меняться, так как многие ученые обратились к проблеме межкультурного влияния египтян и персов, привлекая не только письменные и изобразительные источники, но и археологические.

На протяжении всей истории древнеегипетское государство активно контактировало с иноземными странами. И это не могло не повлиять на его культуру и обычаи, в том числе и на изобразительное искусство и различные ремесла. Не является исключением и охватываемый в настоящем докладе период. В VI в. до н. э. египетские фараоны проводили активную политику по привлечению греческих торговцев в Египет. Царь Амасис (XXVI династия, 570–526 гг. до н. э.) «предоставил эллинским переселенцам город Навкратис для жительства»¹, а его сын и приемник — царь Псамметих III (526–525 гг. до н. э.) — нанимал карийцев и эллинов при войне с персидским царем Камбизом². Но уже в 525 г. до н. э. Египет вошел в состав империи Ахеменидов, и персы основали XXVII династию (525–401 гг. до н. э.), участвуя в жизни египетского государства и влияя на различные аспекты жизни египтян. В частности, комплексное изучение керамического материала из Мемфиса, найденного во время работ Российской археологической экспедиции

---

¹ Геродот. II, 178.

² Геродот. III, 11.

Центра египтологических исследований РАН¹, позволило выявить, что древние гончары изготавливали из местных египетских глин сосуды, имитирующие персидские образцы². Этот вывод подтверждается и результатами других исследователей³. Таким образом, современные археологические исследования, комплексное изучение найденных материалов и сопоставление полученных данных с другими источниками позволило ученым сделать выводы о степени взаимодействия египтян с этими культурами.

---

¹ Далее ЦЕИ РАН.

² Ярмолович В. И. Влияние ближневосточной традиции на древнеегипетскую керамику в Поздний и птолемеевский периоды (на примере глиняных чаш из Мемфиса) // Восток (Oriens). 2019. № 3. С. 22–36; Ярмолович В. И. Об одном типе древнеегипетской тонкостенной керамики Позднего и птолемеевского периодов: морфология и проблема персидского влияния // Восток (Oriens). 2017. № 5. С. 52–71; Yarmolovich V. I. Preliminary report on fine ware pottery from Memphis (seasons 2014–2016, 2018) // Egypt and neighbouring countries. 2018. № 2. P. 1–7; Yarmolovich V., Chepel E. Achaemenid influence on Egyptian pottery: new evidence from Memphis // Palarch's Journal of Archaeology of Egypt/Egyptology. 2019. No 16(3). P. 1–27.

³ См. например, Defernez C. Four Bes vases from Tell el-Herr (North-Sinai): analytical description and correlation with the goldsmith's art of Achaemenid Tradition // Aston D., Bader B., Gallorini C. Nicholson P., Buckingham S. (eds.). Under the Potter's Tree. Studies on Ancient Egypt to Janine Bourriau on the Occasion of her 70th Birthday. Leuven/Paris/Walpole, MA: 2011. P. 287–323; Grataloup C. Céramiques calcaires d'époque perse et des dernières dynasties indigènes à Thônis-Héracléion // Égypte nilotique et méditerranéenne. 2012. No 5. P. 167–194; Малых С. Е. Финикийские и греческие амфоры в Мемфисском регионе в Поздний период: зачем так много? // Чегодаев М. А., Лаврентьева Н. В. (ред.). *Aegyptiaca Rossica* (Вып. 6). М., 2018.

СЕКЦИЯ XV • SECTION XV
ЯЗЫКИ СТРАН АЗИИ И АФРИКИ
LANGUAGES OF ASIA AND AFRICA

Sakhatova G. S. (University of Cyprus, Cyprus)

Туркменский язык в первой половине XX в.

Печатные издания на туркменском языке периода 1920–1930 гг. прошлого века на латинице представляют интерес, в первую очередь, не только из-за предпринятых попыток приспособить латинский шрифт к звуковым особенностям туркменского языка того времени. Большой интерес представляет также и своеобразие морфо-фонологического оформления глагольных форм.

В первой части доклада будет сделан обзор графических знаков для воспроизведения фонологических особенностей туркменского языка, напр. посредством использования диграмм для обозначения долгих гласных *aaras̈nda* ‚посередине‘, *baar* ‚есть‘, или знаков как <oj> для передачи звука <g>, напр. *sooraajlar* ‚вопросы‘ и т.д. Во второй части доклада будут рассмотрены некоторые морфологические маркеры, которые на самом деле, характерны для диалектов туркменского языка: *ooq̈b̈r* <o:k̈ɪp> o~1 ‚прочитать‘, *ooq̈b̈jaars* <o:k̈ɪya:rs>.

В заключение будет сделан панорамный сравнительный обзор исторических языковых данных, выявленных в текстах вековой давности с нормами правописания и произношения сегодняшнего письменного туркменского языка.

Аврутина А. С. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)

Динамика длины и глубины слова в староанатолийско-тюркском тексте (XIII–XV вв.)

До XX в. в Османской империи существовал литературный язык — османский, главной особенностью которого было обилие (в разные периоды до 90 %) лексических и нередко синтаксических арабо-персидских заимствований. Этот литературный язык начал складываться на рубеже XV–XVI вв. на основе староанатолийско-тюркского языка (языка огузосельджукских тюркских племен, которые жили в Средней Азии, но в X в. были вытеснены оттуда иными тюркскими племенами — уйгурами)¹.

Староанатолийско-тюркский язык сформировался к XI–XII вв. В языковом плане новый язык соединил язык огузов Средней Азии и язык смешанного тюркского населения Анатолии, т. е. стал универсальным языком для своего времени и своего региона.

Применительно к наименованию этого исторического языкового процесса в специальной литературе царит разнобой. Староанатолийско-тюркский (тюркский язык Малой Азии XIII–XIV вв.) нередко именуется староосманским, сельджукским, западносельджукским или западноогузским². Н. А. Баскаков именует «староосманским» малоазийский тюркский язык XIV–XIX вв.³

А. Н. Кононов предлагает свою периодизацию: 1. Староанатолийско-тюркский язык (XIII — конец XV в.) сложился в результате вторжения в Анатолию огузских племен — сельджуков. 2. Раннетурецкий, или раннеосманский, язык (вторая половина XV в. — XVI в.) характеризуется углублением различия между письменно-литературным языком (которым пользовалась светская и духовная аристократия) и народным разговорным языком горожан, при этом крестьянство пользовалось различными диалектами. 3. Среднетурецкий, или среднеосманский, язык (XVII–XIX вв.), в котором выделяется особый период (XVII–XVIII вв.), считающийся расцветом османской словесности. 4. Новотурецкий, или новоосманский, язык (первая половина XIX — первая четверть XX в.). 5. Новейший турецкий язык (с 1930-х гг.).⁴

Задачей настоящего исследования является статистический анализ характеристик слова, в частности, его длины и глубины на материале текстов двух тюркоязычных памятников Малой Азии XIII — XV в., то есть анализ памятников того

¹ Кононов А. Н. Турецкий язык// Языки мира: Тюркские языки/ Отв. ред. Э. Р. Тенишев. М., 1997. С. 394–411.

² Гузев В. Г. Староанатолийско-тюркский язык// Языки мира: Тюркские языки/ отв. ред. Э. Р. Тенишев. М., 1997. С. 116.

³ Баскаков Н. А. Тюркские языки. М., 2010. С. 137.

⁴ Кононов А. Н. Турецкий язык. С. 395–396.

периода, когда наметился переход от староанатолийско-тюркского языка к раннеосманскому. Для анализа взяты тексты памятников на староанатолийско-тюркском языке «Чарх-наме» (XIII в.), «Сюхейль и Невбахар» (XIV в.) и текст памятника XIV, а под другим сведениям XV вв. — «Сказание о Мелике Данышменде».

Статистический анализ поможет выявить те участки языковой системы, наличие либо отсутствие изменений в которых может дать возможность говорить о смене языка либо продемонстрирует отсутствие изменений. Это позволит сделать вывод об условности различий в периодизации и наименовании тюркского языка Малой Азии разных периодов.

Цель исследования — проанализировать характеристики словарных единиц в текстах с тем, чтобы ответить на вопросы: 1) в какой именно период, в каком качестве и в каких языковых единицах начинается движение от староанатолийско-тюркского языка к языку раннеосманскому; 2) наблюдаются ли различия идиомов и насколько существенными они являются; 3) насколько правомочно говорить на материале разновременных тюркоязычных текстов региона Малая Азия о разных языках.

Адамбаева Г. М. (Каспийский государственный университет технологий и инжиниринга, Казахстан)

О некоторых фонетических явлениях и орфографических особенностях на языке перевода миссионерской литературы

Поскольку перевод миссионерской литературы начался во второй половине XIX в. во время колониальной политики русского царского правительства по русификации инородных народов, русская графика была адаптирована к казахскому языку. Из истории известно, что использование русского алфавита в казахской письменности неоднократно воспринималось как важная задача. Причиной этого, как уже упоминалось выше, была одна из основных целей политики русификации царского правительства, и как проблема на государственном уровне она неоднократно обсуждалась учеными, даже возникали споры по поводу графики. Основным сторонником и исполнителем применения русских букв в казахской письменности был известный миссионер Н. И. Ильминский. Он даже написал в качестве эксперимента «Материалы для изучения казахского диалекта» (1861 г.). Рассматриваемые миссионерские переводы написаны на основе алфавита, предложенного Н. И. Ильминским.

Такой же метод обозначения специфических звуков казахского языка наблюдался год тому назад в работе ученого-миссионера А. Е. Алекторова «Киргизская хрестоматия» и других религиозных переводах. Большинство текстов в этой хрестоматии были переведенными, здесь были также небольшие отрывки из Евангелия.

По словам дьякона И. Смолина до 1913 г. количество объемных книг, пропагандирующих миссионерство, дошло до 261, а маленьких по объему — до 320. В протоколе Совета Туркестанской епархии от 5 июля 1895 г. зафиксировано, что в Оренбургском учебном округе были переведены и напечатаны русскими буквами на казахском языке 115 экземпляров книг. Известный татарский библиограф А. Каримуллин указывает, что из 307 книг напечатанных русскими проповедниками 288 являются религиозной литературой, а также в 1860–1917 гг. на казахский язык переведены 72 книг православной религии.

Тексты в миссионерской переводческой литературе транскрибируются русской графикой. Есть дополнительные символы для обозначения исходных звуков казахского языка, которых нет в русском алфавите. Например, буква *ä* используется для обозначения звука *э*, но иногда также используется буква *a* (*айал, нәсте, дәрәжа*); принимает букву *ö* для звука *ө*, но в некоторых местах также употребляется *o* (*көнил, өмүр, өте*); Для звука *ң* иногда используются буквы *n* (*сонун үшүн, көнил*). Звуки *у*, *ү* обозначаются только одним *у* (*кудай, куткару, таук*), звуки *і*, и представлены одним *і*, иногда буквой *й* в зависимости от произношения, а кое-где звуком и обозначается латинской буквой *i* (*йүйдүн, кресинин*), *ү* звук *ү* (*күйөу, күна, үшүн*), казахский гласный верхнего подъема казахского языка *ы* и твердый гласный *ы* русского языка даются только одним *у* (*азғырушы, кайғы*). Для согласных звуков *к*, *ғ* специального символа нет, их функция закреплена за буквами *к*, *г* (*қырық/крык, қыз/кыз, орынга/орунга*).

Например: *Өзүм кизмет кылатын кулдарымны биреуин калдыруга болмайды, илгериде олар менин жумсактыгымды билгени үшүн.* (Рассказы из жизни святых, Орынбор, 1901 кн.1. 25-6). *Жалгыз Алланын үш Өзү бар. Алланын үш Өзү не десен, бир Өзү Ата Алла, бир Өзү Ул Алла, бир Өзү Святой Тын Алла.* (Первоначальные сведения о православной христианской вере Қазан, 1886. 13-6).

В миссионерской литературе не так много случаев, когда использование согласных звуков отличается от современного казахского языка. Поэтому можно сосредоточиться только на тех областях, где есть некоторые отклонения или исключения от текущего приложения.

В некоторых местах применение звуков *б* и *п* отличается от нашего современного языка. Обе губные согласные, произносятся смычно, *б* — звонкий звук, *п* — глухой. Другое отличие состоит в том, что звук *п* не встречается в начальной позиции исконных слов казахского языка, а звук *б* не встречается в середине или в конце слова. В миссионерской литературе часто используется буква *б*, хотя слышен в конце слова звук *п*: *коб, барыб, жазыб, қараб*; кей жерлерде сөздің ортасында: *табдық, тақырыбды, азабыш, кітабыш*; написание *б* в начале слова вместо *п*, особенно в заимствованных от арабского языка словах: *пайда — байда, періште — берісте, пайгамбар — байгамбар*, а так же встречается такие примеры как русское слово *поп* пишется как *боб*.

Например: *Одар коб болган екен, Оган ериб журдилер.* (Святое Евангелие от Марка, 7-с). *Апостолдар калган кыкымдарын жынаб алыб он еки ящик толтырган.* (чудеса Иисусъ Христа, 17-с). *Езги Ефремель боб (поп) болган сонунан езги жасырындар.* (Священная история из жизни святых, 33-б).

Таким образом, в переводах миссионерской религиозной литературы, изданных в русской графике, русский шрифт более адаптирован к звуковой системе казахского языка. Помимо русских букв того времени, были введены символы для обозначения исконно казахских звуков. В них соблюдаются правила русского письма, такие как использование заглавных букв, разделение текста на абзацы, размещение дефиса между двойными словами. Учитывая вариативность аффиксов в орфографии, в переводах миссионерских литератур сохранена гармоничность гласных звуков. Написание суффиксов стало стандартизироваться, и был некоторый прогресс в расстановке знаков препинания. Прием обозначения специфических звуков казахского языка впервые был использован в переводной литературе.

Алексеева М. Е. (СПбГУ, Санкт-Петербург)

Экспериментальная проверка вариативности объектного маркирования в ивритоязычных корпусах

Согласно данным грамматики современного иврита, в высказываниях с переходными глаголами маркируются в речи только прямое дополнение, выраженное определенной именной группой. Определенность, как правило, трактуется как наличие грамматических маркеров (артикля, местоименной клитики) или указание на уникальность объекта (например, если именная группа является именем собственным). Однако такая система не учитывает тот факт, что вариативность языковых единиц часто обуславливается прагматическими характеристиками высказывания. В рамках данного исследования сделана попытка совместить изучение прагматических характеристик высказываний, включающих транзитивные и битранзитивные глаголы, и методы корпусной лингвистики, позволяющие получить актуальные данные о происходящих в современном иврите изменениях, в том числе, отсортировать зафиксированные явления по дате (с 2014 по 2020 годы) и по типу текста.

В данном исследовании изучение вариативности объектного маркирования в современном иврите проводится на материале современных корпусов OPUS2 Hebrew и Timestamped JSI web corpus 2014–2020 Hebrew, первый из которых отражает многие характеристики устной речи, а второй — включает языковой материал интернет дискурса новостных сайтов. Два типа источников позволяют провести предварительное сравнение характеристик объектного маркирования в речи, приближенной к устно-разговорной, и в письменной речи.

На первом этапе формируется методика исследования и рассматриваются основные коллокации с переходными глаголами (например, *biker* ‘посещать’), битранзитивными глаголами (например, *bikesh* ‘просить’). Экспериментально проверяются данные словарей и грамматик об употреблении предлогов или маркера прямого дополнения с различными типами именных групп. Особое внимание уделяется статистической значимости различных мер ассоциации. В частности, меры $\log\text{Dice}$ и MI (mutual information) определяются как наиболее значимые для коллокаций рассмотренных глаголов и предлогов. Автоматическая обработка результатов, однако, затрудняется особенностями морфологии иврита и отклонениями от стандартной нормативной орфографии в изучаемых контекстах. После ручной обработки автоматически сформированных результатов все случаи ненормативного употребления рассматриваются в рамках прагматического контекста. В результате, были выделены следующие факторы, коррелирующие с вариативностью объектного маркирования: упоминаемость, коллигация, дискурсивная просодия, степень взаимосвязанности, позиционная мобильность, дистрибуция в различных типах текстов, обусловленная прагматическими особенностями высказываний. В ходе исследования было замечено, что некоторые меры ассоциации, не являясь математически эквивалентными, выдают «кандидатов» в терминологические сочетания с ключевой лексемой (в данном случае, с глаголом) с одинаковым или близким рангом.

На заключительном этапе были также проверены случаи употребления в объектных конструкциях слова ‘*yesh*’ «есть», вопросительных слов ‘*ma*’ «что» и ‘*mi*’ «кто». Для вопросительных слов ненормативных случаев употребления выявлено не было, однако даже нормативный вариант употребления подразумевает более расширительное толкование термина «определенность», в соответствии с которым одушевленный пациент находится выше по шкале определенности (и маркируется, соответственно), нежели неодушевленный (который не маркируется в зафиксированных контекстах). Для слова ‘*yesh*’ «есть», формально не являющегося глаголом, корпусные данные демонстрируют ранее зафиксированное явление маркирования определенной именной группы, находящейся в постпозиции в притяжательной конструкции такого типа.

Алиева К. А. (ВФ СПбГУ, ЛГУ, Санкт-Петербург)

Средства выражений перфектных значений в древнейгурском языке

Определение семантической природы перфекта является одной из самых трудных задач современной аспектологии. К наиболее актуальным вопросам, требующим тщательного анализа языковых фактов в разных языках мира,

можно отнести определение перфекта как элемента семантической зоны категории времени или категории аспектуальности, представление перфекта как некой гибридной формы, сочетающей семы времени и аспекта.

При анализе перфекта следует учитывать точку зрения О. Даля и Дж. Байби, согласно которой перфект указывает на некоторую ситуацию, произошедшую в прошлом, которая обладает *current relevance* (релевантность ситуации), произошедшей в прошлом, и значимость ее последствий по отношению к настоящему для участников ситуации «в момент речи»¹. Исходя из сложной взаимосвязи аспекта и времени в семантике перфекта, его семантическую зону можно описать как «гетерогенную» и выделить, вслед за Б. Комри, некоторые типы значений: результативный перфект, экспериенциальный перфект, перфект наличной ситуации, имедиатный перфект².

Указанные типы значений перфекта стремятся к тому, чтобы быть *универсальными*, т.е. теми значениями, которые приписываются перфекту по данным языков мира. В частности, указанная типология значений перфекта может быть релевантна к тюркским языкам, поскольку в них семантическая зона видовременной системы форм достаточно обширна.

Тюркские языки располагают морфологическими средствами, выражающими временные значения, и аналитическими морфемами, способными выражать как аспектуальные, так и временные значения. Широкий комплекс морфологических средств в современных тюркских языках служит для передачи самых разных семантических оттенков, нужных для наиболее точного описания и характеристики процесса протекания действия. В том числе, это справедливо для описания ситуаций, произошедших в прошлом, но не утратившим релевантность к «моменту речи».

При проведении исследования материала древнеуйгурского языка было установлено, что результативный перфект маркируется как морфологическими средствами, так и аналитическим путем. Форме *-mīš*, которая употребляется в памятниках либо самостоятельно, либо в составе обстоятельственных форм (в том числе и в форме падежей), а также в составе аналитических сочетаний *-mīš bol-* и *-mīš + e-*, можно приписать способность выражать результативный перфект только с учетом контекстуальной ситуации употребления этих

¹ См. по: Bybee J. L., Perkins R., Pagliuca W. *The evolution of grammar: Tense, aspect and modality in the languages of the world*. Chicago: The U. of Chicago Press, 1994. P. 62 (415 p.); Dahl Ö., Hedin E. *Current relevance and event reference* // Ö. Dahl (ed.). *Tense and aspect in the languages of Europe*. Berlin: Mouton de Gruyter, 2000. P. 385–402 (856 p.); Comrie. B. *Aspect: An introduction to the study of verbal aspect and related problems*. Cambridge: Cambridge University Press, 1976. P.55(153 p.); Lindstedt J. *The perfect — aspectual, temporal and evidential* // Ö. Dahl (ed.). *Tense and aspect in the languages of Europe*. Berlin: Mouton de Gruyter, 2000. P. 366(856 p.);

² Comrie. B. *Aspect*. P.56–62.

глагольных форм и их противопоставлении другим ситуациям употребления. Проведенный анализ показал, что в X–XI вв. в древнеуйгурском языке началось формирование особой группы морфологических средств, способных маркировать аспектуально-временные значения. Характерным является и то, что используемые средства не являются регулярными.

Бакланова Е. А. (ИСАА МГУ, Москва)

Контактные изменения в парадигме степеней тагальских прилагательных: анализ источников

В ходе контактов с испанским (*ИЯ*) как языком колонизаторов на Филиппинах в XVI — нач. XX вв. тагалог (*ТЯ*) ассимилировал большой объем испанской лексики, включая целый ряд служебных слов¹. В результате заимствования в узус филиппинцев вошли в т. ч. испанизмы *medyo* в значении ‘довольно-таки’ (< исп. *medio* ‘средний’), *sobra* ‘чрезмерный; слишком’ (< исп. *sobra* ‘избыток’), *masyado* ‘слишком’ (< исп. *demaciado* ‘слишком’). В работе предпринята попытка определить, какое место заняли испанизмы-интенсификаторы в парадигме степеней качественных прилагательных современного ТЯ². Ставится вопрос и о возможном влиянии английского языка на модели степеней прилагательных, вследствие массового филиппино-английского билингвизмас XX в.

В рамках исследования осуществлен анализ как а) диахронного языкового материала, так и б) синхронных источников, чтобы отделить языковые явления до распространения на Филиппинах английского языка от потенциальных инноваций в употреблении прилагательных, которые могли возникнуть с усилением англоязычного влияния с 1920–30-х гг. по настоящее время. Источниками стали: для (а) словарь (Calderón 1915), образцы рассказов шести тагальских писателей за 1905–1922 гг. (ок. 60 тыс. слов); для (б) словарь (Рачков 2012)³ и корпус новостных и художественных текстов ТЯ за 2005–2015 гг. (ок. 135 тыс. слов, из них 37,5 тыс. уник.).

1. Анализ источников гр. (а) не выявил употреблений испанизмов *mas*, *sobra*, *masyado* в парадигме степеней качественных прилагательных ТЯ, присутствовали

¹ Baklanova E. (2017) On contact-induced changes in modern Tagalog: A case study // Межцивилизационные контакты в странах Юго-Восточной Азии: исторические перспективы и глобализация. Сборник статей. СПб: Нестор-История. P. 329–359; Wolff J. (1973). The character of borrowings from Spanish and English in the languages of the Philippines // Journal of Philippine Linguistics. Manila. No 4(1). P. 72–81.

² Рачков Г. Е. (1981) Введение в морфологию современного тагальского языка. Л., С. 86–88.

³ Рачков Г. Е. (2012) Новый тагальско-русский словарь. Т. 1, 2. СПбГУ.

только исконные модели. Т.о. вопрос о влиянии ИЯ на систему степеней качества и сравнения в ТЯ в период до начала XX в. пока не нашел подтверждения.

2. Анализ источников гр. (б) позволил выявить испанизмы в парадигме степеней прилагательных ТЯ. *Medyo, sobra* и *masyado* дополнили парадигму **степеней качества прилагательных**:

1.1. модель образования *модеративной степени* ('довольно-таки') "*medyo* + Adj" варьирует с исконной моделью "*ma-Adj-R*" для прилагательных с префиксом *ma-*, напр.:

medyo ma-laki / ma-laki-laki 'довольно/несколько большой'.

Исконная модель модератива для прилагательных без префикса *ma-* включает слово *kauntí* 'немного' с лигатурой. В современных текстах модель с *medyo* (без лигатуры) преобладает над '*kauntí=LK Adj / Adj nang kauntí*' (15 употреблений модератива с *medyo* и 1 с *kauntí* в корпусе), напр.:

pagód nang kauntí / medyo pagód 'немного устал'.

1.2. *формы интенсификации* ('очень') с *sobra* (5 токенов) и особенно *masyado* (18) варьируют с дубликацией адъектива на *ma-* и префиксальной моделью с *paraaka-*, вытесняя *lubhá* 'слишком' (7):

masyado=ng / lubha=ng maingay 'слишком шумный'.

3. В парадигме **степеней сравнения** среди *сравнительных* форм со значением 'более' конструкция с *mas+Adj* стала самой частотной, вытесняя исконные *lalo, higit: mas* — 177 токенов (*mas mura* 'дешевле') vs. *lalo=LNK* (7) и *higit=LNK* (2).

4. В корпусе выявлены случаи «избыточного» употребления *mas* с исконной адъективной (i,ii) или адвербиальной (iii) сравнительной конструкцией, напр.:

i. *Ang mas pinaka-exciting ay ang nonfiction*

'Более самое-интересное — это публицистика'

ii. *mas higit na makabuluhan*

'более более значимое'

iii. *mas lalo na kung malalaman ng mga anak*

'более особенно, если узнают дети'.

Объяснениями избыточности могут быть: 1) испанизм *mas* вошел в узус носителей ТЯ в начале XX в. и, распространившись как удобная форма, он начинает восприниматься носителями ТЯ как *необходимый* элемент конструкции степени. Или 2): увеличение продуктивности модели с *mas* и «избыточные» конструкции могут быть результатом отождествления модели с *mas* с англоязычным *more* вследствие языковой интерференции в условиях массового билингвизма. Этот вопрос требует дальнейшего исследования на более широком языковом материале.

Воронина Л. А. (Государственный академический университет гуманитарных наук, Москва)

Специфика падежной системы корейского языка

Одним из самых проблематичных аспектов в обучении корейскому языку русскоязычных студентов является его падежная система. При анализе постоянно допускаемых обучающимися ошибок с целью оптимизации результатов обученности выявляется ряд вопросов, связанных с лингвистическими основами теории и методики обучения иностранным языкам: 1) место 'падежа' с точки зрения лингвистики как системы; 2) парадигма и номенклатура падежной системы; 3) определение функций корейских падежей.

Категория падежа по Б. Блейку — это *система маркирования* зависимых существительных по типу их отношения к главному слову. В. В. Виноградов предлагает более точное определение рассматриваемой лингвистической категории, подразумевая под ней *форму имени*, выражающей его отношение к другим словам в речи. Однако в контексте осознания роли падежа в корейском языке приходится соглашаться с К. С. Аксаковым, утверждающим, что падежи имеют свой самостоятельный смысл, в связи с чем становится понятной причина выделения корейскими лингвистами категории падежа в отдельную часть речи (조사).

Казалось бы, совершенно неважный для обучения корейскому языку факт выделения категории падежа в отдельную часть речи с практической точки зрения оказывается довольно значимым: без осознания обучающимися причины слитного написания зависимых морфем, обозначающих падежи, с соотносящимися с ними именами корейского языка, трудно добиться от них корректного орфографического написания. Все усугубляется наличием у ряда корейских падежей параллельных маркеров (именительный, винительный, дательный, творительный, звательный, совместный, присвяточный), что усложняется категорией одушевленности и категорией вежливости, добавляющих к нейтральным дополнительные языковые формы.

Кроме самих показателей падежных форм в теории корейского языка существуют серьезные разногласия в наименованиях рассматриваемой грамматической категории. Так, например, коллектив корейских ученых, возглавляемых Ли Иксон, выделяет семь падежей (именительный, винительный, родительный, местный, творительный, звательный, совместный); российский ученый Ю. Н. Мазур — девять (именительный, родительный, винительный, дательный, местный, творительный, звательный, совместный, присвяточный); Г. Рамстедт — шесть (именительный, родительный, винительный, местный, дательный, творительный) и т.д. Вопрос заключается в том, чью классификацию и почему следует адаптировать в процессе обучения корейскому языку в вузе.

В результате сопоставительного анализа перечисленных выше падежей выяснилось, что всеми учеными признается наличие пяти падежей (именительный, родительный, винительный, дательный и творительный), но при этом, их функции шире одноименных в русском языке, что представляет проблему в обучении, поэтому следующей проблемой является функциональная нагрузка каждого корейского падежа и его передача в процессе обучения.

Априори набор функций падежных форм в разных языках отличается друг от друга, в связи с чем сложной представляется задача сравнения падежных систем различных языков. Известны случаи выделения у одних и тех же падежей синтаксических и семантических функций, что упростило бы задачу их преподавания, но пока этого никто не сделал. Была выполнена попытка описания падежной системы корейского языка в лингводидактических целях, согласно которой номенклатура составила одиннадцать названий (основной, именительный, родительный, винительный, дательный, дательного-местный, дательный одушевленный, творительный, звательный, совместный, присвяточный).

Предлагаемая классификация максимально учитывает потенциальные психолингвистические процессы, сопровождающие усвоение русскоязычными обучающимися нового лингвистического материала (трансференцию, интерференцию, генерализацию и сверхгенерализацию).

Гурьян Н. В. (ДВФУ, Уссурийск)

Сино-русские идиолекты и русско-китайские пиджины¹

Сино-русскими идиолектами мы называем индивидуальные варианты современного китайско-русского контактного языка. Материалом для исследования служит региональный вариант, бытующий в Приморском крае РФ. Проводимое исследование показывает, что к сино-русским идиолектам плохо применим термин «пиджин»², которым отечественные лингвисты традиционно определяют синхронные китайско-русские контактные идиомы, сложившиеся в Забайкалье и Амурской области.

---

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-012-00264, проект «Документирование сино-русских идиолектов».

² Frajzyngier Z., Gurian N., Karpenko S. Language Contact: Sino-Russian // The Handbook of Language Contact. Second Edition / ed. by R. Hickey. Hoboken, NJ: Wiley-Blackwell, 2020. URL: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/abs/10.1002/9781119485094.ch35>. Гурьян Н. В. Изучение современных китайско-русских контактных языков: некоторые особенности сино-русских идиолектов Приморского края // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2021. Том 14. Выпуск 1. С. 154–161.

В докладе будут обозначены подходы к исследованию и описанию сино-русских идиолектов, проиллюстрированы выявленные на настоящем этапе исследования особенности их фонологии и лексики.

Так, анализ фонетико-фонологического уровня показывает, что далеко не все слова сино-русских идиолектов устроены в соответствии с законом открытого слога, который обычно называют определяющим для сегментной структуры «русско-китайских пиджинов». Избавление от закрытых слогов — это, скорее, одна из возможных стратегий сино-русских идиолектов, а не правило. Наши наблюдения над материалом не подтверждают и факта ударности каждого слога, о котором часто говорится в литературе по данному вопросу.

Вопреки сложившемуся мнению о том, что лексический фонд современных китайско-русских контактных идиомов составляют в основном лексические единицы, прямо или косвенно связанные с торговлей¹, стоит заметить, что словарь сино-русских идиолектов не исчерпывается исключительно данной предметной областью. Расхождение в данных о словарном составе современных китайско-русских контактных идиомов, вероятно, следует объяснять прежде всего разными подходами к сбору материала: в нашем исследовании мы используем не записи диалогов в ситуации торговли, а нарративы, полученные в ответ на просьбу рассказать о себе и своей жизни и работе в России, обычаях и т.п. В 2020 г. была также апробирована методика сбора нарративов на основе фильма У. Чейфа «Истории о грушах».

Кроме того, объем и разнообразие индивидуальных лексиконов, судя по всему, зависят от коммуникативного опыта каждого отдельного информанта, от наличия/отсутствия желания лучше говорить «по-русски», а также от сферы, в которой они трудятся (сферы занятости китайских мигрантов торговлей не ограничиваются).

Что касается класса служебных слов, современные сино-русские идиолекты в своем лексическом составе имеют **предлоги** (*'fɪl'iz* / *'fɛrəsə* «через»; *v / w / f* «в»; *pa* «по»; *'izza* «из-за»; *na* «на») и **союзы и союзные слова** (*i* «и»; *'ʃdɔbiə* «чтобы»; *'il'i* «или»; *jesl'* / *is't'eej* / *'jesr'i* / *'jesi* «если»; *fem* «чем», *,padəm'ɖa* / *,padu'ɖa* / *pa'dəmʒ'da* / *panəm'ɖa* / *padəm'ʃə* «потому что»), и тем самым отличаются от более ранней формы контактного языка, описанной А. Г. Шпринциным².

¹ См. Оглезнева Е. А. Русско-китайский пиджин на Дальнем Востоке: особенности функционирования и языковая специфика // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2007. Т. 66. № 4. С. 35–52. Жданова Н. А. Современный русско-китайский пиджин Забайкалья в структурно-системном и коммуникативном аспектах: дисс. ... к. филол. н. Улан-Удэ, 2016. 224 с.

² Шпринцин А. Г. О русско-китайском диалекте на Дальнем Востоке // Страны и народы Востока. М.: Наука, 1968. Вып. VI. Страны и народы бассейна Тихого океана. С. 86–100.

Таким образом, теоретические обобщения, полученные отечественным лингвистами при изучении других хронологических и региональных вариантов китайско-русских контактных идиомов, не всегда приложимы к языку, который мы изучаем.

Дубровина М. Э. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)

Система турецких указательных местоимений как отражение определенных семантических подвидов имен существительных

В ходе анализа турецких речевых высказываний исследователь начинает обращать внимание на интересные с точки зрения не носителя турецкого языка факты употребления демонстрационных прономинативов. Речь идет, прежде всего, об указательных местоимениях, которые используются в предложениях, типа: «**Это** что?» — «**Это** шкаф».

В турецком языке можно выделить три базовых указательных местоимения: *bu*, *o*, *şu*, которые могут выступать как в субстантивной функции (примеры 1, 2, 3), так и в атрибутивной (примеры 4, 5, 6).

1. **Bu** kitap. ‘**Это** — книга’.
2. **O** pencere. ‘**То** — окно’.
3. **Şu** kalem. ‘**Вот это** — ручка’.
4. **Bu** kitap ilginç. ‘**Эта** книга — интересная’.
5. **O** pencere temiz. ‘**То** окно — чистое’.
6. **Şu** kalem kırmızı. ‘**Вот эта** ручка — красная’.

Эти лексемы неоднократно подвергались лингвистическому анализу, однако, на наш взгляд, не все темы, связанные с их функционированием и местом в языковой системе, оказались успешно изученными. Как представляется, именно в турецком языке эти местоимения в субстантивной функции являются выразителями не только своих первичных языковых значений — опосредованно указывать на некий денотат, но и несут в себе информацию, позволяющую коммуникантам определить принадлежность называемого предмета к той или иной семантической группе предметов.

Так, говорящий на турецком языке для передачи значения ‘это’ может кроме приведенного выше местоимения *bu* употребить также однокоренное местоимение *burası*, для выражения значения ‘то’, ‘там’ вместо местоимения *o* — местоимение *orası*, в значении ‘вот это’, ‘вот то’ вместо *şu* — *şurası*. Эти прономинативы, в принципе, обладают способностью образовывать многочис-

ленные гнезда с корневой морфемой, выражающей указательную семантику¹. Однако наличие таких местоимений как *burasi*, *orasi*, *şurasi*, которые представляют собой также указательные субстантивные местоимения, употребляющиеся в высказывании в позиции подлежащего, наталкивают исследователя на мысль о необходимости изучения параллельных употреблений этих лексем.

7. Bu ne? Bu dolap. ‘Это что? — Это шкаф’.
 8. Burası ne? Burası oda. ‘Это что? — Это комната’.

Благодаря анализу указательных местоимений в турецком языке становится возможным выделить в отдельную группу имена существительные с так называемой пространственной семантикой. Это — лексемы, которые означают любые «места» и «пространства», среди которых 1) наименования всех помещений внутри зданий, 2) наименования всех типов зданий с их специализацией (музей, почта, вокзал, аптека и т.д.), 3) лексемы, означающие объекты внутри города (улица, проспект, площадь, сквер, бульвар, перекресток), 4) наименования населенных пунктов, в том числе сами названия городов и стран, а также 5) лексемы со значениями любых географических объектов, которые могут включать в себя:

- а) гидронимы — лексемы для наименования океанов, морей, озер, рек;
- б) лексемы для наименования рельефа (горы, скальные участки),
- в) растительности (леса различных типов, парки и т.п.),
- г) земель сельскохозяйственного назначения (поля, огороды, сады).

Дудченко Г. Б. (Невский институт языка и культуры,
Санкт-Петербург)

Топонимические субстраты в Яньбянь-Корейском автономном округе

Яньбянь-Корейский автономный округ провинции Цзилинь был образован в 1952 г. В более ранней истории его территория была охвачена многими событиями, с которыми связаны миграции населения и формирование его полиэтничного состава. По данным на 2010 г. в данном округе население насчитывало без малого 2,3 млн чел., из них более половины составляли китайцы (ханьцы), примерно 40 % — корейцы, 2,5 % — маньчжуры, проживали также дунгане, монголы и представители других народов. Все географические

¹ Атакулова М. А. О парадигме словоизменения указательных прономинативов// Наука и новые технологии, 2009, № 7. С. 294–298. (<http://science-journal.kg/media/Papers/nntiik/2009/7/nntiik-2009-N7-294-298.pdf>. Дата обращения: 22.09.2020.)

объекты в Яньбянь-Корейском автономном округе имеют по меньшей мере два названия — китайское, обозначаемое иероглифами, и корейское, для записи которого используется хангыль. Вывески и дорожные указатели выполнены также на двух языках, а в городском уезде Хуньчунь на трех — китайском, корейском и русском.

Однако интересен вопрос о происхождении и значении этих названий. Нетрудно представить, что в топонимике данного округа могут быть выражены разные языковые субстраты — китайский, корейский, тунгусо-маньчжурский, монгольский, русский, японский и т. д. Показательным примером служит река, которая до начала 70-х годов XX в. в русскоязычной традиции именовалась как Тюмень-ула. Предположительно название восходит к монгольскому «тумен», что означает «десять тысяч» или «великое множество», и тунгусо-маньчжурскому «ула» — река. Это название преобразовалось в китайское 图们江 (Тумэньцзян или Тумыньцзян), корейское 두만강 (Туманган или Туманганг), русское Туманная. Имеется свое наименование и в англоязычной традиции — Tumen River. Примечательно, что в китайском названии присутствует иероглиф 们, что нехарактерно для подобных случаев.

Данная пограничная река берет начало со склона вулкана, чьи названия, корейское 백두산 (Пэктусан) и китайское 白头山 (Байтоушань), означают одно и то же — «белоголовая гора». При этом плоскогорье, к которому относится местоположение вулкана, по-китайски называется 长白山 (Чанбайшань), по-маньчжурски — Гольмин Шангиан Алин. И то, и другое означают «белая гора круглый год» или «вечно белая гора». Есть и монгольское название — Ондор Цагаан Оола — «высокая белая гора». Очевидно, что в сложении названий имели место кальки с одного топонимического субстрата на другой.

Китайский иероглиф 图, в данном случае указывающий на название реки 图们江, присутствует и в названиях городов — очевидно 图们 (Тумэнь) и предположительно 安图 (Аньту). По наименованиям рек и другим гидронимам в Северо-Восточном Китае образованы названия многих населенных пунктов, включая города. Вероятно, имя города Хуньчунь произошло от одноименной реки, при этом иероглифы 琿春, означающие «нефрит» и «весна», передают в транскрипции чжурчжэньское слово «приграничье».

В названиях других мест также ярко выражен тунгусо-маньчжурский субстрат, поскольку они зачастую представляют собой транскрипции из чжурчжэньского или маньчжурского языка. Отдельный вопрос связан с происхождением самого слова Яньбянь и имени столицы автономного округа — Яньцзи. Можно предполагать, что эти названия образованы от китайского 延边吉林, также имеющего маньчжурские корни. 吉林 транскрибирует название города Гириин-ула, которое означает «город-река». Он известен как Цзилинь — город, расположенный к западу от Яньбянь-Корейского автономного округа и давший название всей провинции.

Камалова Ш. Н. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)

Обстоятельственные отношения пространственного плана в языке древнетюркских памятниках и азербайджанском языке

Обстоятельственная синтаксическая форма — разновидность атрибутивной формы, которая состоит из обстоятельственного уточняемого и обстоятельства.

В языке древнетюркских Орхон-Енисейских памятников обстоятельственные отношения занимают большое место среди других типов синтаксических отношений как множеством выбираемых в себя смысловых связей, так и особенностями функционирования.

Обстоятельственные отношения являются сложными и многоплановыми. В языкознании установлены следующие логико-смысловые значения, традиционно относящиеся к обстоятельным: семантика места, времени, цели, причины, образа действия (характера), меры, направления, степени совершения действия, условия. В обстоятельных конструкциях в функции уточняющего преимущественно употребляются наречия. Помимо наречий, имена прилагательные и числительные так же являются морфологической базой обстоятельства.

Любое явление, событие, процесс имеет пространственные характеристики. Человек не может существовать вне пространства. Обстоятельственные отношения пространственного плана содержатся в семантической структуре многих предложений, указывая на протекание, осуществление событий в пределах какого-то пространства, и обладают большей конкретностью в отличие от других видов обстоятельных отношений.

Пространственные элементы языка составляют одну из важнейших функционально семантических систем, включающую в себя разнообразные лексические, морфологические, синтаксические средства. В нашей работе мы будем исследовать равноуровневые средства выражения пространственных отношений в языке древнетюркских памятников. Для этого нужно выявить типы пространственных отношений, передаваемых грамматикализованными средствами тюркских языков, описание семантического поля пространственности, семантики и структуры послеложно-падежных сочетаний, локальных падежей, а также других морфологических пространственных элементов; выявить подсистемы, специализированные на выражении тех или иных типов пространственных отношений; структурно-семантически описать системы пространственных синтаксических конструкций, которые выражают отношения пространственной локализации предметов и событий, изучить их внутреннюю структуру и семантику.

Пространственную семантику в языке древнетюркских памятниках содержат слова в форме местного, исходного, местного-исходного, дательного-местного падежей, конструкции с послеложными словами, которые указывают на

местонахождение или пункты перемещения предметов и явлений, а также наречия.

В азербайджанском языке обстоятельства места выражаются наречем места, существительным, именным словосочетанием и именным словосочетанием первого типа с причастным оборотом и сочетанием, состоящим из существительного и одного из послелогов *qədər, kimi, -dək, -cən, -sən, ilə (-la, -lə)*.

Кирюхина Л. В. (Педагогический институт, Иркутский
Государственный университет, Иркутск)

О способах указания чтения в словаре «Цзин чжуань ши цы»

《经传释词》《Цзин чжуань ши цы》— это словарь служебных слов 1798 г., автор — известный канонист Ван Иньчжи 王引之. Данную работу отличает организация словарных статей: 160 статей распределены по 10 ‘разделам’ 卷 *цзюань*¹ в соответствии с начальными согласными. Так, в 1–4 卷 *цзюань* представлены слова с 喉音 *хоу инь* ‘гортанными начальными согласными’, в 5 — с 牙音 *я инь* ‘заднезубными согласными’, в 6 — с 舌音 *шэ инь* ‘язычными согласными’, в 7 — с 半齿半舌音 *бань чи бань шэ инь* ‘полузубными-полуязычными согласными’, в 8–9 — с 齿音 *чи инь* ‘переднезубными согласными’, в 10 — с 唇音 *чунь инь* ‘губными согласными’. По объему 卷 *цзюань* различаются (в каждом представлены соответственно 10, 8, 12, 22, 23, 15, 9, 22, 25, 14 словарных статей).

Слова, собранные в «Цзин чжуань ши цы», в большинстве своем являются распространенными, предполагалось, что их чтение известно. Тем не менее, для некоторых редких знаков, а также для тех, у которых есть несколько вариантов чтения, Ван Иньчжи написал, как они читаются. Рассмотрим, каким образом Ван Иньчжи обозначает чтение знаков.

Чтение может быть обозначено при помощи метода 直音 *чжи инь* ‘прямого указания’, когда произношение указывается через омофон (такой способ использовался, например, уже в 《说文解字》《Шо вэнь цзе цзы》(100 г. н. э.) Сюй Шэня 许慎²). Приведем примеры из «Цзин чжуань ши цы»: 吹音聿 *yù yīn yù* ‘吹 *юй* читается как 聿 *юй*’ (здесь и далее нами приводится современное чтение знаков); 恶音乌 *wū yīn wū* ‘恶 *у* читается как 乌 *у*’; 號音豪 *háo yīn háo* ‘號 *хао* читается как 豪 *хао*’; 鄉音向 *xiàng yīn xiàng* ‘鄉 *сян* читается как 向 *сян*’; 徂读为且 *cú dú wéi cù* ‘徂 *цү* читается как 且 *цү*’ и др. Кроме того, например, в пятом 卷 *цзюань* в трех словарных статьях рассматривается знак 其 в разных значениях: в первом случае чтение не указывается, во втором Ван Иньчжи пишет, что 其音

¹ 王引之 经传释词 南京: 凤凰出版社, 2016.

² 王力 中国语言学史 复旦大学出版社, 2006. 28页.

記 jì yīn jì ‘其 *цзи* читается как 記 *цзи*’, в третьем — 其音姬 jī yīn jī ‘其 *цзи* читается как 姬 *цзи*’; в десятом 卷 *цзюань* в двух словарных статьях рассматривается знак 曾: про второй указано, что 曾音層 céng yīn céng ‘曾 *цэн* читается как 層 *цэн*’; про первый — 曾音增 zēng yīn zēng ‘曾 *цзэн* читается как 增 *цзэн*’, однако тут же поясняется, что 俗读如層 sù dú rú céng ‘в обиходе читается как 層 *цэн*’.

Кроме того, в «Цзин чжуань ши цы» чтение может быть обозначено при помощи метода 反切 *фаньцзе* ‘разрезания’, когда чтение одного знака указывают посредством двух других: от первого «берут» инициаль, от второго — финаль, складывают их и получают искомое чтение (такой способ использовался в китайских филологических трудах с конца династии Хань¹). Приведем примеры из рассматриваемой работы (в современном китайском языке тональные характеристики некоторых слогов, инициали претерпели изменения и теперь не совпадают): 邪以遮反 yé yǐ zhē fǎn ‘*邪 e* разрезается как 以 *и* и 遮 *чжэ*’; 且子餘反 zǔ zǐ yú fǎn ‘*且 цзу* разрезается как 子 *цзы* и 餘 *юй*’; 畜施智反 chì shī zhì fǎn ‘*畜 чи* разрезается как 施 *ши* и 智 *чжи*’ и др. В работе Ван Иньчжи приводятся и другие варианты чтения, например: 曾則能反 zēng zé néng fǎn ‘*曾 цзэн* разрезается как 則 *цзэ* и 能 *нэн*’; 曾則登反 zēng zé dēng fǎn ‘*曾 цзэн* разрезается как 則 *цзэ* и 登 *дэн*’; 曾才能反 céng cái néng fǎn ‘*曾 цэн* разрезается как 才 *цай* и 能 *нэн*’; 勞力報反 láo lì bào fǎn ‘*勞 лао* разрезается как 力 *ли* и 報 *бао*’ и др.

В некоторых случаях Ван Иньчжи указывает лишь тон иероглифического знака: 此為字讀平聲 cǐ wéi zì dú píngshēng ‘в данном случае 为 *вэй* читается ровным тоном’, 此為字讀去聲 cǐ wéi zì dú qùshēng ‘в данном случае 为 *вэй* читается падающим тоном’.

Относительно фонологической составляющей словаря служебных слов «Цзин чжуань ши цы» отметим следующее: 1) в самой структурной организации словаря автор исходит из типа начального согласного в слове; 2) чтение иероглифических знаков может быть указано уже в содержании словаря, либо непосредственно в словарной статье; 3) Ван Иньчжи использует различные способы указания чтения иероглифов: либо отмечается лишь тональная характеристика знака, либо метод прямого указания чтения, либо метод разрезания.

Колпачкова Е. Н. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)

Язык модернизации или модернизация языка: пополнение китайского словаря отраслевой лексики на рубеже XIX–XX вв.

В докладе анализируются особенности массового пополнения отраслевого словаря китайского языка во второй половине XIX — первой трети XX в. Этот процесс шел преимущественно за счет лексических единиц, заимствованных

¹ 王力 中国语言学史 复旦大学出版社, 2006. 46页。

из японского языка в китайский, в европейской синологии с подачи Ф. Масини определенных как «графические заимствования» (graphic loans). В отечественной науке они становились предметом исследования считанное число раз (в работах В. И. Горелова, О. А. Бехтеревой и Е. Д. Кругловой) и трактовались как обратные и вторичные заимствования, хотя терминология, используемая авторами, вызывает ряд вопросов. Столь ограниченное внимание к этим словам объясняется их неотличимостью от исконно китайской лексики, в результате в науке наблюдается неоднозначность в подходах к трактовке данного явления среди исследователей в Китае и Японии.

Более глубокий анализ данного явления с учетом сложившегося в лингвистике инструментария для описания межязыковых заимствований помогает выявить и продемонстрировать на конкретном языковом материале гетерогенность данного пласта лексических единиц, куда включались и чистые японизмы, описывающие типичные феномены японской культуры или субкультур, и случаи деархаизации, возвратившие в активное употребление слова и выражения, когда-то бытовавшие в древнекитайском языке и получившие на современном этапе новую жизнь и иное, ранее не имевшееся значение.

На историческом пути развития любого языка обнаруживаются периоды бурного притока неологизмов, и интерес к этому никогда не прекращающемуся процессу объясняется особенностями эпохи промышленного прогресса. В Восточной Азии пик этого пришелся на конец XIX в., когда модернизация охватила не только различные сферы общества, науки, культуры и промышленности, но и ощутимо затронула сферу языка, в частности его лексический пласт. Самый авторитетный из имеющихся «Словарь иностранных слов китайского языка» содержит 892 лексических единицы, помеченных как слова японского происхождения. При этом не указывается, что начиная с эпохи Мэйдзи часть этих лексем попала в японский язык из европейских языков, то есть не является прямым заимствованием, которое должно описывать явления сугубо местной культуры, а транслирует реалии и понятия, присущие западной цивилизации, таким опосредованным образом попавшие через японский язык в китаеязычную среду.

Поскольку сфера употребления единиц данного типа ограничена отраслевой терминологией, подобные заимствования в графической форме преимущественно относились к моносемантическим знакам и, как правило, сохраняли реализованное в японском языке значение, однако при освоении опосредованно заимствованной лексики вероятность семантического сдвига всегда оказывается выше, поэтому часть из них при освоении в языке-реципиенте расширила или изменила исходную семантику.

Науке известны несколько попыток классификации (по разным основаниям) единиц, пополнивших словарь отраслевой лексики китайского языка в эпоху бурной модернизации Востока, часть которых обсуждается в дискуссионной части доклада.

Костина Е. А. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург),
 Лекарева Е. П. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)

Проминальные атрибутивные модели в хинди и бенгальском языке

Несмотря на то, что разнообразие структур, в которых роль опорного слова выполняет местоимение, невелико, в грамматических очерках их описания приводятся разрозненно. Традиционно выделяются проминальные словосочетания («кто-то из друзей», «мы с тобой»), аппозитивные сочетания («между нами, девочками»), а также неспособные выступать в роли самостоятельных единиц вне предложения комбинации местоимений с другими местоимениями, числительными и прилагательными типа «я сам», «вы оба», «кто-то чужой» и др., которые не принято относить к числу словосочетаний. Использование предложенного В. Г. Гузевым понятия «атрибутивная синтаксическая модель» позволяет совокупно рассмотреть все проминальные структуры «уточняемое + уточняющее», вне зависимости от того, соответствуют ли они критериям, используемым для определения словосочетаний.

При рассмотрении проминальных структур хинди и бенгальского языков необходимо учитывать следующие факторы:

- разряд местоимения-уточняемого;
- частеречная принадлежность уточняющего;
- тип связи между компонентами атрибутивной структуры и их взаимное расположение;
- морфологические характеристики компонентов.

На основе вопросительных и неопределенных местоимений образуются структуры с выделительным значением. Зависимый субстантивный, проминальный или адъективный компонент находится в препозиции по отношению к главному слову; в языке хинди он оформляется послелогом *mē* или *mē se*; в бенгальском языке ставится он в форму родительного падежа: *un mē se kaun* (хин.) «кто из них?»; *tomāder keu* (бенг.) «кто-то из вас». Если зависимое имя оформлено послелогом со значением «кроме», вместо выделительного, структура приобретает ограничительное значение: *is ke sivā kuch* (хин.) «что-то, кроме этого»; *bon chārā keu* (бенг.) «кто-то, кроме сестры». Адъективные лексемы в сочетании с неопределенным местоимением уточняют, конкретизируют неопределенный предмет: *aur kyā* (хин.) «что еще»; *bhālo kichu* (бенг.) «что-то хоршее». Для таких сочетаний необходимо отдельно решать вопрос о том, какое из имен является опорным.

На основе личных и указательно-личных местоимений образуются структуры с именами, имеющими количественное значение. В хинди в роли зависимого слова выступают совокупные местоимения и имена числительные в собирательной форме; в бенгальском языке числительное

сопровождается клитикой *jan* «человек», которая также может факультативно принимать окончание *-e*, передающее собирательное значение: *ham tīnō* (хин.) «мы трое»; *āmṛā sabāī* (бенг.) «мы все», *eka se* (бенг.) «он один». В бенгальском в качестве зависимого слова может также выступать неопределенное местоимение; в этом случае образуется структура, синонимичная рассмотренной выше (*tomṛā keu* «кто-то из вас»). Личные и указательно-личные местоимения также могут уточняться возвратными: *māṭkhud* (хин.), *āmi nīje* (бенг.) «я сам».

Местоимения обоих рассматриваемых языков могут образовывать аппозитивные структуры: *ham becāre* (хин.) «мы, несчастные»; *āmi abhāgī* (бенг.) «я, несчастный». Сопровождаемые приложениями личные местоимения хинди не образуют притяжательные формы; вместо этого адъективную форму принимает приложение, а само местоимение ставится в косвенный падеж: *merā jīvan* «моя жизнь» ср. *mujh becāre kā jīvan* «жизнь меня, несчастного». В бенгальском языке появление приложения не сказывается на морфологических характеристиках местоимений.

Особый случай представляют собой определительные атрибутивные структуры с частично или полностью субстантивированными личными местоимениями, характеризующие обозначаемое лицо в определенных (например, временных) условиях: *anya māṭ* (хин.) «другой я»; *choṭa tumi* (бенг.) «маленький ты». В этой связи обращают на себя внимание и такие частные образования как *nīc mujhe* (хин.) «низкого меня» или *ghṛṇya āmi* (бенг.) «презренный я» — переводы названия мультфильма *Despicable me* (англ.) «Гадкий я».

*Кутафьева Н. В (Новосибирский государственный университет,
Новосибирск)*

Ономатопея с количественным значением в японском языке

Ономатопозитическая лексика имеет национально-культурную специфику и обладает высокой частотностью использования в японском языке (около 2 тыс. единиц). В японском языке есть несколько типов ономатопозитических слов, которые описывают звуки (живой или неживой природы), ощущения или ситуацию. Они записываются азбукой, обладают фонетическими и структурными особенностями и используются для оживления речи. К ономатопозитическим словам относятся звукоподражания и звуко-символизмы.

В данном докладе мы рассмотрим ономатопею, выражающую количественное значение.

Одно и то же оноματοпоэтическое выражение одновременно может быть и звукоподражанием и производным от него звуко-символизмом, кроме того многие оноματοпоэтические выражения являются многозначными.

В словарях «Толковый японско-русский словарь оноματοпоэтических слов», «An illustrated dictionary of Japanese and onomatopoeic expressions» и электронном ресурсе «Weblio Japanese English Dictionary» мы нашли 121 слово, выражающее количественное значение, и выделили группы, внутри которых выделили подгруппы с различной семантикой.

Звуко-символизмы

I. Существование некоторого количества людей, вещей и явлений.

1. Большое количество.

- а) собранность чего-то в большом количестве;
- б) большое количество, соединенное с разнообразием;
- в) степень изменения количества.

2. Небольшое количество.

- а) различная степень незначительного количества;
- б) различные способы существования в малом количестве;
- в) использование маленькими порциями, в небольших количествах.

3. Существование в единственном числе.

4. Точное указание на количество.

5. Изменение количества.

- а) резкое увеличение;
- б) резкое уменьшение;
- в) увеличение или уменьшение.

II. Энергичное перемещение большого количества.

III. Отсутствие.

Звукоподражания

I. Отдельные звуки.

II. Повторяющиеся звуки.

Из 121 слова 77 являются звуко-символизмами (некоторые из них одновременно являются звукоподражаниями и имеют другие значения) и 44 являются звукоподражаниями.

Среди 77 звуко-символизмов наибольшую группу образуют слова со значением «большое количество», затем в порядке убывания следуют группы со значением «изменение количества», «небольшое количество», «точное указание на количество», «существование в единственном числе», «отсутствие».

Среди 44 звукоподражаний одинаковое количество слов, 22, образуют группы со значением «единичный звук» и «повторяющиеся звуки». Звукоподражания воспроизводят различные способы создания звуков, например, единичный звук при ударе о твердый предмет, звуки многократных ударов жидкости о предмет, звуки падения капель и т.д.

Мы считаем, что именно семантика (количественное значение) и предопределило количественный состав групп: звуко-символизмов значительно больше звукоподражаний.

*Кутафьева Н. В. (Новосибирский государственный университет,
Новосибирск)*

Неопределенное количество и способы его выражения в японском языке

В японском языке, как и в любом языке, существует категория количества при отсутствии грамматической категории числа. Категория количества может рассматриваться как семантически-функциональное поле — макрополе, которое делится на два поля второго ранга: определенного и неопределенного количества. Поле неопределенного количества образуется двумя микрополями второго ранга: множественности и оценки неопределенного количества, и, наконец, поле неопределенного количества включает в свой состав два поля четвертого ранга: мультипликативности и паукальности. Для выражения значения количества используются различные средства разных языковых уровней.

Неопределенное количество может быть соотнесено с числом, при этом выражается приблизительность, и может не быть соотнесено с числом, при этом выражается неопределенность. В данной работе мы рассмотрим языковые структуры со значением неопределенного количества, которые используются в тех ситуациях, когда есть надобность в указании количества, но недостаточно информации для его точного указания.

Приблизительное количество выражается лексически использованием наречий или существительных, стоящих в пре- и постпозиции к числительному с собственным значением «приблизительно», *яку*, *оёсо*, *гурай*, *амари*.

Неопределенное количество выражается следующими способами.

Морфологически, использованием префиксов с дифференцированным значением «много», «мало», «несколько», су: «несколько», *яку* «несколько»; *та-* «много», *сё-* «мало».

Лексически, с помощью различных частей речи со значением количества: вопросительными и неопределенными местоимениями, существительными, прилагательными, глаголами, наречиями, с явным преобладанием количественных наречий.

Синтаксически, использованием двух стоящих рядом числительных японского происхождения *хитоцу-футацу* «один-два, несколько» или китайского происхождения с соответствующим классификатором *ни-сан-нин* «2–3 человека, несколько человек»; сочетанием вопросительного местоимения *икуну*

«сколько» или вопросительного местоимения *нан* «сколько» с классификаторами и вопросительной частицей *ка*. *Хон-га нансацу ка ару*. «Есть несколько книг».

Синтаксически, глагольными формами страдательного залога длительного вида в изъяснительных конструкциях с цитационным союзом *то* и обозначающими действие, направленное извне на лицо или предмет, обозначенный подлежащим. Эти глаголы обозначают мыслительную деятельность: *кангаэру* «думать, считать», *омоу* «думать», *минасу* «считать, рассматривать», *ёсо: суру* «предполагать», *ёсоку суру* «предполагать»; речевую деятельность *цу* «говорить»; передачу информации *цутаэру* «передавать», *хо:до: суру* «сообщать, информировать», при этом передается значение общераспространенного суждения или оценки.

Итак, мы видим, что сфера количественности в японском языке многообразна и пестра и охватывает многие ярусы языковой структуры.

Кухарева Е. В. (МГИМО, Москва)

Символика чисел в арабском и русском паремическом наследии

Отношение к различным числам и их отражение в фольклоре — интересное культурное явление, проливающее свет на особенности национального менталитета. Почитание или боязнь определенных чисел, уважение или неодобрение других безусловно связаны с религиозными или бытовыми воззрениями, традициями и многовековым опытом народов, проживающих в тех или иных регионах, природных условиях, в соседстве с представителями других этносов. Арабы и русские не являются исключением. У них также сформировались представления о различных числах и их значении для жизни человека. Некоторые из них, считающиеся сакральными для арабских народов, мы находим в Коране и Хадисах. Другие, не менее значимые, были закреплены в пословицах и поговорках как одним из наиболее устойчивых источников формирования национального менталитета. При этом некоторые числа имеют приоритетное значение и употребляются в пословицах и поговорках различных народов, в том числе и арабских, многократно. Другие — в отдельных пословицах некоторых арабских народов. А также есть такие числительные, которые вообще трудно встретить в арабском или русском пословично-фразеологическом фонде. Данная тема практически не рассматривалась в научных работах, а если и рассматривалась, то в рамках Священного Корана или историческом контексте, также связанном с религиозными представлениями некоторых народов, проживавших на территории нынешних арабских государств. В русской

фольклористике этот вопрос также освещался в отдельных аспектах. Попытка комплексно посмотреть на использование числительных в пословицах и поговорках арабских народов предпринимается впервые.

Феномен числа в разных культурах привлекал внимание исследователей различных областей, часто не связанных с той сферой, которая и отражает жизнь чисел, то есть с математикой. Филологи и лингвисты, философы и культурологи, исследователи религий, все они отдают дань той роли, которую числа играют в жизни людей. Чаще всего работы посвящены вопросам понимания чисел как кода различных культур либо конкретным числам, например, семерке, которая во многих культурах имеет мистическое или сакральное значение. В арабских исследованиях числам уделяется внимание в первую очередь при изучении Корана, его тайных и явных смыслов, предсказаний, интересных, даже удивительных, совпадений и других тайн этой великой книги. Если говорить о фразеологизмах, пословицах и поговорках, то в большинстве случаев их изучение выражается в собирании этих образцов народного творчества, их тематическом или алфавитном распределении и комментировании общего смысла того или иного высказывания. Конкретно числа в этих случаях не выделяются в отдельную тему и не рассматриваются, кроме работы Сиддыка Абдельфаттаха, в которой числам посвящена целая глава под названием «Золото чисел».

Работая над этой темой, автор исходил из того, что отражение значения чисел в арабском народном понимании, закреплённом в паремиях, не являлось предметом широкого исследования, и постарался по мере возможности осветить эту тему, указав на некоторые очевидные совпадения смыслов в арабских и русских пословицах и поговорках, что явствует из приведенных примеров из обеих культур.

В процессе работы над темой было установлено, что в арабских и русских пословицах и поговорках:

- не все числа от одного до десяти представлены одинаково широко;
- наиболее часто используются числа один, два, три (количественные и порядковые);
- самое большое количество смысловых оттенков имеют числительные один и первый (сотрудничество или единоначалие, стабильность);
- числительное первый может обозначать также порядковый номер, начало, в сочетании с прилагательным последний — прошедшее/ будущее, лучше/хуже;
- числа 20, 30, 40, 60 в основном связаны с этапами становления человеческой личности;
- числительные 10, 100, 1000 являются выражением понятия много;
- числительные в арабском фольклоре также могут объединять определенные качества человека.

Наумова К. М. (СПбГУ, Санкт-Петербург)

Представление о чувстве долга (义务 yìwù) в условиях XXI в. (на примере китайских корпусов)

Согласно лексикографическим источникам под 义务 yìwù понимается:

- 1) 公民或法人按法律规定应尽的责任, 例如服兵役 (跟‘权利’相对) (‘обязанности граждан или юридических лиц согласно требованиям закона, например, обязательная военная служба (в противоположность «правам»)»);
- 2) 道德上应尽的责任 (‘моральная ответственность и обязательство»);
- 3) 不要报酬的 (‘бесплатный, добровольный, на общественных началах, волонтерский’): ~劳动 (‘добровольный труд, субботник’), ~演出 (‘благотворительный спектакль’).

Корпусные данные в рамках данного исследования рассматривались методом анализа ключевых слов, каковым является 义务 yìwù. Сплошная выборка примеров из Сбалансированного корпуса современного китайского языка и корпуса китайского языка Лидского университета составила порядка 800 единиц, которые затем были сгруппированы по морфосинтаксическому принципу.

Основываясь на полученной из корпусов выборке, характерной особенностью лексемы 义务 yìwù является ее встречаемость преимущественно в юридическом дискурсе, описывающем нормативно-правовые отношения международного, внутриаполитического, гражданско-правового толка. Вероятно, Китай находится на пути к построению правозащитного общества.

Традиционно в представлении носителей китайского языка и культуры долг напрямую связан с патриотизмом, с готовностью помочь своей стране, в том числе послушно выполняя свои гражданские обязанности по отношению к государству. Иными словами, каждый должен выполнить все, что от него требуется, чтобы помочь стране выйти вперед и достичь процветания. Он должен мыслить коммунистическими идеалами, стремиться получить образование и усердно работать, а также вовремя платить налоги и не подрывать национальное единство. Как нетрудно заметить, такое восприятие общественного долга не предполагает свободу действий и свободу слова. Такая трактовка зиждется на том, что согласно традиционным китайским представлениям, человек должен выполнять свою социальную роль и следовать своему призванию, в противном случае в государстве может наступить хаос.

В материале корпусов на общем фоне выделяются примеры, не вписывающиеся в общую китайскую традицию уважения к старшим и непременно созданию семьи для продолжения рода. Неожиданно в корпусных данных не был широко представлен традиционный сыновний долг. Вероятно, обязанности по отношению к родителям отходят на современном этапе на второй план, уступая место долгу гражданскому и общественному долгу.

В современном Китае размывание традиционных ценностей из-за экономической модернизации приводит к растущей жажде потребления и проявлению индивидуализма западного толка, что, в свою очередь, подрывает традиционные представления о чувстве долга, отодвигая на второй план его морально-этическую составляющую.

Таким образом, несмотря на то, что китайцы продолжают чтить своих предков, ежегодно отмечая один из самых древних китайских праздников — Праздник поминовения усопших Цинмин (清明节 *qīngmíngjié*), навещающая живых и ухаживая за могилами умерших с соблюдением всех положенных обрядов, пока еще помогают престарелым родителям, особенно если те живут на расстоянии, в современном обществе на первый план выходит чувство долга перед работодателем и государством. Современные китайцы — безусловные патриоты, искренне желающие своей стране процветания и восстановления некоторой исторической справедливости, поэтому они, как одна большая семья, сплачиваются ради общего дела, направляя свои усилия на счастливое будущее своего государства в мировом масштабе.

Передня А. Д. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)

О категории множественности в древнеуйгурском языке

Категория множественности в древнеуйгурском языке представляет собой одночленную категорию, т.е. единственную форму с морфемой **-lar**. Основное значение — указание на то, что предметы, называемые исходными основами, находятся во множестве. Традиционно в тюркологии рассматривали наличие оппозиции формы с показателем **-lar** и формы с нулевым показателем, и признавалось, что исходная основа имени существительного совпадает с формой единственного числа, и «может функционировать и по линии единственного и по линии множественного числа» [См., например, Иванов 1975: 5–16; Насилов 1974: 31–32; Кондратьев 1981: 35].

Однако, как представляется, в тюркских языках форма не афигированного существительного не имеет значения единичности, т.е. не содержит никакой количественной информации.

Морфема **-lar** также встречается в языке периода рунических памятников, однако является малоупотребимой. При исследовании показателя множественности в языке рунических памятников были зафиксированы примеры образования от лексем, которые обозначают лицо высокого положения (родственники каганов, беки и т.п.).

Для древнеуйгурского языка, как и для других тюркских языков, характерна синтаксическая модель «имя числительное + имя существительное», в которой

исключена необходимость наличия указания или морфологического маркера множества предметов (морфемы *-lar*). Однако в памятниках, созданных после середины X века, встречаются случаи употребления формы *-lar* в подобных синтаксических моделях. Характерно, что такие примеры чаще фиксируются в «переводных» памятниках. Возможно, подобное сочетание имен числительных и форм с морфемой *-lar* является следствием «неоригинальности» текста памятников, а именно, влияния исходного материала на других языках с более развитой системой передачи множественности или множественного числа (например, санскрит), но нельзя отказываться и от предположения, что такие сочетания могут привносить дополнительную семантику.

Сбоев А. Н. (ДВФУ, Владивосток)

Речевое воздействие в рекламе на китайском языке (на материале интернет-рекламы в прямых эфирах блогера Viya)

Исследованию речевого воздействия в разных языках посвящено немало работ, так как результаты таких исследований могут применяться для налаживания межкультурной коммуникации в самых разных сферах. Объект данного исследования — речевое воздействие, предметом выступают особенности речевого воздействия в китайязычном рекламном дискурсе.

Реклама в соответствии с основными задачами может быть определена как целенаправленная манипулятивная человеческая деятельность. Так как целью рекламы является привлечение покупателей и клиентов, то важно не столько информировать о товаре или услуге, сколько убедить потенциального покупателя приобрести товар или воспользоваться услугой, воздействуя на его мышление, поведение, предпочтения.

В основу нашего исследования легли прямые эфиры (стримы) популярного блогера с ником Viya (薇娅), стримы с ее участием набирают десятки миллионов просмотров в интернете, а рекламируемый товар раскупается за минуты. Так, например, весной 2020 г. во время прямого эфира на Taobao Viya (薇娅) продала право на запуск ракеты-носителя KZ-1A, а осенью того же года презентовала товары из РФ, которые были раскуплены за 30 минут, при этом российский стрим посмотрели свыше 38 млн человек. За ее умение успешно продавать и заключать крупные сделки ее наименовали «королевой продаж».

Цель исследования — выявить частотные коммуникативные тактики и ходы, используемые в прямых эфирах блогером Viya (薇娅), побуждающие китайских потребителей покупать рекламируемые товары.

Рассматривая вслед за многими лингвистами коммуникативно-стратегическую картину рекламного дискурса, используя триаду «стратегия — тактика — ход», мы обнаружили, что в своих стримах Виуа (薇娅), применяя стратегию «завоевания потребителя», предпочитает использовать тактику «аргументация в пользу приобретения товара», а из коммуникативных ходов часто использует «настойчивое убеждение» (如果卸妆的话, 第一个选择它。Если вы хотите средство для снятия макияжа, в первую очередь, берите ее), «повеление» (如果有黑头一定要用它。Если у вас угри, обязательно нужно пользоваться им), «искусственное создание нехватки времени/количества» (赶紧购买。倒计时开始。Скорее покупайте, начинаем обратный отсчет), «апелляция к авторитету» (我超级选这个水。Я, не задумываясь, сразу выбираю эту воду) и другие.

Самым эффективным тактикам и коммуникативным ходам, а также средствам их языковой реализации посвящено данное исследование.

Стрижак У. П. (НИУ ВШЭ, Москва)

Субъект и предикат в японском предложении: использование методов цифрового анализа иероглифического текста

Лавинообразный рост массивов данных в японистике затрудняет анализ исследовательского материала только традиционными методами — необходимо интенсивно внедрять в исследовательскую деятельность методы и инструменты цифрового анализа. Недостаточная сформированность требуемых современным рынком компетенций мешает качественному проведению исследований. Это особенно актуально для той области востоковедческих исследований, где источниками зачастую служат иероглифические тексты, а инструменты работы с текстами иероглифических языков практически не разработаны. Методы цифровой обработки восточных текстов до сих пор были изучены недостаточно, что связано в первую очередь со сложностью кодировки иероглифических символов; при этом их востребованность высока во всех сферах востоковедческих исследований — от политики и экономики до культуры и филологии. В данном докладе будут представлены несколько примеров цифрового анализа иероглифических текстов в разных областях научного знания: в лингвистике и филологии. Данные первичного анализа японских текстов с применением качественных методов были проверены с использованием количественных методов, например: с помощью методов лингвистического цифрового анализа (частотный анализ, облака слов и др.) на

объемном японском текстовом материале были выделены наиболее частотные слова, репрезентирующие в текстах образы разных объектов.

Далее, на корпусном материале параллельных русско-японских текстов была проанализирована модель субъектно-предикатных отношений в японском высказывании. Было выявлено, что для японского языка характерно смещение фокуса внимания на одушевленный субъект, а сема воздействия неодушевленных актантов дефокусируется с помощью различных механизмов грамматической трансформации. У Икэгами Ё. мы находим положение о том, что японский язык «тяготеет к выведению неодушевленных субъектов на периферию» в связи с их невысоким иерархическим рангом в японском миропонимании¹. Понимание такой типичной и естественной для японского языка модели актантно-предикатного взаимодействия необходимо для эффективной коммуникации носителей различных лингвокультур. В этом ключе представляется важным методологическое положение О. К. Ирисхановой о необходимости поиска компромисса между участниками коммуникации, который заключается «в совмещении акцентов, в согласовании выделенных и невыделенных, значимых и незначимых элементов, а для этого, при необходимости, нужно уметь как «сокрыть» нечто важное, так и «добыть», восстановить невыраженное»². Результаты исследования демонстрируют наиболее часто дефокусируемые и «скрытые» в японском языке семы воздействия неодушевленных актантов на человека.

Тавастшерна С. С. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)
Деепричастие и инфинитив в языке пали

Среднеиндийский язык пали, ближайший родственник древнеиндийского (санскрита), в целом наследует богатую морфологию своего предшественника. Это касается и неличных глагольных форм, которые играют важную роль в синтаксисе пали. Деепричастия и инфинитивы в обоих языках образуются одними и теми же суффиксами: *-tvā/-ya/-tuā* (в пали последний выглядит как *-ssa*) для деепричастий и *-tum* (в пали *-tum*) для инфинитива. Единственным отличием будет то, что в санскрите данные суффиксы присоединятся непосредственно к глагольному корню, в пали же возможно присоединение к глагольной основе настоящего времени:

¹ Икэгами Ё. Ощущение английского языка и японского языка. Токио, 2007. С 180–182.

² Ирисханова О. К. Игры фокуса в языке. Семантика, синтаксис и прагматика дефокусирования. М., 2014. С. 246–247.

(санскрит) $\sqrt{\text{pā}}$ *нить*, *pīb-a-ti* *пьет* (PRS-3SG), *pī-tvā* *выпил* (CVB)

(пали) $\sqrt{\text{pā}}$ *нить*, *piv-a-ti* *пьет* (PRS-3SG), *pī-tvā* или *piv-i-tvā* *выпил* (CVB)

В санскрите ни деепричастие, ни инфинитив, не имеют форм пассивного залога, однако по некоторым грамматическим трудам (Hendriksen 1944, Fahs 1985) и по пометам в единственном академическом словаре (Rhys Davids, Stede 1921–1925) можно понять, что в пали появилась такая новация как пассивная форма указанных неличных форм, образуемая от основы личного пассива: *pac-a-ti* *варит* (ACT) → *pac-a-ti* *варится* (PASS) → *pac-itvā* *будучи сваренным* (CVB). Только в одной работе (Hendriksen 1944) дается несколько неубедительных примеров на употребление пассива данных неличных форм, однако подробный анализ других контекстов в палийском Каноне показал, что ни в одной из подобных конструкции так называемые пассивные деепричастия и инфинитивы не реализуют пассивного значения. Решение данной проблемы может быть следующим. В санскрите личные формы пассивного залога в системе настоящего времени образуются двумя показателями — собственно показателем пассивизации *-ya-* и окончаниями среднего залога: *pac-a-ti* *варит* (ACT) → *pac-ya-te* *варится* [кем-то] (PASS). В пали же, во-первых, средний залог уходит из употребления, а, во-вторых, суффикс *-ya-* очень часто подвергается ассимиляции соседствующим согласным корня, т. е. пассивный залог оказывается формально ничем явно не выраженным: *pac-a-ti* *варит* (ACT) → *pac-ya-ti → *pacati* *варится* (PASS?). Подобная ассимиляция характерна для огромного количества неактивных глаголов, поэтому в языковом мышлении рассматриваемые «пассивные» глаголы могут восприниматься как вполне самостоятельные. Очень часто эти глаголы образуют пары, причем не актив-пассив, а каузатив-декаузатив:

mūṅcati *освобождает* → *muccati* *освобождается* [*сам*]

bandhati *привязывает* (=соблазняет) → *bajjhati* *привязывается* (=влюбляется)

pacati *варит* → *pacati* *варится* (=мучается [*в Аду*])

Так как данные декаузативные глаголы мыслятся как вполне самостоятельные, то от них по правилу присоединения суффиксов к основе можно образовать и деепричастие, и инфинитив:

mucc-a-ti *освобождается* [*сам*] → *mucc-i-tvā* *освободившись* → *mucc-i-tuṃ* *чтобы освободиться*

Таким образом, можно констатировать наличие в пали новой категории декаузатива.

Щекотихина Ю. М. (Российский новый университет, Москва)

Тенденции образования терминов в современном китайском языке (на материале инструкций)

В настоящее время трансформации в обществе, рассматриваемые как результат активного взаимодействия КНР с другими странами, не могли не найти отражения в языке. Международные экономические отношения Китая, импульсивно развиваясь, формируют рыночную сферу, характеризующуюся появлением новых реалий и соответственно новой лексики. Научно-техническое сотрудничество между Россией и Китаем носит многоплановый характер, 2020–2021 гг. назначены Годом научно-технического сотрудничества России и КНР.

Несмотря на то, что в период пандемии было зафиксировано значительное снижение поставок техники, производимой в Китае, Россия продолжает импортировать новейшую продукцию. Взаимодействие двух стран в области экономического и технического сотрудничества обуславливает актуальность выбранной нами темы.

При написании работы мы преимущественно обращались к инструкциям по эксплуатации гаджетов последнего поколения. Это дало возможность оценить функционирование лексических новаций в современном китайском языке и выделить тенденции образования терминов.

Анализ лексики конца XX — начала XXI вв. показал, что при образовании технических терминов использовались однослоги, которые мы рассматриваем как префиксы: 电 *дянь* теле-, 光 *гуан* фото-, 热 *жэ* термо-/тепло-, 磁 *цы* магнито-, 耐 *най* анти-, 超 *чао* ультра-.

Отличительной особенностью терминов, появившихся в последующий период, можно считать наличие у них двусложных префиксов: 数码 *шума* цифровой, 模拟 *мони* аналоговый, 虚拟 *сюйни* виртуальный, 智能 *чжинэн* и 智慧 *чжихуэй* смарт-, умный.

Сфера употребления терминов, образованных такими двуслогами, достаточно широкая. Безусловно, их можно рассматривать как определения к существительным. Например, неологизмы 智能武器 «умное оружие», 智能小区 «смарт-квартал» образованы по модели: определение + определяемое слово, где нет оформления на частицу 的 *дэ*. В словах 智能手机 «смартфон», 智能本 «смартбук» являются частями многосложных слов. В случае со словами 智能 «интеллект», «разум», «способности» и 智慧 «разум», «мудрость», которые мы рассматриваем как двусложный префикс «*сма*рт-» в многосложных неологизмах, очевидна общая проблема неунифицированной терминологии. Решается она в языке постепенно, когда приходит понимание, какой из терминов наиболее точно отражает обозначаемый предмет или явление.

В современном китайском языке наблюдается тенденция функционирования терминов с трехсложными приставками: 多媒体 *домэйти* «мультимедийный», 超声波 *чаошэнбо* «ультразвуковой». Однако количество номинаций, образованных вышеуказанными префиксами, невелико.

Наш анализ показал, что при образовании сложных терминов доминирует традиционный способ — корнесложение, но неизбежно появляются многосложные слова, описывать и классифицировать которые следует только после их адаптации.

СЕКЦИЯ XVI • SECTION XVI
ЛИТЕРАТУРА СТРАН АЗИИ И АФРИКИ
LITERATURES OF ASIA AND AFRICA

Storozhuk Alexander (SPbSU, St. Petersburg)

Early translations of “Liao Zhai zhi yi” into Russian

The illustrious collection of short-stories “Liao Zhai zhi yi” by Pu Songling (蒲松齡, 1600–1715) also known as “Strange Stories from a Chinese Studio” has been translated into Russian many times with the most prominent translations having been made by academician V. M. Alekseyev (1881–1951). Commonly acknowledged as the best interpretations of the original texts these works were originally published in 1920–1930-s and then reprinted a great many times until nowadays. Hence, Alekseyev’s translations happen to be not the oldest ones with quite a number of works having appeared at the end of 19th — beginning of 20th centuries.

The oldest of the kind seem to be the translation by N. N. Monastyrev (1851–1881) “Poisonous Herb”, published in 1878 in daily “Novosty”. It was 3 years earlier than the famous translation by H. Giles (1845–1935) or by C. Imbault-Huart (1857–1897) and it was addressed to the most amateur audience.

In 1883 and 1886 academician V. P. Vasyliiev (1818–1900) publishes several literal translations of Pu Songling’s short-stories; they were included in his two volumes of “Notes to First Edition of Chinese Reader” and thus missed attention of the main readership.

“Literary Nights of the Vew World” almanac in 1900 published a piece by Pu Songling translated by some Liu Shizheng and also without a big fanfare.

1909 provided a new translation by a brilliant Russian sinologist A. Ivanov (1878–1937) made for Troitsk-Sava-Kyachta department of the Russian Geographical Society and republished in St. Petersburg.

All the mentioned publications seem to have passed without a decent notice of both: metropolitan readers and learners' community. The reason for that could have been mistargeting in readership selection as well as narrowness of the editions' circulation. Hence there could have been one more problem in requirement for those translations: all of them lack a proper literary manner to reproduce the exquisite and refine style of the original with the plot being quite minor to Pu Songling's pencraft.

Practically the same goes to the translations made by I. Baranov (1886–1972), F. Danilenko (1875–1955) and P. Shkurkin (1889–1943), made and published in Harbin in 1915–1922. Practically at the very time, in 1922 the first volume of V. M. Alekseyev's translations was published.

Analysis of the mentioned translations enables us to produce some general conclusions:

1. Pu Songling's short-stories have been translated into Russian numerously before works by V. M. Alekseyev, but never gained noticeable popularity.

2. No matter the actual edition — professional text-books or daily newspapers — the translations raised no readers' attraction.

3. The main reason for that could have been the literary manner of the translations, not suitable for adequate representation of Pu Songling's pencraft.

Алешкина Ю. В. (МГПУ, Москва)

Особенности сатиры в романе Цянь Чжуншу «Осажденная крепость»

«Осажденная крепость» Цянь Чжуншу — классическое произведение искусства китайской сатиры. Сатира используется не только как художественный метод критики человеческих недостатков, но и как способ их осмысления. Данное исследование посвящено особенностям сатиры в романе «Осажденная крепость».

1. Объекты сатиры

Выбор объекта иронии и сатиры широк, почти каждый герой романа хотя бы раз оказывался объектом насмешек. Высмеивая героев, автор создает карикатуры; а цель сатиры достигается через язык, описание выражения лица, настроения¹.

Объектами сатиры в романе являются не только общество, политика, дипломатия, но и образование, культура, характер человека. Высмеиваются некоторые религиозные и философские идеи, присутствует сатира на светские представления о морали и нравственности, китайскую традиционную культуру.

---

¹ 李晓郁. 试论《围城》的讽刺艺术//文学评论·现当代文学. 2014. № 15. 40页.

Подвергается сатирическому осмыслению моральное разложение студентов, обучавшихся за границей.

В тексте романа отражена идея добродетели женщины, заключающейся в отсутствии талантов. Сатирически изображены женщины, стремящиеся к равному статусу с мужчинами¹.

Сатирическая окраска присутствует и в интерьерах, описаниях неодушевленных предметов.

2. Языковые приемы сатирического изображения в «Осажденной крепости».

1) Важной чертой является использование английских фраз и взъядания, что делает речь избыточно экспрессивной. Автор описывает преклонение героев перед Западом, работу на иностранный манер, бахвальство.

2) Преувеличение, или гипербола, которая через утрирование передает значение, противоположное заключенному в тексте, играет важную роль в сатирической манере изображения².

3) Трансформация языка, осуществляемая по принципу разнородности и дистанции, делится на 2 вида: сарказм через сравнение внешнего и внутреннего содержания, а также через прямое сопоставление противоположностей³. Используется прием неожиданного изменения смысла, абсурдность также дает яркий иронический эффект.

4) Необычное устройство языковой ситуации. В контексте повседневного разговора используются слова из политического дискурса.

Метафора. В романе используются от 600 до 700 образных выражений, даже название романа само по себе — метафора. Образные выражения имеют глубокий подтекст, преподносятся в игровой форме.

Психологизм. Повествование в романе идет с точки зрения всепроникающего сознания автора, он раскрывает людям реальные умонастроения, психологические процессы лиц, моральные установки и отношения между людьми.

Крылатые фразы и классические сюжеты. Использованы классические сюжеты из прошлого и настоящего Китая, они взяты из «Шицзина» и других произведений, включая некоторые знаменитые афоризмы, народные рассказы и так далее. При помощи китайских и западных сюжетов образно выражается самоирония героя, психология обмана себя и других, благодаря чему усиливается сатирический эффект⁴.

Таким образом, ирония, парадокс и пародия формирует «стержень» сатирического искусства. В романе мы можем увидеть мир, полный отрицания, ник-

¹ 林海燕. 论《围城》的讽刺艺术//文学评论. 2012. № 11. 97–103页.

² 刘认真. 从《围城》谈钱钟书文学的讽刺艺术//湖北函授大学学报. 2017. № 24. 184–186页.

³ 刘认真. 从《围城》谈钱钟书文学的讽刺艺术. С. 184–186.

⁴ 李晓郁. 试论《围城》的讽刺艺术//文学评论·现当代文学. 2014. № 15. 40页.

чемное человеческое общество и безнадежную жизнь. Такая сатира, отрицание и скептицизм на самом деле отражают ничтожность жизни героя, существующего без цели. С помощью сатиры автор анализирует ценности человеческой природы и культуры, заставляет людей задуматься и избавиться от иллюзий.

Аманова Г. А. (Лингвоцентр, Ташкент)

Смысловые и игровые псевдонимы в корейской поэзии 1920–1940-х гг.

В корейской классической поэзии закрепились традиции к символичности псевдонима. В качестве псевдонимов чаще всего выбирали объекты природы, названия горных вершин, деревьев, водоемов.

Стремление «осовременить» литературу и продемонстрировать творческую свободу подталкивали корейских поэтов к поиску псевдонимов, которые кардинально отличались от традиционных. Больше всех в этом преуспели романтики и символисты 1920–1940-х гг., которые стали изобретать замысловатые, неоднозначные, «размытые», а порой и эпатажные псевдонимы. Так, псевдоним поэта Ким Ю Бана (1893–1960): Юбан 惟邦 переводится как «Лишь состояние», Ким Дон Хвана (1901–?): Пхайн 巴人 — как «Человек надеющийся». Идею «хрупкости», «недолговечности», «искусственности» и «изолированности» передает псевдоним Хван Сок У — Санъя Тап 象牙塔, что значит «Башня из слоновой кости». Идею иллюзорности несет псевдоним символиста Чан Ту Чхолья — Хэмонь 海夢 — «Морские грезы (сны)». Крайняя степень творческого кризиса улавливается в псевдониме Чан Ын Ду (1913–1972)¹ 何步 — «Куда шагать?» или «Куда идти?».

Псевдоним поэтессы Но Чхон Мён (1912–1957)²: Ки Сон 基善 означает «Изначально добрая». Но другой ее псевдоним, который являлся транскрипцией имени Veronica 베로니카, стал первым случаем отказа от иероглифики и обращения к иностранному имени для создания псевдонима.

Необычно звучали псевдонимы, связанные с животным миром. У поэта Пак Ён Чхолья (1904–1938)³: Ёнья 龍兒 — «Сын дракона»; Хон Са Ёна (1900–1947)⁴: Ночак 露雀 — «Вылупившийся воробей» или «Утренний воробей».

¹ 한국시조사전. 서울: 을지출판공사. 1985 (Большой словарь корейских «сиджо». Сеул, 1985). С. 757.

² Там же. С. 254.

³ Там же. С. 314.

⁴ 朝國文學大辭典. 서울: 文元閣. 1973 (Большой словарь корейской литературы. Сеул, Мун Вон Гак, 1973). С. 673.

Псевдоним Ю Чжи Хвана (1908–1967): Чхонма 靑馬 — «Селадоновая лошадь». Особенно необычно звучит псевдоним Чхве Сын Мана (1897–1984): Гык Ун 極熊 — «Белый медведь».

В псевдонимах встречаются и случаи использования цифр, как например, у поэта Ли Вон Лока. Цифра 64 звучала по-корейски как *юк са*, а цифра 2 — как его фамилия *ли*. Цифры встречаются и в псевдониме родоначальника новой корейской поэзии Чо Нам Сона (1890–1957)¹ — Юк Тан 六堂, что означает «Шесть залов» или «Шесть школ». Псевдоним буддиста Хан Ён Уна (1879–1944)²: Ман Хэ 萬海 (卍海) — «Десять тысяч морей», а поэта Ли Хи Сына (1896–?) Иль Сок 一石³ — «Первый камень» или «Один камень».

Псевдонимы, связанные с идеей безграничного пространства и времени, а также огромной силы, практически не встречались в старой поэзии. Однако в новой поэзии такие псевдонимы появляются у поэтов Ли Сан Хва (1901–1943)⁴ Мурян 無量 — «Безмерный» или «Неизмеримый»; у поэта О Сан Суна (1894–1963)⁵: Кон Чжо 空超 — «Пустой сверх меры»; Ким Дон Мёна (1901–1968): Чхохо 超虛 — «Сверхвиртуальный», «Сверхфальшивый».

Псевдоним Ян Чжу Дона (1903–1977) в Большом словаре корейской литературы передан иероглифами 无涯⁶. В таком виде он не поддается переводу, так как иероглиф 无 (*по-кит.* jì — *цзи*) означает — *древн.* «подавиться»⁷. Второй иероглиф 涯 — «берег, предел, граница». По другим источникам псевдоним пишется Му Э 无涯, что позволяет перевести его как «Безграничный», «Беспредельный» или «Не имеющий границ».

Псевдонимы, окрашенные самоиронией и самоуничижением, встречаются у символиста Со Чон Чжу (1915–): Мидан 未堂⁸ — «Без школы», *перенос.* «Необразованный», «Без знаний». Выбор псевдонима явно связан с биографией поэта, который несколько раз исключался из учебных заведений и не закончил буддийский колледж. Ким Ги Хо (1912–1978): Му Вон 無園 — «Не имеющий сада» или «Лишенный сада».

В некоторых псевдонимах содержится иероглиф «тень» 影 явно использующийся в негативном смысле. К таким относится один из псевдонимов Со Мун Хёна (1903–1979): Сон Ён 宋影 — «Тень Сонов». Добавляя иероглиф

¹ Там же. С. 614.

² БСКС. 1985. С. 657.

³ Там же. С. 732.

⁴ БСКЛ. 1973. С. 472.

⁵ БСКЛ. 1973. С. 401.

⁶ Там же. С. 390.

⁷ Китайско-русский словарь / Под ред. И. М. Ошанина. 3-е изд. М.: Госизд-во иностранных и национальных словарей, 1959. С. 740.

⁸ БСКЛ. 1973. С. 327.

«тьень» к своей фамилии, поэт намекал на свою ничтожность и никчемность своей жизни перед достойными и славными предками. У поэта Ким Су Сока (1909–1985)¹: Ёнь Там 影潭 — «Тень омута»/ «Отражение пучины»/ «Отражающийся в пучине (омуте)» — также звучит далеко не оптимистично.

Псевдоним поэта Ли Хо У (1912–1970)² был созвучен его фамилии, но записывался другими иероглифами 爾豪愚, означавшими «Отважный глупец» или «Выдающийся обманщик».

Аникеева Т. А. (ИВ РАН, Москва)

Неизданные материалы В. Эберхарда по тюркскому фольклору

Труд В. Эберхарда «О сказаниях Деде Коркут» («Über die Erzählungen des Dede Korkut»), рукопись которого хранится в архиве Фольклорного общества Финской АН, по сей день не опубликован (работа над публикацией всей статьи В. Эберхарда с комментариями продолжается автором доклада). Этот довольно объемный труд (несколько авторских листов) посвящен исследованию «Книги моего деда Коркута» и, по всей видимости, не вполне завершен. Некоторые его части напоминают скорее беглые заметки³, однако замысел автора виден весьма четко: его целью был анализ сюжетной структуры 12 сказаний «Книги Коркута» и широкое сопоставление их с мотивами, бытующими в произведениях фольклора и литературы других народов. Возможно, целью исследователя было составить что-то наподобие отдельного указателя мотивов этого турецкого книжного эпоса, ведь В. Эберхард к этому моменту, скорее всего, уже опубликовал свой «Указатель сюжетов китайских сказок» (в 1937 г.), а также был известен как соавтор известного турецкого фольклориста Пертева Наили Боратава в составлении издания «Указателя мотивов турецкой волшебной сказки» (вышел в 1953). К сожалению, точная дата написания Эберхардом данной работы по «Книге Коркута» неизвестна; однако если «Указатель сюжетов турецких сказок» был опубликован во время или же после работы над ней, можно допустить, что какие-либо наработки и наблюдения исследователя могли быть включены и в совместную публикацию с П. Н. Боратовом.

Главной чертой труда В. Эберхарда, отличающей его от собственно тюркологических исследований «Книги Коркута» и турецкого фольклора в целом, является попытка провести многочисленные параллели — прежде всего

---

¹ БСКС. 1985. С. 143.

² Там же. С. 725.

³ Этот труд в архиве Фольклорного общества Финской АН был обнаружен А. И. Алиевой (ИМЛИ РАН); перевод с немецкого языка выполнен филологом-германистом Л. Г. Григорьевой (ИМЛИ РАН).

сюжетные — не только с произведениями тюркской традиционной словесности (он сопоставляет «Книгу Коркута» и с известными ему на тот момент опубликованными образцами эпоса алтайских тюрков — см. публикации А. Шифнера), но и с греческими мифами, многими памятниками индийской и персидской литературной традиции, и, таким образом, поместить огузский эпос в широкий контекст истории мировой литературы¹.

В анализе каждого из сказаний «Книги моего деда Коркута» В. Эберхард, излагая сюжет сказания, последовательно (как правило, под номерами) выделяет отдельные его элементы (мотивы) и затем соотносит их со сходными мотивами в других произведениях мирового фольклора (эпосами, также получившими позднее книжное оформление — «Махабхарата», «Шах-наме», существовавшей лишь в литературной форме «Калевалой», тюркскими эпическими сказаниями, бытовавшими исключительно в устной форме, и др.).

Богданова Ю. А. (ИСАА МГУ, Москва)

Хронотоп семейного дома в «Каирской трилогии» Н. Махфуза и «Войне и мире» Л. Н. Толстого: утрата идиллии?

В докладе проводится сравнительный анализ хронотопа семейного дома в «Войне и мире» (1865–1869) Л. Н. Толстого (1828–1910) и «Каирской трилогии» (1956–1957) Н. Махфуза (1911–2006) — двух великих романов, связанных не только сходством эпического охвата мира, но и исторически: при написании «Трилогии» Махфуз во многом вдохновлялся шедевром Толстого². Основное внимание уделено семейному дому ‘Абд ал-Гаввадов на улице Байн ал-Касрайн исторического квартала Каира и дому Ростовых, хронотоп которых можно определить как семейно-идиллический³. В докладе мы делаем попытку

¹ Нужно отметить, что в турецком литературоведении также были попытки составить нечто вроде указателя мотивов «Книги моего деда Коркута» в соотношении ее с тюркскими эпосами — это серия небольших работ («Dede Korkut kitabındaki bazı motifler ve kelimelere ait notlar») известного фольклориста и филолога Абдюлькадира Ивана (Фатхелкадир Сулейманов, 1889–1976). Они были опубликованы им в качестве отдельных статей в различных журналах в 1920–1930-х гг.

² Кирпиченко В. Н. Нагиб Махфуз — эмир арабского романа. М.: Наука, 1992. С. 150.

³ Нагина К. А. В поисках идиллии: дом Ростовых в романе Л. Толстого «Война и мир» // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2012. С. 16–23, Бахтин М. М. Формы времени и хронотопа в романе / М. М. Бахтин. Собрание сочинений в семи томах. Т. 3. М.: Языки славянских культур, 2012. С. 470.

ответить на вопрос: какова динамика идиллического хронотопа на протяжении романов? Какие черты дают основание для сопоставления и чем могут быть вызваны различия?

В начале «Каирской трилогии» семейный дом 'Абд ал-Гаввадов идилличен, т.е. замкнут и самодостаточен. Пространство организовано согласно патриархальному домашнему *укладу*¹: верхний этаж принадлежит главе семьи Ахмаду, ниже обитают остальные члены семьи, а на первом этаже располагается кухня с печью — владения матери семейства Амины и служанки Умм Ханафи. Течение времени соответствует традиционному²: оно циклично, медленно и статично, но наполнено деталями. На протяжении «Трилогии» идиллия разрушается; тему коренной ломки традиционной жизни исследователи называют центральной в романе³. Чем дальше, тем больше в повествование вплетаются оппозиционные по отношению к дому хронотопы улицы и, во второй части, по-европейски обустроенного богатого дома семьи Шаддадов — друзей младшего сына Камала. Течение времени ускоряется и лишается предметности. «Трилогия» четко датирована: она начинается в 1917 г. и кончается в 1944 г.; время основных событий также можно установить с высокой точностью. То же можно сказать о «Войне и мире»; в обоих романах два типа времени, линейный и идиллический, находятся в динамическом противостоянии. В хронотопе дома Ростовых также воплощена полнокровная семейная идиллия. Главной ее характеристикой оказывается не порядок в его патриархальном смысле, а естественность: именно по этому параметру противопоставляются дом Ростовых и дом Карагиных или салон Анны Шерер. Идиллия Ростовых не столь иерархична, но более устойчива⁴, что ярко демонстрирует эпилог.

Таким образом, идиллический хронотоп дома в двух романах во многом сходен, но разная авторская интенция порождает отличие в динамике: «Каирская трилогия» показывает утрату идиллии, а «Война и мир» — ее обретение. В «Трилогии» идиллия проявляется, в первую очередь, в укладе, распорядке, тогда как в «Войне и мире» главная характеристика — естественность, и именно по этому параметру идет противопоставление другим хронотопам романа.

¹ Шутая Н. К., Лыткина О. И. Уклад как особый тип хронотопа в русском классическом романе // Наука: прошлое, настоящее, будущее. Сборник статей Международной практической конференции 5.11.2015. С. 120–123.

² Hafez S. Introduction // Mahfouz N. The Cairo Trilogy: Palace Walk, Palace of Desire, Sugar Street. London: Random House, 2001, p. xxix.

³ El-Enany R. Naguib Mahfouz: The Pursuit of Meaning. London: Routledge, 1993, p. 71.

⁴ Нагина К. А. Пространственные универсалии и характерологические коллизии в творчестве Л. Н. Толстого. Автореферат дисс. на соискание уч.ст. д.ф.н. Воронеж, 2013. С. 29.

Борькина А. Ю. (НИУ ВШЭ, Санкт-Петербург)

**Исчезновение как способ существования:
примирение с утратой и парадоксы человеческой памяти
в романе Огава Ёко «Полиция памяти»
и рассказе Каваками Хироми «Исчезнуть»**

Роман японской писательницы Огава Ёко 小川洋子 (р. 1962) «Полиция памяти» (яп. 密やかな結晶, «Хисояка-на кэссё», букв. «Тайный кристалл»)¹, опубликованный в Японии еще в 1994 г., в 2020 г. был переведен на английский язык и сразу же стал на Западе сенсацией, войдя в шорт-лист Международной Букеровской премии. Сюжет данного произведения, как и ряда других работ писательницы, построен вокруг проблемы утраты — герои, обитающие в герметичном пространстве острова, регулярно сталкиваются с исчезновением тех или иных предметов и последующим стиранием воспоминаний о них. Аналогичные мотивы прослеживаются и в небольшом рассказе Каваками Хироми 川上弘美 (р. 1958) «Исчезнуть» (яп. 消える, «Киэру»)² — в нем в семьях героев, проживающих в некой общине, случаются необъяснимые явления — люди внезапно пропадают, а окружающие начинают делать вид, что их никогда не существовало. Интересно, что рассказ вышел в свет в 1996 г. в составе удостоенного премии Акутагава сборника «Наступить на змею» (яп. 蛇を踏む, «Хэби-о фуму») и был переведен на Западе, как и роман Огава Ёко, лишь спустя почти двадцать лет, в 2017 г.

Феномен утраты, к которому приковано внимание писательниц, проявляется в произведениях в разных ипостасях. С одной стороны, исчезновение становится формой властного контроля в странных мирах, где существуют персонажи. Зловещая Тайная полиция в романе Огава Ёко жестко контролирует вымарывание воспоминаний об утраченном, а также изолирует людей, не способных к забвению. Каваками Хироми устами главной героини излагает основополагающее правило проживания в ее общине — в каждой семье должно быть не более пяти человек, иначе кому-то неизбежно придется исчезнуть. Утрачивая вместе с памятью идентичность, собственный нарратив, герои пытаются восстановить разорванную преемственность через материальные объекты, служащие для них опорными точками в процессе формирования «постпамяти» — воссоздания с помощью воображения и проецирования новых воспоминаний у тех, кто не был непосредственным свидетелем травматического события³.

¹ Огава Ёко. Полиция памяти / Перевод с японского: Дмитрий Коваленин. СПб., 2021.

² Каваками Хироми 川上弘美. Киэру 消える [Исчезнуть] // Каваками Хироми 川上弘美. Хэби-о фуму 蛇を踏む [Наступить на змею]. Токио, 1999.

³ Hirsch Marianne. The Generation of Postmemory // Poetics Today 29:1 (Spring 2008). Porter Institute for Poetics and Semiotics, 2008. P. 103–128.

Нарушение самоидентификации персонажей происходит не только с утратой знакомого вещного мира, но и с исчезновением их собственной телесности как таковой. В рассказе «Исчезнуть» тела изначально подвержены трансформации и последующей утрате — так, например, старший брат главной героини исчезает практически одномоментно, оставляя после себя лишь голос, который иногда слышит сестра, а его невеста постепенно уменьшается в размерах. Постепенно отчуждаются и тела героев «Полиции памяти», утрачивающих последовательно одну за другой их части. Телесность, таким образом, становится неустойчивым потоком, тотально отчужденным¹ и неспособным оставить хоть какой-то след в ткани бытия.

Любопытным представляется переплетение в произведениях феномена исчезновения с женским вопросом. Феминистический дискурс прослеживается сразу в ряде мотивов: это и вставная новелла об утраченном «женском голосе» в «Полиции памяти», и проблематика патриархальной семьи в «Исчезнуть» и, наконец, общая для обоих произведений линия разрыва родственных связей, исчезновения семьи и антигенеалогичности бытия.

В конечном итоге, исчезновение становится для героинь Огава Ёко и Каваками Хироми новым способом существования — в финале произведений обе они окончательно смиряются с неизбежностью разрушения мира вокруг и утраты самих себя. Прежняя утопия с надеждой на построение «персонального мифа» больше не актуальна — в новом мире, где в центре теперь нет субъекта, эскапизм приобретает поистине чудовищные, гиперболизированные масштабы. В подобных условиях единственным намеком на спасение для героинь становится попытка выстраивания собственного нарратива из чужих воспоминаний, оставления в голосе, письме следа, ведущего к истоку, Другому и памяти и примиряющего с исчезновением.

Букатая А. М. (БГУ, Минск)

Интерпретации образа китайской Золушки (葉限) в романе Аделин Йен-ма «Китайская Золушка: тайная история нежеланной дочери»

Инкорпорация сюжетов традиционной китайской литературы в современную китайскую прозу свидетельствует о непрерывающейся преемственности в развитии словесности Китая. Пример такого внедрения обнаруживается в автобиографическом романе представительницы китайской литературы

---

¹ Макаров А. И., Торопова А. А. Отчужденные тела: трактовка концепта телесности в постмодернизме // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 7, Философия, 2016. № 4 (34). С. 16–26.

зарубежья (海外文学) Аделин Йен-ма «Китайская Золушка: тайная история нежеланной дочери» (Adeline Yen-mah «Chinese Cinderella: The Secret Story of an Unwanted Daughter» 1999). Аделин Йен-ма (Adeline Yen-mah, 马严君玲) родилась в 1937 г. в Тяньцзине, в разное время жила и училась в Шанхае, Гонконге, Лондоне, получила медицинское образование, работала врачом, в последнее время проживает в США.

Писательница обращается к рассказу о девушке по имени Есянь (葉限, упр. 叶限), историю которой находим в сборнике Дуань Чэнши (段成式, около 803–863 гг.). Данное повествование в контексте романа можно рассматривать как китайский аналог западноевропейской сказки о Золушке. Несхожие ключевые элементы сюжета обусловлены культурно-бытовой спецификой, при детальном рассмотрении они оказываются более весомыми и объясняются особенностями национальной психологии и поведенческими стереотипами.

В романе Есянь посвящена глава, которая состоит из письма, написанного от лица тётки главной героини книги, частью которого и является рассказ о Китайской Золушке¹. Автор дополняет его исторической справкой и текстом оригинала на китайском языке. Интерпретация писательницы и оригинал отличаются, но сохраняются знаковые и доминантные для восточной культуры моменты.

Сравнительный анализ двух Золушек опровергает стереотип, что представители западной культуры проявляют больше инициативы и более креативны, чем представители восточной культуры.

Финалы в версиях Аделин Йен-ма и Дуань Чэнши различны. В первой лишь говорится, что благодаря собственному таланту и усилиям Есянь купила туфельки, которые привели к тому, что она вышла замуж за полковника, и они жили долго и счастливо. В китайском тексте сказано, что мачеха и дочь, «побитые камнями, умерли»², а к их могиле потом стали приходить люди и просить о ниспослании потомства. Весь следующий год *ван* пользовался волшебными свойствами рыбьих костей, но был очень жаден, и год спустя они перестали давать золото и драгоценности. Тогда он закопал их на берегу, соорудив золотую сокровищницу-склеп, и хотел их достать и использовать, если поднимется мятёж, и понадобится содержать войско, но это место затопил морской прилив. Оба варианта истории о Есянь отличает дидактичность и притчевость.

Обращение к образу китайской Золушки актуально в контексте особенностей развития современной китайской литературы, которая испытывает осязаемое влияние феминной культуры. Развивается женская проза, в литера-

¹ Yen-mah Adeline. Chinese Cinderella: The Secret Story of an Unwanted Daughter. Penguin, 1999. P. 222–234.

² 叶限 (Есянь) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://baike.baidu.com/view/1330724.htm> (Дата доступа: 08. 04. 2015).

турных произведениях появляется больше женских персонажей и описываются проблемы, связанные с женской судьбой. Показательно, что образ Золушки использует в своем романе представительница пограничной китайско-американской литературы. В Китае Есянь не так известна и популярна, как Золушка в Европе и Америке. История не получила дальнейшего развития в Китае, хотя появилась на восемь веков раньше, чем в Европе. Причина в разнице национальных духовных и культурных ценностей, философских представлений.

А. Йен-ма создала европеизированный образ современной китайской Золушки. Рассказ о Есянь Дуань Чэнши наиболее четко иллюстрирует доминантные черты китайской национальной психологии и отличия восточного образа мышления от западного. История новой китайской Золушки А. Йен-ма отмечена влиянием западноевропейской традиции, и отражает разницу сознания не только в пространстве (Восток — Запад), но и во времени (Прошлое — Настоящее).

Волкова К. Б. (ИСАА МГУ, Москва)

«Ускоренное развитие» тайской и русской литератур (опыт типологической параллели на материале драматургии)

Термин «ускоренное развитие» применительно к истории литературы предложил Г. Д. Гачев¹, характеризуя так определенные этапы развития болгарской литературы. Ученый считал, что словесности всех народов, по какой-либо причине отставшие от романских и германских литератур, «ускоряются» и, ориентируясь на логику развития западноевропейского искусства, последовательно проходят все этапы, характерные для мирового литературного процесса. Однако современная исследовательница А. Г. Шешкен² убедительно корректирует точку зрения Г. Д. Гачева. Некорректно было бы утверждать, считает А. Г. Шешкен, что развитие литературы «даже в условиях радикального ускорения должны воспроизвести, пусть и в сжатом виде», необходимые стадии мирового литературного процесса.

Несмотря на то, что непосредственных контактных связей между тайской и русской литературами почти не было, тем более интересными оказываются наблюдаемые параллели типологические. Они обусловлены, прежде всего, тем, что обе литературы прошли путь «ускоренного развития», хотя и с временной дистанцией почти в двести лет. Русская литература вступила на этот

---

¹ Гачев Г. Д. Ускоренное развитие литературы. М., 1964. 312 с.

² Шешкен А. Г. Македонская литература XX века. Генезис. Этапы развития. Национальное своеобразие. М., 2007. 249 с.

путь в XVIII в., в то время как импульс тайской литературе был дан только в конце XIX в. До этого времени обе национальные литературы развивались вне основного потока мирового художественного процесса.

В обоих случаях качественные изменения в самом характере литературного процесса в России и Таиланде, его коренное обновление были вызваны существенными преобразованиями в общественной и культурной, а также политической жизни обеих стран, постоянно расширяющимися оживленными контактами с Европой. Русская литература менее чем за 100 лет, а тайская всего за 50 прошли путь, на который западным словесностям потребовалось несколько веков. Литературные направления (классицизм, романтизм, сентиментализм, реализм) динамично сменяли друг друга, порой и сосуществуя как в творчестве М. В. Ломоносова и Вачиравуда Рамы VI, вследствие чего границы между ними часто оказывались весьма условны.

Включение обеих литератур в мировой процесс было инициировано правящими монархами-реформаторами: в России — Петр I (1682–1725), а в Таиланде — Рама V Чулалонгкорн (1868–1910) и Рама VI Вачиравуд (1910–1925). Эти правления положили начало перехода литератур от средневекового к новому типу, их секуляризации и демократизации в области проблематики и поэтики, а главное — к процессу европеизации обеих культур. Различие лишь том, что Петр I сам не был сочинителем, в то время как тайские монархи лично принимали непосредственное участие в создании новой самобытной литературы.

В докладе проблема типологического сходства «ускоренного развития» русской и тайской литератур рассматривается на материале театра и драматургии.

Как в России, так и в Таиланде в период обширных реформ возникла потребность в создании современного театра, который должен был приобщить народ к западным культурным ценностям, образовать их и способствовать разъяснению социально-политических идей правящих кругов. Процесс ускоренного обновления в русской и тайской драматургии шел, хотя и в разное время, но приблизительно по одной схеме: перевод — адаптация — подражание — оригинальные произведения с насыщенным реминисцентно-аллюзийным подтекстом.

XVIII в. подарил России плеяду драматургов, сочинявших пьесы в различных жанрах — А. П. Сумароков, Д. И. Фонвизин, Я. Б. Княжнин, В. В. Капнист, В. И. Лукин, и др., в то время как в Таиланде процесс «ускоренного развития» драматургии можно проследить на плодотворном творчестве одного автора — короля Вачиравуда, соединившего в своих произведениях множество литературных направлений.

Наблюдается типологическая общность в области тематики и проблематики: сатира на общественные порядки, в частности, на судопроизводство; осмеяние засилья иностранного и пренебрежение своим национальным, женская тема и др.

Анализ и сопоставление «ускоренного развития» тайской и русской драмы несомненно представляет теоретико-литературный интерес: обе литературы проходят сходные этапы и демонстрируют определенные типологические переключки.

Горяева Л. В. (ИБ РАН, Москва)

На перекрестке жанров и эпох: Энчик Лауддин и его «Повесть о молодом капитане» (Nakhoda Muda)

Самый ранний образец документальной прозы на малайском языке датируется последней третью XVIII в. и принадлежит перу непрофессионального автора — Энчика Лауддина. Суматранец по происхождению, отпрыск семьи купцов, из поколения в поколение занимавшихся торговлей перцем, Лауддин откликнулся на просьбу британского наместника Баттера Ханнингса, предложившего ему написать историю своей семьи. События книги разворачиваются во второй половине XVIII в. на юге о. Суматра и в западной области Явы — Бантене. Эти территории, находившиеся на рубеже сфер влияния Великобритании и Нидерландов? стали в этот период предметом ожесточенного соперничества двух держав. Каждая из них стремилась занять ведущую роль в торговле пряностями — важнейшим предметом местного экспорта.

Жизнь трех поколений семьи автора книги разворачивалась в тесном взаимодействии с теми, кто так или иначе был связан с их коммерческой деятельностью: султаном Бантена, с горцами Западной Явы и полудикими племенами юга Суматры, а также с голландцами, господствовавшими на Яве, и британцами, контролировавшими юго-западное побережье Суматры. Герой повествования — купеческий сын Тайан по прозвищу Молодой капитан (Nakhoda Muda) — находится в эпицентре торговой и политической жизни региона. На протяжении всей его жизни ему приходится приспосабливаться к меняющимся обстоятельствам, а под конец, когда соперничество британцев и голландцев обостряется, Молодой капитан и его сыновья падают жертвой завистников с голландской стороны. Их лишают дома и всего имущества, а самих арестовывают. Совершив побег, они отправляются на север и под конец обретают приют в Бенгкаулу, под защитой британского флага.

Помимо увлекательной, остросюжетной фабулы этой документальной истории, обращает на себя внимание приверженность ее автора канонам традиционной литературы. Хотя история Тайана и его сыновей основана на реальных событиях, это сочинение в полной мере соответствует стандартам классического малайского нарратива. В нем присутствует необходимый атрибут эпического повествования — подвиги главного героя. Первое деяние, прославившее Моло-

дого капитана — это изгнание из пределов их земли племени абунгов, охотников за головами. Прославившись как воитель, защитник своего края, он привлекает внимание султана Бантена и становится его представителем на юге Суматры. При активном участии Молодого капитана этот район постепенно включается в орбиту коммерческих интересов султана и его союзников — голландцев. Кроме того, герой обеспечивает им защиту от восставших горцев Западной Явы, стремящихся к свержению султана. Султан в ответ осыпает героя своими милостями. В дальнейшем Молодой капитан оказывает султану Бантена множество других услуг, но, при всей лояльности, неизменно подчеркивает свою независимость и нежелание быть у того в долгу. Финальное бегство Молодого капитана и его сыновей под защиту британцев здесь выступает не как акт трусости, а как свидетельство невозможности оставаться под властью предавших его голландцев. Здесь Алауддин развивает тему предательства благородного героя его недостойным сюзереном, впервые прозвучавшую вранней малайской хронике — «Повести о раджах Пасея» (XIV в.).

В стилистическом плане записки Энчика Алауддина неоднородны. При всей сжатости и динамичности рассказа о событиях, автор сохраняет пристрастие к эпическим клише и иным выразительным приемам, присущим традиционной литературе. И хотя по содержанию записки Энчика Алауддина безусловно являются сочинением нового времени, ясно, что стилистически они безусловно принадлежат словесности прошлого.

*Жураев Маматкул (Институт узбекского языка, литературы
и фольклора АН РУ, Ташкент)*

Художественная эволюция и современное бытование узбекского народного героического эпоса «Алпамыш»

1. Формирование и художественная эволюция узбекского народного героического эпоса «Алпамыш» представляет собой сложный и многоступенчатый творческий процесс, отражающий национальные особенности эпического мышления и своеобразие фольклорных традиций. Лучшие образцы дастана «Алпамыш», дошедшие до наших дней благодаря уникальной эпической памяти талантливых сказителей-бахши в виде многочисленных вариантов и версий эпических сюжетов, являются ценнейшим источником для изучения генезиса и художественно-эстетических закономерностей развития эпического мышления, дают возможность анализировать историческую эволюцию эпических традиций в контексте поэтической трансформации художественной культуры Центральной Азии.

2. Архаический пласт сюжета дастана «Алпамыш» сложился в VI–VIII вв. среди тюркских племен горного Алтая в виде «богатырской сказки», т. е.

сказки о богатыре, и служил основой для создания алтайского героического эпоса «Алып-Манап». В связи с историко-этническими процессами IX–X вв., т. е. с переселением огузских племен, проживавших в предгорьях Алтая по низовьям Сырдарьи, этот эпический сюжет дошел до обширной территории Приаралья и стал развиваться как эпос, отражающий общественно-бытовой уклад и художественно-эстетические взгляды кунградцев. Заметим, что с переселением узбекских племен в Южный Узбекистан «кунградская» версия дастана «Алпамыш» распространилась среди сказителей-бахши Сурхандарьинского оазиса, что обусловило формирование в XVI веке сурхандарьинских вариантов данного эпического произведения. Когда кунградцы в XVI в. переселились в район Термеза и Байсуна, они принесли с собой в Южный Узбекистан из своих древних кочевий в районе Аральского моря более древнюю версию дастана. Этот вариант, т. е. пра-«Алпамыш», который был основой эпического репертуара сказителей-бахши племени кунград, проживавших в районе Приаралья и низовьях Сырдарьи, и не дошел до наших дней, разумеется, сильно отличался от нынешней «байсунской» редакции «Алпамыша». История возникновения современных вариантов дастана «Алпамыш», зафиксированных в эпической традиции Сурхандарьинского оазиса, тесно связана с историко-фольклорным процессом, начавшимся в XVI в., когда талантливыми сказителями-бахши, проживавшими в районе Байсуна и в селениях окрестностей г. Термеза, создавались основные дастаны узбекского романического эпоса, а также новые варианты героического эпоса «Алпамыш».

3. «Алпамыш» широко бытует в эпическом ареале Южного Узбекистана, в том числе в эпическом репертуаре сказителей-бахши дастанной школы Кашкадарьинской и Сурхандарьинской областей, живая исполнительская традиция которых продолжает развиваться и обогащаться в наши дни. Сурхандарьинские варианты дастана отличаются своеобразием сюжета, композиционной структуры и художественной интерпретации традиционных мотивов, а также поэтичностью эпического текста и распространением в виде цикла дастанов, включающего несколько эпических произведений об Алпамыше.

4. Фольклористическими исследованиями доказано, что сурхандарьинскую сказительскую традицию, внесшую значительный вклад в зарождение и развитие «кунградской» версии эпоса «Алпамыш», представляют три дастанные школы: Шерабадская, Бешкунтанская и Байсунская. Своеобразное эпическое искусство талантливых сказителей — Касым-бахши (известного в народе под именами Касым-юзбоши и Касым-шаир) и Шерназара Бердиназар-оглы (известного как Шерна-шаи) и Шерна-юзбоши), проживавших в Шерабадском районе Сурхандарьинской области в середине XIX в., — послужило основой для создания Шерабадской дастанной школы. Эта школа сильно отличалась от других только ей присущим своеобразным исполнительским мастерством

и произведениями, включенными в состав эпического репертуара. В середине XIX — начале XX вв. в селе Бешкутан Шерабадского района сформировалось еще одно своеобразное эпическое направление, получившее впоследствии название Бешкутанская дастанная школа. Представители этой творческой школы отличались манерой исполнения и искусством импровизации. Сурхандарьинские варианты эпоса «Алпамыш» заметно отличаются от других версий и вариантов дастана, записанных в других регионах Узбекистана. Художественная интерпретация основных сюжетных элементов данного эпоса отличается оригинальностью.

5. Традиция исполнения цикла дастанов «Алпамыш» сохраняется и развивается благодаря устойчивости эпического знания и эпической памяти народных сказителей-бахши. Среди неотложных задач современного эпосоведения — сравнительно-историческое изучение эпического репертуара современных народных сказителей, исследование генетических истоков и художественной эволюции эпических сюжетов, современного состояния эпических традиций, сохранение национального своеобразия сказительских школ, утвердившихся как самобытное явление нематериального культурного наследия.

Космакова И. А. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербурге)

Проблематика и образы героинь в прозе Каваками Хироми

Японская писательница Каваками Хироми (川上弘美, таже Ямада Хироми 山田弘美, род. в 1958) выступила в литературе приверженцем повествовательного начала¹ и мастером женского психологического портрета. Ее героини переосмыслиют свое место в мире с учетом ролей, которые им приходится играть.

Большинство произведений Каваками можно отнести к литературе *дзюнбунгаку*², элитарной, близкой к канонам классической литературы. Ее проза одновременно похожа на дневники *никки-бунгаку* и эссе *дзуйхицу*, где сюжет уступает место созданию атмосферы и передаче образов³.

¹ Нумано Мицүёси. Не только Мураками // Теория катастроф: современная японская проза. М., 2003. С. ххi.

² Нумано Мицүёси. Граница японской литературы и ее граница в мировом контексте. URL: http://ru-jp.org/yaropovedy_numano_01r.htm (дата обращения: 23.05.2020).

³ Бесфабульность — произведение в целом лишено единой фабульной связи. Документальность — черта, общая для дзуйхицу и дневников. Каждое описание включает эпизод и/или ситуацию, конкретно существовавшую или типичную при данных условиях. Подробнее см.: Горегляд В. Н. Дневники и эссе в японской литературе X–XIII вв. М., 1975. С. 320–351.

Бесфабульность чередуется с новаторскими композиционными ходами, характерными для литературы постмодернизма: фрагментация, флэшбэки, ретроспекции и др.¹

Каваками часто обращается к теме «призраков» и фрейдистскому внутреннему конфликту: выстраиванию личных границ, обретению собственного голоса и нарратива, который стремятся заглушить «голоса» прошлого. Преодоление экзистенциального кризиса — это воплощение эстетики постмодернизма: рушится устоявшаяся система ценностей, и человек, отказавшись от поиска смысла существования, встает на позицию игры, сосредотачивается на поиске «личного пространства». Целью становится не конечный пункт, к которому движется герой, но путь к нему. Персонажи словно дрейфуют по жизни, ища свое место: часто поиск сопряжен с попытками раствориться в другом человеке, без которого жизнь кажется невыносимой. Потерянность и одиночество толкают их к различным формам эскапизма: жизнь проходит, как во сне, а воображаемый мир становится более «живым», нежели реальный (романы «Манадзуру», «Голос воды»).

Подобно Энти Фумико в романе «Шипение змеи», Каваками Хироми поднимает тему материнства и ревности матери к дочери. В романе «Манадзуру» героиня наблюдает, как взрослеющая дочь все больше походит на мужа, как бы отбирая его. В одном из эпизодов они втроем спят иероглифом «река» (川): ребенок сначала лежит посередине, защищенный родителями с обеих сторон. Но героиня нарочно перекладывает дочь на край, желая быть ближе к мужу.

Тема взросления детей раскрывается и в рассказе «Дворец морского царя»²: главной героине является дух прапрабабки Ито, напоминающей ведьму-ямамба. Она рассказывает о своей молодости, о том, как родила семерых детей, которых сначала водила за собой на веревочке, а потом «выбросила в море» — т. е. отпустила «в свободное плавание».

В произведениях Каваками два ведущих художественных метода: психологический и магический реализм³. Особое внимание уделяется образам воды — аллюзия на творчество Окамото Канок⁴. Вода у Каваками представлена так:

¹ Эко Умберто. Инновации и повторение: между эстетикой модерна и постмодерна. URL: <http://textarchive.ru/c-2015762-p2.html> (дата обращения: 10.09.2020).

² Каваками Хироми. Дворец морского царя. Перевод с японского В. Мазурика // Теория катастроф: современная японская проза. М., 2003. С. 311–332.

³ Образцов А. В. Исторический модернизм/модерн // Постмодернизм в литературах Азии и Африки: очерки. СПб., 2010. С. 88.

⁴ Бреславец Т. И. «История старой гейши» в творчестве Окамото Канок // Вестник Санкт-Петербургского университета. Востоковедение и африканистика. 2019. Т. 11. Вып. 2. С. 208–222.

Вода — основа женской сущности, питает и несет жизнь. В «Манадзуру» героиня постоянно ощущает в себе влагу, отчего чувствует себя живой. «Мы все появились из воды», — говорит Наоко в романе «Голос воды».

Вода может быть грозной стихией, олицетворяющей вечное движение и изменение, без которых существование теряет смысл¹. Но, подобно черному омуту, она скрывает опасность утонуть (роман «Оборэру»).

Повествование в рассказах Каваками напоминает плавное и непрерывное движение воды в реке. Вода — источник повествования. Пребывание возле реки располагает персонажей к долгому разговору (рассказы «Река» и «Майские жуки»).

Образ океана связан с покоем и гармонией, объединяет реальный и фантастический миры, символизирует связь между прошлым и настоящим (роман «Голос воды»).

Крупнина П. Г. (СПбГУ, Санкт-Петербург)

Цифровое чтение в Китае: инструменты и тенденции

Китай — страна с традицией уважения к письменному слову. Несмотря на наступление новых, более «быстрых», чем чтение видов развлечения и контента, китайское правительство предпринимает последовательные меры для сохранения традиций чтения и адаптации их к новым реалиям цифрового XXI века. В 2006 г. была запущена государственная программа стимулирования интереса к чтению, включенная в государственную политику развития страны².

Согласно ежегодному отчету о цифровой издательской индустрии, опубликованному Китайским институтом исследований прессы и публикаций, общий доход цифровой издательской индустрии в 2019 г. составил 988,143 млрд юаней, однако в Китае эта сфера включает в себя как цифровые литературные публикации, так и издание игрового контента. Сфера цифровой литературы переживает бурный рост — в одном только Шанхае за 2020 г. зафиксирован рост продаж онлайн-литературы более, чем на 35%³.

¹ Цит. по: Борькина А. Ю. «Женский голос» и «персональный миф» в романе Каваками Хироми «Голос воды». // Япония XXI NOVA: эра и век Исследования российских и зарубежных ученых, посвященные наступлению девиза годов Рэйва. СПб., 2020. С. 481–482.

² Суй Сяофэй. Чжун сюань бу, синьвэнь чубань цзун шу иньфа тунджи туйцзинь цюаньминь юэду ходун. (Отдел пропаганды ЦК КПК и Главное управление по делам печати и публикаций выпустили уведомление о поощрении чтения в стране.) 5 апреля 2009 г. URL: http://www.gov.cn/jrzg/2009-04/05/content_1278138.htm.

³ См.: Шанхай чжаокай ванло чубань гуаньли гунцзо хуэйи, цзяньчи ханье гаочжилян фачжань даолу (В Шанхае прошла рабочая конференция по управлению онлайн-из-

Свои «книжные» подразделения есть у технических гигантов Китая — China Literature у корпорации Тенсент, с 2015 г. проводится ежегодная конференция по цифровому чтению (China Digital Reading Conference) под эгидой Мигу Диджитал Медиа, подразделения оператора связи China Mobile.

Согласно «Белой книге по цифровому чтению в Китае за 2019 год», количество пользователей, читающих 3 или более раз в неделю, составило 88,0 %¹, и в основном пользователи читают в утренние и вечерние часы пик, добираясь на работу или домой.

Примерно половина всех пользователей сети Интернет (435,44 млн из 854 млн человек) имеют приложения для чтения «мобильной» литературы (cell phone literature)². Поколение «нулевых» (а это около трети всех читателей, пользующихся приложениями) ориентируется прежде всего на развлекательные «интернет-романы», размещаемые авторами по мере написания и редко покидающие интернет после создания. Тем не менее, более двух третей читателей готовы платить за электронные книги, и многие участники опросов указывали, что в цифровом виде предпочитают литературу развлекательную, а более серьезные жанры приобретают в традиционной бумажной форме.

В условиях эпидемии Китайская ассоциация аудиовизуальных и цифровых издателей, выступила с инициативой и в прошлом году основные платформы цифрового чтения предоставили более 1 миллиона бесплатных произведений с общим временем чтения более 330 млн часов³.

При наличии многих крупных игроков, рынок цифрового чтения в Китае подчиняется не только сиюминутным тенденциям, но и установкам о противодействии вульгарному контенту и иным указаниям отдела пропаганды ЦК КПК. Хотя большинство пользователей имеют не одно, а несколько приложений для чтения, и, как следствие, пользуются разными платформами, анализируя годовые списки наиболее популярных произведений, можно выявить различие в предпочтениях и аудитории.

данием, индустрия продолжает придерживаться пути качественного развития) URL: http://www.chuban.cc/yw/202101/t20210128_16787.html.

¹ 2019 няньду Чжунго шуцзы юэду бай пи шу: Чжунго шуцзы юэду юнху цзунлян да 4.7 и («Белая книга по цифровому чтению в Китае за 2019 год»: количество приверженцев цифрового чтения достигло 470 млн) URL: http://www.gov.cn/xinwen/2020-04/23/content_5505479.htm.

² 2019 няньду Чжунго шуцзы юэду шичан яньцзю баогао (Отчет об исследовании рынка цифрового чтения в Китае за 2019 год). URL: <http://www.bigdata-research.cn/content/202001/1065.html>.

³ Чжунго шуцзы юэду дахуэй шоу ду «юньдуань баньхуэй» (Первая «облачная конференция» China Digital Reading). URL: http://www.xinhuanet.com/2020-04/23/c_1125896419.htm.

Кузнецов А. А. (ИСАА МГУ, Москва)

Судьба кавказской семьи на страницах поэмы Нима Юшиджа «Семья солдата» (1926): антивоенная тема в творчестве «отца новой поэзии» в Иране

Темы войны всегда интересовала писателей и поэтов разных народов. Основоположник «новой поэзии» Ирана — Нима Юшидж (1897–1960) — вложил свое видение данной темы в поэму «Семья солдата» (1926), национально-патриотическое стихотворение «Безымянный герой» (1927) и некоторые другие свои сочинения второй половины 20-х гг. XX в. Поэма «Семья солдата» как одно из ключевых произведений этого направления малоизучена в отечественной иранистике, и потому представляет особый интерес для исследователя.

Сюжет поэмы выстроен вокруг трагедии: молодой кавказец покинул родной дом и погиб на поле боя. Его жена осталась с двумя голодными детьми на руках. Потеря кормильца вгоняет семью в беспросветную нищету: у нее не было ни кусочка хлеба, ни молока для младенца, а в доме — дырявые занавески. Голод и холод убивает старшую дочь женщины, а затем и ее саму. Только малыш остается в живых, но и его судьба полна неопределенности. Страдания женщины и ее детей помещаются в фокус читательского внимания. «Семья солдата» показывает участь «жены-солдатки» и тем самым вносит вклад в развитие женской темы в новой литературе Ирана.

Исторический контекст появления поэмы неясен. В поэме сообщается, что описанные военные действия происходят во время правления императора Николая I. Обилие кавказских топонимов (Кавказ, гора Казбек, Дагестан, Карабах) относит нас к событиям середины XIX в.: русско-персидской войне 1826–1828 гг. и последующей Кавказской войне. Остается неизвестным, на чьей стороне воевал кавказец: либо он сражался в персидской армии, защищавшей Иран от вторжения русских войск, либо он был призван после присоединения южного Кавказа к России рекрутом уже в российскую армию, подавлявшую сепаратистские выступления на новой территории. В тексте поэмы есть указание, что для солдата это чужая война: «Сегодняшний триумф [царя] — причина для позора // Его война (начатая русским царем — прим. АК) отняла у тебя мужа»¹. Очевидно, принадлежность героя не важна для автора: в центре внимания — бесчеловечность войны по отношению ко всем вовлеченным в нее сторонам.

По форме «Семья солдата» можно охарактеризовать как лироэпическое произведение. Повествовательные элементы в произведении играют особую роль в воплощении авторского замысла, что отмечали многие исследователи.

¹ Нима Юшидж. Полное собрание сочинений / Составитель: Сирус Тахбаз. — Мо'асесе-е энтешарат-е Негах Тегеран, 1371 (1992) (на персидском языке). С. 131.

Описание полуразрушенной хижины, в которой живут жена кавказца и его дети, и их нищенского образа жизни выполнено с точностью, характерной для эстетики реализма. В то же время, душевное состояние одинокой героини, которой в предсмертной агонии мерещатся то чудовище, то призрак мужа, то ангел смерти, а также поток ее сознания помещает произведение в контекст иных литературных направлений. Рудименты романтического образного языка, характерного для более ранних поэм Нима Юшиджа «Повесть о поблекшем» (1921) и «Афсане» (1922), соседствуют с модернистскими устремлениями поэта, воплотившимися в его более поздних стихотворениях (например, в «Эй, люди!», 1941). Черты разных литературных стратегий внутри одного произведения становятся еще одним свидетельством «ускоренного развития» «новой поэзии» в Иране.

Содержание поэмы вложено в модифицированную форму *маснави*. Парная рифмовка (aabbcc) оказывается единственной чертой, которая осталась от классического *маснави*, а строфическая организация выходит за рамки бейтовой структуры, как это было и в «Афсане»: перед нами теперь шестистрочник, в котором две последние *мисра*⁴ — короткие, выделены графическим отступом и имеют собственную рифмовку. В них часто приводится синтез смыслов четырех предшествующих строк. При этом от новой формы неотделимы и «рваный» синтаксис, отражающий разговорную интонацию, и элементы разговорного языка (например, различные междометия и восклицания), нагнетающие эмоциональную напряженность текста.

Кукушкина Е. С. (ИСАА МГУ, Москва)

Роль вокально-танцевального компонента в истории малайской драматургии

Возникновению малайского театра современного типа предшествовало бытование народных представлений, а затем — городских зрелищ переходного типа. В обоих случаях значительная роль принадлежала вокально-музыкальному и хореографическому компоненту.

Многочисленные народные зрелища малайцев сочетали ритуальные действия, танец, музыкальное и вокальное сопровождение, а также актерскую импровизацию на известный сюжет, в виде стилизованного распеваемого текста и разговорных диалогов¹.

Переходные зрелищные формы предвещали возникновение современного театра. Имея коммерческий характер, они широко использовали музыку, вокал и танец для привлечения зрителя.

---

¹ О малайских народных представлениях см.: Yousuf, Gh.-S. Dictionary of Traditional Southeast Asian Theatre. Kuala Lumpur, 1994.

Наиболее популярным видом театра переходного типа был *бангсаван*¹, родившийся в последней трети XIX в. под воздействием индийского *театра парсов* и объединивший черты традиционного театра с новациями. Как в народных зрелищах, актеры импровизировали на известный сюжет. Композицию составляли стандартные сцены, а система персонажей включала стереотипных героев. Но *бангсаван* активно осваивал более современные сюжеты, и ради коммерческого успеха вводил в представления множество песен и танцев.

Каждому типу сцен соответствовала определенная мелодия, которая играла маркирующую роль: по песне и музыке зритель определял тип сцены. Нередко диалоги велись в виде пения; многие сцены сопровождались танцами.

Песни и танцы не только вводились в сюжет, но исполнялось в антрактах в качестве интермедий.

Бангсаван сильно повлиял на развитие малайской драматургии, возникшей в начале 1950-х гг. Ранние пьесы могли наследовать от него разбивку на многочисленные действия, стандартный набор персонажей и сцен. Многие из этих произведений созданы на сюжеты *бангсавана*, и в них сохраняла значение вокально-танцевальная составляющая.

Фатима Абдул Вахаб, Шахаром Хусейн, Калам Хамиди вводили в пьесы стереотипные эпизоды с типичными для них музыкальными номерами. В других случаях песенные и танцевальные вставки в их произведениях были слабо связаны с развитием сюжета и больше напоминали интермедии *бангсавана*, которые не имели отношения к содержанию постановки².

В 1960-е гг. вокально-хореографический компонент отошел на второй план под влиянием реалистического метода. Однако позднее, с подъемом постреалистического театра песня и танец вновь стали важнейшим художественным элементом драматургии Малайзии.

Если в ранних пьесах присутствие песни и танца были рудиментом традиции, то теперь авторы (Нурдин Хассан, Съед Алви, Хатта Азад Хан) обращались к наследию прошлого осознанно и целенаправленно. Песня и танец стали органично вписываться в ход действия и больше не служили маркерами сцен. Вместо традиционной символики в них присутствовали индивидуальная авторская мысль и образность³.

---

¹ О поэтике и истории театра *бангсаван* см.: Bujang, R. *Perkembangan Drama Bangsawan*. Kuala Lumpur, 2016; Tan S. B. *Bangsawan. A Social and Stylistic History of Popular Malay Opera*. Singapore, 1993.

² Тексты рассматриваемых пьес включены в издания: Abdul Wahab, F. T. *Megat Terawis*. London, 1951; Hamidi, K. *Pegangan Pementasan Drama*. Bangi, 2003; Husain, Sh. *Drama-Drama*. Kuala Lumpur, 1991.

³ Тексты рассматриваемых пьес включены в издания: Alwi, Syed. *Tok Perak*. Shah Alam, 1995; Hassan, N. *Peran*. Kuala Lumpur, 1997

Итак, характер присутствия песенно-танцевальных вставок в пьесах малайских драматургов менялся с течением времени. В ранних пьесах это не вполне отрефлексируемая остаточная традиционность, а затем — неотрадиционализм, осознанное избирательное обращение к театральному наследию предшествующих периодов¹.

Лахути Л. Г. (ИВ РАН, Москва)

Письма Александра Николаевича Болдырева к Цецилии Бану (1964–1987 гг.)

Этот доклад — дань памяти Александра Николаевича Болдырева (1909–1993), признанного патриарха отечественной иранистики, одного из основоположников петербургско-ленинградской и таджикской иранистических школ. Имя А. Н. Болдырева прочно связано с ленинградским-санкт-петербургским востоковедением, хотя его пределами далеко не ограничивается. В его многообразной научной деятельности была и работа, связанная с переводом и изданием перевода знаменитой поэмы Фирдоуси «Шахнаме» (в большой серии «Литературные памятники» издательства «Наука» в период с 1957 по 1989 гг.). В 1958 г. А. Н. Болдырев дал положительную рецензию на первый том «Шахнаме» в «Известиях АН СССР»², затем, после кончины А. А. Старикова, ответственного редактора и комментатора этого тома, стал ответственным редактором издания вплоть до шестого тома. Эта работа отразилась в переписке Болдырева с Цецилией Бану, переводчицей поэмы.

Переписка строилась вокруг обсуждения текста, вариантов перевода и перипетий, связанных с изданием, но в остальном она быстро вышла за рамки профессиональной и стала дружеской — при этом отнюдь не бытовой. Корреспонденты шутят (например, начиная с 21.XI.78 все письма завершались неизменным «с фирприветом»), обсуждают последние события в научном мире, работы и планы друг друга и др. Так, несколько писем посвящено обсуждению переводов газелей Хафиза. Неоднократно упоминаются имена друзей и коллег Александра Николаевича — А. З. Розенфельд, В. Г. Луконина, Л. Т. Гюзальяна,

---

¹ Об остаточной традиционности и неотрадиционализме см.: Брагинский В. И., Семенов В. С. // Введение. Проблемы традиций, неотрадиционности и традиционализма в литературах Востока. Художественные традиции литератур Востока и современность: ранние формы традиционализма. М., 1985. С. 3–22.

² Болдырев А. Н. Рец. на кн.: Фирдоуси А. Шахнаме / Изд. подгот. Ц. Бану, А. Лахути, А. А. Стариков; Отв. ред. Е. Э. Бертельс; Ред. перевода А. Лахути // Отделение литературы и языка АН СССР. М.: Изд-во А СССР, 1957. 675 с. (Литературные памятники); II Известия АН СССР. Отд-ние литературы и языка. 1958. Т. 17. Вып. 1. С. 67–72.

З. Н. Ворожейкиной, Н. И. Конрада, И. С. Брагинского, М.-Н. О. Османова, А. Азера.

Первое письмо А. Н. Болдырева относится к 1964 г., когда он согласился стать ответственным редактором третьего тома перевода «Шахнаме», последняя открытка датирована концом 1987 г. В общей сложности архив включает около 90 писем и открыток. Все письма датированы, и указано, на какое письмо пишется ответ, что позволило расположить их в хронологической последовательности. К сожалению, судьба ответных писем неизвестна, но их содержание угадывается.

Переписка осуществлялась еще в одной форме: кроме самих писем между Ленинградом и Москвой (где Бану жила постоянно) и Самаркандом (где она бывала время от времени) курсировали также и «гроссбухи» — так Болдырев называл тетради, куда записывалась очередная порция перевода, по два бейта на страницу. На свободное место он вписывал ответы на вопросы переводчицы, а также свои замечания и соображения, иногда и общего характера.

В докладе будет описан корпус писем, хранящихся в архиве Ц. Б. Бану. Предполагается рассмотрение их состава, общей тематики, информации, в них содержащейся. Будут рассмотрены образцы писем различного характера, и обозначены проблемы, связанные с расшифровкой некоторых сокращений и идентификацией некоторых содержащихся в них реалий.

Лунева А. И. (ИСАА МГУ, Москва)

Пересечения фольклора, хоррора и феминизма в рассказе «Королева» индонезийской писательницы Интан Парамадиты (2005 г.)

Фольклорные мотивы в литературе Индонезии — продуктивный элемент современных произведений. Рассказ Интан Парамадиты (*Intan Paramaditha*, род. в 1979) «Королева» (*Sang Ratu*) впервые был издан в 2005 году в сборнике «Женское колдовство» (*Sihir Perempuan*). Образ главной героини рассказа, таинственной роковой женщины, конструируется вокруг образа богини Южного моря. Ньяя Роро Кидул (яв. «госпожа-дева Юга») — покровительница султанов, потомков правителей яванской династии XVI в., морская богиня, наделенная способностями оберегать своих подданных и карать тех, кто ее прогневал. Символами-манифестациями богини считаются океан, вода, хаос, змеи, темно-зеленый цвет. В антропоморфном виде богиня предстает прекрасной зрелой женщиной в богатых яванских одеждах с длинными убранными золотом и цветами волосами. Рыбаки считают, что она утаскивает души утонувших к себе и берет на службу в свой подводный дворец. Погибшие в море могут вступить

в ее войско духов — рудименты этих представлений существуют до сих пор (военно-морской флот Индонезии совершил ритуальные жертвоприношения богине в 2020 г.).

Тем не менее, современный образ Ньяи Роро Кидул находится на стадии мифологического полураспада. Он десакрализируется благодаря двум факторам: тенденции к радикализации ислама среди традиционных мусульман Индонезии, и, как следствие, искоренения рудиментов *ширка* (многобожия) в народных представлениях, ритуалах и словесности, а также благодаря параллельному процессу тиражирования образа в массовой культуре. Развернутой цитатой в рассказе Интан становится образ индонезийской актрисы Сюзанны (*Suzanna*, 1942–2008), звезды индонезийских хоррор-фильмов 1980-х, неоднократно воплощавшей на экранах ведьм и нечисть (*hantu*), в том числе и Богиню Южного моря (см. например, фильм *Nyi Blorong*, «Королева змей», 1982 г.).

Сборник «Женское колдовство» можно рассматривать как первый в Индонезии эксперимент по соединению разнообразных фольклорных мотивов, включая конечно же автохтонные, и заимствованной западной формы. До появления таких писателей, как Эка Курниаван, Угоран Прасад и Интан Парамадита, литература ужаса однозначно считалась низким жанром благодаря чрезмерной и вульгарной эротизации. Интан Парамадите удается оставить эротику, встроенную в хоррор-дискурс, но повернуть оптику, обманывая ожидания типичной объективизации героини. Она не жертва, а хищница, *femme fatale*, источник страха и несчастий для желающего ее героя. «Во многих фильмах ужасов и книгах женщины часто объективизируются и демонизируются, и повествование заканчивается восстановлением порядка через смерть / наказание / и искупление женщин. Я предполагаю, что именно здесь вступает в силу *феминистический ужас* — он ставит под сомнение и переопределяет подобные консервативные формулировки»¹. В связи с чем представляется возможным обратиться к концепции Ю. Кристевой об отторгаемом (*abject*²) или же концепции отвратительного: выброшенные за рамки социальной приемлемости женщины оказываются не только а-бъективизированы (отторгнуты), но и становятся источниками страха. Художественный метод, который выбирает писательница, уникален. Авторское новаторство заключается в комбинации новой для индонезийской литературы формы (готический рассказ) и актуального содержания (феминистская повестка, угнетение и маргинализация «злых женщин», по выражению самой писательницы).

¹ См. напр.: Pasaribu N. E. *Feminist Reframing: an Interview with Intan Paramaditha*, 2018.

² Изначально авторство термина принадлежит З. Фрейду. Противопоставляемое субъекту и объекту, абъектное становится знаком чего-то отделенного и подавляемого.

Мекратанакулпат Натчиван (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)

**Поэма «Каки»: ее происхождение
и роль в тайской литературе**

«Каки» — одно из наиболее известных произведений в литературе Таиланда. Сюжет «Каки» неоднократно повторяется в разных формах. Стоит отметить, что этот сюжет, наряду с множеством других сюжетов тайских произведений, был заимствован из джатаки.

В истории Каки (имя главной героини) нами были обнаружены элементы трех джатак: «Какати джатака» (№ 327), «Кунал джатака» (№ 536) и «Сусантхи джатака» (№ 360). Интересно, что «Какати джатака» и «Кунал джатака» имеют идентичные сюжеты, а «Сусантхи джатака» отличается лишь в части имен героев и истории о поиске главной героини¹.

Для понимания особенностей произведения «Каки», мы предлагаем ознакомиться с сюжетом «Какати джатаки», которая является одной из наиболее распространенных джатак в Таиланде.

Царь по имени Пхроматхат правил в Пхаранаси. У него был сын, который тоже стал правителем и женился на прекрасной Какати. Царь любил проводить время за настольной игрой. Компанию ему составлял Гаруда, в своем человеческом обличи. Однажды Гаруда увидел Какати и влюбился в нее. Он похитил возлюбленную и увез в свой дворец Симпхли. Потеряв жену, царь приказал своему придворному музыканту Натакувену разыскать царицу. Гаруда же продолжал приходить к царю в гости как ни в чем не бывало. Натакувену удалось найти Какати. Он угрозами заставил царицу вступить с ним в интимную связь. Узнав об этом, Гаруда вернул Какати царю.

В финальной части джатаки Будда рассказывает ученикам что он и был царем, супругом Какати в одном из своих предыдущих перерождений².

В тайской литературе самое раннее упоминание этого сюжета датировано в конце XVII — нач. XVIII в. Это поэма, специальная для процессии королевских барж, написанная принцем Тхаматхибетом. Однако в поэме использовано лишь из несколько частей оригинальной истории Какати³.

Самой же распространенной и популярной версией описанного сюжета является поэма «Каки», написанная выдающимся поэтом Тьаупхряя Пхракхлан-

¹ เสาวนิต จุลวงศ์. กากี: จากชาดกสุกอลนบทละคร. วรสารวรรณวิทัศน์ (Сауванит Тьулавонг. Каки: от джатаки до пьесы. Журнал Ванвитхат) URL: <https://so06.tci-thaijo.org/index.php/VANNAVIDAS/article/view/62288/51274> (дата обращения 13.12.2020).

² พระสุตตันตปิฎก ขุททกนิกาย ชาดก เล่ม ๓ ภาค ๔ — หน้าที่ 564 (Сутат-питака, кхуддака-никая, джатака, т. 3, ч. 4, с. 564) URL: <http://www.tripitaka91.com/tripitaka91.php?book=58&page=564&line=13&keyword=กากาฑิ#middle> (дата обращения 19.01.2021).

³ Artid Darunaithorm. A Comparative Study of the Performing Litrary Versions of Kaki. Master's Thesis, Silpakorn University, 2006. P.2.

гом (Хоном) в конце XVIII — нач. XIX вв. Поэма быстро стала популярной благодаря стихотворной форме и более развернутому динамичному сюжету.

Несмотря на то, что сюжет поэмы был заимствован из «Какати джатаки», как это было указано выше, в тексте нами были обнаружены существенные отличия. Наиболее явные изменения связаны с образами персонажей, которые обладают более яркими характерами, чем герои джатаки. Также важны и сюжетные различия: в финале поэмы царь отправляет неверную жену в открытое море¹.

Столетие спустя тайский поэт Чот Манират написал свою версию финала поэмы. В этом новом произведении описаны жизнь и приключения Каки после ее спасения. Интересно, что в поэме Манирата главным героем, и впоследствии, возлюбленным Каки становится музыкант Натакувен. Складывается впечатление, что Чот Манират пожалел героиню Пхракхланга, и дал ей новую жизнь.

Роль поэмы Каки в тайской литературе чрезвычайно велика. Даже имя главной героини стало в тайском языке нарицательным. Так называют безнравственных женщин, которые изменяют мужьям. Интересно, как со временем меняется оценка образа и поступков героини поэмы. Однако, несмотря на изменения, восприятие Каки как отрицательной героини сохраняется до сих пор.

Митькина Е. И. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)

Детективная проза Лу Даньяня

В начале XX в., когда западные детективные произведения стали доступны китайскому читателю, появился целый ряд собственно китайских авторов, писавших в детективном жанре. Наверное, самым известным из них был Чэн Сяоцин (程小青, 1893–1976). Однако кроме него пользовались популярностью и другие писатели, среди которых выделяется Лу Даньянь (陆澹安, 1894–1980). В самом начале своей карьеры он работал на киностудии в качестве сценариста, одно время даже вместе с драматургом Хун Шэнем (洪昇, 1894–1955), преподавал на курсах кино. Среди их слушателей были актеры, ставшие впоследствии звездами². Вместе с Янь Духэ (严独鹤, 1889–1968) и Чэн Сяоцином он начал издавать журнал «Мир детективной литературы» (侦探世界 *Чжэньтань шицзе*), который выходил два раза в месяц, с июня

¹ พระคลัง (หน), เจ้าพระยา. กากิ กลอนสุภาพ (Пхракхланг (Хон), Тьаупхрая. Каки поэма). URL: <https://vajirayana.org/กากิ> (дата обращения 13.12.2020).

² 樊 茵. 陆 澹 安 笔 名 考 [房莹. 陆澹安笔名考]. Исследование псевдонимов Лу Таньяня // Сучжоу цзяоюй сюэюань сюэбао [苏州教育学院学报]. 2010, цюань 27, № 1. С. 15–18. (на кит.яз.) С. 18

1923 г. по май 1924 г. вышло 24 номера¹, в этом журнале печатались произведения детективного жанра. Как пишет Фан Ин, исследователь творчества Лу Даньяня, он придерживался следующих взглядов относительно прозаических произведений: во-первых, в истории должны быть отражены реалистические чувства людей, во-вторых, при создании художественных образов следует придерживаться «логики и достоверности», в-третьих, должна присутствовать пространственно-временная логика повествования².

В 1924 г. вышел сборник рассказов Лу Даньяня «Сборник детективных историй о Ли Фэе» (李飞探案集 *Ли Фэй тань ань цзи*), главным героем которых был детектив по имени Ли Фэй. Сборник пользовался такой популярностью, что его переиздавали несколько раз. В него вошли пять его рассказов — «Игла в вате» (棉里针 *Мянь ли чжэнь*), «Одиноким узник старинной пагоды» (古塔孤囚 *Гу та гу цю*), «Лицо за стеной дома» (隔墙人面 *Гэ цян жэнь мянь*), «Крик в полночь» (夜半呼声 *Е бань ху шэн*), «Странное письмо» (怪函 *Гуай хань*). Произведения Лу Даньяня отличала логичность построения необычного сюжета.

Главный герой, детектив Ли Фэй, шаг за шагом распутывал сложные истории, читатели словно вместе с ним проходили все стадии расследования, погружаясь в напряженную атмосферу рассказов, в которую порой вплетались таинственность и мистика. Лу Даньянь в своей серии произведений про Ли Фэя стремился адаптировать для Китая такой новый, можно сказать, «экзотический» продукт, как детектив, зачастую местом действия он выбирал знакомые ему с детства места. При этом автор показывал также и нравы современного ему общества, где жажда наживы может толкать на совершение страшных преступлений, он демонстрировал влияние денег на традиционные ценности и человеческие отношения в шанхайском обществе того времени³.

Одной из особенностей прозы Лу Даньяня были его многочисленные отступления от основной темы, он подробнейшим образом описывал разные явления, периодически добавляя, возможно, несущественные детали. Во всех этих произведениях особая роль отведена детективу Ли Фэю, в нем сочетаются лучшие качества талантливого сыщика: проницательность, смекалка, умение обращать внимание даже на те мелочи, которые, казалось бы, не имеют прямого отношения к делу. Из рассказа «Игла, обернутая в вату» читатель узнает о жизни Ли Фэя. Тот родился в провинции Цзянсу (как и сам Лу Даньянь), затем

¹ Чжэн Имэй. Миньго цикань «Чжэньтань шицзе» [郑逸梅. 民国期刊《侦探世界》]. Журнал «Мир детективов» в период Китайской республики // Вэнь ши бо лань [文史博览]. 2004, № 1. (на кит.яз.) С. 64.

² Фан Ин. Лу Таньянь дэ «Цин ли чжэнь ши» сяошо пипин гуань као си [房莹. 陆澹安的“情理真实”小说批评观考析]. Анализ критического взгляда на «рациональность и подлинность» в творчестве Лу Таньяня // Сучжоу цзяюй сюэюань сюэбао [苏州教育学院学报]. 2015, цзюань 32, № 6. С. 15–19. (на кит.яз.) С. 16

³ Там же. С. 18

переехал в Шанхай, где окончил Восточный университет, после чего совмещал службу в компании с работой детектива. При расследовании преступлений он использовал научные методы, с помощью которых раскрывал преступления. Однако он все-таки отличается от великих и всемогущих сыщиков, образы которых рисуют авторы Запада. Ли Фэй по складу характера и поступкам ближе к традиционным китайским «ученым-конфуцианцам, которые были прекрасны как внешне, так и по своим внутренним качествам»¹.

Хотя Лу Даньань создал небольшое количество детективных романов и позднее вообще отошел от этого жанра, тем не менее, в 1920–30-е гг. он был известен именно как автор детективов, которые вошли в историю детективного жанра в Китае.

Мичанович С.-А. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)

Традиция и новаторство в лирике Ахмада Шамлу

Доклад посвящен личности и поэтическому творчеству иранского литератора Ахмада Шамлу (1925–2000). Ахмад Шамлу — яркий представитель так называемой новой иранской поэзии (*ше 'р-е ноу*). Он был поэтом, писателем, автором сказок для детей, лексикографом, собирателем устного народного творчества, переводчиком. Его жизнь можно назвать по-настоящему насыщенной: он работал в культурном отделе при посольстве Ирана в Венгрии, читал лекции в университетах многих стран мира, проводил вечера поэзии, работал на радио, в кино, занимался журналистской и научной деятельностью. И все же известность Ахмад Шамлу получил, прежде всего, как поэт. Будучи последователем «отца» *ше 'р-е ноу* Нима Юшиджа, на определенном этапе он избрал собственный путь. Уже в начальный период своего поэтического творчества Шамлу отошел от канонов традиционной «классической» персидской поэзии. В иранском литературоведении Шамлу считается создателем персидского белого стиха, поэтому этот стиль в иранской поэтике часто называют *шамлуийи*.

Поэтическое творчество Ахмада Шамлу до недавнего времени оставалось в отечественной иранистике малоизученным. Лишь в 2020 г. автором настоящих тезисов был выполнен (в рамках ВКР) перевод на русский язык стихотворений его сборника «Свежий воздух», написанных в период с 1947 по 1956 гг. В ВКР были проанализированы стихотворения всех восьми частей сборника и детально изложена биография Ахмада Шамлу.

---

¹ Жэнь Сян. Чжунго сянбай чжэньтань сяшоцзя — Лу Таньань цзи ци цзопинь цзяньцзе [任翔. 中国现代侦探小说家 - 陆澹安及其作品简介] Современный писатель детективов — Лу Таньань и обзор его произведений. URL http://www.tuili.com/web/Article_Show.asp?ArticleID=66 (дата обращения: 17.12.2020)

«Свежий воздух» — это четвертый по счету сборник Ахмада Шамлу, в котором соединились самые разные направления в творчестве поэта. В нем Шамлу то обращается к персидской классической поэзии, то отвергает ее каноны и пишет по-бунтарски, как Маяковский, то создает романтически-томное настроение, как у Лорки.

Именно в те годы, когда Шамлу писал стихотворения сборника, «новая поэзия» в Иране начала прочно занимать свое место рядом с общепризнанной персидской классической поэзией, вызывая общественные дебаты и привлекая внимание критиков и литературоведов. К 70-м гг. XX в. ше'р-е ноу стало уже признанным направлением в литературе Ирана. Ахмад Шамлу, как и его собратья по перу Нима Юшидж (1897–1960), Сохраб Сепехри (1928–1950), Форуз Фаррохзад (1934–1967), Мехди Ахаван Салес (1929–1990), Феридун Мошири (1926–2000), Надер Нудерпур (1929–2000), Сияваш Касрайи (1927–1996), выражал в своем творчестве демократические идеи и чаяния народа. После же исламской революции 1979 г. многие поэты покинули родную страну, не приняв новый режим. В числе оставшихся в Иране поэтов был Ахмад Шамлу, который критиковал теократический режим так же, как и ранее критиковал режим шаха.

Николаева М. В. (ИВ РАН, МГЛУ, Москва)

**Российско-египетские литературные связи:
прошлое и настоящее (результаты полевых
исследований и презентация монографии Э. Али-Заде
«Русская литература и арабский мир:
к истории арабо-русских литературных связей. Книга 2»)**

В современном мире острых политико-экономических противоречий, конфликтов, морально-этических и идеологических разногласий классические академические исследования в области межкультурных взаимодействий становятся все более актуальными. Примером подобного взаимодействия могут служить научные работы Э. А. Али-Заде, чья первая книга серии об истории приобщения арабской публики к произведениям Н. В. Гоголя, И. С. Тургенева, А. П. Чехова, вышла в издательстве ИВ РАН в 2014 г.¹ Она получила высокую оценку арабистов и специалистов по русской классической литературе как новое отечественное исследование проблемы рецепции русской классики представителями иной культурной традиции. Вторая книга этой серии, посвященная истории

¹ Али-Заде Э. А. Русская литература и арабский мир (к истории арабо-русских литературных связей). Кн. 1. М., 2014.

духовного присутствия в арабском мире Л. Н. Толстого и Ф. М. Достоевского, издана Институтом востоковедения уже после смерти автора, в 2020 г.¹.

Присутствие русской классики в арабском мире XX столетия освещалось в исследованиях многих отечественных востоковедов-арабистов, однако специального всеобъемлющего исследования этой проблематики до сих пор не было. Появление работы Али-Заде не только свидетельствует о бесспорно глобальном масштабе великого русского литературного наследия, но и становится новым подтверждением традиционно близких взаимоотношений России и арабских стран.

Русско-арабское культурное и литературное взаимодействие продолжается и в наши дни силами энтузиастов с обеих сторон. Тему рецепции русской классики в арабском мире развивает диссертация профессора Каирского университета Макарем аль-Гамри «Творчество Максима Горького в арабском мире», отдельное академическое издание которой могло бы стать важным продолжением научных поисков Э. А. Али-Заде. Много лет работает на русском отделении филологического факультета Каирского университета Н. Е. Павлов, под руководством которого арабские студенты осваивают теорию и практику перевода на арабский язык русской классики — прозы А. С. Пушкина и А. П. Чехова. Отметим, что бронзовый памятник последнему работ советника по культуре посольства АРЕ в Российской Федерации Усамы ас-Серауи стоит во дворе Российского центра науки и культуры (РЦНК) в Каире. Там же поставлен и созданный им бронзовый памятник Е. М. Примакову, в свое время возглавлявшему ИВ РАН. По инициативе посла РФ в АРЕ в 2017 г. в Саду свободы в Каире в ряду других деятелей мировой культуры воздвигнут бюст А. С. Пушкину.

Директор по культурным программам РНЦК Шериф Гадд, выпускник МГУ, возглавляет Ассоциацию выпускников советских и российских ВУЗов в Египте. Несмотря на сложные условия текущего момента во всем мире, связанные с ограничением прямых контактов и взаимодействий, Центр продолжает активную культурную и научную деятельность. В числе инициатив конца 2020 — начала 2021 гг. — поэтические вечера А. С. Пушкина, А. Фета, салон поэзии Серебряного века, мемориальная встреча памяти египетского поэта XX в. Абд ар-Рахмана аль-Хамиси. В них принимают участие как российские деятели культуры, так и представители общественности, официальные лица русскоговорящего постсоветского культурного пространства Египта и других арабских стран (Ливана, Сирии, Палестины и др.).

Внимание к современной русской культуре и литературе традиционно проявляет и официальная египетская пресса, особенно специализированные издания. Так отдельный выпуск египетской литературной газеты «Ахбар

---

¹ Али-Заде Э. А. Русская литература и арабский мир (к истории арабо-русских литературных связей). Кн. 2. М., 2020.

аль-адаб» №1413 от 23 августа 2020 г. посвящен творчеству А. И. Солженицына и анализу его произведения «Один день из жизни Ивана Денисовича». В нем приводятся портрет, творческая биография писателя, отрывки из его произведений разных лет, объединенные цитатой: «Жить не по лжи».

Российско-египетские литературные связи имеют значительный потенциал развития в общих рамках российско-арабского культурного взаимодействия.

Охват Д. Ю. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)

Поэма Анг Дуонга «Какэй» и ее характерные особенности

Поэма «Какэй», написанная в 1815 г., занимает особое место в литературе и культуре Камбоджи. Автор этого популярного произведения — король Анг Дуонг (1796–1860 гг.), который был правителем Камбоджи с 1841 по 1860 гг. Более двадцати лет своей жизни Анг Дуонг провел в Таиланде. Именно там он всерьез увлекся литературой. Первыми шагами будущего короля Камбоджи на литературном поприще стали переводы на тайский язык нескольких кхмерских сказок. Стоит также отметить, что «Какэй» — не единственное произведения авторства Анг Дуонга.

«Какэй» — рассказ о неверной жене и постигшем ее наказании. Сюжет поэмы основан на популярном тайском произведении «Каки» Тьяупхрая Пхракхланга. В свою очередь, автор тайской поэмы заимствовал сюжет из джатаки о неверной жене Какати (джатака № 327 «Какати»). Сам Анг Дуонг неоднократно говорил о том, что при написании поэмы «Какэй» вдохновлялся именно джатакой «Какати». Однако тайская поэма и упомянутая выше джатака имеют некоторые сюжетные различия, самым показательным из которых можно назвать финальную часть произведения. «Какати» заканчивается разоблачением главной героини, в отличие от тайской поэмы, где неверную жену царя в качестве наказания отправляют на плоту в открытое море. Именно такой вариант финала использует Анг Дуонг в своем произведении. Таким образом можно сделать вывод о том, что сюжет «Какэй» восходит в первую очередь к тайской поэме «Каки». Поэма Анг Дуонга написана достаточно простым, но образным языком, а драматизм повествования (в сравнении с джатакой и тайской поэмой) усилен автором. Именно язык поэмы сделал ее доступной для широких слоев населения, а образность и черты реализма способствовали тому, что «Какэй» стала очень популярна в Камбодже.

Одной из характерных особенностей «Какэй» является дидактизм, и, как следствие, усиленная авторская интенция. По ходу развития сюжета автор комментирует поступки героев и их образы, формально подтверждая дидактический характер произведения. Основная дидактическая нагрузка вынесена в финал поэмы, что соответствует традиционной структуре джатаки.

Как уже было сказано выше, поэма «Какэй» очень популярна в Камбодже. Образы героев произведения Анг Дуонга описаны очень ярко и образно, их характеры не так статичны, как характеры героев одноименных джатаки и тайской поэмы. Части произведения, посвященные прекрасному королевскому дворцу, отсылают читателя к величественным памятникам Ангкор Вата. Эти красочные описания дворца царя Промотота можно рассматривать не только как экфрасис, но и как традиционный для кхмерской литературы образ-символ. Здесь важно отметить, что кхмерские авторы (как средневековые, так и современные) крайне редко создают обобщающие символы, индивидуальные для конкретного произведения. Писатели традиционно используют образы-символы, основанные на кхмерской культурной традиции. Эти символы основаны на разнообразных устойчивых ассоциациях, понятных любому читателю. Кроме того, символизация такого типа усиливает романтическое начало художественного произведения.

За два столетия, прошедшие с момента написания «Какэй», по мотивам поэмы написано множество стихотворений и песен, снято несколько фильмов. Существуют даже адаптированные издания для детей. А сама главная героиня произведения — жена царя Промотота Какэй — стала устойчивым для кхмерской культуры символом. Современные авторы часто используют ее имя для того, чтобы охарактеризовать героинь своих произведений.

Погосян Н. А. (ЕГУ, Ереван)

Проблема «неуслышанности женщин» в романе турецкой писательницы Серай Шахинер «Антабус»¹

Трудно переоценить роль авторов-женщин в турецкой прозе XX в. Произведения Халиде Эдип Адывар, Севги Сосял, Адалет Агаоглу и многих других писательниц, обращавшихся к злободневным национальным, политическим, социальным вопросам своего времени, входят в золотой фонд не только турецкой, но и всемирной литературы².

Конец XX и начало XXI вв. ознаменовались выходом на литературную арену таких писательниц, как Элиф Шафак, Джанан Тан, Айше Кулин, Айпер Тунч, Серай Шахинер, принесших с собой новое осмысление ряда важных и проблемных для турецкого общества тем, таких как гендерное неравенство,

---

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Комитета по науке РА в рамках научного проекта № 19YR-5104.

² Tüzün İ, Edebiyatımızda Tanzimattan Günümüzünde kadın yazarlar-1// Düşlük. 2001, N5–6, s. 10–12; Tüzün İ, Edebiyatımızda Tanzimattan Günümüzünde kadın yazarlar-2// Düşlük. 2001, N 7, s. 29–31.

нарушение прав женщин, домашнее насилие. Как отмечает Л. В. Софронова, “причины духовного кризиса женщины Турции в XXI в. не связаны напрямую с социально-политическими событиями последних лет, однако опосредованно вызванные ими перемены в повседневной жизни семьи породили конфликт традиционных представлений о гендерном предназначении женщины, ее роли в семье и новых моделей поведения, обусловленных современным укладом городской жизни. Именно эти явления, рожденные изменением традиционного положения женщины в семье и ее новым статусом, нашли отражение в женской прозе последних десятилетий”¹.

Цель настоящего доклада — представить отражение гендерной проблематики в романе молодой писательницы Серай Шахинер «Антабус»².

Лауреат литературной премии им. Орхана Кемаля³, С. Шахинер — автор нескольких сборников рассказов и романов. Ее произведения — истории очень разных, но вместе с тем во многом схожих судеб обычных турчанок. Как отметила в одном из интервью С. Шахинер, многие сюжеты ее произведений основаны на историях, которые она слышала еще ребенком в разговорах взрослых дома и на работе у своей матери⁴.

«Антабус» — роман о судьбе молодой женщины Лейлы, вынужденной терпеть физическое и психологическое насилие сначала со стороны отца и братьев, а после замужества — и со стороны супруга. История, представленная в виде длинных внутренних монологов, раскрывает все витки бесконечного «травматического опыта» героини.

На основе контент-анализа мы представим социальные темы, затронутые писательницей в романе. Это выборочные аборт и восприятие рождения дочери как «несчастья», это отсутствие у многих девочек возможности получить образование, и, как следствие, последующая полная их зависимость от решений отца, брата, мужа, это распространенная практика выдачи девочек замуж без их согласия. Отмечая, что многие женщины смиренно принимают свою участь, С. Шахинер в качестве главной проблемы выделяет «неуслышанность» жертв домашнего насилия, безразличие к их страданиям общества, для которого важны лишь внешние проявления благочестивости и соблюдение традиций. Невозможность поделиться с кем-либо личными проблемами, рас-

¹ Софронова Л. В. Проблематика турецкой женской прозы начала XXI века: гендерный аспект // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. Т. 158, кн. 1. 2016, с. 256–270., с. 253.

² Şahiner S, Antabus. İstanbul. 2019.

³ 47. Orhan Kemal Roman Armağanı' ödülü Yazar Seray Şahiner'e verildi, <https://www.evrensel.net/haber/353913/47-orhan-kemal-roman-armagani-odulu-yazar-seray-sahinere-verildi>, (дата обращения -27.01.2020).

⁴ Seray Şahiner'den salonda hanımefendi, mutfakta aşçı, bienalde küratör, sokakta serseri kadınlara, <https://egoistokur.com/salonda-hanimefendi-mutfakta-asci-bienalde-kurator-kadinlar/> (дата обращения: 27.01.2020).

сказать о своих переживаниях, быть услышанной становится губительной для героини Шахинер и приводит ее к самоубийству.

Таким образом, роман «Антабус», являясь своеобразным индикатором гендерных проблем современного турецкого общества, дает возможность получить достаточно полную картину жизни «неуслышанных» женщин.

Рейснер М. Л. (ИСАА МГУ, Москва)

Страница из жизни вечного сюжета: «маленькая поэма» Велимира Хлебникова «Мадлум и Лейли» (1910)

Востоком в творчестве Велимира Хлебникова (1885–1922) серьезно занимаются достаточно давно: в 60–70 гг. XX в. в отечественной науке появились работы, в том числе монографии, посвященные этой теме. Однако все они написаны специалистами по истории русской литературы. Основным контекстом рассмотрения темы ориентализма в творчестве Хлебникова оставалась русская поэзия, в которой, начиная с пушкинской эпохи и вплоть до Серебряного века, не ослабевал художественный интерес к Востоку. Специальность востоковеда-ираниста и медиевиста побудила меня взглянуть на «маленькую поэму» Хлебникова «Мадлум и Лейли» (1910) с другой точки зрения. В исследованиях, с которыми мне удалось ознакомиться, в самом общем виде отмечается, что в этом первом ориентальном произведении русского поэта начала XX в. отразилось его знакомство с сюжетом поэмы «Лейли и Маджнун» Низами (XII в.). По предположению исследователей, непосредственное знакомство Хлебникова с поэзией Востока произошло во время его поездки на Каспийское побережье в 1909 г.

В последние десятилетие я посвятила ряд работ проблемам развития любовно-романического эпоса в персидской классической литературе XI–XV вв., анализу процесса накопления постоянных признаков, своего рода маркеров, которые сделали этот жанр безошибочно узнаваемым независимо от широкого спектра авторских интерпретаций. В тексте поэмы «Мадлум и Лейли», созданной русским поэтом эпохи модерна под впечатлением от старого предания о вечной любви, меня заинтересовал вопрос сохранности этого устойчивого набора жанровых маркеров. Естественно, что в тех источниках, с которыми мог ознакомиться поэт, находясь на побережье Каспия, на границе Дагестана и Азербайджана, жанровые составляющие истории несчастных влюбленных, пришедшей с арабского Востока, могли законсервироваться с эпохи Средневековья и воспроизводиться по традиции. Однако это не означало полного совпадения доступной Хлебникову версии предания с сюжетной канвой поэмы Низами, с одной стороны, и перенесения в неизменном виде ее специ-

фических черт в текст поэмы — с другой. Известно, что после Низами сюжет обрабатывался неоднократно, причем не только в персидской, но и в других литературах Среднего Востока, Средней и Центральной Азии, Кавказа и Северо-западной Индии. Хождение имели и устные версии этой популярной истории любви. Скорее всего, поэт получил доступ именно к местным вариантам предания о Маджнуне и Лейли, носителями которой в Азербайджане могли быть курды. На это указывает начало поэмы, где говорится о месте рождения героев-влюбленных.

В данной работе основное внимание будет уделено не самой истории, и даже не разным вариантам изложения известного сюжета, а тем устойчивым сюжетным структурам и мотивам, которые были общими для всех образцов жанра любовно-романической поэмы, и которые актуализированы в произведении Хлебникова. Так что основной вопрос будет таким: что же осталось в поэме «Медлум и Лейли» от вечного сюжета и как мы можем интерпретировать роль этих компонентов в истории, рассказанной русским поэтом в начале XX века? Предвосхищая анализ художественной ткани поэмы в сопоставлении в устойчивыми жанровыми компонентами средневекового любовно-романического эпоса, хочется отметить, что русский поэт подпал под обаяние старого восточного предания. При всей экстравагантности словесной формы, которую авангардист Хлебников придал ее изложению, он сохранил дух средневековых поэм о вечной и бессмертной любви. Среди постоянных слагаемых любовно-романической поэмы в центре внимания будут те, которые легко вычлениются в тексте поэмы «Медлум и Лейли»: 1) ссылка на предание при выборе сюжета; 2) любовь-страдание как ключевая тема истории; 3) вражда семей как основная причина конфликта; 4) безгрешность любви, непорочность героев; 5) вечность любви — «любовь побеждает смерть».

Репенкова М. М. (ИСАА МГУ, Москва)

Художественная структура романа Хакана Гюндая «Кинйас и Кайра» (2000)

Дебютный роман начинающего турецкого писателя Х. Гюндая (род.1976) «Кинрос и Кайра» (Kinros ve Kaıra, 2000), вызвавший положительные отклики национальной критики, заложил основы многих художественных начинаний, которые впоследствии были развиты в романистике данного автора. Композиционно роман, представляющий собой дневниковые записи двух героев, распадается на три части. В первой части «Кинйас, Кайра и жизнь» о своей жизни по очереди пишут два главных героя 29-летние Кинйас и Кайра — убийцы, зани-

мающиеся восемь лет контрабандой наркотиков в западной Африке. Их образы полностью асоциальных личностей открывают целую галерею подобных героев в последующем романном творчестве писателя: «Сарган» (Zargana, 2002), «Выродок» (Piç, 2003), «Увольнение со службы. Жизнь, проходящая между гениальностью и сумасшествием» (Azil, Deha Ve Delilik Arasında Seyreden Bir Hayat, 2007), «Вред» (Ziyan, 2009), «Мало» (Az, 2011), «Снег покрыл следы» (Kar İzleri Örttü, 2012), «Еще» (Daha, 2013).

Жизнь вне человеческих законов делает двух турок с придуманными ими же именами настоящими монстрами, безжалостно убивающими самих себя и всех, кто находится рядом. В Кот-д'Ивуаре (Берег Слоновой Кости) они продают огромную партию кокаина бельгийскому дипломату и с полученными деньгами бегут нелегально, в трюме корабля в Мексику. В Мексике убивают и грабят американского гражданина, знакомятся с начинающим писателем из Турции Хаканом Гюндаем и возвращаются на самолете в Турцию. В Турции бродят по Стамбулу и Анкаре с поддельными французскими паспортами, размышляя о новом возвращении в Африку. Однако внезапно из отеля, где они живут, уходит Кинйас. Он просит друга его не искать.

Вторая часть романа «Путь Кайры» — это записи Кайры. Они посвящены тому, как он возвращается в Западную Африку, грабит и убивает людей (как незнакомых, так и своих же сообщников), входит в столкновение с крупнейшей в Африке бандитской группировкой во главе с Самуэлем Пиноу, у которого крадет два грузовика с оружием. Наконец, договаривается с бандитами, возвращает им оружие, за убийство друга Амидоу Али — мусульманина с американским паспортом — получает огромную сумму долларов и уезжает в Гамбию. Там он покупает дом, нанимает девушку-служанку и начинает готовиться к «смерти рассудка», заперев себя в темной комнате большого дома. Путь Кайры — это путь к смерти. Он намеренно отказывается от жизни и хочет умереть, не принимая еды и не общаясь с другими людьми. В конце этой части романа он через своего приятеля в Абиджане получает записи Кинйаса, которые собирается объединить со своими записями и отправить молодому писателю Хакану Гюндаю в Турцию. Таким образом, получается, что книга о двух друзьях — это опубликованные турецким писателем их дневниковые записи.

Третья часть романа «Путь Кинйаса» — это записи Кинйаса. В них выясняется, что его настоящее имя Толга, что он возвращается в родительский дом в Анкаре и выбирает для себя жизнь добропорядочного гражданина. Он стремится освободиться от бандитского прошлого, восстанавливает документы, получает освобождение от армии, начинает лечиться от вируса ВИЧ, которым заразился в Мексике, собирается жениться. Жизнь Кинйаса/Толги коренным образом меняется. Он помогает освободиться от наркотической зависимости приятелю детства и своему нынешнему начальнику Салиху.

Он хочет создать центр по реабилитации наркозависимых. Когда Толга психологически полностью освобождается от сидящего в нем самом Кинйаса, он перестает писать и отправляет свои записи в Африку к Кайре, чтобы тот, прочитав дневник друга, спасся от смерти и от своего прошлого.

В структурном отношении дневниковые записи двух друзей обладают сложной внутренней динамикой. При отсутствии в романе цельного сюжета калейдоскоп событий их бурной жизни двигают размышления о смысле жизни, о Боге, о политических катаклизмах на африканском континенте, в Мексике и в Турции. Из этих размышлений становится ясно, что каждый из двоих стремится к своему счастью: у Кайры счастье заключается в смерти, у Кинйаса — в жизни. По сути оба героя представляют собой одного противоречивого человека, в котором борются противоположные сущности. Как бы далеко Кинйас и Кайра не находились друг от друга, они являются единым целым, не мыслящим себя без другого. Раздробленность человеческого сознания становится основной проблемой всего романного творчества Х. Гюндая. Герои Х. Гюндая скрывают свои «раздробленные» сущности, прячутся под чужими именами, выдают себя за других. Всплеск эмоций у них проявляется, как правило, в агрессивных действиях.

Руденко Н. В. (ИВ РАН, Москва)

Гипертекстуальность или интертекстуальность? Аллюзии в китайских философских текстах (на примере эссе Ли Чжи)

Философские эссе «Книги для сожжения» («Фэнь-шу» 焚書) Ли Чжи (李贄, 1527–1602), одного из самых оригинальных мыслителей эпохи Мин, помимо яркой полемичности и богатого идейного содержания, отличаются также обилием аллюзий к философской классике — прежде всего «Четверокнижию» и «Пятиканонию». Обнаружить их — задача порою сложная, однако и это лишь половина дела: еще более важной (и при этом практически не разработанной) является проблема их корректной интерпретации.

В центре внимания настоящего исследования находятся отношения между текстом, содержащим отсылку (условно назовем его «текст А»), и текстом, к которому дается отсылка («текст В»): отношения, которые можно охарактеризовать как интертекстуальность либо гипертекстуальность. Первое предполагает отсылку к тексту В как к внешнему тексту, то есть между текстом А и текстом В существует четкая граница; второе — «слияние» текста А с текстом В, формирование надуровня текста, на котором меняется содержание и текста А, и текста В в зависимости друг от друга. На практике, однако, различить их бывает непросто.

Согласно наблюдениям автора, в проанализированных эссе при гипертекстуальных отсылках текст А выступает одновременно в качестве дополняющего и модифицирующего текст В, а текст В — в качестве задающего контекстуальное пространство для текста А. Сравнить это можно с литературным феноменом фан-фикшн — сочинений, созданных поклонниками того или иного произведения по его мотивам: так, художественные вселенные (серия книг «Гарри Поттер», киноэпопея «Звездные войны» и т. п.) выступают в качестве контекстуального пространства для авторских произведений, а последние, в свою очередь, вносят нечто новое в уже известную канву оригинальной вселенной, в той или иной степени модифицируя ее содержание.

К примеру, в «Суждениях о вооружении и пище» («Бин-ши лунь» 兵食論) говорится о том, как люди, создав оружие, «прогнали тигров и барсов, носорогов и слонов, удалив их прочь»¹. Это отсылает читателя к конфуцианскому «[Трактату] Учителя Мэна» («Мэн-цзы» 孟子), повествующем, в частности, о подвигах древнего сановника Чжоу-гуна, который также «прогнал тигров и барсов, носорогов и слонов, удалив их прочь», чем принес «великую радость Поднебесной»². Таким образом, изобретение оружия в нарративе Ли Чжи вписывается во вселенную канонических текстов и обретает конкретную историческую привязку; а подвиги Чжоу-гуна и ликование Поднебесной, в свою очередь, связываются с изобретением человечеством оружия.

В случае же интертекстуальных отсылок текст А обращается к тексту В либо для апелляции к авторитету текста В в целях подкрепления собственного тезиса, либо, напротив, для критики текста В собственным тезисом — и в том и в другом случае отделенность текста А от текста В, непринадлежность их к единой художественно-философской вселенной очевидна. Подобные отсылки также нередки в эссе Ли Чжи — в тех же «Суждениях о вооружении и пище» к ним принадлежат отрицание утверждений Мэн-цзы и апелляции к высказываниям Конфуция в качестве аргумента.

Представляется, что различение гипертекстуальных и интертекстуальных отсылок позволит более корректно реконструировать идейное содержание китайских философских текстов и в перспективе расширить наши представления о роли аллюзий в них.

¹ Чжан Цзянь-е 张建业 (ред.). Ли Чжи цюань цзи чжу 李贽全集注 (Полное комментированное собрание сочинений Ли Чжи). В 26 т. Т. I: Фэнь-шу (и) 焚书 (一) («Книга для сожжения» (1)). Пекин: Шэхуй кэсюэ вэньсянь чубаньшэ 社会科学文献出版社, 2010. С. 265.

² Пер. И. И. Семененко с незначительными изменениями. См.: Мэн-цзы в новом переводе с классическими комментариями Чжао Ци и Чжу Си / исслед., пер. с кит., примеч. и прил. И. И. Семененко. М.: Восточная литература, 2016. С. 425.

Суворов М. Н. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)

Творчество йеменских романисток в первом двадцатилетии XXI в.

Хотя жанр романа появился в литературе Йемена в 1970-е гг., первые образцы этого жанра, написанные йеменской женщиной, увидели свет лишь на рубеже XX-XXI вв. Речь идет о романах Азизы Абдаллах «Ахлям, Набиля» (1997), «Она доверилась факиху» (Арканаха ал-факих, 1998), «Образ Вилайи» (Тайф Вилайа, б.г.) и «Обвинение в верности» (Тухмат ал-вафа', 2002). Написанные в наивно-просветительской манере, эти романы представляют собой своего рода «мыльные оперы», в которых излагаются характерные для Йемена семейные истории с акцентом на женские судьбы.

Совершенно иным в стилистическом отношении стал первый роман известной поэтессы-модернистки Набили аз-Зубейр «Это мое тело» (Иннаху джасади, 2000), представляющий собой сочетание потока сознания и внутреннего монолога молодой женщины, страдающей от психического расстройства, вызванного тяжелыми жизненными обстоятельствами. Ощущение зыбкости, размытости границы между бредом героини и реалиями ее жизни создается в романе, помимо всего прочего, благодаря особому, насыщенному метафорами языку повествования. Второй роман писательницы «Туфли для Аиши» (Заудж хиза' ли-'А'иша, 2012), написанный в более реалистической манере, посвящен жизни йеменских представительниц древнейшей профессии, численность которых в стране существенно возросла в 1990-е гг. из-за общего роста бедности.

Молодая писательница Хинд Хейсам свой первый роман «Древесная война» (Харб ал-хашаб, 2003), написанный в манере, близкой к документальной, посвятила «мужской» теме — кровному конфликту между двумя племенными кланами в йеменской провинции. Второй ее роман «Близость и отчуждение» (ал-Унс ва-л-вахша, 2006) можно отнести к постмодернистскому направлению: это детективно-шпионская история, герои которой — известные личности времен арабского Халифата, имеющие в романе «марионеточный» облик, — живут в пародийной копии сегодняшнего мира, куда они принесли с собой выдуманные писательницей тайны и интриги средневековья.

Романы «Всего лишь любовь» (Хубб лайса илла, 2006), «Покорные жены» ('Акилат, 2009) и «Моя Сана» (Сан'а'и, 2013) Надии ал-Каукабани, творчеству которой присуще сочетание художественного и публицистического стилей, посвящены по большей части женским судьбам. Эти судьбы рассматриваются писательницей в широком контексте культурных, экономических и социально-политических проблем современного Йемена, уходящих своими корнями в прошлое страны.

Социально-политические условия жизни в современном Йемене становятся причиной жизненного краха трех главных героев — двух мужчин и женщины — в романе Бушры ал-Мактари «Куда глаза глядят» (Халфа-шшамс, 2012), стиль которого отличается глубоким психологизмом.

Особый психологизм присущ и роману Ханан ал-Вади'и «Электронные печали» (Ахзан иликтруниййа, 2013), посвященному проблеме выражения человеческих чувств в информационную эпоху, когда реальный и виртуальный миры оказываются тесно переплетенными.

Характерная для йеменской литературы история трагической любви, разворачивающаяся в условиях культурной архаики йеменского общества, составила сюжет первого романа Нады Ша'лян «Испепеленная» (Рамад унса, 2010). Во втором романе писательницы, «Колодец Зейнаб» (Би'р Зайнаб, 2015), тема социальной архаики и женского бесправия сочетается с темой общего разочарования результатами йеменской революции 2011 года.

Трудной женской судьбе посвящен роман Наджат Бахакиим «История Джу-хейны» (Ривайат Джухайна, 2013), который, как и романы Азизы Абдаллах, можно назвать «мыльной оперой»; основная идея романа заключается в воспевании силы личности женщины, ее самостоятельности и независимости.

Таким образом, женское романное творчество в Йемене, которое является новым для национальной литературы явлением, демонстрирует очень широкий спектр авторских подходов, стилей и затрагиваемых авторами тем, что свидетельствует о «наложении» разных стадийальных этапов развития литературы, характерном для так называемых «догоняющих» (или «заимствующих») литератур¹.

Тойгильдина Е. С. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)

Особенности перевода на кхмерский язык повести А. С. Пушкина «Выстрел»

Произведения А. С. Пушкина переведены на множество языков, и кхмерский не стал исключением. В 1990 г. издательством «Радуга» был издан сборник «А. С. Пушкин, Сборник избранных рассказов», в который вошло несколько произведений А. С. Пушкина, переведенных на кхмерский, такие как повести «Выстрел», «Метель», «Станционный смотритель» и «Пиковая дама». Кроме того, в нем приведена достаточно подробная биографическая справка, в которой высоко оценивается вклад поэта в русскую литературу.

---

¹ Об этом см.: Суворов М. Н. Художественная проза Йемена (к проблеме ускоренного развития литератур стран Аравии). Автореферат дисс. ... доктора филол. наук. СПб, 2011.

Проанализировав перевод повести «Выстрел», мы выявили некоторые его особенности. С формальной стороны перевод произведения в точности совпадает с оригиналом: он также начинается двумя эпитафиями и состоит из двух частей; все предложения, реплики героев, авторские вставки А. С. Пушкина сохранены. Необходимо отметить, что переводчик в первую очередь стремился передать смысл произведения, и поэтому использовал синтаксические и грамматические конструкции кхмерского языка, а не копировал русские.

Особое внимание необходимо уделить безэквивалентной лексике. В соответствии с определением, безэквивалентная лексика представляет собой лексические единицы языка, которые не имеют соответствующего эквивалента среди лексических единиц другого языка¹. Переводчик повести искусно использовал разные подходы для ее передачи. Он адаптировал текст, сделал его понятным для кхмерского читателя. К тому же, переводчик использовал прием локализации при переводе некоторых лексических единиц повести. Под термином локализация обычно подразумевают перевод и культурную адаптацию текста к особенностям определенной страны, региона, группе людей. В некоторых случаях локализация действительно необходима, т.к. при дословном переводе передать значение лексических единиц исходного языка не удастся². Кроме того, переводчик использовал характерную для кхмерского языка систему местоимений, с помощью которой он показал взаимоотношения героев. Переводной текст он снабдил комментариями, которые также облегчают понимание текста.

Улангина А. О. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)

Исследование иммигрантского опыта в романе Изз ад-Дина Фишира «Объятия у Бруклинского моста»

История арабской диаспоры в США насчитывает уже больше ста лет: начиная с конца XIX в., продолжающиеся конфликты на Ближнем Востоке и нестабильное экономическое положение вынуждают людей искать временное или постоянное убежище за пределами региона, в том числе в Америке. Актуальная для всех иммигрантов тема национальной самоидентификации и адаптации в чужой культуре стала одной из ключевых для арабских писателей, которые отразили соответствующий опыт в своих произведениях, написанных как на

¹ Бархударов Л. С. Язык и перевод, М.: Международные отношения, 1975. С. 96–106.

² Комиссаров В. Н. Теория перевода (лингвистические аспекты), М.: Высш. шк., 1990. 253 с.

английском, так и на арабском языках. Этой теме посвящены такие романы как «Бруклин Хайтс» (2010) Мираль аль-Тахави, «Чикагская трилогия» (2008) Махмуда Саида, «Багдад — Нью-Йорк» (2017) Нихад Абд, «Объятия у Бруклинского моста» (2011) Изз ад-Дина Фишира.

Изз ад-Дин Шукри Фишир — бывший египетский дипломат, работавший в посольстве в Израиле и принимавший участие в качестве политического советника в ряде операций ООН, в частности, во время второй палестинской интифады и кризиса в Дарфуре. С 2007 г. Изз ад-Дин преподавал политологию в Американском университете в Каире, а с 2016 г. — преподает ее в Дартмутском колледже (США).

Научная деятельность и карьера Фишера нашли отражение в его творчестве: на данный момент он опубликовал семь романов на арабском языке, в каждом из которых отражены события новейшей истории. Герои романа «Отделение интенсивной терапии» (Гурфат аль-‘инайа аль-муракказа, 2008) в результате террористического акта оказались погребенными под развалинами египетского консульства в Хартуме и ждут спасения. Роман «Выход» (Баб аль-хурудж, 2012) посвящен судьбе активного участника египетской революции 2011 г., а роман «Писания фараонов» (Асфар аль-фара‘ин, 1999) представляет собой антиутопическую попытку взглянуть на будущее Египта, где царят экологические катастрофы, эпидемии, социальный упадок и массовая нищета. В этом контексте представляется естественным обращение автора к теме эмиграции — крайне актуальной для арабского мира.

Роман «Объятия у Бруклинского моста» (‘Инак ‘инда джиср Бруклин) был номинирован на премию «Арабский букер» в 2012 г. и впоследствии переведен на английский язык.

Ключевой персонаж романа, профессор Дарвиш, приглашает гостей на день рождения своей внучки Сальмы, которая прилетела в Нью-Йорк из Египта. Текст разбит на восемь частей, каждая из которых посвящена новому персонажу: первая глава — о самом профессоре, последняя — о его внучке, остальные шесть — это истории гостей, его родственников и знакомых. Весь роман — это ожидание и подготовка к ключевому событию, празднованию дня рождения Сальмы, которое в романе так и не наступает: все истории заканчиваются до восьми часов — времени, к которому профессор Дарвиш ожидает гостей.

Восемь историй — это восемь портретов людей, пытающихся найти баланс между двумя культурами и свое место в чужом обществе. Это очень разные, детально выписанные личности; у каждого имеются свои проблемы, достоинства и недостатки, свой опыт жизни вдали от родины. Именно попытка собрать, сопоставить и противопоставить различные взгляды на иммиграцию и самоидентификацию выделяет «Объятия у Бруклинского моста» среди других романов, посвященных жизни иммигрантов.

Успенская Н. А. (МГИМО, Москва)

Тайна национального своеобразия в произведениях современных арабских писателей

Национальное своеобразие, менталитет народа, национальный характер всегда имели большое значение для философов, литераторов, политиков. Особое место в осмыслении национального характера принадлежит трудам А. И. Герцена, Н. С. Трубецкого, В. Г. Белинского, И. А. Ильина, Н. М. Карамзина. Каждый народ — живая развивающаяся система, которая является составной частью человечества.

Особенность каждого народа отражается в его литературе. Современные арабские писатели ставили своей задачей создать образ национального героя в повседневной жизни, которую они рисовали подробно и достоверно. Тайна национального характера заключается во многих чертах. Мне хотелось коснуться таких факторов как религия, культура, язык, которые являются основополагающими в формировании духовного облика народа и с помощью произведений Юсуфа Идриса, Яхьи Хакки, Гамаля аль-Гитани и некоторых других авторов проследить развитие образа национального героя.

Говоря о психологии национального героя, можно отметить такую важную ее черту, как юмор, умение подмечать комические стороны в повседневной жизни. Тонким юмором окрашены произведения Яхьи Хакки, Тауфика аль-Хакима, Юсуфа Идриса, Бахи Тахера, примеры из которых будут приведены в докладе.

При этом народ — это не однородная масса, он внутри разнороден, и менталитет его представителей может меняться в зависимости от изменения социально-экономических, политических и других условий. Учитывая этот факт, следует, конечно, сказать отдельно о феллахх и городских жителях. Многие авторы писали о египетской деревне. Среди них Юсуф Идрис, Альфред Фарраг, Ихсан Абдель Куддус.

Отдельно стоит говорить о городских жителях в условиях современной урбанизации. Египет, например, всегда отличался тяжелым бюрократическим аппаратом. И быть чиновником в этой стране считается очень престижно. Эта черта отразилась, например, в произведениях Юсуфа ас-Сибай, Юсуфа Идриса и многих других.

В национальном характере большое значение имеет быт, который, по мнению Трубецкого, определяет образ жизни индивида и вдохновляет создателя культурных ценностей на творчество. Бытописание было одной из характерных черт современных арабских писателей, таких как Яхья Хакки и Юсуф Идрис, примеры из произведений которых наглядно это доказывают.

По мнению Герцена, национальная кухня является источником многих специфических черт народа. В современной арабской литературе можно найти массу примеров описания трапезы как крестьян, так и городских жителей.

Существует еще один источник, с помощью которого можно определить черты национального характера. Масса произведений была написана под влиянием известных западных и русских писателей. Часто арабские авторы брали у них сюжет, тему, иногда героя или героиню. Но были черты, которые не могли быть переняты именно в силу национальной специфики и традиций. Это можно, например, продемонстрировать на примере повести Куддуса «Черные очки» и фильма «Завтрак у Тиффани», снятому по одноименной повести Трумена Капоте, и таких романов как «Писатель Ибрагим» Ибрагима аль-Мазини и «Санин» Арцыбашева.

Изучение национального своеобразия всегда было актуальным, и литература при этом становится одним из главных источников.

Фролова М. В. (ИСАА МГУ, Москва)

***Femme Fatale* в индонезийском нуаре «Мира, Ночная тигрица»**

Доклад посвящен неизученному в индонезистике «криминальному чтиву» «Мира, Ночная тигрица» (*Mira, Harimau Malam*) малоизвестного автора Триче Катамси (*Trietje Katamsi*). Год издания на обложке отсутствует, но по старой дореформенной орфографии и косвенным признакам (рекламным текстам на обороте титула, иллюстрациям, стоимости в 5 индонезийских рупий и т.д.) можно сделать вывод, что книга вышла до 1972 г. Типография указана — *Casso Medan*, что скорее всего означает, что книга вышла в городе Медан провинции Северная Суматра. Карманное издание содержит заметку от автора («все происходящее в этой небольшой книге лишь плод воображения писателя»). Повествование состоит из четырех глав с названиями «Тигрица из Кемайорана», «Палачи за бесценнок», «Мою девушку похитили», «Я отправлю тебя в ад». Названия соответствуют стилистике «грошового романа» (*novel picisan*), которые были популярны в начале XX в. и долгое время не становились объектами серьезных исследований.

Главная антигероиня повествования — *ньяи* Мира, наложница чиновника-голландца господина фан Хааресена, который вернулся в Нидерланды, а ее с собой не взял. Мира связана с криминальным миром Джакарты (не Батавии, что диссонирует по предполагаемому времени действия до независимости, так как она туземная жена *ньяи*). На деньги господина фан Хааресена Мира

открывает бордель, замаскированный под ресторан «Хобби». Похищенные бандитами девушки работают на нее.

Используются клишированные описания и устойчивые метафоры, характерные для низких жанров криминальной новеллы: Мира — королева в этом бандитском мире; она восседает на своем «львином престоле» (*korsi singgasana*). Троп классической/традиционной литературы теряет статус при транспозиции в низкий жанр. Атмосферу «бандитской романтики» дополняют штампованные описания, например, «роковой ночи»: «Ее Величество Луна украсила лазурный небосвод своим роскошеством. Желтый словно золото лунный свет освещал все вокруг, добавляя красоты пейзажу. Звезды мерцали россыпью алмазов».

Сюжет строится на частной истории падения порядочной девушки Тьен, которую нашел в борделе Миры Дибьйо, ее любовник, искавший Тьен «от Восточной Явы до Западной». Мира влюбляется в Дибьйо и ревнует его к Тьен. Дибьйо доложил полиции о том, о чем не печатают в прессе: массовые похищения девушек в Джакарте. Сообщает, что его невеста в плену, и инспектор обещает помощь. В финале криминальной новеллы вмешивается божественное провидение — «кажется, Господь воздал за грехи» (*rupanya pembalasan Tuhan pun tiba*) — Мира случайно выпала из окна.

Противопоставлены два архетипических женских образа: *femme fatale* (Мира) и «дева в беде» (Тьен). Сохраняется устойчивость акцента на порочности Миры, но вместо европейского тропа «женщина-вамп» (редукция образа вампира), индонезийский автор замещает его более знакомым для региона образом тигра. «Ночная тигрица» Мира — воплощение сил хаоса, представленного в виде ее криминального круга. «Ресторан „Хобби“ — это работа развратников, которые потакают своим страстям (*hawa nafsu*) в этом заведении». Часто встречающаяся лексема *nafsu* («страсть») аккумулирует «звериное» начало в Мире. Уничтожение однозначно отрицательного образа «тигрицы» в финале синонимично характерной для «бульварной» литературы прямолинейной морали в конце о том, как зло обязательно будет наказано Всевышним. Погибшая в криминальных разборках Мира из хищницы становится жертвой, что также характерно для архетипа *femme fatale*.

Хана Яфия Юсиф Джамиль (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)

Современные иракские поверья и приметы

Попытки человека объяснить явления окружающего мира, а также каким-либо образом повлиять на них стали причиной появления различных поверий и примет. Как отмечает С. А. Токарев, вера в приметы представляет собой один из древнейших компонентов календарной обрядности, которая универсальна

и присуща всем народам.¹ Большая часть народных суеверий, в настоящее время существующих на территории Ирака, восходит к доисламской эпохе. Распространение ислама заметно сократило их количество, но не привело к полному исчезновению.

Постепенно приметы и поверья начали адаптироваться к новым условиям, первоначально взаимодействуя с представлениями ислама, а впоследствии став его частью. Например, в Коране и в хадисах встречается утверждение о том, что правое лучше, чем левое, а нечетное число лучше четного.

Существует несколько структур построения поверья или приметы. Как правило, они соответствуют схеме «если делать что-то, произойдет что-то». Современные этнографы выделяют три основных вида суеверий: 1) я сделал что-то, значит, произойдет нечто плохое; 2) я сделал что-то, произойдет нечто хорошее; 3) случилось нечто, значит, произойдет нечто (хорошее/ плохое).

В основном поверья и приметы касаются определенных сфер жизни человека — здоровья, семьи, исполнения желаний и пр.

Благодаря торговым связям, а также миграциям и войнам происходил процесс обмена и ассимиляции культурных традиций, поэтому на сегодняшний день в Ираке можно зафиксировать как исконно арабские, так и заимствованные поверья и приметы.

Среди наиболее распространенных поверий следует выделить: поверья, связанные с домашней утварью, поверья, связанные с пищей, приметы, связанные с животными и птицами, приметы, связанные с действиями человека, приметы, связанные с восприятием цвета.

Кроме того, к особой категории суеверий относится вера в сглаз и талисманы. Так, среди жителей Ирака распространена вера в существование «дурного» глаза. Деревенские жители часто используют обереги от сглаза, которые вешают на одежду. Обычно подобный талисман представляет собой мешочек из черной кожи, в который вкладывается лист бумаги с кораническими надписями, сделанными духовным лицом. Талисманом также может служить украшенный золотом волчий зуб или кусочек бирюзы, в котором просверливают семь дырок. Детям талисманы вшивают в головной убор.

Широко распространены в Ираке различные гадания. Самый популярный вид — гадание на кофейной гуще. Однако существуют и исконно иракские способы предсказания будущего.

Наука всегда выступает против поверий и примет, однако традиционное мышление человека, как правило, стремится к сохранению опыта поколений. Народные поверья и приметы привлекают внимание исследователей, прежде всего, как особый пласт народной культуры и одно из интересных явлений фольклора.

---

¹ Токарев С. А. Приметы и гадания // Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы. Исторические корни и развитие обычаев. М., 1983. С. 55–67.

Хронопуло Л. Ю. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)
Декаданс в японской литературе XX в.

После Второй мировой войны японская литература продолжала развиваться в новых условиях. Идеи пессимизма, самоотчуждения и утраты идеалов обрели широкое распространение, найдя отражение в «литературе плоти», или «физиологической литературе» (*никутай бунгаку*), изображающей психические аномалии, темные стороны человеческой природы. После поражения Японии в войне творческая интеллигенция была погружена в ощущение тоски, потерянности, рухнувшего мира. Идеи экзистенциализма заставили японских писателей уделить особое внимание художественному исследованию трагического мироощущения личности в обществе отчуждения и самоизоляции индивида, что нашло проявление в творчестве представителей «Неоразвлекательной группы» (*Син-гэсаку-ха*, 1946). Это была литература отчаяния, нигилизма, разочарования, катастрофической бессмысленности жизни, когда мир представляется хаосом, где царит безумие. Участниками этого литературного объединения являлись Дадзай Осаму, Сакагути Анго, Ода Сакуноскэ, в произведениях которых за внешним сарказмом, иронией, парадоксальностью изложения скрываются духовная опустошенность, безысходность. И хотя формально это литературное объединение не являлось литературной школой, подобно модернизму, за ним закрепилось еще одно наименование — «Декадентская группа» (*Бурай-ха*).

В творчестве Дадзай Осаму (псевдоним, наст. имя Цусима Сюдзи, 1909–1948) японская молодежь находила образ своей юности, загубленной войной. Рассказ «Гуд бай», последняя рукопись писателя, остался незаконченным; он был обнаружен после самоубийства Дадзай Осаму на его письменном столе. Как и повесть «Исповедь „неполноценного“ человека», рассказ «Гуд бай» был написан в самый тяжелый период депрессии автора; его самоубийству также предшествовала обострившаяся болезнь легких, ощущение опустошенности и неотвратимого угасания, упадка. Главный герой рассказа посещает всех своих любовниц, прощаясь с ними и освобождая их от отношений с собой; для пущей убедительности он нанимает хоть и вульгарную, грубую, но необыкновенно красивую женщину, которую представляет им своей супругой. Так символически сам писатель, перегорев, прощался со своими былыми увлечениями, с надеждами, со страстью к жизни, и готовился к расставанию со всем, что когда-то любил, но что теперь лишь тяготило его.

Ода Сакуноскэ (1913–1947) в своих произведениях показал процветание зла и порока, крах нравственных начал, нездоровую психику людей послевоенного времени, которыми руководит случай. Именно вероятность случайного стала ведущей концепцией его творчества, в котором писатель раскрывает «господство плоти»¹.

¹ Подробнее о жизнетворчестве Ода Сакуноскэ см.: Бреславец Т. И. Литература модернизма в Японии. Владивосток: Дальнаука, 2007. С. 110–111.

Сакагути Анго (псевдоним, наст. имя Сакагути Хэйго, 1906–1955) в своих произведениях поднимал актуальные проблемы современности, демонстрируя конфронтацию с обществом и государством. Герой знаменитого рассказа Сакагути Анго «Безумие» — молодой человек, который в годы войны завязывает отношения с психически больной женщиной; вместе с ней он скрывается от бомбардировок и находит утешение в плотской любви. Воплощенные в этом рассказе идеи писатель изложил в статье «О нравственном падении», ставшей его послевоенным манифестом. Сакагути бросает вызов шовинистической идеологии военных лет, призывавшей подавлять плотское начало в человеке и возвеличивать дух. Значительным произведением писателя стал рассказ «Под сенью цветущей сакуры», опубликованный в 1947 году. Он представляет собой гротескную пародию на традиционные японские легенды; в этом произведении писатель через мифологическое начало метафорически изображает человеческое падение. Подобно модернисту и первому декаденту Танидзаки Дзюнъитиро, Сакагути Анго в рассказе «Под сенью цветущей сакуры» показывает темную, порочную сторону женской природы и безвольность мужчины, в данном случае разбойника, готового подчиниться власти демонической женщины, еще более развращенной и порочной, чем он сам.

Цветкова С. О. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)

Стилистическая роль эпитета в средневековой поэзии кришнаитского бхакти

Авторские поэтические произведения, которые объединяются в североиндийскую традицию лирики кришнаитского бхакти XVI–XVII вв., — достаточно разнородны как по своему языку, так и по стилю и, отчасти, по их функции в культовой практике бхактов. Так, язык песенных текстов раджпутской княжны Миры Баи (1499–1547) — это так называемый «старый раджастхани» (марвари) со значительной примесью браджа. Стиль ее *бхаджанов* (лирических песнопений-славословий или исповеданий чувств, обращенных к возлюбленному Кришне) очень близок к фольклорной песенной лирике и воспроизводит многие ее черты, в первую очередь — формульность. Поэты кришнаитской общины Валлабхачарья, такие, как Сурдас (1483–1563), в большинстве своем более образованные и знакомые с санскритской литературной традицией, создавали свои произведения на смешанном литературном языке своей эпохи (в основе — брадже) и в большей степени следовали стилю санскритской классической лирики. В то же время, Сурдас в своей прославленной поэме «Сурсагар» («Океан [поэзии] Сурдаса») нередко прибегает к стилизации под живую простонародную речь в монологах-славословиях, эмоциональных

исповедях, полемике и т.п. персонажей. Отсутствие в средневековых языках грамматической нормы, ряд грамматических и стилевых особенностей весьма усложняет задачу выделения в текстах эпитета, в частности, в его художественной стилистической роли.

В санскритской классической поэтике эпитет никак не выделен и не включается в категорию средств художественной выразительности, хотя в санскритской традиции литературной и эпической поэзии украшающий, в основном, постоянный эпитет представлен достаточно широко. В трактатах поэтологов он рассматривается, видимо, лишь как структурный элемент построения ряда поэтических фигур (*аланкара*). Ввиду всего этого задачу выявления эпитетов в анализируемых поэтических текстах приходится решать самостоятельно, основываясь на разработках и определениях, главным образом, наиболее развитой отечественной школы эпитетологии.

Исследование сочинений Миры Баи и Сурдаса показывает, что художественный украшающий эпитет представлен в средневековой поэзии кришнаитского бхакти весьма ограниченно. Для сравнения нами были рассмотрены части поэмы «Рамачаритаманас» («Море подвигов Рамы») Тулсидаса (1532–1623), основоположника средневековой традиции поэзии рамаитского бхакти, преимущественно ориентированной на каноны и стиль санскритской эпической и литературной поэзии. В докладе основное внимание уделено стилистической роли украшающего эпитета в поэзии кришнаитского бхакти и причинам, по которым эпитет в ней теряет свое значение. Наиболее существенные из таких причин — следующие:

Бхаджаны Миры Баи и значительный ряд стихотворений, из которых составлен «Сурсагар», выполнены в форме монологов (редко — диалогов) от первого лица и не содержат развернутых «фоновых» описаний.

Основной стиль сочинений Миры Баи — это формульный стиль фольклорной песенной лирики; в «Сурсагаре» также встречаются стихотворения, стилизованные под песенный фольклор. Лирическая фольклорная формула представляет собой главным образом *мотив*, а не развернутый образ.

Традиционный образ в индийской поэзии, ориентированной на тот или иной канон, мыслится как изначально «известный», — его характеристики установлены и часто идеализированы в поэтическом употреблении. Бытовой (фольклорный) образ у Миры Баи и в имитациях простонародной речи у Сурдаса также обладает «очевидными» и потому подразумеваемыми свойствами. В силу этого украшающий эпитет в большинстве его функций (в первую очередь, в идеализирующей функции) оказывается избыточен.

Таким образом, в рассматриваемой поэтической традиции индийского средневековья украшающий эпитет, обычно постоянный, носит тавтологический характер и его роль сводится к функции эмфатического выделения образа (редко, действия), имеющей дополнительное значение в ряду других риторических приемов.

Цой И. В. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)

Персонификация как один из литературных приемов в традиционной корейской литературе и литературе XX — начала XXI вв.

Персонификация — своеобразное и многоплановое явление, обладающее определенным набором выразительных средств и целой системой языковых образов, при употреблении которых персонифицирующий момент проявляется в различной степени. Персонификация выполняет в художественном тексте определенную функцию — создает тот или иной образ, придавая при этом дополнительные смысловые оттенки мысли¹. В Словаре литературоведческих терминов дается следующее определение этому понятию: персонификация — (от лат. *persona* — лицо, личность и *facere* — делать) — особый вид олицетворения: полное уподобление неодушевленного предмета человеку, при котором предмет наделяется не частными признаками человека (см. олицетворение), а обретает все человеческие черты, часто — человеческий облик. Традиционно П. используется в устном народном творчестве, в баснях. А в Словаре лингвистических терминов можно прочесть такое определение: персонификация — (от лат. *persona* — лицо + *facio* — делаю). Троп, состоящий в перенесении признаков и свойств человека на неодушевленные предметы и отвлеченные понятия.

В докладе автор на примере образцов из традиционной и современной корейской литературы рассмотрит, каким образом использовался этот литературный прием в классической жанровой прозе и в произведениях авторов XX и начала XXI вв., какие отличия и особенности персонификации наблюдаются в случае с корейской классической и современной художественной традицией, и наконец, каким образом этот литературный прием обогащает идейную составляющую сюжетного повествования. Для того чтобы проиллюстрировать некоторые утверждения, будут представлены такие образцы литературного творчества, как жанр изящной прозы литературы Корё (второй период (конец XII — начало XIV в.), называемый «аллегория (или псевдобιοграфия)»; а также некоторые рассказы современных корейских авторов — Ким Сынока (р. 1941) из сборника «Зарисовки ночной жизни»² и Пак Мингю (р. 1969) из сборника «Коврижка»³.

Если говорить о корейской классической прозе, то в традиционной литературе аллегория — это короткое произведение, составленное по правилам

---

¹ Серебрякова Е. В. Персонификация как прием иносказания (на материале немецкоязычного художественного текста). Специальность 10.02.04. — германские языки. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 2010.

² Ким Сын Ок. Зарисовки ночной жизни. СПб.: Гиперион, 2019.

³ Пак Мингю. Коврижка. СПб.: Гиперион, 2019.

традиционной биографии, где героями могут быть не только люди, но и любой предмет окружающего мира. Герои аллегорий часто описываются с позиций осуждения социальной жизни: как правило, образцовым героем оказывается не тот, кто отдает себя служению людям, а удалившийся от мира индивидуалист¹. Иначе говоря, авторы в этих произведениях высказывают даосский взгляд на мир. Можно предположить, что использование аллегории в данном случае способствует раскрытию и пониманию истинного предназначения в мире на примере персонифицированного художественного образа. Современные корейские авторы применяют прием персонификации с разными целями и по-разному вводят в сюжетную канву персонифицированных героев: в каких-то случаях герои повествования — к примеру, предметы неживой природы — персонифицируясь, наблюдают за людьми и их поступками, то есть отдаленно их функция напоминает роль резонеров; в других случаях — грань между миром людей и миром живой природы стирается, люди и животные разговаривают между собой и совершают какие-то совместные действия (иногда такие прозаические произведения называют прозой в русле фантастического реализма), в третьем случае — герой, пытаясь побороть свое одиночество, наделяет окружающие его предметы или объекты неживой природы человеческими чертами.

Черевко М. В. (СПбГУ, Санкт-Петербург)

Истоки и особенности поэтического содружества эпохи Сун «Восемь почтенных» и его значение в биографии и творчестве поэта Оуян Сю. (Сопоставление с более ранними объединениями поэтов и интеллектуалов в Китае)

Обращаясь к изучению биографии и творчества Оуян Сю, прославленного китайского литератора династии Сун, имя которого стоит в одном ряду с такими его знаменитыми современниками как Ван Аньши, Сыма Гуан, Су Дунпо, невозможно не обратить внимание на важную роль его окружения. Те люди, с которыми он поддерживал знакомство, имеют важное значение для его становления как поэта и государственного деятеля, особенно после переезда в Лоян он начинает общаться с широким кругом, объединенным общими интересами и темами для бесед (в числе которых пути развития поэзии, изучение книг конфуцианского канона), и, безусловно, литературным творчеством. К тридцатым годам XII в. в городе Лоян, столице империи Сун, сложился круг литераторов и известных в то время ученых, так называемое объединение «восемью почтенных» (八老会), куда входили «дискутирующий почтенный»

¹ Троцевич А. Ф. История корейской традиционной литературы (до XX в.). Издательство СПбГУ, 2004. С.89–91.

Инь Чжу (尹洙, 辩老), «следующий предначертанному почтенный» Ван Фу (王复, 循老), «одаренный почтенный» Ян Юй (杨愈, 俊老), Ван Гу (王顾, 慧老), «безрассудный почтенный» Чжан Жуши (张汝士, 晦老), «молчаливый почтенный» Чжан Сянь (张先, 默老), «совершенный почтенный» Мэй Яочэнь (梅尧臣, 懿老) и «праздный почтенный» Оуян Сю (欧阳修, 逸老). Собираясь вместе, за чаркой вина в дружеской беседе они обсуждали конфуцианские каноны, законы стихосложения, пути развития литературы, и, конечно, слагали стихи. Кроме того, среди тем бесед нередко появлялись философские, политические, социальные.

Подобный тип времяпровождения был распространен среди образованной элиты на протяжении многих веков истории Китая. Говоря о самых известные литературных собраниях, можно вспомнить «Семь мудрецов бамбуковой рощи» (竹林七贤) эпохи Вэй-Цзин, при династии Тан это известный круг общения Бо Цзюйи, так называемое «собрание семи почтенных» (七老会), которое еще часто именуют «из Лояня» или «На горе Сяншань» 洛阳 (香山) 起老会. Изначально число «7» в названиях объединений восходило к ответу Конфуция, записанному в «Луньюе» в разделе «Сяньвэнь»: «Учитель сказал: «Самые мудрые уходят из мира, следом идут те, которые уходят из определенных мест, следом идут те, которые уходят от неблагоприятных выражений, следом идут те, которые уходят от неподобающих слов... Поступивших так — семь человек»¹. Но впоследствии наблюдаем и другие цифры, которым не всегда можно найти четкое объяснение.

В данном докладе мы постараемся дать основные характеристики подобных литературных объединений, проследить их истоки, основные причины их возникновения и задачи, описать наиболее яркие примеры их существования в предшествующие династии, а также отметить их влияние в биографии и творчестве поэтов и роль в развитии литературы.

Шуйская Н. М. (МГИМО, Москва)

«Имя места» в современной арабской прозе

В арабском языке существует категория: имя места — по определенной модели образуемая лексема, обозначающая место, где происходит/производится соответствующее действие (пишут за письменным столом, кухарят на кухне и т.п.). В целом ряде современных арабоязычных произведений обращает на себя внимание обилие географических названий мест действия. Авторы не желают, чтобы описываемые ими события происходили в «любом» месте.

¹ Маргынов А. С. Кисть и досуг «совершенного мужа» («цзюньцзы») // Петербургское востоковедение. Вып. 9. СПб., 1997. Сс. 559-571.

Пространство у них не абстрактно, напротив, им важна топографическая связь между местом и действием. И это конкретное поименованное пространство, «привязывая» изображаемый мир к топографическим реалиям, влияет на суть изображаемого. Например, в романе «Франкенштейн в Багдаде» иракского автора А. Саадави в Багдаде, ставшем после американской оккупации «городом, зараженным смертью», главная эмоция, довлеющая над людьми, — страх¹. У Саадави топоним даже вынесен в название. Кроме того, мы подсчитали: его роман содержит впечатляющее количество топонимов — 68. Еще более емко топонимикон у сирийско-ливанской писательницы Гады ас-Самман в книге «Невероятный роман. Дамасская мозаика». Это названия улиц, площадей, кварталов, мостов, церквей, мечетей, рынков и пр. Нельзя не вспомнить классические «Петербург Достоевского» и «Дублин Джойса», но есть и такой предшественник Саадави и ас-Самман, как Нобелевский лауреат Нагиб Махфуз, увековечивший в истории арабской литературы родной Каир. Для проблематики произведения могут иметь значение и «говорящие» названия, реальные и вымышленные. У Саадави есть район «Иудейские развалины» — отсылка к событиям 1941 г. (еврейские погромы) и 1950 г., когда в Ираке был принят закон, предписывавший евреям покинуть страну (после первой арабо-израильской войны 1948 г.). «Развалины» могли появиться и как следствие погрома, и по причине заброшенности жилищ вынужденно уехавшими хозяевами. А публикация одним из героев романа Саадави сенсационного материала под названием «Легенды иракской улицы», являющаяся важным элементом сюжета романа, говорит читателю, в частности, о том, что в исторических городах имеется городская мифология, существуют городские предания и поверья.

У Г. ас-Самман, почти 60 лет не приезжавшей в родной Дамаск из эмиграции, описание городской среды — это и способ выразить неизбежную тоску по родине, и способ существования — уноситься мыслями в далекую юность и именно там творить свой художественный мир, населяя его пределы, имеющие множество реальных адресов, по большей части страдающими персонажами. Местам действия порой придаются антропоморфные черты. Вот Г. ас-Самман ведет своего убитого горем и чувством вины героя по улицам Дамаска: «Ему казалось, что минареты такиййи Сулейманиййи тянут гигантские руки к небу с изяществом в ожившем камне, с тайной пульсирующей мольбой и таким же, как и его, призывом: «Помогите мне, небеса! Я страдаю, я убил ее. Нет, я не убивал». В другом месте: «Его подбодрил вид Барады, текущей, как вскрытая артерия, панорама Касьюна, который взирает сверху, как хозяин и сторож». Еще пример места действия, с помощью которого раскрывается внутреннее состояние героя, вернувшегося домой в Дамаск: «Это мое царство. Не может

¹ Саадави Ахмад. Франкинштайн фи Багдад (Франкенштейн в Багдаде). Бейрут-Багдад: Маншурат аль-джумаль, изд. 4, 2014. С.12; 137.

в этом привычном, дружественном месте, на моей территории случиться что-то плохое с Хинд». А вот настроенность на философский лад: «Ходить по старинным улочкам — как прикасаться к вечности (...), где древность — это еще одна сторона жизненности и непрерывности»¹. В рамках доклада нами будет предпринята попытка лингвистического и содержательного анализа топонимикона современной арабской прозы, выполняющего функцию компонента пространственной организации произведения, его сюжетной композиции и средства психологической характеристики. Эти сущностные функции нацелены на то, чтобы пополнить читательское представление о героях, точнее уяснить авторский замысел.

---

¹ Ас-Самман Гада. Ар-Ривайа аль-мустахлия. Фусейфисá димашкыййа (Невероятный роман. Дамасская мозаика). Бейрут: Маншураг Гадаг ас-Самман, изд. 2, 1999. С. 21–24.

СЕКЦИЯ XVII • SECTION XVII

КРУГЛЫЙ СТОЛ: «ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ
И ИСТОРИОГРАФИЯ ИСЛАМА В РОССИИ»

ROUND TABLE DISCUSSION: "HISTORIOGRAPHY
AND SOURCE STUDIES OF ISLAM IN RUSSIA"

---

*Alexeev Igor L. (Russian State University for the Humanities, Moscow),
Kulikova Ksenia (Independent researcher), Lahuti Sofia (Russian State
University for the Humanities, Institute for Oriental Studies, Moscow)*

**Utopia and Distopia in Russian Muslim Jadid literature
and Islamic political thought: Ismail Gasprinskii's
Dar ul-Rahat and its influences**

The second half of the 19th century witnessed major debates over the idea of modernising Russia's Muslim community. These debates were part of what came to be known as Jadidism, a movement for reforming the traditional system of Islamic education. Modernising Muslims introduced into the curricula of religious schools (*madrasas*) secular subjects like geography, natural sciences and the Russian language. Jadidism, then, became a broad national-cultural and political movement of mainly Turkic-speaking Muslims of the late Russian Empire.

Like other 'non-Western' national and religious movements of the modern era, this movement has been subject to conflicting interpretations. Jadidism was far from monolithic, and recent scholarship, has questioned its status as an explanatory paradigm for Russian Islam. To simplify what is a complex issue, debate turns upon the tension within Jadidism between renaissance and renewal (*islah*), with its doctrines of pious renovation (*tajdid*), and the idea of *bid'a*, or illegitimate innovation that threatens orthodoxy. For proponents of *islah*, *tajdid* reconciled modernity

with Islamic teaching and respect for authority, especially as regards Islamic law (*fiqh*). Unlike the Christian Reformation, this reform movement did not challenge received dogma or theological doctrine (with some important nineteenth-century exceptions, such as the Babid and Baha'i movement in Iran and Ahmadiyya in India). At the same time, it tried to create space for socio-political ideas of Western origin: notions of intellectual progress, political liberty and institutional democracy, including ideas of nationhood — though not in the nineteenth-century European sense of nation state, but as *umma*, the nation of all Muslims, united on a religious basis as a collective political subject. The tension between conservatism and reform may have limited radical modernisation in some quarters, but even so, many Islamic reformers were personally or ideologically connected to anti-colonial forces and promoted a modernised Islam as a challenge to Europe's colonial dominance and Western hegemony in general.

There are clear parallels between Gasprinskii's novel¹ and the rich traditions of utopian thought from Plato through to Thomas More and beyond. Although Western utopian writings were far from monologic, Eastern utopias developed their own path under the influence of Islam. But in utopian thought East and West crossed paths, partly through a shared debt to Plato and Neoplatonism. These intersections find early expression in the treatises of Abu Nasr al-Farabi (872–950 CE): *Ara Ahl al-Madina al-Fadila* [*The Virtuous City*] and *Kitab tashil as-Sa'adah* [*The Attainment of Happiness*]

From Almoravid Andalusia, we also have *The History of Hayy Ibn-Yaqzān* by the polymath vizier Abu Bakr Ibn Tufail (c. 1105–1185). This allegorical tale, considered the first philosophical romance, represents a 'one-man utopia' of learning and enlightenment; just like Gasprinskii's inhabitants of Dar al-Rahat, the protagonist, an autodidact, abandons his secluded life in his quest for wisdom. The romance was well-known in the East and in Western Europe during the early modern period and Enlightenment². Whether or not Gasprinskii was familiar with these medieval writers, his affinities with their rationalist outlook are worth noting. More contemporary are parallels with two Islamic feminist utopias, *Sultana's Dream* and *Padmarag* by the Bengali writer and political activist Rokeya Sakhawat Hossain (1880–1932). The first emphasises women's equality and science's role in advancing the cause of social progress. Both emphases are found in Gasprinskii's work; the publication of *Sultana's Dream* in 1905 roughly coincided with the second serialised version of

¹ Gasprinskii, Ismail. *Frengistan Mektupları*, in Tercüman, 25 January 1887–21 April 1889; English edition: *French and African Letters*, trans. by Azade-Ayse Rorlich. Istanbul: ISIS, 2008; the newest Russian edition *Polnoye Sobranie Sochinenii Ismaila Gasprinskogo*, ed. by Rafael Hakimov, 2 vols. Simferopol: Institut Istorii imeni Sh. Mardzhani Akademii nauk Respubliki Tatarstan, 2016, pp. 19–133 (French Letters), pp. 134–204 (Mysterious Country)

² Ben-Zaken, Avner. *Reading Hayy Ibn-Yaqzān: A Cross-Cultural History of Autodidacticism*. Baltimore, MD: Johns Hopkins University Press, 2011..

1903–1905. The first full-blown Russian utopias appeared in the second half of the eighteenth century, among them A. P. Sumarokov’s *Son. Shchastlivoye obshchestvo* [*A Dream. A Happy Society*] (1759) and M. M. Scherbatov’s *Puteshestvie v zemlyu Ofirskuyu* [*A Journey to the Ofirskaya County*] (1783–1784). The nineteenth century marked a rise in utopic fiction, as in Nicolay Chernyshevsky’s *What is to be done?* (1863). While early utopias made enlightened monarchy their political ideal, later works moved in more moralising or oppositional directions.

In sum, Gasprinskii’s *Dar al-Rahat* emerged from the cross-cultural traditions of utopian writing: it features a traveller who unexpectedly discovers a hidden country governed by enlightened monarchies and strong religious and moral values; it blends didacticism with irony, serious critique with playfulness; it stresses the importance of technology, science and gender equality. Like those utopias written in languages that possessed a transnational audience, it is written in a language that could be understood by all Turkic peoples across the Russian Empire.

Kemper Michael (University of Amsterdam, Netherlands)

Producing fatwas in conservative Russia: contents, styles and methods

Are fatwas a good indicator for identifying an increasing professionalization of Russia’s Islamic establishment, and for the new public roles assigned to Islam in various parts of the Federation? Have fatwas become an instrument of Muftiates to position themselves in the broader competition for Islamic authority?¹ My brief intervention will draw on the recent fatwa-production in Moscow (DUMRF),² Kazan (DUMRT),³ and Dagestan (DUMRD),⁴ to identify the topics, styles and methods employed. I will argue that Dagestan and Tatarstan maintain the classical forms of fatwas, while Moscow is experimenting with new “academic” forms; that Makhachkala and Kazan are employing methods of traditionalism (either “taqlid” or *ijtihad fil-madhab*) while DUMRF in Moscow is demonstrating not “absolute *ijtihad*” (*ijtihad mutlaq*) but *tafiq*, that is, *ijtihad* from within the four Sunni legal schools. I also hope to relate these methods to the broader settings in which the three muftiates operate, and why they choose different methods and profiles.

¹ For a comprehensive analysis of the Russian Muftiates and their histories, see now Renat Bekkin, *People of Reliable Loyalty... Muftiates and the State in Modern Russia*, Södertörn Doctoral Dissertations 174 (Stockholm: Elanders, 2020).

² DUMRF, “Priniatye rezoliutsii”, <http://www.dumrf.ru/sulem/sufatwa>.

³ DUMRT, “Fetvy DUMRT”, at <http://dumrt.ru/ru/help-info/fatwas>.

⁴ DUMRD, “Fetvy”, <http://muftiyatrd.ru/fatawa>.

Бессмертная О. Ю. (НИУ ВШЭ, Москва)

**А. Баязитов, И. Гаспринский, Мурза Алим:
проблемы идентификации на фоне культурных ориентиров
раннего мусульманского русскоязычного модернизма
в Российской империи**

Фигуры И. Гаспринского и А. Баязитова хорошо известны исследователям мусульманского интеллектуального брожения последней четверти XIX в., находившего свое выражение, в частности, на русском языке в центральной русской печати. Наоборот, автор, называвший себя Мурза Алим, известен нам лишь как *автор* ряда столичных газетных публикаций и полемических писем, адресованных Н. П. Остроумову.¹ Между тем, звучность его высказываний подтверждается тем, что они, наряду с трудами Гаспринского, Баязитова и еще нескольких авторов, спровоцировали русских востоковедов казанской миссионерской закалки на жаркие дебаты.² Как ни парадоксально, при всех интеллектуальных и стилистических различиях между Гаспринским и Баязитовым, исследователи отождествляли Мурзу Алима (далее М. А.) и с тем, и с другим. Идентификация М. А. с Баязитовым восходит к предположению Н. И. Ильминского, основывавшегося на сходстве высказанных этими авторами идей³; с Гаспринским — преимущественно, на гипотезе о мотивах, побудивших последнего разнообразить свои подписи под письмами к Остроумову⁴.

Насколько мне известно, до сих пор не удается найти архивные источники, позволяющие судить, кто скрывался за псевдонимом «М. А.» Я обращаюсь к этому вопросу кружным путем: сопоставляю имена, которые цитирует каждый из трех авторов в своих трудах 1880–1990-х гг. (включая статьи Гаспринского в «Терджимане», Баязитова и М. А. в столичных газетах). Однако различия и сходства в выборе ими цитируемых трудов и авторитетов и, тем самым, в их круге чтения и культурной ориентации позволят не только высказать предположения об идентификации М. А. — а именно о том, что его отождествление с Баязитовым предстает более обоснованным, чем с Гаспринским. Значи-

---

¹ Исхаков Р. (2010). Ислам как религиозное учение не заслуживает упрека в деспотизме или нетерпимости... Гасырлар авазы / Эхо веков, 3/4. http://www.archive.gov.tatarstan.ru/magazine/go/anonymous/main/?path=mg:/numbers/2010_3_4/06/01.

² Подробную библиографию см. в: Бессмертная О. Ю. Понимание истории и идентичность автора в возражениях Атауллы Баязитова Эрнесту Ренану // *Islamology*. 2019. Т. 9. № 1–2. С. 54–82.

³ Там же. С. 59–60

⁴ «Найдены неизвестные ранее письма Исмаила Гаспринского» // <https://avdet.org/ru/2012/04/16/najdeny-neizvestnye-ranee-pisma-ismaila-gasprinskogo>. Хотя обширных публикаций с такой идентификацией М. А., видимо, нет, эта версия, насколько я знаю, имеет широкое хождение.

тельно шире: сопоставление цитируемых ими авторитетов позволит говорить о нескольких культурных пространствах, олицетворенных конкретными именами, служащих ориентирами модернизации для ранней мусульманской прогрессистской мысли в России. Они могут выступать при этом и как образцы реформирования социо-культурного порядка, и как адресаты полемики. Для М. А. (с рядом отзвучиваний в трудах, подписанных Баязитовым) это индийское «алигарское движение» с Сеид Ахмед Ханом во главе (путь к которому лежит, сколь ни казалось бы это странным, через русское теософское общество); для Гаспринского — ряд имен в Стамбуле (Константинополе); для всех троих, но с разными акцентами — европейское востоковедение как фокус дебатов и, одновременно, стимул к преобразованиям и пространство заимствований. Странным образом, в этот период почти не упоминаются имена ал-Афгани и его последователей в Египте.

Предлагаемый ракурс позволяет увидеть даже в выбранном узком сегменте неоднородность идей и культурных ориентиров модернизаторски настроенных мусульманских писателей Российской империи. Одновременно обнаруживается значимость для них русского языка, используемого уже в этот период не только как средство обращения вовне — к российской публике, но и как язык межрегионального и межэтнического общения (*lingua franca*), предназначенный выстраивать общую идентичность мусульман на пространстве Российской империи.

*Бобровников В. О. (ИВ РАН, СПбГУ, НИУ ВШЭ, Санкт-Петербург),
Чмилевская И. А. (ИВ РАН, НИУ ВШЭ, Санкт-Петербург)*

Из ‘адат ал-кура в таварих: потеря юридической силы и смена жанра в результате копирования документов XVII–XX вв. в частных рукописных коллекциях Дагестана

Дагестан выделяется среди мусульманских регионов обилием частных и мечетных собраний рукописей, в составе которых сохранились многочисленные арабоязычные (и арабографичные) документы, составленные и переписанные на Кавказе, Ближнем Востоке и в Средней Азии в XV-первой трети XX вв.¹ Речь идет о письмах, документах и нормативных актах, включая заключения мусульманских юрисконсультов (фатава, такрират), глоссы и соглашения-иттифакат. Для дореволюционного периода большинство подобных текстов, относящихся ко времени ранее конца XVIII–XIX вв. — не оригиналы, а копии. По крайней мере с начала XIV в. известна также устойчивая традиция

¹ Шихсаидов А. Р., Тагирова Н. А., Гаджиева Д. Х. Арабская рукописная книга в Дагестане. Махачкала: Дагест. кн. изд-во, 2001. С. 26, 27, 35, 45–63.

копирования правовых документов в строительно-исторических надписях жанра таварих¹. После колониального завоевания с 1860-х гг. появляются массовое делопроизводство, но и тогда копирование правовых документов не прекращается. Имеется еще и разряд копий с копий, преимущественно по правовому обычаю ('адат, русум) второй половины XVII — второй трети XX вв.² Признаками копирования являются: указание на переписку или оригинал записи; отсутствие печатей, имен свидетелей, частей юридического формуляра; включение документа в «памятную запись» (таварих) и наоборот; изменение структуры и содержания текста. Некоторые из копий, сделанные профессиональными нотариями (кагиб), сохраняли юридическое значение, но многие, если не большинство таковую утрачивали, переходя в жанр «памятных записей». В связи со сменой политических режимов оригиналы обычно утрачивали юридическую силу.

В отличие от рукописной книги копии правовых документов из Дагестана хуже исследованы и даже полностью не классифицированы. Не всегда просто отличить копию от оригинала. Известные трудности представляет определение причин копирования. Никто специально не изучал хода копирования документов переписчиками и библиофилами XVIII–XX вв., не говоря о его юридических и социальных последствиях. Особый интерес тут вызывает методика качественного и количественного исследования копий, использования для этого наработок по другим мусульманским регионам России и исламского мира нового и новейшего времени³. В связи с этим встает ряд вопросов:

Кто именно (какие социальные акторы и агенты) и зачем копировал соглашения (иттифакат) и тетрадки (дафатир) адатных судебников союзов общин (джуйуш)? Среди *Имамутдинова З. А. (Государственный институт искусствознания, Москва)*

Напевное чтение Корана урало-поволжских мусульман (татар и башкир) с точки зрения понятий источника и наследия

---

¹ Обычай и закон в письменных памятниках Дагестана V — начала XX в. / Сост. и отв. ред. В. О. Бобровников. Т. 1. До присоединения к России. М.: Изд. дом Марджани, 2009. С. 89–109

² Кемпер М. Соглашения и сборники 'адата дагестанских селений и конфедераций XVIII–XIX вв. // Кавказский сборник. М.: Аспект Пресс, 2020. С. 238–239.

³ Велков А. Видове османотурски документи. Принос към османотурската дипломатика. София: Народнота билиотека «Кирил и Методий», 1986. С. 13–71. Оразаев Г. М.-Р. Памятники тюркоязычной деловой переписки в Дагестане XVIII в: (Опыт ист.-филол. исслед. документов фонда «Кизляр. комендант»). Махачкала: ИИАЭ ДНЦ РАН, 2002. С. 6–48. Messick B. The Calligraphic State. Textual Domination and History in a Muslim Society. Berkeley, Los Angeles, Oxford: University of California Press, 1992. P. 203–250. Sartori P. Visions of Justice Visions of justice: Sharia and cultural change in Russian Central Asia, Leiden: Brill, 2017. P. 54–88, 257–302.

Понятие источника в отношении к собственно чтению Корана обладает рядом специфических признаков, определяемых устным характером передачи традиции при опоре на сакральную письменную вербальную основу.

Возникает вопрос, какие факты и материалы дают возможность судить о особенностях стилевой эволюции традиции напевного чтения Корана у мусульман-тюрков Урало-Поволжья и попытаться охарактеризовать эту практику как наследие в историческом и художественно ценностном планах? У урало-поволжских мусульман, как и в исламе в целом, чтение Корана представляет собой историческое напластование практик, как угасающих, так и сохраняющихся при переходе от одного этапа к другому в эволюции стилей в течение многих столетий.

В настоящем для выявления общей стилевой направленности оказывается крайне важным изучение чтения Корана мусульман-татар и башкир в дореволюционный (досоветский) период. Это знание необходимо для понимания того, что же в атеистическую эпоху могло подвергнуться разрушению, угаснуть полностью или же частично сохраниться с тем, чтобы оформиться, начиная с 1990-х годов, в возрождающуюся традицию напевного чтения Корана мусульман-татар и башкир.

В результате поиска на сегодняшний день удалось обнаружить важные источники, позволяющие сделать ряд выводов и предположений, развить тезис об общих тенденциях и стилевом расслоении в кораническом чтении в интересующий нас период и затронуть проблему наследия в отношении данного феномена.

Среди них — аудио источники, которые включают исторически первые записи чтения Корана Камиля Мутыги-Тухватуллина (1914–1915) как образец тюркской Урало-Поволжской традиции и чтения Корана в Мекке (1885), репрезентирующего арабскую традицию, рассматриваемую в мире ислама в качестве эталона; азан — призыв к молитве военнопленного (сибирского татарина) из концентрационного лагеря в Вюнсдорфе (1915, Германия), а также — записи 1980-х годов, зафиксировавшие чтение Корана носителями традиции из сел Башкортостана, родившимися еще в 1890-е годы и приобретавшими первичные навыки коранического чтения до революции 1917 года.

Исторические литературные источники включают, прежде всего, известные историко-библиографические труды конца XIX и первой трети XX века богословов-просветителей Ш. Марджани (1818–1989) и Р. Фахреддина (1859–1936), включающие биографии выдающихся мусульман-татар и башкир¹, а также

¹ Мәржани Шихабетдин. Мөстәфадэл-әхбар фи әхвали Казан вә Болгар (Казан һәм Болгар хәлләре турында фәдаланылган хәбәрләр). Казан: Татарстан китап нәшрияты, 1989; Фахреддин Риззәддин. Асар. Книга о биографиях, датах рождения и смерти, о других событиях из жизни мусульманских ученых нашего государства. Т. I. Р. Марданова, Р. Миннуллина, пер. на русс. яз. С. Рахимова. Казан: Рухият нәшрияты, 2006;

труды миссионеров, а именно — Я. Д. Коблова, связанный с инспектированием «народных училищ», то есть мусульманских учебных заведений Казанской губернии¹, Г. С. Саблукова, где дается общая характеристика чтения Корана мусульманами-татарами², а также Д. Валидова, изданный в первые годы советской власти еще до разворачивания атеистической кампании и касающийся вопросов специфики культуры и в том числе — чтения Корана мусульман-татар и башкир³.

В качестве иллюстрации используются нотные расшифровки и компьютерные мелогаммы: используемые формы нотной фиксации в отношении напевного чтения, даже если и отображают мелодический абрис, не обозначают типичного для подобного интонирования более мелкого деления звукового строя, связанного как с речевой основой, так и со спецификой ладового мышления носителей традиции чтения Корана.

Имамутдинова З. А. (Государственный институт искусствознания, Москва)

Напевное чтение Корана урало-поволжских мусульман (татар и башкир) с точки зрения понятий источника и наследия

Понятие источника в отношении к собственно чтению Корана обладает рядом специфических признаков, определяемых устным характером передачи традиции при опоре на сакральную письменную вербальную основу.

Возникает вопрос, какие факты и материалы дают возможность судить о особенностях стилевой эволюции традиции напевного чтения Корана у мусульман-тюрков Урало-Поволжья и попытаться охарактеризовать эту практику как наследие в историческом и художественно ценностном планах? У урало-поволжских мусульман, как и в исламе в целом, чтение Корана представляет собой историческое напластование практик, как угасающих, так и сохраняющихся при переходе от одного этапа к другому в эволюции стилей в течение многих столетий.

Т. II. Пер. на тат. яз., пер. на русс. яз. Казан: Рухият нэшрияты, 2009; Т. III–IV. Пер. на тат. яз., пер. на русс. яз. Казан: Рухият нэшрияты, 2010.

¹ Коблов Я. Конфессиональные школы казанских татар. Казань: Центральная типография, 1916

² Саблуков Г. С. Сведения о Коране, законоположительной книге мухаммеданского вероучения. Казань, 1884.

³ Валидов Д. Очерк истории образованности и литературы татар (до революции 1917 г.). М.; Петроград.: Гос. издательство, 1923.

В настоящем для выявления общей стилевой направленности оказывается крайне важным изучение чтения Корана мусульман-татар и башкир в дореволюционный (досоветский) период. Это знание необходимо для понимания того, что же в атеистическую эпоху могло подвергнуться разрушению, угаснуть полностью или же частично сохраниться с тем, чтобы оформиться, начиная с 1990-х годов, в возрождающуюся традицию напевного чтения Корана мусульман-татар и башкир.

В результате поиска на сегодняшний день удалось обнаружить важные источники, позволяющие сделать ряд выводов и предположений, развить тезис об общих тенденциях и стилевом расслоении в кораническом чтении в интересующий нас период и затронуть проблему наследия в отношении данного феномена.

Среди них — аудио источники, которые включают исторически первые записи чтения Корана Камиля Мутыги-Тухватуллина (1914–1915) как образец тюркской Урало-Поволжской традиции и чтения Корана в Мекке (1885), репрезентирующего арабскую традицию, рассматриваемую в мире ислама в качестве эталона; азан — призыв к молитве военнопленного (сибирского татарина) из концентрационного лагеря в Вюнсдорфе (1915, Германия), а также — записи 1980-х годов, зафиксировавшие чтение Корана носителями традиции из сел Башкортостана, родившимися еще в 1890-е годы и приобретавшими первичные навыки коранического чтения до революции 1917 года.

Исторические литературные источники включают, прежде всего, известные историко-библиографические труды конца XIX и первой трети XX века богословов-просветителей Ш. Марджани (1818–1989) и Р. Фахреддина (1859–1936), включающие биографии выдающихся мусульман-татар и башкир¹, а также труды миссионеров, а именно — Я. Д. Коблова, связанный с инспектированием «народных училищ», то есть мусульманских учебных заведений Казанской губернии², Г. С. Саблукова, где дается общая характеристика чтения Корана мусульманами-татарами³, а также Д. Валидова, изданный в первые годы советской власти еще до разворачивания атеистической кампании и касающийся

¹ Мәржани Шиһабетдин. Мөстәфадэл-әхбар фи әхвали Казан вә Болгар (Казан һәм Болгар хәлләре турында фадаланылган хәбәрләр). Казан: Татарстан китап нәшрияты, 1989; Фахреддин Ризәддин. Асар. Книга о биографиях, датах рождения и смерти, о других событиях из жизни мусульманских ученых нашего государства. Т. I. Р. Марданова, Р. Миннуллина, пер. на русс. яз. С. Рахимова. Казан: Рухият нәшрияты, 2006; Т. II. Пер. на тат. яз., пер. на русс. яз. Казан: Рухият нәшрияты, 2009; Т. III–IV. Пер. на тат. яз., пер. на русс. яз. Казан: Рухият нәшрияты, 2010.

² Коблов Я. Конфессиональные школы казанских татар. Казань: Центральная типография, 1916

³ Саблуков Г. С. Сведения о Коране, законоположительной книге мухаммеданского вероучения. Казань, 1884.

вопросов специфики культуры и в том числе — чтения Корана мусульман-татар и башкир¹.

В качестве иллюстрации используются нотные расшифровки и компьютерные мелогаммы: используемые формы нотной фиксации в отношении напевного чтения, даже если и отображают мелодический абрис, не обозначают типичного для подобного интонирования более мелкого деления звукового строя, связанного как с речевой основой, так и со спецификой ладового мышления носителей традиции чтения Корана.

*Магомедова З. А. (Институт истории, археологии и этнографии
ДФИЦ РАН, Махачкала)*

Вопросы мусульманского права в эпистолярных источниках дагестанского происхождения XIX — нач. XX вв. (По материалам Фонда восточных рукописей)

Эпистолярный комплекс Фонда восточных рукописей Института истории, археологии и этнографии Дагестанского федерального исследовательского центра Российской академии наук (далее — ФВР ИИАЭ ДФИЦ РАН) отличается богатым тематическим разнообразием. В нем сосредоточен обширный историко-географический, а также нормативно-правовой материал, включающий в себя сведения, отражающие экономические, политические и социальные явления дагестанского общества XIX — нач. XX вв.

История зарождения адата (адат — местный обычай) и особенно его взаимоотношения с шариатом в Дагестане еще до конца не исследована. Большинство источников не введено в научный оборот.

После присоединения Дагестана к России, кавказская администрация, столкнувшись с упорным сопротивлением местного населения, направленным против инкорпорации в государственную систему империи, решила сохранить существовавшую у них правовую систему. При этом в условиях правового дуализма с учетом того, что влияние шариата в правовой культуре горцев продолжало возрастать, было решено отдать приоритет судопроизводству по адату, в надежде через некоторое время приобщить их к общеимперскому законодательству².

---

¹ Валидов Д. Очерк истории образованности и литературы татар (до революции 1917 г.). М.; Петроград: Гос. издательство, 1923.

² Абдулмажидов Р. С. Адагы обществ Анцух-Капуча и Бохнода: общая характеристика и сравнительный анализ//Вестник Института истории, археологии и этнографии. 2014. № 2 (38). С. 66–78.

С середины XIX в. по инициативе царской администрации началась официальная запись адатов и перевод их на русский язык. В «Сборниках сведений о кавказских горцах», изданных в Тифлисе Кавказским горским управлением, было опубликовано пять сборников адатов 1960-х годов: Кази-Кумухского, Даргинского, Кюринского, Кайтаго-Табасаранского и Самурского округов.

Несмотря на то, что одним из главных источников средневекового права народов Северного Кавказа был адат, по мере распространения в регионе ислама его влияние постепенно проникало во все сферы социально-правовой жизни. Особенно ярко эти процессы проходили в Дагестане, где уровень рецепции мусульманского права был значительно выше по сравнению с соседними областями. Тем не менее, многие адатные установления продолжали сохранять свое прежнее значение и здесь, вызвав возникновение и бытование на протяжении нескольких столетий своеобразного правового дуализма, основанного на взаимодействии адата и шариата¹.

Об этом так же свидетельствуют эпистолярные источники, которые по праву можно считать источниками фактической информации, позволяющей существенно дополнить или уточнить факты уже известные специалисту-историку, занимающемуся данной проблематикой.

Из приведенных ниже переводов писем видно, что судебные вопросы в Дагестане XIX в. могли решаться как по нормам шариата, так и по адату. Так, например, в письме за № 1003 наиб Абдурахман просит муфтия Муртазали дать решение по шариату или по адату по поводу судебного спора относительно покупки земельного участка².

В письме за №1035, датированном 15 зу-л хиджа 1295 г. х. / 10 декабря 1878 г. Члены сельского суда селения Параул (فراول)³ доводят до сведения начальника округа Подхолюзина о тяжбе между Туни сыном Хасая и Салавата сыном Сулеймана по поводу потерявшихся двух быков, которую хотят решить согласно адату⁴.

По адату совершались также закупки. Так, в письме за № 575 Мухаммад Саид сообщает некоему Уллубию, что «согласно приказу нужно организовать покупку меди по цене, установленной по адату. Также следует направить доверенное лицо в Каранай для экспертизы залежей меди и ее покупки»⁵.

¹ Абдулмажидов Р. С., Тупцокова Л. К. Адат и шариат в наследственном праве народов Дагестана XVII–XIX вв. // История, археология и этнография Кавказа. 2019. Т. 15. №4. С. 586–601.

² ФВР ИИАЭ ДФИЦ РАН. Ф. 16. Оп. 1. № 1003.

³ Параул — ныне селение в Карабудахкентском районе Республики Дагестан.

⁴ ФВР ИИАЭ ДФИЦ РАН. Ф. 16. Оп. 1. № 1035.

⁵ Там же. № 575.

Интересная информация содержится в письме за № 842, датированном 13 раджаба 1243 г. х., что соответствует 30 января 1828 г. В нем сообщается о «начале установления шариата в аулах Каранай (الخرنبة) и Ахатль (اخلية)¹ в период, когда правителем (в тексте — эмиром) был Муртазали и старшиной — шейх Мухаммад. Было принято решение установить в этих аулах каноны шариата, исполнение которых осуществлялось повсюду под руководством ученого имама Газимухаммада. Также было решено отказаться от всех адатов, в частности от всех подарков, которые полагаются по адату со стороны родственников жениха и невесты, за исключением махра, который считается обязательным по шариату (араб. مهر букв. «плата за невесту» — в исламском семейном праве, имущество, которое муж выделяет жене при заключении брака)»².

В письме за № 1260 говорится об одном из самых противоречивых и малоизученных норм обычного права Дагестана — ишкиле, по которому истец мог отобрать имущество у ответчика, в качестве гарантии возврата долга. Рамазан из с. Баршамай (برشمع)³ требует от Аци из селения Харахи (حرقى)⁴ оплатить долг, в противном случае будет применен ишкиль, который «разрешено брать»⁵. В письме за № 1245, адресованном старшинами и членами сельского суда с. Ругуджа (رغج)⁶ старшинам и членам сельского суда с. Обода (عبل)⁷, сообщается, что «согласно показаниям двух свидетелей, найдены изьяны у проданной ободинцем лошади, и в этой связи нужно разобрать это дело с кадием. В противном случае будет применен ишкиль»⁸.

Некоторые исследователи обычного права в своих работах утверждают, что в качестве ишкиля в Дагестане можно было «захватить» не только имущество, но и самого должника, его родственника или даже его односельчанина. И в случае непогашения долга должник мог быть продан в рабство⁹. Однако в исследуемых эпистолярных документах не найдено ни одного подтверждения применения этой практики в Дагестане.

Наличествуется очень много писем, где затрагиваются проблемы назра — одного из способов безвозмездного отчуждения собственности, существующего в мусульманском праве.

¹ Каранай и Ахатль — ныне селения в Буйнакском районе Республики Дагестан.

² ФВР ИИАЭ ДФИЦ РАН. Ф. 16. Оп. 1. № 842.

³ Баршамай — ныне селение в Кайтагском районе Республики Дагестан.

⁴ Харахи — ныне селение в Хунзахском районе Республики Дагестан.

⁵ ФВР ИИАЭ ДФИЦ РАН. Ф. 16. Оп. 1. № 1260.

⁶ Ругуджа — ныне селение в Гунибском районе Республики Дагестан.

⁷ Обода — ныне селение в Хунзахском районе Республики Дагестан.

⁸ ФВР ИИАЭ ДФИЦ РАН. Ф. 16. Оп. 1. № 1245.

⁹ Бобровников В. О. Обычай, шариат и рэкет в письмах об ишкиле из Дагестана XVII–XIX вв.//История и современность. 2010. № 1 (11). С. 78–98.

В качестве назра можно было отдать земельный участок, дом, мебель, домашнюю утварь и даже одну комнату в доме¹. Известен случай, имевший место в начале 30-х гг. XIX в., когда общество селения Ирганай приняло на себя обязательство в том, что передаст в качестве назра жителям селения Аракани² принадлежащую ему гору³.

В заключение можно сделать вывод, что эпистолярные источники можно считать наиболее объективной, достоверной и информативной категорией источников, не подвергавшейся никакой цензуре и ограничениям (что является отличительной особенностью рассматриваемых арабоязычных писем дагестанского происхождения). Исследование показывает, что сведения, почерпнутые из таких источников, дают реальную картину нормативно-правовых взаимоотношений в дагестанском обществе XIX — нач. XX вв.

Манцеров А. А. (НИУ ВШЭ, Москва)

«Историография жизни и деятельности Мухаммада-Али Чукури и его письменное наследие»

Мухаммад-Али аль-Чукури (Али Чукури) (1826- 1889) — башкирский поэт, суфий, ученый-историограф, автор ряда дидактических и религиозно-правовых трудов. Наибольшую славу среди современников он снискал как автор панегириков. Так, широко была известна среди современников его ода «Хвала Казани». Али Чукури также был одной из ключевых фигур движения муджаддидия в татаро-башкирском («булгарском») культурном ареале, ярким представителем «булгарского» патриотизма.

Несмотря на поистине широкий масштаб деятельности этого человека, его биография и письменное наследие изучены не до конца. Настоящий доклад представляет собой обзор историографии Мухаммада Али Чукури и его письменного наследия и анализ наиболее проблемных вопросов, связанных с жизнью и деятельностью этого ученого.

Ценные сведения о жизни и творчестве Мухаммада-Али, содержащиеся в автобиографических лирических и прозаических произведениях, сочинениях его сына Арифаллаха аль-Чукури (Гарифуллы Киикова), произведениях Шигабутдина Марджани, историко-библиографической книге Ризаэдина Фахреддина «Асар» и историческом произведении «Тальфик аль-ахбар»

¹ ФВР ИИАЭ ДФИЦ РАН. Ф. 16. Оп. 1. № 884.

² Ирганай и Аракани — ныне селения в Унцукульском районе Республики Дагестан.

³ Абдулмажидов Р. С. Полемика об отчуждении собственности по «назру» в Дагестане в XIX в. // Ислам в современном мире: внутрисоциальный и международно-политический аспекты. 2018. Т. 14. № 4. С. 183–200.

Мурата Рамзи, были почерпнуты современными учеными А. С. Фатхи, А. Х. Вильдановым, М. Х. Надергуловым, Р. А. Ахметовым, М. Кемпером и А. Франком.

Первая глава 5 части под названием ««Булгарский» патриотизм мусульманского гражданина России: Мухаммад-Али аль-Чукури (1826–1889)» монографии Михаэля Кемпера «Суфии и ученые в Татарстане и Башкортостане: Исламский дискурс под русским господством» представляет собой наиболее подробное изложение биографии суфийского поэта среди имеющихся на русском языке. Дополняют изложенную в работе М. Кемпера информацию о жизни, родословной, творчестве и взглядах «булгарского» мыслителя научные статьи И. Р. Саитбатталова.

Об изучении письменного наследия Мухаммада Али Чукури можно сказать следующее. Поэзия Мухаммада Али Чукури пока изучена недостаточно. Как справедливо заметил М. Кемпер в своей монографии: «До сих пор нет специального исследования о поэзии Чукури, поэтому оценка ее направленности и содержания здесь может оставаться лишь очень неопределенной»¹. Это объясняется тем, что оды и восхваления, важная часть стихотворного наследия Мухаммада-Али, долгое время оценивались «как не имеющие художественной ценности и потому не заслуживающие специального изучения»². Однако это в корне неверный подход по той причине, что неисследованные образцы поэзии восхваления являются благодатным полем для изучения поэтического языка Али Чукури и его образной системы. Кроме того, Мухаммад-Али часто вставлял в текст своих стихотворений автобиографические заметки, обнаружение которых, безусловно, поможет исследователям глубже изучить жизненный путь поэта.

Что касается дидактической и богословской литературы, вышедшей из-под пера суфия из Башкирии, то она также слабо изучена. Существуют как неопубликованные и непроанализированные произведения³, так и те, о содержании которых практически ничего неизвестно⁴. К такого рода произведениям можно отнести рукопись, которая была найдена в личной коллекции Бахтигарея Арманшина и над переводом и анализом которой сейчас ведется работа.

---

¹ Кемпер М. Суфии и ученые в Татарстане и Башкортостана. Исламский дискурс под русским господством / пер. с немецкого И. Гилязов. — Казань: Российский исламский университет, 2008. С.508.

² Саитбатталов И. Р. Похвальные качества мударриса в работах Мухаммада-Али Чукури // Филология: научные исследования. 2019. №6. С. 21.

³ Саитбатталов И. Р. К вопросу о личных и творческих взаимосвязях Шихаб ад-Дина Марджани и Мухаммада-Али Чукури // МНИЖ. 2015. №11–4 (42). С. 24.

⁴ Кемпер М. Суфии и ученые в Татарстане и Башкортостана. Исламский дискурс под русским господством. С. 511.

Рагозина С. А. (ИВ РАН, Москва)

Что такое антропология ислама? К генеалогии исследовательского направления

Российское классическое исламоведение прежде всего сконцентрировано на изучении священных текстов и иных первоисточников. И зачастую даже вопрос реинтерпретации этих текстов в современном пространстве, а тем более дискурсы и социальные порядки, которые формируют эти новые реинтерпретации, остаются «за кадром». К теме ислама обращаются арабисты, когда изучают историю ближневосточных обществ. Что же касается современности, то зачастую над исламской тематикой довлеет нарратив безопасности.

В связи с активизацией в последнее время радикальных движений, использующих исламскую риторику, ислам все чаще рассматривается в терминах угрозы и поиска оптимальных стратегий противодействия экстремизму и терроризму. Подобная секьюритизация значительно редуцирует предмет исследования, оставляя за скобками многообразие религиозных практик и форм существования мусульманских общин в России. И несмотря на наличие отдельных исследователей, занимающихся исторической и социальной антропологией, этнографией российского мусульманского сообщества, пока что рано говорить о складывании самостоятельного направления антропологии ислама.

Представляется, что одна из причин — это недостаточный опыт теоретического осмысления богатой эмпирики, накопленной в ходе многолетних экспедиций и наблюдений. Данный доклад призван восполнить пробел в этом сегменте российской историографии. Излагая концепции ключевых западных теоретиков антропологии ислама, а также основные тезисы критики их подходов, мы выстраиваем генеалогию этого направления исследований.

Доклад построен преимущественно по хронологическому принципу. Анализируя смены парадигм в социальных науках в целом и в антропологии в частности, мы выделяем три периода становления антропологии ислама. Первый связан с работами К. Гирца¹ и Э. Геллнера², в них были заданы основные эпистемиологические тенденции в развитии этого исследовательского направления. Второй период — с конца 1970-х до начала 2000-х годов — вписывается в общий тренд антиколониальной критики антропологии за создание эссенциалистских культурных описаний, используемых европейскими державами для перестройки незападных традиций в соответствии со своими модернистскими проектами. На волне этой критики и растущей популярности концепций власти и гегемонии М. Фуко и А. Грамши значительно расширяется

¹ Geertz C. *Islam Observed: Religious Development in Indonesia and Morocco*. Chicago: University of Chicago Press, 1968; Гирц К. *Интерпретация культур*. М.: РОССПЭН, 2004.

² Gellner E. *Muslim Society*. Cambridge: Cambridge University Press, 1981.

репертуар антропологии ислама: в повестке появляются вопросы гендера и сексуальности, формируется юридическая антропология и т.п. Наконец, мы выделяем период с начала 2000-х годов, когда на центральное место выходит концепция «повседневного ислама». На фоне кажущейся тотальной секьюритизации исламской проблематики в связи с терактом 9/11 и растущей исламофобии антропология ислама ставит своей целью гуманизацию ислама и «возвращение мусульман в мир простых людей»¹. Однако в западном контексте это порождает новое противоречие: предметом изучения становятся лишь те практики «повседневного ислама», которые входят в конфликт с секулярными ценностями европейского общества, и на первый план выходит задача «секулярных переводов ислама».

Мы не претендуем на тотальный охват работ, выполненных представителями этого направления. Мы рассматриваем лишь наиболее цитируемые и востребованные вплоть до сегодняшнего дня публикации, а некоторые упоминаем лишь кратко для большей репрезентативности. Данный обзор призван сформулировать фундаментальные исследовательские вопросы и проблемные ситуации, которые могут быть актуальны для современного отечественного знания об исламе.

Соболев В. Г. (СПбГУ, Санкт-Петербург)

«Российский ислам» в контексте антропологии ислама: варианты и границы применения методологии

Изучение ислама в современной России сталкивается с целым рядом проблем при попытках выработать методологию исследования и разработать общий терминологический аппарат. В значительной степени терминологический аппарат оказывается политизирован, так как многие из рассматриваемых в исламоведении проблем неразрывно связаны с текущей политической ситуацией в России. Кроме того, и это вполне естественно, к проблемам российского ислама обращаются не только ученые-исламоведы, но и общественные деятели, представители политических элит.

В последние десятилетия неоднократно предпринимаются попытки каким-либо образом отделить собственно российские традиции исповедания ислама от зарубежных, а внутри ислама в России — выделить «правильные» и «неправильные» формы². Для обозначения собственно российского ислама

---

¹ Fadil N., Fernando M. Rediscovering the “Everyday” Muslim: Notes on an Anthropological Divide // *Hau: Journal of Ethnographic Theory*. 2015. Vol. 5. No. 2. P. 59–88.

² На эту тему см. публикации И. Л. Алексеева: Алексеев И. В поисках хорошего ислама // URL: <http://islamoved.ru/2016/igor-alekseev-v-poiskah-horoshego-islama/>; Алек-

предлагались разные термины: «русский ислам» (2002–2003 гг., С. Кириенко и политолог С. Градировский), «русскокультурный ислам», «традиционный ислам» (в частности, Я. Амелина и Р. Силантьев). Д. В. Мухетдинов в одной из своих публикаций призывает использовать термин «российское мусульманство», а не «российский ислам», полагая, что первый термин «более корректный». «В таком случае мы имеем дело не с особым исламом, а с особой практикой ислама, или с особой *мусульманской культурой*»¹. С другой стороны, признавая некоторые ограничения и дискуссионные моменты в применении конструкта «российский ислам», именно на нем останавливает свой выбор А. К. Аликберов во Введении к недавно изданной книге с одноименным названием².

В связи с обозначенными сложностями, представляется важным и целесообразным обратиться к такому методологическому подходу к изучению ислама как антропология ислама. Одним из первых в 1986 г. подобный подход к исламу предложил американский антрополог Талал Асад. Хотя несколько ранее схожие идеи озвучивал Майкл Гилсенан³. Социально-антропологическая концептуализация ислама происходила также в трудах Брайана Тернера⁴. Как отмечает Т. Асад, «...антрополог ислама должен начинать с изучения организованных практик (помещенных в конкретный контекст, с конкретной историей), внутри которых мусульмане выступают в качестве мусульман». Критикуя деления ислама на «племенной» и «городской», «официальный» и «неофициальный», «народный» и «ортодоксальный», автор подчеркивает, что и признание исламом всего, что мусульмане данной конкретной общины сами считают исламом (М. Гилсенан), тоже не станет прочной методологией для антропологического изучения ислама. Важна не практика сама по себе, а способы ее легитимации, то, насколько она и как она подтверждена дискурсивными традициями ислама. То есть ислам — это, прежде всего, традиция, механизм, стили, практики пере-

---

сеев И., Рагозина С. От «хорошего» ислама к «правильному»: категории и концепты в языке современной российской аналитики и идеологии // *Islamology*. Т. 7. № 1. 2017. С. 88–105.

¹ Мухетдинов Д. В. Российское мусульманство: традиции уммы в условиях евразийской цивилизации. М., 2016. С. 10. Интересный анализ взглядов Д. В. Мухетдинова см.: Kemper M. Religious political technology: Damir Mukhetdinov's 'Russian Islam' // *Religion, State & Society*, 2019. Vol. 47. No 2. P. 214–233.

² Аликберов А. К., Бобровников В. О., Бустанов А. К. Российский ислам: Очерки истории и культуры. М.: ИВ РАН, 2018. С. 9–14.

³ Статья Асада переведена на русский язык: Асад Т. Идея антропологии ислама // *Islamology*, 2017, Т.7, N.1 С. 42–60; Gilsean, Michael, *Recognizing Islam: Religion and Society in the Modern Arab World*. London, 1982.

⁴ Turner, B. S. *The Sociology of Islam: Collected Essays of Bryan S. Turner*. Ed. By Bryan S. Turner and Kamaludeen Mohamed Nasir. Ashgate Publishing Company. 2013.

дачи знания, осуществление связи между прошлым и будущим поколениями через настоящее.

С одной стороны, такой подход к изучению ислама представляется весьма перспективным для изучения специфики ислама на территории России и постсоветского пространства. Он позволяет проследить связь местных традиций (Северного Кавказа, Поволжья, Центральной Азии) с ранним, «классическим» исламом, обратить внимание на преемственность текстов, коранической экзегетики, философских и правовых установок. Такая методология позволяет рассматривать местную традицию как самоценную, самодавящую, а не периферийную или «неправильную». Тем более, что среди современных мусульманских интеллектуалов и активистов мы встречаем слишком много сторонников аутентичности (традиции) без попыток учесть реалии современности, или, наоборот, модернистов, которые совершенно забывают о традиции и корнях.

С другой стороны, использование подобной методологии при изучении ислама в России осложняется целым рядом обстоятельств. Во-первых, такая методология делает невозможной дальнейшую разработку и применение конструкций «русский ислам», «русское мусульманство» и т.п., отказаться от которых, по всей видимости, сложно в силу определенной политической конъюнктуры. Во-вторых, такой подход едва ли будет поддержан самими российскими мусульманами, количество которых в научном сообществе исламоведов стремительно возрастает. В-третьих, данный методологический подход может существенно препятствовать сближению светского академического исламоведения и религиозного исламского богословия в современной России.

Тихонова Н. Е. (НИУ ВШЭ, Санкт-Петербург)

Российские мусульмане в контексте русско-османских отношений на рубеже XIX–XX вв. (на материалах газеты «переводчик-терджиман»)

Мусульмане поздней Российской империи составляли многомиллионную часть населения, частично несли всеобщую воинскую повинность, преимущественно являлись тюркоязычными и, в том числе, проживали на пограничных с Османской империей территориях. В свою очередь, религиозный авторитет османского султана-халифа распространялся на российских мусульман, в среде которых встречались случаи эмиграции в Османскую империю по религиозным мотивам (т. н. «мухаджирство»). Более того, священный для мусульман город Мекка находился в составе Османской империи, а дорога в хадж пролегла через ее столицу — Стамбул¹.

¹ Meyer J. H. *Turks across empires*. Oxford, 2014. P. 21–48.

Вопрос отношения российских мусульман к Османской империи и «Восточному вопросу» имел, таким образом, стратегическое значение для Российской империи в контексте взаимодействия с соседней мусульманской империей в условиях довоенного мира. Мирное сосуществование двух империй гарантировало спокойствие на российских приграничных территориях с мусульманским населением, потенциально подверженным османской агитации к «*джихаду против неверных*» в случае военных действий.

В этих условиях одна из самых влиятельных мусульманских газет Российской империи «Переводчик-Терджиман», которая издавалась в Бахчисарае с 1883 по 1918 гг. известным просветителем российских мусульман Исмаилом Гаспринским (1851–1914), активно выступала за российско-османское сближение. Данная газета распространялась также в Османской империи, а в числе ее читателей был султан Абдул-Хамид II (правил в 1876–1908)¹.

Газета «Терджиман» представляла интересы прогрессивно-настроенной мусульманской общественности, но будучи до 1905 г. фактически монополистом в сфере российско-мусульманских СМИ, она имела возможность выступать от лица всех российских мусульман в качестве их консолидированного «голоса», а также продвигать свою позицию по различным вопросам, не встречая конкуренции².

В контексте российско-турецких отношений в газете «Терджиман» зачастую использовался российский имперский дискурс, включающий такие характерные публицистические штампы как «*Восточный вопрос*» и «*больной человек Европы*». Однако «Терджиман» не разделял распространенное в России понимание «Восточного вопроса» в значении потенциальной возможности после распада Османской империи овладеть «Царьградом» — Стамбулом, а также установить покровительство над Балканами. Он выступал за сохранение *status quo* при мирном сосуществовании двух империй. В частности, газетный дискурс свидетельствует о критическом отношении ее редакции к самовосприятию Российской империи в качестве покровительницы османских христиан, а Османской империи, соответственно, российских мусульман³.

Вместе с тем российско-османское сближение являлось важным внешнеполитическим условием, способствующим реализации нацистроительного проекта И. Гаспринского, ориентированного на российских мусульман и подразумевающего их консолидацию на почве общей религии (ислам), территории (Российская империя) и языка (т. н. общетюркского). Особо рельефно данный

¹ Его величество турецкий султан // Переводчик-Терджиман, 1894. 12 ноября.

² Тихонова Н. Е. Роль газеты «Терджиман» в процессе модернизации российских тюрков-мусульман на рубеже XIX–XX вв. // Научная мысль Кавказа. 2019. № 1. С. 42–47.

³ Тихонова Н. Е. Идеи российско-турецкого сближения во взглядах и переписке И. Гаспринского и М. О. Меньшикова // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2018. Т. 18, вып. 3. С. 295–298.

аспект проявлялся в критическом освещении в газете случаев эмиграции мусульман в Османскую империю. В частности, критике подвергалось распространенное в мусульманской среде восприятие эмиграции в качестве «мухаджирства»¹.

Более того, газета активно формировала положительный образ Российской империи как страны гражданской принадлежности миллионов мусульман, подчеркивая их лояльность и верноподданнические настроения. Османская империя, при этом, представлялась как важный религиозный центр ислама, а также как пример успешной реализации европейских реформ в мусульманской среде.

*Шихалиев Ш. Ш. (Институт истории, археологии и этнографии
ДФИЦ РАН, Махачкала)*

Цифровые архивы арабских рукописей Дагестана в контексте изучения частных и государственных коллекций

Коллекция Института истории, археологии и этнографии ДФИЦ РАН включает более 3000 исламских рукописей, датируемых периодом с XI в. по первую треть XX в., которые охватывают все области исламской науки: фикх, хадисы, математику, астрономию, логику, поэзию и т. д.². Однако большая часть рукописей сосредоточена в частных собраниях и собраниях мечетей в Дагестане и насчитывает около 30–40 тысяч рукописей. Продолжительная работа в области полевой и камеральной археологии позволила приступить к планомерному описанию рукописей, сосредоточенных в частных коллекциях.

Опираясь на опыт по составлению электронной базы данных рукописей Института, применительно к частным коллекциям мы начали работу по составлению электронной базы данных, которая включает 10 пунктов: порядковый номер; формат; язык; название сочинения; автор; тематика; дата переписки; переписчик; место переписки; примечания.

Эти все пункты описания заполняются частично на арабском и английском языках. Электронный архив в перспективе позволит исследователям обращаться к описаниям коллекций с любой точки мира. В том числе, по поисковой системе можно найти интересующую исследователей информацию, в том числе, по репертуарам (грамматика арабского языка, право, логика, суфизм и пр.), по авторам или названиям сочинений.

---

¹ Необоснованное эмиграционное движение крымских татар // Переводчик-Терджи-ман, 1902. 31 мая.

² Шихалиев Ш. Ш. Сокровищница восточных рукописей Дагестана // Исламоведение. Махачкала. 2012. № 1. С. 75–82.

Анализ базы данных этих рукописей показывает этапы развития исламских знаний на Северо-Восточном Кавказе в период XI–XIX вв. Предварительный статистический анализ исламских рукописей Дагестана, сосредоточенных в государственных и некоторых частных коллекциях, позволяет сделать вывод, что наибольшее развитие в Дагестане получили такие жанры (в порядке убывания) как грамматика арабского языка, мусульманское право, логика и теория диспута, догматика и поэзия¹. Репрезентативность статистического анализа рукописей также подтверждается тем фактом, что именно по этим дисциплинам дагестанскими учеными-богословами было написано наибольшее количество оригинальных произведений².

---

¹ Тагирова Н. А. Тематическая характеристика арабской рукописной книги в Дагестане (по материалам Фонда восточных рукописей ИИАЭ ДНЦ РАН) // Шихсаидов А. Р., Тагирова Н. А., Гаджиева Д. Х. Арабская рукописная книга в Дагестане. Махачкала, 2001. С. 133–221.

² Шихсаидов А. Р. Дагестанские авторы X — начала XX в. и рукописи их сочинений // Шихсаидов А. Р., Тагирова Н. А., Гаджиева Д. Х. Арабская рукописная книга в Дагестане. Махачкала, 2001. С. 79–132.

СЕКЦИЯ XVIII • SECTION XVIII

КРУГЛЫЙ СТОЛ: «РОССИЯ И ВОСТОК: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ СИСТЕМЫ ДУГ НЕСТАБИЛЬНОСТИ»

ROUND TABLE DISCUSSION: "RUSSIA AND THE EAST: THE CURRENT STATE OF ARCS OF INSTABILITY'S SYSTEM"

Matveev A. (FAAS, St Petersburg University, St Petersburg, Russia)

An Overview of the Conflict in Yemen: Internal and External Actors and Mediation Tactics

The situation in Yemen is typical for MENA countries in the post-*Arab Spring* period, as the internal conflict is exacerbated by the heavy involvement of external actors, both regional and international. Likewise to Libya, Syria and Iraq, the Yemeni conflict also attracted the international community attention that resulted in repeated efforts to solve the crisis, including establishing two UN missions (the Office of the Special Envoy of the Secretary-General for Yemen and the United Nations Mission to Support the Hudaydah Agreement (UNMHA)), though with a limited success so far. Even such ground-breaking achievement as the Hudaydah Agreement faced serious problems with its implementation. To understand the reasons of the actors and find practical ways of mediation, all aspects of this multidimensional conflict should be considered, in particular the impact of deep internal divisions in Yemeni society and the external actors' involvement in Yemen.

1. The South – North dichotomy.

Historically, North Yemen was an independent Shiite Imamate, while South Yemen was the British Protectorate until 1967 and then became the Marxist-oriented People's Democratic Republic of Yemen. The unification of these two distinct

entities in 1990 was superficial; the marginalization of the South, much weaker economically and politically, led to the civil war in 1994. It resulted in purging the South officials and officers from the state and military service. This created strong anti-Northern feelings in the South, which paved the way for the raise of structures with a separatist agenda, such as the Southern Transitional Council. Given a heavy external support to the Southern separatists by the UAE, the likelihood of re-emerging of the independent 'South Yemen' in the short-medium perspective remains high.

2. Shiite – Sunni dichotomy.

The Zaydi Shiites consist ca. 35% and the Sunnis ca. 65% of the Yemeni population; however, in the North Yemen the number of the Shiites is close to 50%. Moreover, since Yemen for many centuries was a Zaydi Imamate, the influence of the Shia and their proportion in the local elite was high. As the Houthi movement is a modern adaptation of the Zaydi doctrine, they enjoy support of the majority of the Shia community in Yemen; as well as of some part of the Sunni population in the North who were traditionally loyal to their former Zaydi masters. This remains an important factor behind preservation of the strong positions of the Houthis in North Yemen till now.

3. Al-Islah party vs. the Houthis and the Government of Yemen.

In 2014 the Houthis destroyed the military wing of the *Muslim Brotherhood*-influenced Al-Islah party, forcing their leaders to emigrate, mainly to Saudi Arabia. Though Al-Islah lost power in North Yemen to the Houthis, they kept their influence inside the official Government of Yemen and its military forces. Despite a negative attitude of Saudi Arabia to the *Muslim Brotherhood* in general, until recently Al-Islah enjoyed a certain Saudi support, which caused a strong critique by the Southern Transitional Council and UAE who designated it as a terrorist organization. Recent developments indicate a consolidation of Al-Islah dominance over the military in the strategically important Ta'izz region, where they confronted the mainstreaming Government of Yemen forces, thus further undermining the Government positions in the country.

4. The issue of the legitimacy of power in Yemen.

The Government of Yemen and President Hadi legitimacy is based on the international recognition, as well as on the political, financial and military help of Saudi Arabia. However, Hadi's long absence from the ground, residing mostly in Riyadh, and open Saudi support to him, produced a strong feeling that his Government is merely a puppet of Saudi Arabia, thus further undermining his legitimacy in the eyes of a large portion of the Yemeni population, who traditionally disliked Saudi Arabia, at least since the perceived occupation of three northern provinces of Yemen in 1934. Besides, though still enjoying some support in his native Abyan and partially Aden, Hadi is not popular in South Yemen either, since during the Civil War of 1994 he took the side of President Saleh (i.e. the North), hence being considered by many Southerners as a traitor to their cause.

As a result, the real positions of President Hadi in Yemen are pretty weak. Though the Saudi coalition military support counterbalanced the Houthi military power, it is insufficient to restore the Government of Yemen control over Houthis' and the Southern Transitional Council's controlled areas.

5. External Actors.

Since 2014, Yemen became the field of open competition between the major regional political blocks, who use their supporters in the country as their proxies:

A. Shi'a Iran – Sunni Saudi Arabia competition.

The Iranian financial and military support to the Houthis allowed them to withstand direct military attacks by the Saudi-allied forces. Though the Houthis' resilience is mainly rooted in the internal factors, the Iranian help is of a paramount importance for the Houthis.

B. Saudi Arabia – UAE competition.

Though belonging to the same regional anti-“Muslim Brotherhood” block and a part of the anti-Houthi coalition, the two countries have different agenda. Saudi Arabia supports the Government of Yemen forces, while the UAE back the Southern Transitional Council, seemingly supporting the project of the restoration of independent South Yemen, which would be under strong UAE influence (likely, as a part of the ambitious project of reviving the 19th century Omani thalassocratic Empire of which UAE were an essential part). Thus, the two countries have been increasingly engaging in confrontation, including the military one, through their proxies in Yemen.

6. Conclusions.

The internal conflict in Yemen continues in a great respect due to the direct involvement of the external powers that provided military and financial instruments for the parties to the conflict, enabling them to continue fighting indefinitely, though without achieving a decisive victory. This explain limited results of previous mediation efforts directed towards the Houthis and the Hadi's Government: both parties to the conflict consider themselves strong enough to continue the confrontation.

Given a stalemate in the Yemeni conflict, the only way to resolve the crisis remains the International community/ UN mediation. However, without direct and consistent engaging the external actors who back Yemeni parties to the conflict, and resolving their controversies, the mediation between Yemeni stakeholders could not lead to any lasting results.

Since Saudi Arabia is already well seasoned to engage in the peace talks (it failed to establish a pro-Saudi Hadi's government in Yemen, and now evidently wants to quit the war; see Saudi Arabia's announcement on 22 March 2021, to end the conflict in Yemen), the main efforts of the international community may concentrate on bringing other two major external actors, viz. the UAE and the Islamic Republic of Iran, to the table of negotiations. Without their support the internal Yemeni stake-

holders will not be able to continue fighting on any large scale, thus would have no choice but to join the peace talks.

However complicated this direction of mediation may seem, it is currently the only way to address the root causes of the conflict and eventually stop it. Otherwise, the International/UN efforts are bound to be limited to the mitigation of inevitable negative results of the ongoing military confrontation in Yemen.

*Галбацова Ш. С. (Дагестанский государственный университет,
Махачкала)*

Россия и Иран: новые перспективы межгосударственных отношений

Российско-иранские отношения охватывают пятивековую историю сотрудничества в различных сферах. Иран является важным партнером России в Азии. Его влияние и авторитет в исламском мире общеизвестны. Российско-иранская встреча на высшем уровне в Москве в марте 2001 г., в ходе которой был подписан Договор об основах взаимоотношений и принципах сотрудничества, значительно продвинула вперед весь комплекс двустороннего партнерства, обнаружив близость подходов к решению многих региональных и глобальных проблем. Россия и Иран поддерживают идею многополярности мира. Согласно принятой в 2000 г. Концепции внешней политики Российская Федерация проводит самостоятельную и конструктивную внешнюю политику. Она основывается на последовательности и предсказуемости, взаимовыгодном прагматизме¹.

Президент В. В. Путин подчеркнул: «...было бы неправильно измерять, где у нас больше приоритетов — в Европе или Азии. У нас не может быть ни западного, ни восточного крена»². Следует отметить, этих же принципов придерживается и Иран. Бывшим президентом Ирана Сейед Мохаммедом Хатами была выдвинута идея «диалога цивилизации»: «диалог цивилизаций — это стимул для формирования универсальной модели оздоровления международных отношений, чтобы исключить односторонние подходы и монолог в политике и культуре»³.

Существуют различные мнения относительно выстраивания внешней политики России по отношению к Ирану. Так, В. И. Сажин считает, что «необходим сдержанный прагматичный подход к отношениям с Ираном, основанный на самостоятельном независимом курсе Москвы в иранской проблематике, на развитии

¹ Иванов И. С. Новая российская дипломатия. Десять лет внешней политики страны. М., 2001. С. 210, 215.

² Очерки истории Министерства иностранных дел России (1917–2002). М., 2002. Т. II. С. 559.

³ Хатами М. В человеке сосредоточены душа Востока и разум Запада. М., 2001. С. 22.

взаимовыгодных торгово-экономических, научных, культурных связей в самых различных областях, несмотря на известное раздражение США и некоторых американских союзников и их политическое давление»¹. Москва последовательно поддерживает Тегеран по самым разным вопросам, а президенты двух стран встречаются по нескольку раз за год. В то же время российские дипломаты открыто говорят, что Россия и Иран не являются союзниками, а иранцы регулярно напоминают о близких отношениях Кремля со стратегическим противником Ирана — Израилем². Несомненно, нельзя назвать российско-иранские отношения стратегическими. Об этом свидетельствует объем товарооборота между нашими странами³. Несмотря на низкий показатель товарооборота, необходимо выделить основные сферы сотрудничества между нашими странами: атомная энергетика, военное сотрудничество, нефтегазовая и транспортная сфера⁴. Существуют определенные общие позиции в региональном сотрудничестве: противодействие терроризму в Сирии, урегулирование в Ираке, ситуация в Афганистане. И конечно, важным прорывом в межгосударственном сотрудничестве стало принятие Конвенции о правовом статусе Каспия, 12 августа 2018 г. на 5 саммите Прикаспийских государств, который проходил в Казахстане.

Таким образом, в данной статье предпринята попытка на основе российских и персидских источников дать анализ российско-иранских отношений и выявить новые перспективы сотрудничества между нашими странами.

Колдунова Е. В. (МГИМО, Москва)

Многосторонние институты сотрудничества в Восточной Азии в российском повороте на Восток

Попытки расширения российского присутствия в Восточной Азии предпринимались с середины 1990-х гг. прошлого века. Однако их приоритетными направлениями в основном оставались крупнейшие страны региона — Япония, отношения с которой в 1990-е гг. переживали определенный подъем и вселяли очередную, но временную, надежду на решение территориальной проблемы, и Китай, в начале XXI в. перешедший в категорию стратегических партнеров России.

¹ Сажин В. И. Россия и Иран: проблемы стратегической перспективы // Исламская республика Иран в 90-е годы (экономика, политика, культура). М., 1998. С. 30.

² Смагин Н. Почему у России и Ирана не получается стать союзниками. <https://inosmi.ru/politic/>

³ Товарооборот России и Ирана за период 2019–2019 составил \$1,59 млрд. <https://ru-stat.com/date-Y2020–2020/RU/trade/IR>.

⁴ Галбацова Ш. С. Российско-иранские отношения как фактор стабильности в Прикаспийском регионе (1978–2011 гг) / Галбацова Ш. С.: дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Владикавказ, 2012. 153 с. // <https://www.dissercat.com>

Многосторонним институтам уделялось гораздо менее пристальное внимание, несмотря на попытки присоединения к ряду основных региональных организаций и форумов (АТЭС, АРФ, диалоговое партнерство с АСЕАН). В экономическом плане Россия не вписывалась в систему «де факто» интеграции, возникшей в регионе в 1980–1990-е гг. в результате процессов формирования транснациональных производственных цепочек, и региональные институты представлялись дополнительной возможностью формализованного вовлечения в региональные дела без резкого увеличения экономических взаимосвязей с регионом в целом.

Раскол, углубляющийся в отношениях с Западом после политического кризиса 2014 г. на Украине, актуализировал идею российского «поворота на Восток». При этом с течением времени среди российской политической элиты, российских и зарубежных исследователей возник широкий диапазон содержательных трактовок подобного поворота. Некоторые подчеркивали, что он фактически свелся к усилению односторонней зависимости России от Китая в стремлении найти альтернативу экономическим отношениям с ЕС. Другие видели в нем попытки российского руководства обеспечить подъем российских регионов Сибири и Дальнего Востока за счет привлечения инвестиций из стран Азии. Третьи полагали, что подобный поворот должен привести к более сбалансированной внешней политике, учитывающей повывшательную на тот момент экономическую динамику Азии.

Каким бы ни было объяснение сути российского поворота на Восток, он уже не мог обойти вниманием тот факт, что значительная составляющая политико-экономических процессов в Восточной Азии к началу этого века стала концентрироваться в рамках региональных многосторонних институтов, генерировавших новые торгово-экономические соглашения и проекты. Именно этим объяснялось стремление России сохранять представительство высокого уровня в рамках АТЭС и после ее председательства в 2012 г., более активное по сравнению с периодом до 2014 г. вовлечение России в деятельность Восточноазиатского саммита (ВАС), выдвижение в декабре 2015 г. собственной многосторонней инициативы в виде экономического партнерства Евразийского экономического союза, Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) и АСЕАН и попытки придать динамизм диалоговому партнерству с Ассоциацией стран Юго-Восточной Азии (АСЕАН), переведя его в 2018 г. в категорию стратегического партнерства.

В то же время Россия начала реализовывать свой поворот на Восток и укреплять связи с многосторонними институтами в АТР именно в тот момент, когда многие из этих механизмов оказались в кризисе и были ослаблены противоречиями Китая и США в регионе, а также конкурирующими региональными проектами, выдвигаемыми этими странами.

Учитывая сказанное, в докладе предпринимается попытка доказать тезис о том, что участие России в многосторонних институтах сотрудничества в Восточной Азии частично способствовало решению задачи более глубокой

«интеграции» России в региональные дела, минуя уже существующие модели экономической взаимозависимости в регионе. Однако процесс дальнейшего укрепления ее роли в этих институтах, помимо экономических факторов, оказался ограничен сохранением общерегиональных разделительных линий (или, в терминологии В. Н. Колотова, элементов евразийской дуги нестабильности) и их интенсификацией под влиянием китайско-американских противоречий.

Колотов В. Н. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)

Ситуационный анализ геополитической ситуации на основных сегментах евразийской системы дуг нестабильности

Анализ сложившейся геополитической ситуации свидетельствует об утрате стратегической инициативы и вынуждает Москву в экстренном порядке реагировать на управляемую региональную дестабилизацию то на одном, то на другом участке уже не только на дальних, но и на ближних подступах к партнерам по ОДКБ и собственно территории РФ.

Порог применения насилия как на дальних подступах, так и по периметру границ РФ существенно снизился, и ситуация имеет явную тенденцию к дальнейшему ужесточению. Помимо традиционных методов дестабилизации используются и новые: биоугрозы, кибернападения, использование боевых роботов и новейших систем вооружения и управления войсками и т. п.

Основные изменения в области безопасности на внешнем контуре неблагоприятны и направлены на понижение геополитического статуса РФ со всеми вытекающими отсюда последствиями для Москвы и партнеров по ОДКБ.

Наиболее напряженная ситуация складывается на восточноевропейском, кавказском, ближневосточном, восточноазиатском и арктическом сегментах, откуда нестабильности может напрямую экспортироваться в РФ.

Такой подход геополитических партнеров, по мнению В. В. Путина, представляет собой «путь к бесконечным конфликтам, к торговым войнам, а может быть, даже не только торговым, образно говоря, к боям без правил: всех против всех»¹ и является далеко не самым оптимальным сценарием для Москвы и ее союзников.

При этом методологически важно не только проводить детальный анализ геополитической ситуации только на одном из сегментов ЕСДН, но и держать в фокусе развитие ситуации на соседних сегментах, чтобы иметь системное объемное видение развития ситуации и быть готовыми к быстрому переносу нестабильности с одного сегмента на другой.

---

¹ Пленарное заседание Петербургского международного экономического форума. Владимир Путин выступил на пленарном заседании Петербургского международного экономического форума. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/60707>.

*Кочарян В. К. (Информационно-аналитический правовой центр
Парламентской Ассамблеи ОДКБ, Санкт-Петербург)*

Оценка военно-политической ситуации на Южном Кавказе в контексте трехстороннего заявления от 9 ноября 2020 г. об урегулировании конфликта в Нагорном Карабахе

С момента своего образования в 2006 г., Парламентская Ассамблея ОДКБ осуществляет законотворческую деятельность по сближению и гармонизации законодательства государств — членов Организации в интересах правового обеспечения коллективной и национальной безопасности.

Одним из эффективных механизмов межпарламентского сотрудничества является мониторинг военно-политической обстановки в зоне ответственности ОДКБ, нацеленный на выявление вызовов и угроз региональной стабильности.

Наиболее взрывоопасная ситуация наблюдается сегодня на юго-западных рубежах ОДКБ — в Причерноморье и на Южном Кавказе, вдоль границ Армении и России. Территориальные конфликты с Азербайджаном, Грузией и Украиной имеют тенденцию к обострению, отчетливо заметную на фоне активизации НАТО, усиления регионального влияния Ирана и Турции, проведения контртеррористических операций в Ираке и Сирии.

Так, осенью 2020 г. многолетний конфликт в Нагорном Карабахе между Азербайджаном и Арменией в очередной раз перешел в «горячую стадию». Благодаря настойчивым посредническим усилиям России, противоборствующие стороны сумели договориться о прекращении боевых действий, что позволило существенно снизить риск полномасштабной войны и избежать гуманитарной катастрофы.

В этой связи сохраняет актуальность задача изучения внешних факторов, приведших к обострению обстановки на рубежах Кавказского региона коллективной безопасности ОДКБ и отражающих устремления НАТО и соседних стран к доминированию в регионе.

Вашему вниманию предлагаются результаты, полученные Информационно-аналитическим правовым центром Парламентской Ассамблеи ОДКБ к 9 ноября 2020 г., на момент подписания трехстороннего заявления об урегулировании карабахского конфликта.

Кулешова Н. С. (ИСАА, Москва)

Политический экстремизм: особенности исследования

Внимание к экстремизму как социально-политическому явлению международного уровня активизировалось в 90-х гг. прошлого века. Однако это

вовсе не означает, что экстремизм не существовал ранее. За его более чем двухсотлетнюю историю разработаны различные методологические подходы к исследованию этого феномена. Следует отметить необходимость комплексного подхода, который тем не менее позволяет акцентировать внимание на отдельных составляющих. Так, среди существующих научных подходов представляется возможным выделить: психологический, психоаналитический, социально-психологический, социально-философский, подход Франкфуртской критической школы, культурологический, политико-правовой.

Сосредоточив внимание на последнем, т.е. политико-правовом подходе, мы можем рассмотреть заявленную проблему в рамках политической науки. Данный подход, включающий группу самостоятельных теорий, начал формироваться значительно позднее других. Сегодня он все еще находится в процессе своего становления и нуждается в дополнительных исследованиях. Главная цель изучения экстремизма заключается в разработке стратегии противодействия его современным проявлениям, что возможно лишь при условии современного сущностного теоретического наполнения данного понятия как явления с соответствующим понятийным аппаратом, анализом и эволюцией международной и национальной нормативно-правовой базы.

Наиболее распространенное толкование экстремизма включает реализацию радикальных идей насильственными методами. Исследование международных и национальных нормативно-правовых документов как необходимой основы и составной части теории политического экстремизма имеют большое значение. Необходимо современное международное толкование «радикализма» (от латин. *radicalis* — «коренной»), который означает стойкую приверженность каким-либо идеям, концепциям, идеологиям; крайность во взглядах и поступках, что часто объясняется разностью менталитета, культуры, ценностей людей, живущих в разных обществах.

В основу существующей классификации экстремизма положены теории, опирающиеся на социальный конфликт, антилиберальность (концепция «трех экстремизмов») и политический характер экстремизма¹. В классификации с позиций политико-правового подхода принято выделять различные типы экстремизма в зависимости от сферы его проявления: политический, социальный (этнический, расовый), религиозный, экономический и другие типы экстремизма, которые чаще проявляются в смешении разного рода крайних идей, нетерпимости или выраженной враждебности. Экстремизм также классифицируют по масштабу, субъекту и применяемым средствам.

Необходимо отметить отсутствие научного консенсуса относительно точного определения данного феномена. Одним из первых международных

---

¹ Коузер Л. Основы конфликтологии. СПб.: 2009. — 163 с.

документов, определяющих понятие «экстремизм», является Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом от 14 июня 2001 года. Текст конвенции определяет экстремизм как «какое-либо деяние, направленное на насильственный захват власти или насильственное удержание власти, а также на насильственное изменение конституционного строя государства, а равно насильственное посягательство на общественную безопасность, в том числе организация в вышеуказанных целях незаконных вооруженных формирований или участие в них»¹. В законодательстве РФ находим в ФЗ от 25.07.2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» понятие «экстремистской деятельности», отождествляемое законом с «экстремизмом», где предложено расширительное толкование — «нарушение территориальной целостности», «возбуждение социальной, расовой, национальной или религиозной розни», «пропаганда исключительности, превосходства либо неполноценности человека», «нарушение прав, свобод и законных интересов человека и гражданина в зависимости от его социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности или отношения к религии», «массовое распространение заведомо экстремистских материалов» и т. д.² Изменения, внесенные в 2020 г. в Закон и принятая новая редакция Стратегии противодействия экстремизму, уточняют понятие экстремизма, показывают многообразие его проявлений, инструменты связи экстремистских организаций и вербовки. Развитие Интернета активно используется экстремистами в качестве канала социального взаимодействия для вербовки новых членов, социальные сети обеспечивают экстремистам легкий доступ к аудитории, прежде всего молодежной.

Кризисные явления современной жизни, усиленные пандемией, характерны для всех стран мира и провоцируют расширение экстремистских взглядов. В этой связи исследование международной базы, национальных нормативно-правовых документов и инициатив как источниковой базы в сочетании и эмпирическими данными послужит созданию универсальной основы для формирования толерантного сознания и противодействия экстремизму. Актуальность историографического и источниковедческого анализа рассматриваемой темы обусловлена новейшими вызовами и угрозами в современных социально-политических процессах.

---

¹ Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом // Официальные сетевые ресурсы Президента России. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/3405> (дата обращения: 01.11.2020 года).

² Федеральный закон от 25.07.2002 г. № 114-ФЗ. // Официальные сетевые ресурсы Президента России. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/18939> (дата обращения: 01.11.2020 года).

Москалев П. Э. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)

Влияние системы дуг нестабильности на положение зарубежных китайцев в Таиланде и Вьетнаме в XX в. — начале XXI в.

Положение и роль зарубежных китайцев в историческом развитии разных стран их проживания во многом отличались. В этом смысле целесообразным является сравнение положения зарубежных китайцев в историческом развитии двух самых густонаселенных и одних из самых крупных по размеру территории в настоящее время стран ЮВА, расположенных на Индокитайском полуострове, — Таиланда и Вьетнама.

В современном Таиланде большинство самых богатых жителей страны, согласно данным журнала «Forbes», имеют китайское происхождение. Во Вьетнаме, несмотря на то, что китайская эмиграция туда исторически началась раньше, чем на территорию Таиланда, зарубежные китайцы на современном этапе играют существенно менее заметную роль в развитии национальной экономики. Похожая ситуация наблюдается и при попытке выявить наличие китайских корней у представителей политической элиты Таиланда и Вьетнама. Например, известно, что большинство премьер-министров Таиланда в XXI в. и некоторые в XX в. являлись зарубежными китайцами. В отношении новейшей истории Вьетнама информация о том, что какой-либо потомок китайского иммигранта сумел занять высший политический пост, отсутствует.

Причины различий в положении зарубежных китайцев в Таиланде и Вьетнаме при относительной схожести условий и обстоятельств формирования китайских диаспор в этих странах весьма неочевидны. Сравнительно-историческое исследование положения зарубежных китайцев в Таиланде и Вьетнаме представляется актуальным для понимания закономерностей исторического развития китайских иммигрантских сообществ в этих странах на протяжении XX в. и в начале XXI в. и для ответа на вопросы: 1) почему в современном Таиланде зарубежные китайцы сумели занять прочные позиции в экономике и политике, а в современном Вьетнаме их роль в этих сферах общественной жизни не стала столь же заметной; 2) каким образом зарубежные китайцы, проживающие в этих двух странах, влияли и влияют на развитие межгосударственных отношений этих стран с Китаем.

Ключевым фактором, определяющим специфику положения общин зарубежных китайцев в Таиланде и Вьетнаме, как на протяжении значительной части XX в., так и в начале XXI в., является геополитическая ситуация, складывающаяся вдоль восточноазиатского сегмента «евразийской дуги нестабильности». В настоящее время в Таиланде китайская диаспора занимает

роль связующего звена между тайландским и китайским руководством и способствует усилению ориентации Таиланда на сотрудничество с КНР. Во Вьетнаме зарубежные китайцы не имеют подобного влияния на вьетнамские властные круги, чаще они сами становятся заложниками и жертвами нерешенных политических противоречий между КНР и СРВ. Однако такое положение дел существовало не всегда, оно изменялось в зависимости от перемен в конфигурации различных геополитических факторов.

Петряев А. С. (Национальный институт стратегических исследований, Киев)

Перспективы исламизации и арабизации европейского континента

Арабская весна, которая началась в декабре 2010 г. в Тунисе и охватила множество арабских стран в регионе Ближнего Востока и Северной Африки, привела к свержению правящих режимов, политическим, экономическим и социальным кризисам, гражданским войнам в Ливии, Сирии, Ираке и Йемене, а также росту исламского фундаментализма, экстремизма и терроризма.

В 2014 г. на территории Ирака и Сирии распространило свое влияние ИГИЛ, преследовавшее цели — захвата территорий, распространение исламского фундаментализма (ваххабизм, салафизм, такфиризм), борьба с шиитским исламом и построение исламской суннитской империи в XXI в., т. е. нового халифата.

Осенью 2015 г. мусульманские беженцы из стран Центральной и Северной Африки, Ближнего Востока (Сирия и Ирак) и Афганистана устремились в страны Европейского Союза. Это событие привело к европейскому миграционному кризису, нагрузке на экономику этих стран, разногласию в вопросах квот распределения беженцев, постепенному росту ксенофобии и расизма среди коренных жителей Европы по отношению к мигрантам мусульманам.

Многие ученые и политики правового толка склонны считать, что мигранты-мусульмане представляют высокую опасность для ЕС, как для политического проекта европейской культуры, европейского образа жизни и безопасности региона.

Первоначальный план руководителей ЕС, по решению проблемы низкой рождаемости путем замещения европейского коренного населения мигрантами, не оправдал себя. Политика мультикультурной Европы так же провалилась, так как мигранты-мусульмане не принимают европейскую культуру, считая ее чужой.

На протяжении последних двадцати лет, коренное население стран ЕС быстро стареет и сокращается из-за низкой рождаемости. По данным

Европейской службы парламентских исследований (European Parliamentary Research Service), в отчете «Демографические перспективы для Европейского Союза 2020» (Demographic outlook for the European Union 2020) отмечается, что на 2020 г. средняя рождаемость среди женщин, проживающих в странах членах ЕС, составляет 1,59 ребенка на одну женщину, в то время, как для нормального воспроизводства населения требуется 2,1 без учета мигрантов. В докладе также отмечается, что старение населения ведет к финансовой нагрузке на бюджеты стран ЕС по выплатам пенсий и содержанию пожилых европейцев.

К 2050 г. пропорция населения ЕС старше 80 лет удвоится и достигнет 11,4 %. Несмотря на общий рост населения в мире, население ЕС падает. В 2019 г. процент населения ЕС от общего мирового, составлял 6,7 %; в 2057 г. он снизится до 4,5%.

Так же проблему для демографии и воспроизводству населения создают ЛГБТ движение, радикальный феминизм и гедонистический образ жизни, которые не стремятся к рождению детей¹.

В то же время по данным Американского Исследовательского Центра Пью (Pew Research Center), количество мусульман в странах ЕС будет расти. Мусульманское население в Европе растет за счет новых потоков мусульман-мигрантов, их высокой рождаемости и за счет перехода коренного население Европы из христианства в ислам. Наибольшее число мусульман-мигрантов зарегистрировано в Германии, Франции, Швеции, Великобритании, Италии, Голландии, Бельгии, Австрии, Швеции и Норвегии. При дальнейшем высоком уровне миграции мусульман в страны ЕС, процент населения исповедующих ислам к 2050 г. будет составлять 14 % от общего населения. Даже в случае полного закрытия потоков мусульман-мигрантов в ЕС, все равно, за счет их воспроизводства к 2050 г. количество мусульман составит 7,4 % от общего количества населения ЕС.

В отчете также отмечено, что уровень рождаемости среди мусульман в ЕС выше, чем у коренного населения. Так, в период 2015–2020 гг. на одну мусульманскую женщины в среднем приходилось 2,6 % ребенка. Например, в Германии — 1,9 %, во Франции — 2,9 %, в Финляндии — 3,1 %. Кроме того, мусульманское население ЕС сегодня и в дальнейшем останется самым молодым, средний возраст которого, составляет 30 лет².

Точкой бифуркации аналитические институты считают 2050 г., когда в ЕС увеличится количество пожилых европейцев и молодых мусульман. Уже

---

¹ Kiss M. Demographic outlook for the European Union 2020. 03.2020. 54 с. Режим доступа: [https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2020/646181/EPRS_STU\(2020\)646181_EN.pdf](https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2020/646181/EPRS_STU(2020)646181_EN.pdf).

² Cooperman A., Hackett C., Schiller A. Europe's Growing Muslim Population. Pew Research Center, 29.11.2017. 59 с. Режим доступа: <file:///C:/Users/User/Downloads/FULL-REPORT-FOR-WEB-POSTING.pdf>.

сейчас, по данным шведской газеты Svenska Dagbladet, второй язык в стране по употреблению, это арабский. За последние несколько лет, арабский язык в Швеции вытеснил финский¹.

Среди мусульманского население в ЕС много исламских фундаменталистов. В связи с экономическими сложностями в интеграции, молодые мусульмане все чаще становятся приверженцами исламского радикализма. С 2015 г. участились случаи терроризма в странах ЕС. Исламские фундаменталисты из ИГИЛ и других исламских организаций активно ведут пропаганду исламизма и вербуют новых террористов среди мусульман в ЕС. Дальнейшее развитие демографической ситуацию в ЕС в рамках обозначенной статистики, без сомнения, приведет к усилению проявления исламского фундаментализма и терроризма со стороны мусульманского население. С другой стороны, среди коренного европейского население неуклонно будет возрастать популярность правого радикализма, исламофобии, неонацизма, направленного против мусульман мигрантов.

Савичева Е. М. (РУДН, Москва)

Красноморская дуга нестабильности

Ареал, включающий в себя водные просторы Красного моря и Аденского залива, а также сухопутные пространства Северо-Восточной Африки (Африканский Рог), стремительно превращается в очень важный в геополитическом плане регион. Однако этот «проснувшийся» регион оказывается крайне нестабильным и турбулентным. Судходные пути здесь прокладывали еще древние мореплаватели, и вплоть до сегодняшнего дня судходство осуществляется по нескольким узким проливам, получившим в экспертной среде наименование «кудушающих» и «шоковых точек» современной геополитики.

Главная «шоковая точка» рассматриваемого региона — это пролив Баб-эль-Мандеб, который представляет собой узкий проход из Красного моря в Аденский залив, который в самом узком месте — между Йеменом и Джибути — имеет ширину всего 13 миль. Еще относительно недавно здесь беспрепятственно орудовали сомалийские пираты, создававшие серьезную угрозу международному судходству. Кстати, в деятельности многонациональных сил по борьбе с пиратством с 2009 г. принимала участие Турция, и это явилось первым сигналом ее вовлеченности в дела Красноморского региона, ставшего затем одним из важных направлений внешнеполитической стратегии Анкары.

¹ Parkvall M. Arabiska Sveriges näst största modersmål. Svenska Dagbladet. 31.05.2018. Режим доступа: <https://www.svd.se/arabiska-sveriges-nast-storsta-modersmal>.

Результатом усиливающейся конкуренции в регионе стало стремление внерегиональных игроков создавать здесь «точки влияния» — военные базы и опорные пункты. В этом контексте весьма показательным примером является стратегически выгодно расположенное государство Джибути (бывшее французское Сомали), на территории которого военной инфраструктурой в большей или меньшей степени располагают США, КНР, ряд европейских государств, включая Францию, Германию, Италию, Испанию, а также Японию¹.

Четко обозначилась тенденция к усилению соперничества в этом некогда «сонном» регионе: такие арабские страны, как Египет, Саудовская Аравия, ОАЭ, стремятся обеспечить здесь свои интересы в конкуренции с другими ближневосточными «тяжеловесами» — Турцией и Ираном, и к вышеуказанным неарабским акторам с недавних пор примыкает Катар. Ускорившаяся динамика событий приводит к изменениям в балансе сил, что не остается без внимания внерегиональных держав — Китая, США и других.

В устье залива Акаба находятся два небольших безлюдных острова — Тиран и Санафир (в середине 2017 г. Египет «уступил» их Саудовской Аравии за \$25 млрд), которые теоретически могут быть использованы для блокировки доступа Израиля и Иордании к Красному морю. У Израиля есть второй морской берег — средиземноморский, а вот для Иордании менее чем 30-километровая полоса красноморского побережья (г. Акаба) дает единственную возможность для выхода на просторы океана. В свое время именно события в Тиранском проливе, образованном этими двумя островками, послужили триггером для арабо-израильской войны 1967 г., известной как «шестидневная война».

Обилие разнонаправленных силовых векторов, взаимно конкурирующих интересов и, вместе с тем, отсутствие соответствующих национальных и международных институтов, которые бы способствовали региональному сотрудничеству — все это делает регион Красного моря тем местом, где прослеживается тенденция усиления конфликтного потенциала, а возникающие альянсы нестабильны и переменчивы. То обстоятельство, что через этот регион проходит большая часть мировой торговли, только повышает градус напряженности и привлекает иностранные державы, стремящиеся утвердить здесь свои позиции.

Политические процессы, наблюдаемые в регионе Красного моря и Африканского Рога, сочетают в себе элементы прежних исторических схем и современных геополитических моделей, в которых безопасность и коммерческие интересы мировых и региональных держав, безусловно, доминируют над несоизмеримыми по масштабам интересами слабых местных государств и населяющих их народов.

---

¹ Красное море и Аденский залив: борьба за доминирование. Материалы конференции / Под ред. В. П. Фитина. М.: РИСИ, 2019. С. 7.

Сидоренко К. Д. (ИВ РАН, Москва)

Ливийская нефть в вооруженном конфликте

На протяжении последнего десятилетия все социально-экономические процессы в Ливии строятся вокруг внутреннего вооруженного конфликта. При этом перспективы получения долгосрочных дивидендов от восстановления и развития нефтяной отрасли слабо мотивируют его участников к политическим компромиссам. В этом Ливия отличается от той же Сирии, где ни центральные власти, ни курды не осознают себя «временщиками» и заняты поиском *модуса вивенди* для взаимовыгодного налаживания единых хозяйственных связей, как, например, восстановления нефтяных месторождений и трубопроводного транспорта.

В Ливии же нефтяная отрасль оказалась напрямую вовлечена в вооруженный конфликт, на макро и микроуровнях, что делает ее заложником краткосрочных целей конфликтующих сторон, которые, похоже, не стремятся отказываться от логики мышления «победивший получает все», расценивая нынешний *статус-кво* как сугубо временный, что прослеживается в следующем:

Во-первых, за годы конфликта объекты нефтяной инфраструктуры часто переходили под контроль разных противоборствующих сторон, что давало временное тактическое преимущество, но в стратегическом плане крайне негативно сказывалось на всей отрасли. Захват объектов нефтяной инфраструктуры приводил к приостановке добычи и экспорта нефти, основного источника бюджетных доходов, результатом чего стало пятикратное уменьшение ВВП¹.

Во-вторых, боестолкновения усугубили давние проблемы нефтяной промышленности: инфраструктура еще более изнасилась в техническом отношении, а местами пришла в полный упадок. Как следствие, Ливия оказалась в ситуации, когда даже политическая стабилизация не в состоянии обеспечить быстрое восстановление нефтедобычи. Так, после подписания 23 октября 2020 года соглашения о прекращении огня между Правительством национального согласия (ПНС) и Ливийской национальной армией (ЛНА) страна вроде бы вышла на довоенный уровень добычи², но вскоре оставшиеся без надлежащего обслуживания трубы в нефтепроводах начали протекать из-за эрозии. Это доказывает необходимость скорейшего перехода от мышления «временщиков» к планомерным шагам по реконструкции и развитию, что

¹ Libyan GDP: Total and per capita, current and constant (2015) prices, annual / UNCTADStat. URL: <https://unctadstat.unctad.org/wds/TableViewer/tableView.aspx> (дата обращения: 15.01.21).

² غلوبال بلاتس تحذر من انعكاسات الانسداد السياسي على إنتاج النفط الليبي / Global Platts предупредило о последствиях политического тупика на добычу нефти в Ливии / Alwasat.ly, 07.01.21. URL: <http://alwasat.ly/news/libya/306780> (дата обращения: 15.01.21).

пока можно наблюдать лишь в виде инициатив отдельных местных нефтяных компаний.

В-третьих, вовлеченность нефтяного сектора в конфликт прослеживается и на микроуровне. Не преодолены разногласия между крупнейшим оператором — Национальной нефтяной корпорацией (ННК) и ПНС в лице Центрального банка Ливии. ННК критикует ПНС за выделение слишком малых средств на нужды реконструкции отрасли, но при этом не спешит переводить прибыль от продажи нефти в Центробанк до формирования единого правительства¹, что является своего рода инструментом политического давления. Банк, в свою очередь, обвиняет ННК в сокрытии доходов от экспорта нефти. На деле же этот спор препятствует притоку в народное хозяйство финансовых ресурсов, вырученных от возобновившейся нефтедобычи.

В конечном счете вовлеченность нефтяной отрасли в конфликт на микро- и макроуровнях лишает страну основного источника дохода, жизненно необходимого не только для успешного постконфликтного восстановления экономики, но и для модернизации и устойчивого развития.

Травкин П. С. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)

Конфликт в Сабахе в 2013 г. как фактор дестабилизации обстановки в регионе Юго-Восточной Азии

Султанат Сулу, расположенный на одноименном архипелаге южнее острова Минданао в XVIII в., после упадка мощи Султаната Бруней стал одним из ведущих государств в Юго-Восточной Азии². В XIX в. под давлением европейской экспансии (в первую очередь Испании и Великобритании) и внутренних междоусобиц Султанат Сулу потерял былую мощь и в 1878 г. потерял территории на Борнео, формально сдав их в «вечную» аренду Великобритании³.

После завоевания Филиппин американцами в 1898 г. Сулу был полностью интегрирован в систему управления американскими Филиппинами.

После обретения страной независимости филиппинская сторона все чаще стала требовать возвращения территории Сабаха, сначала у Великобритании, а потом у Федерации Малайзия после ее образования в 1963 г. Долгий дипломатический конфликт между Филиппинами и Малайзией активно

¹ غلوبال بلاتس تحذر من انعكاسات الانسداد السياسي على إنتاج النفط الليبي / Global Platts предупредило о последствиях политического тупика на добычу нефти в Ливии / Alwasat.ly, 07.01.21. URL: <http://alwasat.ly/news/libya/306780> (дата обращения: 15.01.21).

² Bilcher Bala. Tuntutan Waris Kesultanan Sulu ke atas Negeri Sabah, 1673–2013, 2015. P. 2.

³ Martin Meadows. The Philippine Claim to North Borneo// Political Science Quarterly. 1962. Vol. 77, No. 3. P. 327–328.

подогревался потомками султанов Сулу, которые мечтали восстановить историческую справедливость¹.

Конфликт за обладание Сабахом между Филиппинами и династией султанов Сулу, с одной стороны, и Федерацией Малайзия отошел на второй план с конца 1960-х гг., когда на юге Филиппин развернулась вооруженная борьба филиппинских мусульман против правительства в Маниле. Малайзия занимала позицию посредника в разрешении этого конфликта. Однако события 2013 г. вернули конфликт за территорию штата Сабах в повестку малайзийско-филиппинских отношений.

В начале 2013 г. около 200 вооруженных боевиков высадились на восточном побережье Сабаха и захватили город Лахад Дату. Вскоре выяснилось, что боевики называют себя Армией Султана Сулу (англ. *The Royal Army of Sulu*) и действовали по приказу султана Джамалула Кирама III, потомка династии султанов Сулу. Конфликт в Сабахе длился около месяца. В результате боевых действий отряды боевиков понесли тяжелые потери и были вынуждены покинуть территорию Малайзии².

После этих событий султан Кирам III объявил, что не собирается прекращать борьбу. Попытки малайзийских властей добиться суда над султаном закончились неудачей из-за смерти Кирама в конце 2013 г. Стоит отметить, что несмотря на обострение конфликта, Малайзия по сей день продолжает выплачивать потомкам династии султанов Сулу плату по договору 1878 г. (около 1.700 долларов каждый год)³.

Борьба за территорию штата Сабах — значительный фактор дестабилизации обстановки в регионе. Ситуация с вторжением боевиков в Сабах показала заинтересованность исламистских группировок в установлении контроля над штатом. Стоит отметить то, что в своих попытках закрепиться в богатом ресурсами Сабахе террористы (как выходцы из исламистских группировок с Минданао, так и вооруженные сторонники восстановления Султаната Сулу) опирались на филиппинских беженцев с южных островов Филиппин⁴.

Таким образом, здесь сошлись интересы двух стран, старающихся усилить свое геополитическое и экономическое влияние, исламистских группировок, стремящихся создать исламское государство на территории Юго-Восточной Азии, и потерявшей всякую власть династии давно упраздненного султаната, которая стремится вернуть былое величие.

¹ Paridah Abd. Samad Abu Bakar, Darusalam Abu Bakar. Malaysia-Philippines Relations: The Issue of Sabah// Asian Survey. 1992. Vol. 32, No. 6. P. 555.

² Mengimbas insiden Lahad Datu — kenapa kesultanan Sulu rasa kawasan di Sabah dia yang punya? URL: <https://soscili.my/mengimbas-insiden-lahad-datu-kenapa-kesultanan-sulu-rasa-kawasan-di-sabah-dia-yang-punya/> (дата обращения: 28.01.2021)

³ Двести султанцев. Потомки средневековых монархов пошли войной на Малайзию. URL: <https://lenta.ru/articles/2013/03/07/sulu/> (дата обращения: 28.01.2021).

⁴ Там же.

Попытки разыграть карту Сабаха могут серьезно изменить ситуацию с безопасностью в Юго-Восточной Азии в целом. Дестабилизация в Сабахе грозит обернуться внутренним кризисом для Малайзии, а также способна кардинально изменить расклад сил в конфликте в Южно-Китайском море, что играет на руку Китаю, который имеет территориальные споры, как с Филиппинами, так и с Малайзией. Потомкам же султанов Сулу остается довольствоваться лишь ежегодной платой от правительства Малайзии по договору 1878 г. Сегодня можно с точностью сказать, что любые попытки восстановления Султаната Сулу в его прежних границах являются заведомо провальными и будут использоваться лишь для дестабилизации ситуации на Северо-Востоке Борнео.

Урпер Мехмет (СПбГУ, Санкт-Петербург)

Перспективы развития российско-турецких отношений

Если рассматривать российско-турецкие отношения сквозь призму теории мир-системного анализа Иммануила Валлерстайна, можно прийти к выводу, что российско-турецкие отношения происходят в рамках полупериферии. Они сочетают в себе как качества центра так и периферии. В отличие от Турции Россия ведет независимую политику от Центра. Турция связана обязательствами с Центром, как экономическими, так и политико-дипломатическими, что ведет к дополнительным нагрузкам на двусторонние отношения. Многие исследователи турецкой внешней политики склоняются к мысли, что во внешнеполитической стратегии Турция руководствуется идеями пантюркизма и пантуранизма. Обе идеи противоречат российским интересам. С помощью западных партнеров Турция начала активный процесс имплементации мягкой силы в регионе. Но на начальном этапе Турции пришлось столкнуться с рядом идеологических проблем. Таким образом, одна из проблем российско-турецких отношений идеологическая.

В целом, распад биполярной системы международных отношений вызвал кризис в политической элите Турции. Турецкие лидеры опасались снижения роли Турции для западных партнеров; вслед за этим внешнеполитическое ведомство стало активно разрабатывать внешнеполитические концепции. Турция при активной поддержке Запада активизировалась на территории СНГ. В период первого десятилетия после распада биполярной системы в российско-турецких отношениях не наблюдалось конфронтации: оба государства были заняты развитием собственного экономического потенциала. Внешнеполитическое ведомство Турции возглавил видный политический деятель Ахмет Давутоглу, начав претворение в жизнь концепции «стратегическая глубина». Ахмет Давутоглу в 2001 г. опубликовал книгу «Стратегическая глубина. Международное

положение Турции», где изложил будущую стратегию для достижения статуса мировой державы. Концепция «ноль проблем с соседями» также легла в основу новых российско-турецких отношений. Несмотря на то, что основная идея заключалась в установлении долгосрочных партнерских отношений со странами ближневосточного региона, в целом произошло существенное экономическое сближение с Россией. С 2009 г. начинается сотрудничество России и Турции в сфере атомной энергетики. В ходе рабочего визита В. В. Путина в Турцию, был подписан соответствующий договор¹.

Однако после 2010 г. отношения между двумя странами переходят к противостоянию. События в Сирии внесли разлад в российско-турецкие отношения. Ситуация усугубилась после того, как российские и турецкие военные оказались в Сирии и появилась прямая угроза столкновения. Кардинально меняются отношения после того, как турецкие военные сбили российский СУ-24 в ноябре 2015 г. Российско-турецкие отношения складываются не только в контексте ближневосточных процессов, но и кавказского региона. Турция признает за Россией статус главного регионального игрока. К такому мнению склоняется и Стивен Ларраби. Он утверждает, что в период нормализации армяно-турецких отношений, Турция по-видимому, надеялась, что Россия повлияет на Армению и последняя сделает уступки в нагорно-карабахском конфликте².

Помимо Сирии в российско-турецких отношениях камнем преткновения становится и Украина. Давутоглу заявил, что в интересах Турции решение всех политических проблем дипломатическими методами, основанными на принципах международного права, так как Турция находится в непосредственной близости от Украины и России³.

Перспективы развития российско-турецких отношений во многом определяются экономическими интересами обеих государств.

Федоров Н. В. (СПбГУ, Санкт-Петербург)

Роль Сингапура для развития взаимодействия между ЕАЭС и АСЕАН

Юго-Восточная Азия является одним из важных направлений политики Евразийского экономического союза. Во многом это связано с тем, что страны

¹ Россия будет строить АЭС в Турции. [Электронный ресурс] URL: http://ria.ru/trend/atomic_power_station_turkey_06082009/ (дата обращения: 01.10.2016).

² Stephen Larrabee. Turkey's Eurasian Agenda. The Washington Quarterly, winter 2011. P. 109.

³ Турция не признала крымский референдум. 18.03.2014. [Электронный ресурс] URL: <http://mk-turkey.ru/politics/2014/03/18/turciya-ne-priznala-krymskij-referendum.html> (дата обращения: 11.10.2016).

АСЕАН играют все более заметную роль в международных отношениях и экономике АТР. В итоговой декларации саммита России и АСЕАН в Сочи в мае 2016 г. была отмечена возможность создания зоны свободной торговли (ЗСТ) между ЕАЭС и АСЕАН. В ноябре 2018 г. Евразийская экономическая комиссия и АСЕАН подписали меморандум о взаимопонимании. Развитие экономического взаимодействия между странами ЕАЭС и АСЕАН было заявлено как один из ключевых элементов инициативы Большого евразийского партнерства. В то же время препятствием для расширения сотрудничества является низкий уровень торгового оборота и экономической интеграции между странами ЕАЭС и АСЕАН. Экспертами отмечается, что условием создания ЗСТ ЕАЭС — АСЕАН может стать серия соглашений о ЗСТ между ЕАЭС и отдельными странами Ассоциации¹. В мае 2015 г. такое соглашение было подписано между ЕАЭС и Вьетнамом. Продолжаются переговоры по этому вопросу с другими странами АСЕАН. Следующим после Вьетнама государством АСЕАН, с которым планировалось подписание договора о ЗСТ, считался Сингапур. Переговоры, которые велись с декабря 2016 г., однако, затянулись и соглашение о свободной торговле товарами было подписано только 1 октября 2019 г.

Значимость Сингапура для ЕАЭС определяется следующими факторами. Сингапур является одной из самых развитых стран мира. Россия и Сингапур активно сотрудничают в сфере цифровых и инновационных технологий². Соглашение о свободной торговле с Сингапуром имеет также «имиджевое» значение, поскольку доказывает, что ЕАЭС может эффективно взаимодействовать в Юго-Восточной Азии не только с «политически близким» для Москвы Вьетнамом³. Важной сферой, как предполагается, может стать инвестиционное сотрудничество. Зона свободной торговли товарами должна быть дополнена либерализацией рынка услуг и инвестиций после подписания соответствующих соглашений с отдельными странами ЕАЭС. Отмечалось, что в отношениях ЕАЭС и Сингапура инвестиционная повестка будет преобладать по сравнению с товарной⁴. Также Сингапур может играть логистическую роль для связки ЕАЭС и АСЕАН, принимая во внимание его опыт транспортного хаба и центра морской торговли⁵. Кроме того, уже сейчас реализуются совместные проекты

¹ ЕАЭС и АСЕАН: Открывая новые горизонты сотрудничества. Аналитический доклад. М., 2017. С. 75.

² Осипова М. Г. Российско-сингапурские отношения на рубеже XX–XXI веков // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2019. № 4 (45). С. 146.

³ Канаев Е., Королев А. Reenergizing the Russia–ASEAN Relationship: the Eurasian Opportunity // Asian Politics & Policy. 2018. Vol. 10. N. 4. P. 745.

⁴ Лисоволик Я. Евразийский экономический союз и АСЕАН: оценка взаимодополняемости // Международные процессы. 2017. Т. 15. № 3 (50). С. 52.

⁵ Канаев Е. А., Королев А. С. Большая Евразия, Индо-Тихоокеанский регион и отношения России с АСЕАН // Контуры глобальных трансформаций. 2019. Т. 12. № 1. С. 37.

с участием российских и сингапурских компаний по организации электронной торговли между странами ЕАЭС и АСЕАН¹.

ЗСТ ЕАЭС — Сингапур не только дает возможность расширения сотрудничества между ЕАЭС и Сингапуром, но и представляет собой очередной этап выстраивания партнерства между ЕАЭС и АСЕАН. Данная ЗСТ может способствовать развитию инвестиционного и логистического сотрудничества между ЕАЭС и АСЕАН и, соответственно, их экономических связей, а также служить примером для других стран Юго-Восточной Азии и моделью взаимодействия в новом формате. Впрочем, соглашение о свободной торговле товарами пока не ратифицировано, а проект договора об услугах и инвестициях еще продолжает обсуждаться.

Чикризова О. С. (РУДН, Москва)

Участие России в межрелигиозном и межконфессиональном диалоге в регионе Ближнего Востока и Северной Африки²

Актуальность исследования обусловлена необходимостью пересмотра основных направлений взаимодействия России и Русской Православной Церкви с мусульманскими и христианскими общинами Ближнего Востока и Северной Африки в условиях, когда христианские и мусульманские меньшинства, проживающие в регионе, подвергаются геноциду со стороны террористических группировок. В первую очередь, речь идет о таких странах, как Ирак, Сирия, Ливия, а также Египет, Ливан и Судан. Кроме того, по всему миру наблюдается рост религиознофобских настроений, обусловленных осуждением мировоззрения и образа жизни, которые основаны на религиозных ценностях.

В настоящее время перед всеми конфессиями стоит общая задача — предотвратить уничтожение этноконфессиональных меньшинств, прекратить насилие и кровопролитие, осуществляемые террористическими группировками типа ИГ (запрещена в России). Необходимо разработать механизмы урегулирования внутри- и межгосударственных конфликтов в регионе Ближнего Востока, причем как с участием международных правительственных организаций, так и с привлечением религиозных институтов.

¹ Interview of Sergey Pronin and Desmond Tay to RBC TV Channel. 07.06.2019. URL: <http://www.rsbctrade.com/interview-of-sergey-pronin-and-desmond-tay-to-rbc-tv-channel/>.

² Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20–014–41002 «Взаимодействие России и Русской Православной Церкви с мусульманскими и христианскими общинами на Ближнем Востоке».

Регион Ближнего Востока и Северной Африки является одним из приоритетных направлений во внешней политике России, поскольку там сосредоточены военно-стратегические, экономические (главным образом, энергетические) интересы Российской Федерации, а также ряд вызовов и угроз национальной безопасности России исходят именно с территории Ближнего Востока.

В настоящее время, когда Россия нацелена на восстановление бывшего влияния на Ближнем Востоке, участие Российского государства и Русской Православной Церкви в налаживании межрелигиозного и межконфессионального диалога в регионе может стать базой для эффективной политики «мягкой силы» России. Задел для этого уже существует: как известно, еще с XV в. Россия позиционировала себя как защитница православных христиан, проживавших под властью мусульманских правителей. На современном этапе, в 2015 г., Россия наряду с Ливаном и Святым Престолом стала инициатором декларации о защите христианских меньшинств Ближнего Востока, принятой Советом по правам человека ООН.

Опыт «религиозной дипломатии» России — многоконфессионального государства, где мирно сосуществуют представители различных религиозных традиций, может оказаться бесценным для решения проблем «глубоко разделенных обществ» Ближневосточного региона. В этой связи цель статьи — выявить потенциальные направления и площадки участия России в решении таких проблем, как геноцид христиан Ближнего Востока и Северной Африки в ходе вооруженных конфликтов и деятельности террористов, уничтожение религиозных святынь и памятников. Также предполагается систематизировать инструменты и механизмы, которыми обладает Россия для содействия межрелигиозному и межконфессиональному диалогу в регионе и преодолению конфликтов на религиозной почве.

Исследование носит междисциплинарный характер, предполагает использование методов исторической и политической наук. В ходе исследования будет широко применяться историко-генетический метод, сравнительный анализ положения различных этноконфессиональных общин в странах Ближнего Востока, герменевтический анализ нормативно-правовых документов. Из арсенала политических наук будут использованы следующие количественные методы: контент-анализ выступлений, речей, программных документов российских и ближневосточных лидеров, деятелей РПЦ и ближневосточных автокефальных церквей.

СЕКЦИЯ XIX • SECTION XIX

КРУГЛЫЙ СТОЛ: «ПОЛИТИКА И ТРАДИЦИОНАЛИЗМ
В СТРАНАХ АЗИИ И АФРИКИ»

ROUND TABLE DISCUSSION: "POLITICS AND
TRADITIONALISM IN ASIAN AND AFRICAN STATES"

Альбертян А. П. (МГЛУ, Москва)

Африка как важный ресурсный потенциал для России

XXI век ознаменовал собой становление африканских государств как важных участников мирового политического процесса. Пришедшие к власти новые африканские политики стремятся к развитию сотрудничества с различными иностранными государствами и диверсификации отношений, не заостряя внимание только лишь на так называемых традиционных партнерах, с которыми их связывают узы колониального прошлого.

В настоящий момент основные крупные месторождения полезных ископаемых Российской Федерации, расположенные в традиционных регионах добычи находятся в стадии падающей добычи и серьезной выработки. В условиях истощения запасов указанных районов, необходим поиск и ввод в разработку новых месторождений, расположенных в малоизученных регионах, которым и является Африка, способных стать подспорьем для обеспечения энергетической безопасности и минерально-сырьевой независимости России в будущем.

Россия способна выстраивать взаимоотношения с африканскими государствами на конкурентной основе с западными и восточными партнерами. Сегодня наиболее эффективное сотрудничество с африканскими государствами осуществляется за счет реализации проектов в области недропользования, что позволяет создавать благоприятные условия для развития экономики африканских государств в целом. Далее считаем необходимым кратко рассмотреть деятельность российской компании в Республике Ангола, как одним из наиболее успешных примеров деятельности российского бизнеса на африканском континенте.

Минерально-сырьевая база Анголы включает в себя крупные запасы алмазов, нефти, золота, урана, бокситов и иных полезных ископаемых. Деятельность по разработке ангольских недр, в том числе алмазов ведут компании из нескольких стран мира, лидерство же в данной отрасли, удерживает российская компания АК «АЛРОСА» (ПАО).

Компания реализует свою деятельность в Анголе через участие с 1993 г. в Горнорудном обществе «Катока» Лтд. (АК «АЛРОСА» — 41 %, ангольская государственная компания «ENDIAMA E. P.» — 41 %, международный холдинг «LL International Holding B. V.» — 18 %) и совместном предприятии «КИМАНГ» («ALROSA Overseas S. A.» — 50 % и «ENDIAMA Mining Lda» — 50 %), что в конечном итоге составляет более 65 % от общей выручки на алмазном рынке Анголы. Участие в проектах является крайне выгодным с точки зрения обеспечения российского присутствия в стране, прибыльным с точки зрения экономической эффективности и возможности увеличения ресурсной базы компании в условиях распределения имеющихся отечественных месторождений алмазов.

Указанный опыт успешной реализации проектов АК «АЛРОСА» (ПАО) в Анголе может являться положительным примером для вхождения в страну российского нефтегазового бизнеса, а также ввиду наличия в Анголе крупных запасов нефти, высокого уровня ее добычи и низкой геологической изученностью основной территории страны. Кроме этого, одним из серьезных конкурентных преимуществ российских нефтегазовых компаний является то, что большинство африканских стран, в отличие от региона Ближнего Востока, успевшего к настоящему времени создать компетенции в области управления и добычи полезных ископаемых, не обладают необходимыми технологиями и знаниями, а также возможностью серьезного инвестирования в проекты по поиску, разработке и добычи полезных ископаемых.

Таким образом, учитывая имеющийся опыт работы российских компаний на африканском континенте, наращивание взаимовыгодного сотрудничества с африканскими государствами остается одним из главных приоритетов России.

Ахматшина Э. К. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)

Концепция функциональной грамотности в контексте языковой политики арабских стран

Одной из задач языковой политики государства в области образования является увеличение показателей грамотности среди населения, что в свою очередь способствует экономическому развитию государства, формированию гражданского общества, стабилизации и нормализации различных социально значимых процессов в нем. Грамотность является правом человека и основой для обучения на протяжении всей жизни¹. Традиционно под грамотностью понимается «определенная степень владения человеком навыками чтения и письма в соответствии с грамматическими нормами родного языка»². Однако с точки зрения профессионально-компетентного подхода все чаще приходится говорить о «функциональной грамотности». В 1978 г. ЮНЕСКО постулирует: «функционально грамотным считается только тот, кто может принимать участие во всех видах деятельности, в которых грамотность необходима для эффективного функционирования его группы и которые дают ему также возможность продолжать пользоваться чтением, письмом и счетом для своего собственного развития и для дальнейшего развития социального окружения»³. В декларации ООН от 2000 г. функциональная грамотность становится больше, чем просто базовая грамотность: теперь это «...способность полноценно и эффективно функционировать как члены сообщества, родители, граждане и работники»⁴.

Функциональная грамотность, также как и базовая грамотность, подразумевает, прежде всего, использование родного языка в качестве инструмента обучения и познания. В идеале человек посредством родного языка должен получить способности и умения эффективно интерпретировать информацию, генерировать, анализировать и применять ее в профессиональных, хозяйственных и других видах деятельности. Применительно к арабским странам родные языки/диалекты или «mother tongues» не являются официальными и преподавание в образовательных учреждениях ведется либо на общерабском

¹ Портал ЮНЕСКО. Грамотность для всех. URL: <https://ru.unesco.org/themes/gramotnost-dlya-vseh> (дата обращения: 10.01.2021).

² Большая российская энциклопедия. URL: <https://bigenc.ru/education/text/2375915> (дата обращения: 10.01.2021).

³ Фролова П. И. К вопросу об историческом развитии понятия «Функциональная грамотность» в педагогической теории и практике // Наука о человеке: гуманитарные исследования. 2016. №1 (23). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-ob-istoricheskom-razviti-i-ponyatiya-funktsionalnaya-gramotnost-v-pedagogicheskoy-teorii-i-praktike> (дата обращения: 12.01.2021).

⁴ United nations Literacy Decade: education for all; International Plan of Action: implementation of general Assembly resolution 56/116, p. 4.

литературном языке, либо на европейских, либо образовательные программы комбинируют использование как минимум двух языков, включая ОЛЯ. В связи с этим не раз за новейшую историю БВСА вставал вопрос о целесообразности кодификации родных языков, внедрении диалектов в систему национального образования и даже секуляризации арабского языка¹.

С точки зрения педагогики язык является контентом. Знакомство с фонетическим строем родного языка происходит в раннем детском возрасте (3–4 года), и навыки чтения формируются к дошкольному возрасту (5–7 лет). В случае с системой образования в арабских странах ребенок с дошкольного возраста обучается ОЛЯ для формирования навыков чтения, но не на родном языке, а на формальном официальном языке. Арабские дети, начиная с начальной школы, учатся читать, писать, понимать на слух ОЛЯ. В данной связи возникают следующие вопросы: 1) не имея возможности закрепить ОЛЯ в повседневном речепользовании, в какой степени может обучающийся носитель/пользователь ОЛЯ мыслить в широком понимании этого слова на этом языке, свободно выражаться и формулировать себя, тем самым развивая свою функциональную грамотность? 2) какое влияние оказывает диглоссия (сосуществование официального и разговорного языков) на развитие и распространение функциональной грамотности среди разных слоев населения? 3) существует ли качественная связь между языком обучения и показателями функциональной грамотности обучающихся? Ответы на данные вопросы, требующие масштабных исследований образовательных систем в арабских странах, помогут спрогнозировать дальнейшие векторы развития языковой политики в регионе.

Бочаров В. В. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)

«Традиционализм» в антропологическом дискурсе²

Как известно, статус научной дисциплины определяется наличием предмета исследования, теории, и используемых методов. Однако, несмотря на, казалось бы, довольно длительную историю востоковедных исследований, возникших в Европе в XVII–XVIII вв., процесс институализации науки еще далеко не завершен. Налицо проблемы с идентификацией всех трех компонентов, определяющих статус востоковедения как самостоятельной научной дисциплины³.

---

¹ Maamouri, M. (1998) “Arabic Diglossia and its Impact on the Quality of Education in the Arab Region”. Discussion paper prepared for the World Bank, the Mediterranean Development Forum, Marrakech, p. 7–16.

² Исследование выполнено за счет гранта РФФИ (№ 20–59–05006).

³ Введение в востоковедение. СПб, КАРО, 2011. С. 15–24.

В частности, уточняется объект исследования, который не базируется на географическом принципе, когда Восток сводится к Азии и Африке, преимущественно Северной ее части, как это обычно делается, а на социокультурном, специфическим для стран и населения разных регионов, относимых теме не менее, к Востоку.

В результате в качестве предмета исследования было предложено считать *традиционализм*: «Фундаментом формирования культурной, социально-психологической и иной специфики, которая выделяет Восток как особый культурно-исторический ареал, мы предлагаем считать *традиционализм*»¹. Из чего следует, что: «Востоковедение — это наука о духовной и материальной культуре *традиционалистских обществ* в синхронии и диахронии с опорой на свидетельства языка и текста».²

Для описания традиционализма как предмета исследования целесообразно использовать понятия и категории родственной востоковедению социально-культурной антропологии, появившейся в ходе изучения **традиционного общества**. Его идеальный тип включает свойства: общественная собственность в области экономики, потестарная власть в политической сфере, обычное право — в юридической.

Однако изучение традиционного общества в его калейдоскопе традиционных культур, расположенных в различных регионах, характерно для *классического востоковедения*. Для него было, действительно, вполне достаточно, понимания специфики традиционализма как особой иерархией ценностей, свойственной означенным культурам. К ним относились приверженность ценностям «прошлого» («авторитету истории, включая историю мифологическую») и аперсонализм, т. е. приоритет коллективных ценностей.

Тем не менее сегодня для современного Востока этого явно недостаточно. Неотъемлемой частью многих культур региона стали и *ценности будущего* (построение коммунизма, как например, в Китае), не чужды им и индивидуалистические ценности. Иными словами, если в методологическом ракурсе востоковедение прежде предпочитало преимущественно *статику*, то сегодня следует переходить к изучению *динамики* или *движения*³.

Динамика современного Востока определяется взаимодействием «традиционного общества» и западного «индустриального общества», в результате которого сложилась единая «мир-система»⁴. Заимствование западных куль-

¹ Там же. С.16.

² Там же. С.21

³ Головнев А. В. Антропология движения (древности Север-ной Евразии). Екатеринбург: УрО РАН; Волот, 2009. 496 с.

⁴ Wallerstein I. The Rise and Future Demises of World Capitalist System: Concepts for Comparative Analysis//Comparative Studies in Society and History. Vol. 16. № 4. 1974. P. 387–415.

тур (насильственное или добровольное), не только изменило картину мина носителей традиционных культур, которые теперь следует называть *традиционалистскими*, но и породило конфликт в самом традиционном обществе. Важным маркером обострившихся противоречий является перманентный для региона революционизм.

Общественные процессы на современном Востоке (периферии мир-системы) не имеют прямых аналогий с западными, поскольку заимствованные культуры переформатировали их протекание в соответствии с собственными приоритетами. В результате под современной (западной) формой (культурой) кроется во многом традиционное содержание. Данный феномен следует определять как *неотрадиционализм*¹.

Он не может изучаться науками, сформировавшимися при изучении западных реалий, вследствие неадекватности их методов предмету. Это возможно только с опорой на методы социально-культурной антропологии: участвующее наблюдение, разного рода интервью, опросы, визуальные методы, которые используются в рамках антропологических дисциплин: экономической, политической, юридической, лингвистической и пр. антропологий, ориентированных прежде всего на изучение теневых практик в экономике, политике, правовой сфере, в повседневной жизни членов социума. Подобные практики густо представлены на именно Востоке, вследствие особой траектории его движения в мировом эволюционном процессе.²

Валиева Е. Г. (СПбГУ, Санкт-Петербург)

Неотрадиционализм нгони: феномен культурных фестивалей³

Общности нгони, возникшие в результате миграции с территории современной ЮАР двух групп воинов в период Мфекане (1810–1830-е гг.), представляют значительный интерес для исследования феномена неотрадиционализма. Таких маркёров этнической идентичности, как общий язык и территория, у нгони нет. В данный момент нгони проживают в Малави, Танзании и Замбии, а все группы, кроме танзанийских, имеющих собственный язык, говорят на языках соседей. Мы остановимся на основном типе

---

¹ Неотрадиционализм: архаический синдром и конструирование новой социальности в контексте процессов глобализации, СПб., КИО, 2019. 320 с.

² Бочаров В. В. Общество и культура в эволюционном процесс// Антропологический форум. №14, 2011. С. 272–283.

³ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 21–18–00254).

площадок актуализации этнической идентичности — культурных фестивалях нгони. В последние годы наблюдается следующая тенденция — усиление взаимопомощи между организаторами, в лице которых часто выступают музеи, ассоциации возрождения и традиционные лидеры, и участниками различных культурных фестивалей. Ранее в информационной повестке на первый план выходили попытки авторов-нгони в СМИ и даже научных трудах установить иерархию культурно знаковых мест и событий в пользу своего родного региона.

Среди фестивалей нгони-джерере крупнейшим является Нчвала (*Nc'wala*), проведение которого было запрещено на рубеже XIX–XX вв., а возобновилось в 1980 г. в Мтенгулени (*Mtenguleni*) в Восточной провинции Замбии под руководством верховного вождя Мпезени IV Джере¹. В Мабири (Мабили) в дистрикте Мзимба, Малави, рядом с резиденцией другого верховного вождя нгони-джерере М'мбелва V проводится церемония, посвященная прибытию в середине XIX в. военачальника и вождя Звангендабы Джере в Малави из Южной Африки². Здесь же с 2008 г. проводят фестиваль Умтето (*Umtheto*)³. У нгони-масеко также существуют фестивали, посвященные культурному единению и проводящиеся под руководством верховного вождя Гомани V: Умлангано (*Umhlangano*) и Умбизо в дистрикте Нтчеу, Малави⁴.

Итак, 2018 год начался с объявления делегации нгони-джерере об участии в Танзанийском культурном фестивале «День памяти восстания Маджи-Маджи», значительную роль в проведении которого играют нгони Танзании. Другая делегация под руководством *инкоси* (вождя) Мабилабо Джере (*Mabilabo Jere*) выехала из Малави в Замбию для участия в фестивале Нчвала⁵. «Ассоциация наследия нгони Мчинджи» (*Mchinji Ngoni Heritage Association*) в Замбии в последние годы работает рука об руку с «Ассоциацией наследия Мзимба»

¹ Hewitt R. L., Phiri S. Nc'wala. The First Fruits Ceremony of the Ngoni // Kungoni Art Project, Mua Mission, Malawi. 2014. P. 1–41. URL: <http://kapmalawi.org/pdf/ncwala.pdf> (дата обращения: 04.05.2019).

² Phiri D. D. Some notes on the Ngoni clans of Malawi and the Ngoni celebrations at Mabili of September, 2002 // The Society of Malawi Journal. 2002. Vol. 55, no. 2. P. 65–71., p. 69.

³ Umtheto celebrates 10 years // Nation Online. 2018. URL: <https://mwnation.com/umtheto-celebrates-10-years> (дата обращения: 05.05.2019).

⁴ Chiuta W. Chilima to attend Umhlangano wa Maseko Ngoni celebrations // Nyasa Times. 2018. URL: <https://www.nyasatimes.com/chilima-to-attend-umhlangano-wa-maseko-ngoni-celebrations> (дата обращения: 04.05.2019); Kaiya M. Inkosi Gomani V Calls for Continued Unity as Chimulirenji Attends Umbizo // Nyasa Times. 2020. URL: <https://www.nyasatimes.com/inkosi-gomani-v-calls-for-continued-unity-as-chimulirenji-attends-umbizo/> (дата обращения: 31.01.2021).

⁵ Gondwe E. 2018 cultural fests And political vultures // The Nation. 2019. URL: <https://www.mwnation.com/2018-cultural-fests-and-political-vultures/> (дата обращения: 28.01.2021).

(*Mzimba Heritage Association*), принимая участие в проведении церемонии Умтето, и с верховным вождем нгони-масеко — Гомани V, участвуя в проведении фестивалей Умбизо и Умлангано в Нтчеу¹.

Таким образом, нельзя не отметить влияние вышеназванных тенденций на единение разрозненных общностей нгони. Итогом этого, в первую очередь, может стать увеличение доли нгони, не придающих значение таким маркёрам идентичности как «Джере» и «Масеко», в доколониальное время являвшимся родовыми именами. Дополнительным следствием может явиться постепенное формирование канвы общей «истории народа нгони», тогда как в данный момент на каждом из фестивалей воспроизводится «локальный» вариант.

Гегамян В. Г. (ЕГУ, Армения)

«Конструируй и властвуй»: культ личности Эрдогана в Турции²

Политическая история Турецкой Республики XXI в. сильно отличается от предыдущих исторических этапов в первую очередь способностью правящей партии и лично Реджепа Тайипа Эрдогана удерживать монополию на власть на протяжении уже почти 20-и лет (для сравнения — даже основатель нынешней республики Кемаль Ататюрк правил всего 15 лет). Выявление причин исключительной продолжительности власти во главе с политическим должителем Эрдоганом не представляется возможным без всестороннего изучения роли личности Эрдогана в нынешней политической системе.

С начала 2010-х гг. Эрдоган постепенно сконцентрировал вокруг себя всю властную элиту, которая раньше была представлена несколькими лидерами. В результате этого сформировалось авторитарное правление, где присутствует сильная властная вертикаль с присущей ее дискурсивной политикой и доминирующей идеологией. Можно утверждать, что именно совокупность данных факторов обеспечивает продолжающуюся легитимность власти Эрдогана. При этом нам представляется, что центральным элементом сформировавшейся политической системы является культ личности Эрдогана, вокруг которой конструируется властная вертикаль, доминирующая идеология, и происходит мобилизация большинства турецкого общества, обеспечивающего постоянное

---

¹ Namadzunda Ch. Ma Blacks to perform at Mchinji Ngoni's fundraising show: Target K5m for N'cwala ceremony // Nyasa Times. 2020. URL: <https://www.nyasatimes.com/ma-blacks-to-perform-at-mchinji-ngonis-fundraising-show-target-k5m-for-ncwala-ceremony/> (дата обращения: 31.01.2021).

² Исследование выполнено при финансовой поддержке КН РА и РФФИ (РФ) в рамках совместной научной программы 20RF-189 и 20-59-05006 соответственно.

переизбрание власти. Данная ситуация является результатом преобладания симулякров «власти традиции», в которой важнейшее значение имеет механизм «харизматического лидерства». «Харизматическое лидерство» Эрдогана постепенно преобразовалось в его культ личности с присущей культу всеми атрибутами и символами.

Данный доклад рассматривает основные этапы становления культа Эрдогана, идеологическое обоснование зарождения культа, «культурные продукции» культа и разные функции культа в турецком политическом поле. Выявляются основные образы культа Эрдогана, которые сознательно конструируются и распространяются посредством государственных институтов, провластных информационных ресурсов и массовой культурой. Исламский национализм как господствующая идентичность большинства турецких граждан, сторонников Эрдогана, рассматривается как основное «поле» развития культа Эрдогана. Мы утверждаем, что основные принципы исламского национализма способствуют распространению и усилению символической значимости последнего в турецком обществе.

Также отдельно рассматривается вопрос восприятия культа в турецком обществе. Мы утверждаем, что в процессе конструкции культа участвуют не только государственные институты и представители властной элиты, но также разные слои общества, таким образом обогащая культ Эрдогана новыми смыслами и образами.

Таким образом предлагается рассматривать культ Эрдогана не как «личный стиль правления» (данный подход преобладает в большинстве работ по данной тематике и которое именуется как «Эрдоганизм») (Erdoğanism)), а как необходимый элемент консолидации традиционного общества.

Гулынская Е. В. (РГГУ, Москва)

Абдалла I и британская администрация: сложности диалога первой четверти XX века

По итогам Первой мировой войны Ближневосточные владения Османской империи были переданы под мандатное управление великих держав, и геополитическая карта региона постепенно обрела современные черты. Фактическим правителем британской Трансиордании стал эмир Абдалла ибн аль-Хусейн — представитель династии Хашимитов, оказавшей поддержку союзникам, подняв антитурецкое восстание, именуемое в арабской историографии «великая арабская революция». Эмир получил в управление небольшую пустынную территорию, слабо развитую в административном и экономическом отношении, где ему требовалось реализовать задачу построения государственности

современного образца. Требование это было не столько связано с волей самого эмира, являвшего собой пример восточного правителя, опиравшегося в первую очередь на традиционные для региона представления о власти и управлении. Оно исходило от страны-мандатария — Великобритании, руководствовавшейся стремлением не только выполнить свои международные обязательства, но и создать сильное, современное и лояльное британской короне государство на Ближнем Востоке.

Создание административного аппарата, государственных структур, в том числе армии, проходило под руководством и контролем британских представителей и советников. Рассмотреть и проанализировать этот процесс, подробно отраженный в британских архивных документах, интересно не только для историка-востоковеда, но и политолога, поскольку он представляет собой уникальный пример небесконфликтного, но в конечном счете успешного взаимодействия западной и восточной цивилизаций. В данном докладе освещаются вызывавшие противоречия двух сторон политические шаги Абдаллы I, основанные на арабских традициях и страны-мандатария, использовавшей западный опыт, а также процесс поиска консенсуса. Например, бедуинская традиция подношения богатых подарков племенным шейхам, к которой прибежал Абдалла ибн аль-Хусейн с целью консолидации местных племен под своей властью мирным путем, британцам казалась неоправданной тратой выделяемых ими на развитие молодого государства средств. В свою очередь западные нововведения, такие как централизованная власть, административный аппарат и новая система налогообложения не выглядели рациональными и необходимыми для жителей Трансиордании, что вызывало отторжение и протест¹.

В 1924 г. Великобританией был выдвинут ультиматум, содержавший требования к эмиру признать контроль Соединенного Королевства над финансами Трансиордании, а также выслать деятелей антифранцузского сирийского национального движения, которым покровительствовал Абдалла I. Последний пункт являлся причиной неурядиц в британо-французских отношениях. Тон послания дал понять трансиорданскому монарху, что он может утратить союзника и его военно-финансовую поддержку, а вместе с тем и шансы сохранить престол, что заставило его пойти на уступки². Иордано-британские отношения первой четверти XX в. не были равноправными и держава-мандатарий навязывала условия сотрудничества правителю молодого государства. Вместе с тем Великобритания вмешивалась и направ-

---

¹ Extract from letter from Sir. H. Samuel, High Commissioner for Palestine to Colonial Secretary, 13 June 1921. Records of the Hashimite Dynasties: archive editions / ed. Alan de L. Rush. L.: Antony Rowe Ltd., 1995. VI. P. 136–138; Mr. W. H. Deeds to High Commissioner for Palestine, 2 July 1921. Ibid. P. 144–148.

² Col. C. Cox to Sir H. Samuel, 20 August 1924. Records of Jordan (1919–1965): archive editions / ed. Jane Priestland. L.: Antony Rowe Ltd., 1996. II. P. 197–200.

ляла лишь в тех вопросах, которые затрагивали ее интересы, не стремясь подменить арабские традиции и местную культуру западными образцами. Авторский вывод заключается в том, что именно благодаря такому подходу держава-мандатарий внесла огромный вклад в становление и развитие иорданской государственности, тип которой сочетает западную модель с индивидуальными национальными чертами.

Давыдов А. В. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)

Харизматическое лидерство и государственный переворот 2020 года в Мали: речевой портрет Махмуда Дико¹

Массовые протесты в Мали, начавшиеся 5 июня 2020 г. и закончившиеся 19 августа того же года, привели к отставке президента Ибрагима Бубакара Кейта и роспуску Национального собрания Мали. Главной причиной протестов послужили споры о легитимности прошедших ранее в марте 2020 г. парламентских выборов. Легитимность выборов подвергалась также сомнению Экономическим сообществом стран Западной Африки (ЭКОВАС). В числе прочих причин протестов следует назвать неурегулированный военный конфликт на северо-востоке страны, коррупцию и недовольство граждан действиями правительства в связи с пандемией COVID-19.

Признанным лидером протестного движения был мусульманский проповедник Махмуд Дико (Mahmoud Dicko). Сразу же после победы протеста и отставки президента он заявил о своем уходе из политики, открыто подчеркнув отсутствие у себя президентских амбиций и желание оставаться тем же, кем он и был до протеста, — имамом одной из столичных мечетей.

Выходец из региона Тимбукту и фульбе (фула) по этническому происхождению, Дико относит себя к умеренным салафитам. С 2008 по 2019 гг. он возглавлял Верховный исламский совет Мали (Haut Conseil islamique malien, HCIM). В 2013 г. он поддержал кандидатуру Ибрагима Бубакара Кейта на президентских выборах, но позже перешел в оппозицию и с 2019 г. возглавил антиправительственные демонстрации в столице страны.

Ключевую роль в успехе переворота сыграли речи Дико, произнесенные им преимущественно на языке бамана (лингва-франка Республики Мали) и сочетающие в себе признаки жанров митинговой речи и мусульманской проповеди. В докладе будут рассмотрены основные особенности идиостиля политика, составляющие его речевой портрет и формирующие его харизматическое восприятие, а также способствующие этому экстралингвистические факторы.

¹ Исследование выполнено за счет гранта РФФИ (проект No 20–59–05006).

Давыдова Е. А. (МАЭ РАН, Санкт-Петербург)

Традиционное лидерство и государственные иерархии на Чукотке в советское и постсоветское время¹

Согласно интеракционистскому подходу, любое социальное взаимодействие сопровождается отношениями власти². Власть — это способность индивида обеспечить достижение своих целей, когда их реализация зависит от агентности (agency) других акторов³. В этой связи особый интерес составляют представление об эгалитарности оленеводческих обществ. Оленеводы и морские охотники на Чукотке традиционно относятся к эгалитарным обществам, о чем писали прежде этнографы и антропологи⁴. Если и определять специфику социальных отношений у оленных и приморских чукчей термином эгалитарность, то он должен пониматься не как отсутствие социального неравенства, а как своеобразие реализации этого неравенства. Своеобразие «существования» власти у чукчей заключалось в пластичности и ситуативности отношений доминирования и подчинения⁵.

Колонизация Сибири Российским государством, начавшаяся в XVI в., дошла до северо-восточной ее части к середине XVII столетия. К XIX в. сформировался и непрерывно происходил диалог между государственной властью, точнее ее конкретными представителями, и коренным населением региона. Но именно преобразования, реализованные в советское время, привели к инкорпорированию традиционных семейно-родственных коллективов, занимающихся оленеводством или охотой на морского зверя в государственные структуры — колхозы, интернаты, сельсоветы и проч. В докладе ставится вопрос: как традиционные отношения власти, базировавшиеся на родстве, умениях конкретных людей, их ритуальных знаниях и опыте, соотносятся с иерархиями, создаваемыми государственными институтами? Аргументация будет построена на анализе биографий отдельных людей и конкретных интеракций, почерпну-

---

¹ Исследование выполнено за счет гранта РФФИ (проект № 20–59–05006)/

² Giddens E. *New rules of sociological method: A positive critique of interpretative sociologies*. Cambridge-Oxford: Polity Press, 1993.

³ Там же. С. 117–118.

⁴ Малори Ж. Заметки о гомосексуальности и шаманизме у чукчей и эскимосов Азии // Ранние формы религии: материалы III советско-французского симпозиума. СПб.: МАЭ РАН, 1992. С. 90–96; Малори Ж. Последние короли Туле: С полярными эскимосами навстречу их судьбе. СПб.: Петрополис, 2002. С. 180; Ingold T. *The Perception of environment: Essays on livelihood, dwelling and skill*. London-New York: Routledge, 2002. P. 111–131.

⁵ Давыдова Е. А. Властные отношения в стойбищах амгуэмских оленеводов (по материалам В. Г. Кузнецовой) // Социальные отношения в историко-культурном ландшафте Сибири: сборник научных статей. СПб.: МАЭ РАН, 2017. С. 136–188.

тых как из архивных документов советского времени, так и в ходе полевого опыта автора в 2017–2019 годах. В исследовании делается вывод, что полного совпадения государственной иерархии и чукотской не происходит. Последняя отличается пластичностью, в то время как для государственной системы характерна жесткая система подчинения низшего высшему. Так, должность «колхозного начальника» или бригадира не всегда влечет за собой авторитет в оленеводческой среде, но может использоваться местными жителями для подкрепления своего престижа. Обращаясь к терминологии П. Бурдые, можно сказать, что она является символическим капиталом, связанным и с экономическими выгодами. В целом, государство, а именно, внедряемые им институты, правила, структуры, могут использоваться чукчами для накопления разных видов капитала: экономического, культурного, социального, символического, то есть укрепления своего статуса, приобретения власти в рамках локального сообщества¹. Кроме того, материальные воплощения различных учреждений, создаваемых государством, представляют собой «аффордансы» — возможности для осуществления практик, направленных на приобретение ресурса власти отдельными людьми.

*Джихангир Эрол (Издательство «Восточная библиотека»,
Стамбул)*

Отчуждение интеллектуала и интеллектуальное отчуждение

Как известно, важнейшим концептом современной мировой истории является разделение на Восточный и Западный мир. В то время как одна сторона истории — проблема «модерна и Запада», другая — Восток и отношения на Востоке.

Сложная и долгая история отношений между Востоком и Западом определяется политико-экономическими и интеллектуальными отношениями между ними. Давление и принуждение, которое возникает в отношениях между людьми, вместе с развитием средств производства распространяется и на общество, охватывая отношения между социумами, классами, странами, превращаясь в общее различие между Востоком и Западом. Затем это различие входит в литературу социальной науки современности под понятием «развитый-отсталый».

В силу того, что основоположниками парадигм общественного развития изначально выступают западные интеллектуалы (современные западные антро-

¹ Бурдые П. Практический смысл. СПб.: Алетейя, 2001.

положи), представители западного мира и их академические/интеллектуальные усилия обретают особые привилегии, оформившиеся как евроцентризм.

Социальная динамика является неизбежной необходимостью для мобилизации восточных обществ. В этих условиях интеллектуалы, которых мы можем назвать элитами общества, берут на себя роль лидеров восточного общества. Наиболее важным фактором, который отличает восточное общество от западного, является социально-экономическое развитие. Несмотря на то что, развития считается технической проблемой, оно затрагивает проблему «ментальности». В то время как проблема «менталитета» основана на принципе рационального утилитаризма на Западе, на Востоке она основана на эмоциональной и иррациональной традиции. Следовательно, смысл каждой концепции, относящейся к западной модели (развитие, технология, процветание, богатство, бедность, национальность, класс и т. д.), либо не имеет эквивалента на Востоке, либо имеет другие значения.

После национальных движений, вызванных движениями борьбы за независимость, восточные интеллектуалы взяли на себя ведущую роль. Принятие ими вместо традиции западной модели как единственно верной создает противоречие между общественной и просвещенной реальностью. Потому что разницу в восточных обществах определяет не линейная модель развития, а традиционные отношения.

Эти интеллектуалы, возглавляющие этап общественной эволюции и которые в целом являются носителями модели развития, основанной на западных ценностях, в обществе называются «деспотическими интеллектуалами или отчуждением Просвещения». «Интеллектуальное отчуждение» появляется в странах Востока особенно с формированием национального самосознания в экономическом и социальном развитии в последнем столетии мировой истории.

В целом, мы здесь будем рассатривать отношение восточных интеллектуалов и их восприятие свойственных современной миросистеме «западной модели развития» и «традиции» через образ Турции, Ирана и Пакистана.

Забелла А. А. (РУДН, Москва)

Инициатива «Один пояс, один путь» и выстраивание системы сотрудничества Китая со странами Африки

Инициатива «Один пояс, один путь» (ОПОП), выдвинутая председателем КНР Си Цзиньпином в 2013 г., стала флагманским направлением внешней политики Китая. Важность ОПОП подтверждается и тем, что в 2017 г. на XIX съезде Коммунистической партии Китая данная инициатива была включена в Устав партии.

ОПОП является комбинацией двух проектов: «Экономического пояса Шелкового пути» и «Морского Шелкового пути XXI века». Именно последний охватывает территории от Южно-Китайского моря до Африканского континента. Особую роль в продвижении инициативы ОПОП будут играть государства Восточной Африки, так как через Эфиопию, Кению, Мозамбик, Мадагаскар и ЮАР пройдет Морской Шелковый путь. Важность стран Восточной Африки подтверждается тем, что доля Китая в общемировых прямых инвестициях в данный регион составляет 16 %¹.

Ввиду того, что одной из задач ОПОП является соединения КНР со странами Европы, то страны Африки путем предоставления своих портов китайской стороне, будут играть возрастающую роль в контроле цепочек снабжения. Здесь также важно подчеркнуть заинтересованность КНР в портах Африки как в «хабах» для повышения своего геостратегического значения. На данный момент корабли Народно-освободительной армии КНР уже базируются в Джибути и Намибии (порт Волфиш-Бей). В Танзании Китай осуществляет строительство крупнейшего в Восточной Африке порта в Багамо. Налаживание системы портов позволит китайской стороне расширить свое присутствие в Индийском океане — зоне противостояния между Китаем и Индией.

Страны Африки также заинтересованы в участии в инициативе ОПОП, так как это, во-первых, будет способствовать ускорению процессов устойчивого развития, во-вторых, даст толчок развитию производств, создаст рабочие места.

Китай также укрепляет свои позиции в Африке путем инвестиций в строительство железных и автомобильных дорог, социальных объектов, посредством реализации энергетических проектов, осуществления «мягкой силы», даже масочной дипломатии после начала эпидемии Covid-19. Примечательно, что многие проекты Китай осуществляет именно в рамках инициативы «Один пояс, один путь», например строительство железной дороги Момбаса-Найроби.

Тем не менее существуют опасения, что государства Африки не смогут расплатиться по кредитам, которые Китай им предоставила и попадут в «долговую ловушку». Согласно данным Школы международных исследований Университета Джона Хопкинса, по состоянию на апрель 2018 года страны Африки должны государственному и частному капиталу Китая более \$29,42 млрд. Основными должниками являются: Эфиопия (долг составляет \$13,73 млрд), Кения (\$9,8 млрд), Уганда (\$2,96 млрд), Танзания (\$2,34 млрд) и др². Успеш-

¹ Macroeconomic and Social Developments in Eastern Africa 2016–2017. United Nations Economic Commission for Africa. 2-th Intergovernmental Committee of Experts. Transformative Growth in Eastern Africa. Catalysts ND Constrains. Venue, Moroni, Union of Comoros, 2017. 61 p.

² Olingo A. Africa: China Plans to Sell off its African Infrastructure Debt to investors // The East African. 05.11.2018. URL: <https://www.theeastafrican.co.ke/tea/business/china-plans-to-sell-off-its-african-infrastructure-debt-to-investors-1405856> (accessed 30.01.2021).

ная реализация ОПОП в Африке повышает значимость промышленной продукции из Китая (цемент, сталь, уголь и др.) для континента. Однако импорт промышленной продукции странами Африки влечет за собой конкуренцию между китайской и африканской продукцией, и как следствие, уменьшение конкурентоспособности африканской на континенте. Негативным оценкам подвергается китайская сторона из-за привлечения большого числа рабочей силы из Китая для реализации проектов на континенте.

Несмотря на сложности и противоречия продвижения ОПОП, Африка окажется бенефициаром получив инфраструктуру, которая крайне важна для реализации целей устойчивого развития.

Ишутина Ю. А. (ДВФУ, Владивосток)

«Диортические проекты» спасения китайского мира (на примере социокультурных мифов КПК и Гоминьдана)

Процессы конструирования национальной идентичности в материковой и островной частях Китая характеризуются возникновением социокультурных мифов, которые призваны адаптировать мифопотребителя к изменяющимся условиям социокультурной среды и актуализировать эффективность мифологии, задействованных в национальных мифах Большого Китая. Исследование «диортических проектов» Коммунистической партии Китая (КПК) и Гоминьдана (ГМД), успешно функционирующих в двух основных китайских национальных мифах *«Китай — великое государство и семья народов, каждый из которых обладает своей спецификой и самобытностью»* и *«Китай и Тайвань — единая гражданская нация, имеющая общих предков в лице основоположников китайского мира»* актуально на современном этапе, так как КНР и КР (Тайвань) активно строят национальные государства в рамках различных политических парадигм. Новизна исследования заключается в выделении в корпусе китайского мифологии подсистемы социокультурных мифов с присущими ей специфическими признаками и функциями. Объектом исследования является корпус китайской мифологии, предметом — продукты неомифологии (социокультурные мифы).

Вопросами мифологии и неомифологии в разное время занимались выдающиеся ученые Л. Леви-Брюль¹, К. Леви-Стросс², М. Элиаде³, Р. Барт⁴, Д. Ниммо,

---

¹ Леви-Брюль Л. Первобытная миология: мифический мир австралийцев и папуасов. М.: URSS: КРАСАНД, 2010. 249 с

² Леви-Стросс К. Мифологии. М.: Флюид, 2007.

³ Элиаде М. Аспекты мифа. М.: Академ. проект, 2014. 235 с.

⁴ Барт Р. Мифологии. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 2000. 314 с.

Дж.Комбс¹, Ю. М. Лотман², Б. Н. Пойзнер, Э. А. Соснин³, М. И. Ибрагимов⁴, Юань Кэ⁵ и некоторые другие. Гипотеза исследования заключается в том, что социокультурные мифы, возникающие в ходе развития национального мифа, представляют собой «проекты спасения мира».

Используя критерии, определенные для «диортических проектов» Б. Н. Пойзнером и Э. А. Сосниным, мы рассматриваем основные «проекты мироисправления», возникшие в ходе эволюции указанных выше национальных мифов⁶. Учитывая небольшой объем статьи, мы останавливаемся на анализе следующих социокультурных мифов:

- «Идеальное общество Великого единения»;
- «Китаец должен защитить дом и могилы предков от грязных рук чужеземцев»;
- «Китай — семья пяти титульных наций»;
- «Китай — семья гражданских наций»;
- «Единый и неделимый Китай»;
- «Будущее Китая — социалистический путь развития»;
- «Большой Тайвань».

В ходе исследования нами определено, что основная функция социокультурных мифов как продуктов неомифологии заключается в том, чтобы интерпретировать возникающие явления в ситуациях утраты нравственных ориентиров, вербализуя ценностные подходы на ментальном уровне формирования национальной идентичности. Мифы спасения или коррекции поврежденного китайского мира обращаются к норме исправления, вне существующей континентальной или островной социальной системы, они апеллируют к двум рекомендуемым состояниям общества — идеальное *датун* и общество малого процветания *сяокан*, якобы имевшим место в китайской истории и обеспечивающим действенность конфуцианского идеала.

---

¹ Nimmo D., Combs J. *Subliminal Politics: Myths and Mythmakers in America*. Englewood Cliffs, N. J.: Prentice Hall. 1980. 256 p.

² Лотман Ю. М. Статьи по типологии культуры. Вып.1. Материалы к курсу теории литературы. Тарту, 1970. 106 с.

³ Пойзнер Б. Н., Соснин Э. А. Соблазн исправления мира//Аналитика культурологии, 2012 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/soblazn-ispravleniya-mira>.

⁴ Ибрагимов М. И. О содержании и структуре понятий «национальная мифология» и «мировая мифология» // Литература: миф и реальность: Сб. науч.ст. / Под ред. Т. Н. Бреевой, Л. Ф. Хабибуллиной. Казань: Изд.-во Казанского университета, 2004. С. 128–130.

⁵ Юэнь Кэ. Мифы Древнего Китая. М.: Восточная литература, 1987. 537с.

⁶ Чэнь Цзя-вэй. Демократическая прогрессивная партия Тайваня и поставоритарная модернизация. М.: Алетейя. 2017. 141 с.

Каткова Е. Ю. (РУДН, Москва)

Внешняя политика Китая в период пандемии Covid-19

С приходом к власти в КНР Си Цзиньпина внешняя политика Китая претерпела большие изменения. Тезис о том, что Китай стал «выходить из тени», прочно укоренился в рассуждениях экспертов при описании действий Китая на международной арене. Сложилось впечатление, что Пекин начертил красные линии, заход за которые стал вызывать жесткий ответ Китая. Если раньше это были «предупреждения», то сейчас Китай предпринимает конкретные экономические и политические инструменты для демонстрации своего недовольства или несогласия с действиями своих внешнеполитических партнеров. Таким образом, дипломатия «мягкой силы» сменилась дипломатией «волков-воинов» (кит: 战狼外交)¹.

Пандемия Covid-19 стала большим испытанием для внешней политики Китая, кроме создания внутренних эпидемиологических и экономических проблем, связанных с замедлением роста экономики, что произошло впервые за последние 40 лет, она стала катализатором международных трендов, складывающихся вокруг Китая в последние годы. Возвращение США в Азию, начавшееся в конце 2018 г., вызвало положительный отклик у многих стран региона, что усложнило их отношения с Пекином и усилило региональные противоречия и конфликты. Пандемия вопреки ожиданиям не уменьшила, а лишь усилила данные противоречия, несмотря на все попытки Китая сформировать положительный образ. Это вынудило правительство ужесточить свой внешнеполитический курс.

В частности, больше всего пострадали отношения КНР со всеми странами альянса «Пять глаз» за исключением Новой Зеландии, которая традиционно занимает нейтральную позицию в отношении Китая. Так, внутренние проблемы Китая (протесты в Гонконге, ситуация в СУАР и Тибете, а также вопросы, связанные с возникновением вируса) стали поводом к критике действий Китая со стороны стран т.н. «Англосферы». Ответом на критику стали экономические санкции со стороны Китая, от которых больше всего пострадала Австралия, для которой Китай является крупнейшим торговым партнером и экспортные отрасли которой в течение последнего десятилетия подстраивались под китайский спрос.

За последний год усилились также противоречия в отношениях Китая и стран Азии. В 2020 г. возобновился территориальный спор между Китаем и Индией. Министр иностранных дел Индии заявил, что отношения между странами находятся в «самой сложной фазе» за последние несколько десяти-

---

¹ Жирухина Е., Бочарова А. Бейтс Гилл: Дипломатия «волков-воинов» в Китае — работает ли она? // Россия в глобальной политике. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/diplomatiya-volkov-voinov> (дата доступа: 30.01.2021).

летий¹. Кроме этого, Китай активизировал деятельность около спорных островов в Южно-Китайском и Восточно-Китайском море, а также в Тайваньском проливе.

Западные аналитики связывают агрессивную внешнюю политику КНР со внутренними проблемами, которые, как считается, вызывают недовольство в китайском обществе². Вместе с тем, возможно, именно из-за более жесткой внешнеполитической риторики, которую взял Си Цзиньпин в начале своего председательства, сейчас КНР несет репутационные убытки. Политика Дэн Сяопина, провозглашающая «мирный подъем», которой придерживались все предшественники Си Цзиньпина, сглаживала турбулентность международной системы и не вызывала трений между «гегемоном» и «растущим лидером». Однако, когда Китай открыто бросил вызов США, международная система дестабилизировалась, что стало причиной нынешних конфликтов и еще большего ужесточения китайской внешней политики.

Ключников А. П. (Севастополь)

Трансформации социальных структур в Западной Африке и влияние экзогенных факторов на примере региона Гао Республики Мали

Успехи стран Африки в области экономического и социального развития, достигнутые ей в 2000-х гг., не прошли незамеченными как для экспертного сообщества, так и для международных институтов, которые, не смотря на многочисленные проблемы, присущие странам Африки южнее Сахары, увидели в этих странах «новый рубеж капитализма».

Однако, на фоне этих успехов мировая общественность не сразу обратила внимание на новые тенденции в сфере безопасности. С 2012 г. начался тренд на мобилизацию локальных конфликтов, что рискует привести к сложению единого фронта, связывающему многочисленные террористические течения, такие как Боко Харам в Нигерии, Аш-Шабаб в Сомали и АКСИМ в Мали.

Африка по-прежнему находится в фокусе традиционных гуманитарных проблем, но события последних пятнадцати лет вселяют надежду на улучшение

---

¹ India-China relations at 'most difficult phase in 30–40 years' // Al Jazeera. 10.12.2020. URL: <https://www.aljazeera.com/news/2020/12/10/most-difficult-phase-india-china-relations-continue-to-sour> (accessed: 30.01.2021).

² Bishop C. To Understand China's Aggressive Foreign Policy, Look at Its Domestic Politics // Council on Foreign Relations. 08.10.2020. URL: <https://www.cfr.org/blog/understand-chinas-aggressive-foreign-policy-look-its-domestic-politics> (accessed: 30.01.2021).

ситуации, в связи с чем растет и интерес к этому континенту, и актуальность африканских исследований.

В западноевропейском и американском научном сообществе создан образ однородной Африки, не обладающей большой разнородностью культур, народов, обычаев, а также своим собственным историческим путем. Такой подход проявляется не только в политическом, экономическом, медийном и научном дискурсе, но и часто проявляется в практических действиях к низкой эффективности программ, реализуемых агентствами ООН, НПО и компаниями, работающими в Африке.

Африканские общества переживают значительные преобразования их социальных структур. Моральная экономика как концепция, описывающая социально-экономическую структуру, направленную не на получение благ, а на обеспечение средств к существованию для ее членов, уступает место другим экономическим и социальным формам организации даже в отдаленных общинах. Однако в африканских исследованиях нет серьезных работ по «моральной экономике», переход от «моральной экономики» к другим социально-экономическим формам, которые все еще подлежат дальнейшему определению, оказывается трудно проследить, особенно в условиях, когда в странах, где действуют миссии ООН, различные НПО и международные компании, местные общества сталкиваются с впечатляющей трансформацией под воздействием экзогенных факторов.

Север Республики Мали представляет собой особый социокультурный рельеф, обусловленный неоднородностью населения, разнообразием социальных и экономических структур и сложностью исторических путей развития, что само по себе подразумевает наличие социальных линий разлома.

Можно выдвинуть гипотезу о том, что экзогенные факторы оказывают влияние на социальные структуры в Мали, в частности, изменяя присущие им особенности моральной экономики. Нарушение принципов моральной экономики приводит к социальной напряженности, волнениям и восстаниям. Таким образом, эта драматическая социальная трансформация, вызванная экзогенными силами, усиливает конфликт, а не содействует его урегулированию.

Подтверждение или отрицание этой гипотезы позволит нам увидеть, меняются ли местные общины, и если да, то выявить пути, по которым происходят эти возможные изменения, меняются ли роли общин и социальные ожидания, или общины остаются негибкими перед лицом экзогенных факторов, и какова корреляция между положением вещей и существующими или потенциальными линиями социального раскола, в том числе в форме выдвижения новых претензий к государству, формулируемых с точки зрения его роли в экономике, процессами социального посредничества, его обязательствами, в том числе и в сфере безопасности.

Красовицкая Т. Ю. (ИРИ РАН, Москва)

Восточные советские элиты: конфликт смыслов и статусов федерализма и социализма

Идеологический полюс Октября притянул и начал влиять на многих представителей этнических элит, включившихся в «воспитательную» машину социализма. Сохранялась пограничная зона для диалога. В 1923 г. Л. Троцкий пытался конкретизировать роль партии в руководстве: «Методы марксизма — не методы искусства. *Партия руководит пролетариатом, но не историческим процессом.* Есть области, где партия руководит непосредственно и повелительно. Есть области, где она контролирует и содействует. Есть области, где она только содействует. Есть, наконец, области, где она только ориентируется»¹.

Программная установка о культуре «пролетарской по своему содержанию, национальной по форме», вводимая Сталиным в политический обиход с 1925 г., начинала накладывать тяжелую длань на федеральное устройство страны. Но найден выход из идейного затруднения, связанного с ленинским тезисом о параллельном существовании двух культур — национально-буржуазной и интернациональной пролетарско-социалистической². Тезис, приемлемый в обстоятельствах революционной борьбы, в ситуации мирного НЭПа становился логической преградой на пути развития национальных культур. Внутренняя парадоксальность формулы состояла в том, что она, претендуя на перспективу взаимного проникновения двух культур, тем самым дискурсивно утверждала их существование. Тезис создавал символическое пространство, в нем, с одной стороны, уже существовали «социалистическое» и «национальное», а с другой, — их судьба предьявлялась как конструктивно нераздельная. Так за формальной логикой дискурса обнаруживалась логика советского федерализма и его культурной политики. Она позволяла принимать решения в спорных и пограничных случаях. Большинство аргументов опирались на психологические мотивы, на взаимные обиды, неудовлетворенное тщеславие, граничащее с хитростью и ловкостью Сталина и не только его, или конкуренцией версий национально-культурной политики 1920-х годов из-за идейных разногласий в становящейся все более сложной ситуации в стране.

*Особую роль это играло в культурно-сложном обществе, теоретическое обоснование ему предпринято в последнее время академиком В. А. Тишковым*³.

¹ Троцкий Л. Литература и революция. «Красная новь» Главполитпросвет. М.: 1923. С. 43.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 24. С. 122.

³ Тишков В. А. Понимание и управление культурно сложными обществами // Предмет и проблемы этнологии и антропологии. М.: ИЭА РАН, 2016. С. 4–22.

Понимание и управление таким обществом связано с тем, что люди разных верований, языков, традиций с развитием индустриализма проживают на территории государств, которые изменяют свое устройство из-за вынужденных обстоятельств. Другими словами, государственная власть, играет важнейшую роль в обеспечении нормальных взаимоотношений между носителями разных верований, языков, традиций.

В одном пространстве приходится иметь дело с различными культурными временами. Национальные проблемы не пристраиваются к логическому ряду «прогресса», а громоздятся друг на друга, то тесно взаимодействуя, сплавляясь с социальными проблемами, то становясь их оборотной стороной. Все они в условиях многообразия конфликтующих культур, связаны с индустриальной модернизацией.

Но в советском национальном проекте государственная власть играла еще одну очень важную роль: с одной стороны, она взяла на себя функцию воспроизводства этого сложносоставного человеческого капитала, устанавливая, предписывая, охраняя, поддерживая ту или иную этническую идентичность в изначально сложном обществе. С другой же стороны, шла активная деятельность по созданию новой, социалистической надэтнической поликультурной общности, получившей название «советский народ». С этой стороны власти пришлось упрощать этнокультурную и социальную структуру населения. Навстречу были выдвинуты разнообразные тюркские модернистские федералистские конструкции и концепции, с которыми в сложных обстоятельствах власти пришлось считаться. В конечном счете, идеология и практики создания надэтнической поликультурной общности начали взаимодействие в конкретно-исторической стратегии создания разнородных отношений субъектности в ситуации раннесоветского разнообразия.

Кукина У. А. (РГСУ, Москва)

Гендерный традиционализм как основа гендерной политики в Южной Корее

Эпистемологический компромисс общекорейского традиционализма с реалиями XX–XXI вв. лег в основу современного южнокорейского консерватизма¹. Идеи конфуцианства и неоконфуцианства являются основополагающими для социальных пространств и традиционалистского мировоззрения в корейском обществе, фундаментом гендерно-сервилистской морали женщин в отношении

---

¹ Андросенко Н. П. Переосмысление консерватизма. Консерватизм как система познания // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2013. № 1. С. 98–110; Chung H. S. The Role of Catholic Religious Education in Korean's Identity Reformation // Korean Journal of Religious Education. 2003. № 16 (0). P. 27–49.

мужчин и патриархального сексизма, в котором женщина рассматривается как маргинальный элемент почти исключительно андроцентристской иерархии¹.

Гендерное неравенство является ключевым моментом конфуцианского влияния². В парадигме патриархальной иерархичности понятие «полное равенство» воспринимается корейцами как хаос и анархия, ни одна из конструкций гендерного традиционализма не подразумевает концепцию равных прав³. Несмотря на развитие Южной Кореи по пути либерализма, конфуцианская этика остается основой построения современной кадровой политики в сфере государственной службы⁴. Патриархальные тенденции формирования асимметричной гендерной системы сочетаются с набирающими силу феминистскими НПО, заручившимися поддержкой представителей христианских церквей, сторонников идеологии «Богиня-Мать» а также набирающими политический вес женскими интернет-движениями. Интернет и СМИ укрепляют феномен «гендерного неравенства» в сознании корейцев, а группы активистов в сетевых социальных движениях «без явного лидера» рискуют оказаться инструментом в руках политиков⁵.

В ближайшем будущем вектор динамики современного консерватизма и традиционализма в стране будет сохраняться⁶. Анализ гендерного тради-

---

¹ Cawley K. Reinforced Hetero-Normativity: Gender Constructs in Chosŏn (朝鮮) Korea // *Irish Journal of Asian Studies*. 2018. № 4. P. 39–52.

² Svyatnenko, I. O. Confucianism and gender culture of Japan // *Scientific and Theoretical Almanac Grani*, 2017. № 20 (1). P. 32–36.

³ Хамутаева С. В. Консерватизм как политическая философия в Республике Корея и Корейской Народно-Демократической Республике // *Вестник Бурятского Государственного Университета*. 2016. Вып.6. С.120–127; Мальшева М. М. Права женщин в контексте социально-экономических реформ // *Россия-98. Социально-демографическая ситуация*. М., ИСЭПН РАН, 1999.

⁴ Газиева И. А. Баллод Ж. О. Конфуцианство и национальный традиционализм как основа построения современной кадровой политики в сфере государственной службы Республики Корея // *Среднерусский вестник общественных наук*. Том 13. № 5. 2018. С. 133–150; Pascall G. Sung S. Gender and East Asian Welfare States: from Confucianism to Gender Equality? // *East Asia. Fourth Annual East Asian Social Policy research network (EASP). International Conference*. Oct. 20–21st. 2007.

⁵ Park J. W. The Feminist Movement in the Korean Catholic Church // *The Catholic Philosophy*. 2005. № 7. P. 9–35; Kwon J. South Korea's young men are fighting against feminism [Электронный ресурс]: Международный телеканал CNN [URL]: <https://edition.cnn.com/2019/09/21/asia/korea-angry-young-men-intl-hnk/index.html> (дата обращения: 30.01.2021); Nikiporets-Takigawa G. Yu. Leadership and Leaders in Networked Social Movements // *Demokratizatsiya: The Journal of Post-Soviet Democratization*. 2017. № 25 (1). P. 7–22.

⁶ Ву Чжон Чул. Политический процесс в Республике Корея в переходный период: сущность, особенности, тенденции развития. ДВГУ. Владивосток, 2003. 207 с.

ционализма как детерминанты гендерного неравноправия результируется в выводах относительно перспектив развития гендерной политики в Южной Корее, женского движения, феминистской повестки, эффективной системы предотвращения гендерных конфликтов и движения к гендерному равенству.

Машари Мадлуме Рехам (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)

Традиция и религии в современной Кении (брак и брачная обрядность)

Племенная идентичность по-прежнему важна для населения Кении, хотя ее роль и меняется по мере урбанизации, в повседневной жизни сохраняются многие обычаи и обряды.¹ До сих пор практикуется, хотя официально не приветствуется, **традиционная полигамия**. В современном семейном праве брак более чем с одной женщиной запрещен. На практике этот вопрос решается под двойным влиянием экономических реалий и социального давления. Немногие мужчины могут позволить себе содержать несколько жен. В то же время среди более обеспеченных людей такой шаг не одобряется из-за негативной реакции «цивилизированного сообщества» и из-за негативного отношения со стороны христианских церквей.

Обряд обрезания является одним из важнейших у кенийцев, символизируя вступление «во взрослую жизнь». Также среди обычаев Кении стоит выделить обряд *лобола* (выкуп невесты). Размер выкупа вместе с остальными деталями бракосочетания жених обговаривает с отцом девушки. Порой размер *лобола* представляет собой довольно значительную сумму, которую жених, уже ставший мужем, может выплачивать несколько лет, иногда даже после рождения детей, до тех пор, пока он не выплатит всю сумму, молодой муж не может считать детей, рожденных в семье, своими².

Обряды бракосочетания проходят очень торжественно и отмечаются с размахом, песнями и национальными танцами. Девушка вплоть до замужества в обязательном порядке должна хранить свою девственность. Руки и ноги невесты покрывают узорами из хны, которые она носит в течение первого года супружеской жизни, подтверждая свой новый социальный статус. Во время первой брачной ночи рядом с молодоженами находится старшая женщина семьи, поддерживая морально и оказывая помощь неопытным в любви молодым.

---

¹ Бочаров В. В. Власть. Традиции. Управление. Попытка этноисторического анализа политических культур современных государств Тропической Африки. М.: Наука, 1992.

² Pateman, Robert, Kenya, New York, NY: Cavendish Square, 2014

При традиционной свадьбе в доме мужа устраивается застолье, после чего пара признается состоящей в браке. Сохраняется традиционное отношение к социальным ролям в семье. Долгом мужчины считается обеспечить каждой жене отдельный дом, зачастую за много миль друг от друга. Между женами существует иерархия, при этом старшая жена обычно пользуется большим авторитетом и влиянием. Во многих отношениях многоженство напоминает страховой полис. Каждая жена ухаживает за определенной частью скота, которым владеет муж, чтобы в случае вспышки болезни семья не потеряла все свои стада¹.

Сегодня под влиянием западной культуры полигамия идет на убыль. Все больше заключается браков по христианской традиции. Свадьба — весьма затратное мероприятие, многие семьи залезают в долги, чтобы устроить «богатую свадьбу», что является маркером престижа.

Малашевская М. Н. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)

Визуализация харизмы: опыт управления образом премьер-министра Коидзуми Дзюньитиро²

В 2001 г. к власти в Японии пришел нетипичный для политического истеблишмента и политической культуры страны лидер — лидер харизматического типа, который значительно преобразовал образ и модель поведения главы правительства страны. Это был представитель «националистической фракции» ЛДП — Коидзуми Дзюньитиро. Его модель поведения «воителя», сокрушителя традиций и непримиримого реформатора сформировала тренд с современной политической жизни страны и имеет несколько не менее ярких последователей — премьер-министр Абэ Синдзо, мэр Токио Коикэ Юрико и др. В исторической перспективе 1990–2000-х гг. в институте лидерства Японии происходят определенные сдвиги в сторону интернационализации, большей публичности, глубокого вовлечения публичных инструментов в формирование харизмы лидера (в качестве примера из мира бизнеса можно привести личность основателя торговой онлайн-площадки Rakuten Микитани Хироси, в политической сфере — премьер Хасимото Рютаро).

Процедура прихода к власти в современной Японии производится в рамках рационально-легального механизма, однако благодаря упорной деятельности Коидзуми над своим образом в глазах общества: он демонстрировал «инновационное поведение», используя сложившийся механизм получения исполнительной власти. С другой стороны, его поведение корреспондировало

¹ Kaula, Edna Mason, *The land and people of Kenya*, Philadelphia, Lippincott, 1968.

² Исследование выполнено в рамках гранта РФФИ 20–59–05006

с ожиданиями внутренней аудитории и новым требованиям, предъявляемым к статусной фигуре премьер-министра в качестве активного демократического лидера, попирающего основы теневой политики, принятой в политической культуре Японии и укрепленной сложившейся структурой власти в рамках «политической системы 1955 года». Коидзуми Дзюнъитиро победил на парламентских выборах, использовав механизм прямого обращения к региональным элитам, в результате получив большинство голосов. Он пришел к власти на волне роста недоверия к политикам, которые в глазах простых людей принимали решения исключительно путем теневых переговоров, когда данным процессом руководила ставшая институтом традиционной власти доминантная Либерально-демократическая партия Японии. Коидзуми выдвинул лозунг «Изменим ЛДП! Изменим Японию», который отвечал запросам электората. Премьер продолжил проведение энергичных реформ в области политического руководства, усиливая власть лично премьер-министра и его аппарата, в области экономики. Кроме того, он проводил активную внешнюю, оборонную и антитеррористическую политику в годы своего правления (2001–2006 гг.). В 2006 г. он предложил проект поправок к Конституции Японии, которые должны были решительно пересмотреть пацифистский характер основного закона страны и привести к «нормализации» статуса Японии как великой политической державы на международной арене. Соответственно, его реформистский политический стиль заключался в «жестком обращении к ‘своим’» с целью консолидации масс и яркой политической активности для демонстрации эффективности проводимой линии.

Внешний вид премьер-министра отвечал его решительным действиям в области политики и экономики. В своих высказываниях даже после ухода из большой политики Коидзуми Дзюнъитиро подчеркивает свою «экстраординарность», он стремится эпатировать публику до настоящего времени. В годы премьерства Коидзуми использовал ряд механизмов управления образом в глазах японцев, которые должны были видеть в нем не только лидера-реформатора, но и влиятельного политика, признанного международным сообществом. Для этой цели применялись несколько главных инструментов: внешний вид лидера (особенно прическа); ориентация на американские ценности и модель лидерства (яркий политик); авторитет равенства с мировыми лидерами (особенно Дж. Буш и В. В. Путин). Представленный доклад нацелен на раскрытие трех упомянутых выше аспектов.

Все три аспекта образа премьер-министра подчеркивали его революционность, инаковость и отличие от истеблишмента. Его прическа, образ «волка-одиночки» и яркая манера выступать противоречат сложившимся канонам внешнего облика «благородного мужа», обладателя исполнительной власти, а пышная шевелюра скорее подчеркивает его буйный и революционный политический стиль. Ориентация на американские ценности выражается

в атрибутах его внешнего облика (сравнение с актером Ричардом Гиром, очки и танцы в стиле Элвиса Пресли, отдаваемое американскому кино и музыке предпочтение) подчеркивает ценностные и стратегические приоритеты премьеры Коидзуми, нацеленные на тесный контакт с США. Стремление уровнять позиции с мировыми лидерами — В. В. Путиным и Дж. Бушем — должны продемонстрировать влиятельность Японии на международной арене в глазах как японской аудитории, так и иностранной. Атрибутика и стилистика харизматичной власти Коидзуми Дзюньитиро подчеркнута прагматично ориентирована на укрепление лично власти премьер-министра, ориентация на американские ценности, долгожданное равенство с мировыми державами. Однако необоснованно говорить об исключительно революционном характере правления Коидзуми: его политический стиль харизматичного лидера стал одним из возможных стилей для исполнительной власти страны, демонстрирующей реформистские намерения.

Меркулова К. Е. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)

Тенденции развития японо-российских экономических отношений в ежегодных отчетах Министерства экономики, торговли и промышленности (МЭТП) в 2016–2020 гг.

Министерство экономики, торговли и промышленности занимает важное место в японских международных политических процессах наравне с Министерством иностранных дел.¹ Занимаясь вопросами внешней и внутренней экономической политики Японии, МЭТП приветствует развитие экономических отношений России и Японии и сближение двух стран.

Наиболее активно данная тенденция начала проявляться с 2016 г., когда в мае Премьер-министр Японии С. Абэ предоставил Президенту РФ В. В. Путину «План о сотрудничестве из восьми пунктов». МЭТП стало основным министерством, активно участвующим в реализации вышеупомянутого плана и связанных с ним проектов. Таким образом, целью доклада является рассмотрение характера и направленности развития двухсторонних отношения России и Японии, посредством изучения отчетов Министерства экономики, торговли и промышленности Японии.

Тенденцию к активному участию министерства в развитии экономических отношений двух стран можно проследить благодаря ежегодным отчетам, которые называются «Белая книга по торговле Министерства экономики, промышленности и торговли». Уже в отчете 2017 г. появляется отдельный

¹ Внешнеполитический процесс на Востоке: Учеб. пособие для студентов вузов / Под ред. Д. В. Стрельцова. М.: Аспект Пресс, 2018. С. 304.

раздел, посвященный России, как привлекательному экономическому партнеру, реализации «Плана о сотрудничестве» и другим экономическим проектам двух стран. Россия оценивается привлекательной для японских компаний, сотрудничества и инвестиций. Приведем цитату: «Россия и регион стран СНГ как источник нефти и каменного угля богат полезными ископаемыми и энергетическими ресурсами такими как уран и другие редкие металлы, и элементы»¹. Такая оценка России японской стороной говорит нам о намерениях Японии, а в частности МЭТП, развивать двухсторонние экономические отношения.

Реализация «Плана о сотрудничестве», а также укрепление экономических связей с Россией имеют положительную окраску в отчетах МЭТП, где не раз подчеркивается «важность японо-российских экономических отношений»². С каждым годом описывается осуществление все большего количества совместных проектов японских и российских компаний, МЭТП и правительств дальневосточных регионов, что подтверждает нарастающую динамичность в развитии экономических отношений России и Японии. В основном проекты касаются энергетической и экологической сфер, а также диверсификации промышленной структуры России. Таким образом, МЭТП оценивает дальнейшее развитие отношений с Россией достаточно перспективным, так как это поможет обеспечить японской стороне большее количество регулярных энергопоставок и внедрение японских технологий в производственный процесс³.

Мокрушина А. А. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)

Арабская политическая карикатура как ответ на внешнюю и внутреннюю политику государства

Изучению современной арабской карикатуры посвящено лишь ограниченное количество отечественных исследований. При этом анализ этого явления мог бы предоставить богатый материал не только для востоковедов, но и для специалистов в области филологии, истории, социологии, политики и экономики.

Карикатура многогранна: ее можно изучать и как самостоятельный вид изобразительного искусства, и как общественное явление, несущее в себе смысловую нагрузку. Функции карикатуры также разнообразны, однако основ-

---

¹ Кэйдзайсангё:сё: но цу:сё:хакусё, дай 3-бу, дай 2-сё:, дай 7- сэцу. Росиа [Белая книга по торговле Министерства экономики, промышленности и торговли. Ч. 3, глава 2, раздел 7. Россия]. URL: <https://www.meti.go.jp/report/tshuhaku2020/2020honbun/i3270000.html> (дата обращения: 27.01.2021).

² Там же

³ Там же.

ная задача карикатуры заключается в том, чтобы визуально информировать читателя о событиях, как правило, с комическим эффектом и давать тем самым пищу для размышления.

Политическая карикатура распространенный и актуальный вид сатирического рисунка. Анализ политической карикатуры позволяет выявить наиболее важные и острые для общества темы, так как в том числе через карикатуру происходит отклик на различные события внутренней или внешней политики. Нередко политическая карикатура является специальным заказом в период предвыборных кампаний. Однако, в первую очередь, этот вид карикатуры используется авторами, чтобы привлечь внимание читателя к наиболее важным вопросам.

Изучение политической карикатуры предполагает разносторонний подход: для исследователя интересна не только содержательная составляющая политической карикатуры, но и ее дополнительные характеристики. Например, рассчитана ли карикатура на панарабскую аудиторию или ее смысл понятен лишь жителям конкретной арабской страны? В связи с этим интересно проанализировать язык карикатуры: в ней может быть использован как литературный арабский язык, так и диалект, распространенный на территории одной страны.

Если на протяжении достаточно длительного времени через карикатуру рассматривать отношение общества к тому или иному политическому деятелю, можно наблюдать, как формировался или менялся его образ в представлении людей. Один из ярких примеров — образ президента Мухаммада Мурси. Сначала он предстает в карикатурах в образе Салах ад-Дина, как символа освобождения египетского народа, позднее карикатуры полностью меняют окраску: Мурси представлен демонстрирующим бицепс, который исчезает, сдуваясь, как воздушный шарик.

Немаловажен вопрос обезличивания, условной анонимности политической карикатуры: как правило, авторы избегают упоминания конкретных имен политических деятелей, даже если черты их лиц вполне узнаваемы. В ряде случаев подобное обезличивание может быть связано с цензурой, в других случаях — с попыткой авторов сделать изображение более универсальным.

Изучение политической карикатуры интересно наблюдать в динамике. Так, анализ отклика на политическую ситуацию в виде карикатуры следовало бы рассматривать в соответствии со схемой: некая политическая ситуация — официальная и/или оппозиционная реакция общества — появление карикатур, освещающих эту тему. Обратим внимание и на достаточно специфическую обратную ситуацию с карикатурами на пророка Мухаммада, послужившими причиной волнений в обществе.

Интересно проанализировать, как представлен в арабской политической карикатуре образ России. Несколько лет назад Россия по понятным причинам упоминалась в карикатурах в связи с ситуацией в Сирии. При этом Россия

изображалась как в положительном, так и в отрицательном свете. Количество нейтральных по содержанию карикатур, связанных с образом России было значительно меньше.

Несмотря на относительную малоизученность, арабская карикатура на сегодняшний день имеет большой потенциал. Перенос внимания общества в интернет сферу сильно влияет на форму и качество информационного материала. Пользователю интернета проще и привычнее воспринимать идею в формате рисунка, мема, карикатуры.

Карикатура является актуальным и интересным для изучения явлением, которое способно донести до читателя наглядно и быстро нюансы и детали ситуации, а также дать им свою оценку.

Новакова О. В. (ИСАА МГУ, Москва)

Национальные ценности и религиозные традиции в контексте политического развития Вьетнама в начале XXI в.

В сообщении рассматривается проблема ценностей и традиций в контексте политического развития Вьетнама. Новый курс Вьетнама, известный как политика «обновления», провозглашенный в декабре 1986 г. на VI съезде КПВ, впервые после 1954 г. опирался на традиционную для вьетнамского социума идеологию, для которой основными компонентами выступали идеи стабильности и всенародной сплоченности. Согласно «Мысли о Дай Доан Кет» (Великое единство), высказанной Хо Ши Мином, это объединение всех классов и слоев во вьетнамском обществе во имя нации¹.

Поворот политики КПВ к опоре на национальные ценности и традиции есть ответ руководства Вьетнама, страны, отмеченной влиянием дальневосточной цивилизации, на сложные вызовы глобального мира, главным из которых является опасность утраты национальной идентичности². Именно ради сохранения социально-политической стабильности новый курс определил политику КПВ, где присутствуют элементы терпимости и компромисса, что можно проследить на примере двух последних по времени партийных съездов КПВ — XII (январь 2016 г.) и XIII (январь 2021 г.).

На наш взгляд, обращение к конфуцианскому понятию «Великое единение», высказанное Хо Ши Мином, не случайно, а, напротив, закономерно, так как призвано подчеркнуть ключевую идею XIII съезда КПВ — консенсус,

---

¹ Toàn dân Kháng Chiến. HN ngày 22 tháng 12 năm 1946. (Директивы от 22.XII.1946 г.)

² Не забудем, что слово «стабилизация» — ключевое для ценностей китайской цивилизации.

подкрепленную авторитетом самого Хо Ши Мина и тем самым в еще большей степени показать преемственность курса политики «обновления». Определенный парадокс заключается в том, что существующая во Вьетнаме традиционно значимая роль государства как контролера всех областей общественной жизни, способствовали ренессансу традиционных ценностей и включения их в политический багаж истеблишмента. Надо также отметить, что в ментальном плане идеология, на которую опирается современное руководство Вьетнама, повернута в прошлое с тенденцией его возвеличивания, что дает определенную рефлексию в проводимой политике.

В настоящее время в политическом развитии Вьетнама происходит процесс консолидации традиционной культуры, когда на официальном уровне местные верования признаются культурным наследием, характерным исключительно для Вьетнама и имеющим автохтонное происхождение. Это относится, прежде всего, к возрастающей роли культа предков и его идеализации как главного «заслона» в деле защиты нации от экспансии массовой культуры Запада.

Опираясь на долгосрочную стратегию развития страны, способную вывести Вьетнам на позиции «влиятельной региональной» (средней) державы к началу следующего десятилетия, власти стремятся консолидировать общество в преддверии трудных реформ, которые предстоит провести в ближайшие годы.

Ремизова Е. С. (РГО, Москва)

Хиндутва — идеология культурного национализма: традиционализма на службе политики

Древние религиозно-философские традиции стали мировоззренческой основой для социально-политической концепции индусского национализма. *Хиндутва* («индусскость»), лежит в основе идеологии одной из крупнейших политических партий Индии — Бхаратия джаната парти (БДП). В *хиндутве* старые формы наполняются новым содержанием: пропаганда строится на художественных образах индийского эпоса, традиционных философских категориях и идеях¹. Восторженное восприятие прошлого, обусловленное поиском идеи для национально-освободительной борьбы, было свойственно эпохе Индийского возрождения конца XIX в. С того же времени не утихают споры об определении понятия «нация».

Два основных подхода разделили общество и стали причиной конфликтов: парадоксальным образом из индийского национализма выросли и индийский

---

¹ Бельский А. Г. Некоторые проблемы идеологии индусского коммунизма // Идеологические проблемы современной Индии. М., 1970. С. 108–127.

секуляризм, и индийский коммунализм¹. Последний понимается как выражение поведения конфессиональных групп религии большинства — индуизма, хотя существует и мусульманский коммунализм, а также коммунализм групп различного общинного типа. Индуистская религиозная община, по сути, является абстракцией, так как обладает сложной структурой, внутри которой различные составляющие даже входят в противоречие².

Так, идеологи *хиндутвы* включали в ее состав кроме индуистов сикхов, джайнов и буддистов — последователей религий, появившихся на Индостане, и противопоставляли им религиозные общины привнесенных в Индию христианства и мусульманства. Сикхи и буддисты не относят себя к индуистам, но на бытовом уровне границы между ними размываются, впрочем, как и между индуистами и мусульманами. Поэтому для сплочения общины используется образ «внешнего врага», ведущий через противопоставление и противостояние общин к их противоборству. При этом столкновения возникают не на теологической почве, а обусловлены борьбой за власть и голоса избирателей. Хотя Махатма Ганди считал, что пагубно отделять политику от религии, три лидера страны пали от рук религиозных фанатиков: сам Ганди (убитый индуистом), Индира Ганди (убита сикхами) и Раджив Ганди (убит тамильской индуисткой).

Начало религиозной коммунализации индийского общества было положено в XIX в., когда после Сипайского восстания англичане стали внедрять принцип «разделяй и властвуй». Аморфность и иррациональность индуизма склонила их в сторону более привычного ислама. Началось намеренное противопоставление: издание законов, введение квот, создание мусульманской курии, поддержка мусульманских политических партий. Апогеем стало разделение Бенгалии в 1905 г. Официально продвигалась мысль о невозможности совместного существования двух общин. Когда в 30-е гг. XX в. независимость Индии стала вопросом времени, Лондон был озабочен только условиями, на которых это произойдет: разделение доминиона вполне отвечало интересам Великобритании.

В основе *хиндутвы* лежат три принципа: одна страна, одна нация, одна культура. Основным ее выразителем стал Раштрия сваямсевак сангх (РСС, Союз служителей нации), образованный в 1925 г. В 1951 г. РСС было образовано политическое крыло — Бхаратия джан сангх (БДС, Союз индийского народа), а в 1980 г. — Бхаратия джаната парти (БДП, Индийская народная партия). Взлет ее популярности связан с движением «Рам Джанмабхуми» (Места рождения бога Рамы) — за строительство индуистского храма на месте мечети Бабура

¹ Ремизова Е. С. Хиндутва — идеология культурного национализма, и ее влияние на политику Бхаратия джаната парти в области образования и культуры в период 1998–2004 гг. Автореф. дис. ... канд.ист.наук. М., 2009. С. 8.

² Ключев Б. И. Религия и конфликт в Индии. М., 2002.

(XVI в.) в Айодхье, которая, в свою очередь, по преданию, была построена на месте храма Рамы. После длительной идеологической подготовки и пропаганды, в 1992 г. мечеть была разрушена индуистами.

БДП находилась у власти в составе Национального демократического альянса (НДА) в 1996 г. и в 1998–2004 гг. В 2014 г. НДА снова выиграл выборы и руководит страной до сих пор. Премьер-министр Индии — лидер БДП Нарендра Моди. С приходом к власти, его речи стали менее агрессивны по отношению к индийским мусульманам. Но *хиндута* не сдает позиции, и в случае необходимости общинная карта будет разыграна вновь.

Сафонова Н. В. (ИБ РАН, Москва)

Исследование мусульманских меньшинств в свете теорий национализма

Доклад посвящен проблеме самоидентификации представителей мусульманских меньшинств на примере общины во Франции в настоящее время. Во Франции мусульмане представлены несколькими диаспорами и поколениями; нас будут в первую очередь интересовать третье поколение выходцев из Магриба.

Во Франции в отношении мигрантов принята политика ассимиляции. Однако, включение во французское общество мусульман не проходит успешно. Более того, в последние десятилетия нарастает движение сторонников радикального ислама среди представителей поколения, родившегося и выросшего во Франции. На наш взгляд, основная причина заключается в проблеме самоидентификации самих мусульман. Причем, эта проблема прослеживается, начиная с первых мигрантов, особенно у тех, кто смог подняться хотя бы на несколько ступеней социальной лестницы. Даже восприятие расизма и ксенофобии различается в зависимости от положения и особенностей происхождения мигранта.

Для объяснения этого явления наиболее продуктивным представляется подход из теорий национализма. Например, используя такие понятия, как нация и национализм, личная идентичность из теории исследовательницы Лии Гринфильд в отношении французов (как нации), мы продемонстрируем проблемы и их причины, связанные с интеграцией мусульман в светское общество. Одна из таких проблем — это принятая политика французского государства в отношении мусульман, приводящая к пониманию, что «истинный француз» не может не разделять все светские (т.е. республиканские) ценности, а также (через комментарии и выступления чиновников в СМИ) — к акцентированию признаков «Другого», «инаковости», которые становятся для молодежи теми знаками, которые можно использовать в конструировании собственной

идентичности. Учитывая особенности мигрантов разного поколения, которые в настоящее время зачастую выливаются в конфликт «отцов и детей», можно определить мотивацию представителей третьего поколения (из которых происходит большая часть исламских экстремистов), которые выбрали путь, отличный от пути своих родителей, — вне интеграции во французское общество.

Сидоренко А. Ю. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербурге)

Репрезентация харизматического лидерства в произведениях современной китайской литературы¹

Образы героев-харизматиков — не только важная составляющая функционирования литературного произведения с точки зрения его увлекательности и взаимодействия с горизонтом ожиданий читателя, но и призма, в которой отражается динамика культуры и национальный характер населения той или иной страны. Через репрезентацию сверхповседневности как качества, обеспечивающего тем или иным персонажам роль вождя, нам представляется возможным проследить то, как харизматическое лидерство актуализируется в двух планах².

Во-первых, в стадийном плане. Современный китайский литературный процесс достаточно четко подразделяется на две стадии — социалистическую (1949–1976) и постсоциалистическую (1976 — начало XXI в.). Сопоставление специфики актуализации харизматического лидерства в наиболее значимых произведениях этих двух периодов позволяет добавить штрихи к картине стадийного движения аксиосферы литературы.

Во-вторых, в антропологическом плане. Выявление общих закономерностей его репрезентации поможет приблизиться к пониманию специфики харизматического лидерства в китайском обществе.

Вышеприведенные положения можно продемонстрировать, например, сравнив таких героев, как Чжу Лаочжун из романа Лян Биня 梁斌 «История красного знамени» 红旗谱 (1957) и Ли Гуантоу из романа Юй Хуа 余华 «Братья» 兄弟 (2005–2006). Оба они, на наш взгляд, являются харизматическими лидерами. Чжу Лаочжун — крестьянин, который обладает необычными способностями, — он покинул родные места, долго скитался, и при этом смог вернуться на родину состоявшимся человеком. Однажды, во время протестов против налога на убой свиней, он, подобно герою традиционных китайских романов, одним взмахом плети смог вогнать в ступор несколько десятков гоминьдановских солдат. Ли Гуантоу харизматичен в силу того, что

¹ Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ (проект No 20–59–05006)

² Термин М. Вебера.

его коммерческая жилка и несгибаемая сила духа предстают перед читателем как необычайные способности делать из всего деньги и из любой ситуации выходить победителем.

Ли Гуантоу и Чжу Лаочжун роднит наличие сверхповседневности в их образах, однако ее суть в них разнится. Если Ли Гуантоу — типичный харизматический лидер, изображенный в гротескной манере, свойственной Юй Хуа, то Чжу Лаочжун, как нам представляется, — не более чем носитель ценностных установок соцреализма, наделенный атрибутами харизматика. Реальным лидером ему не позволяет стать парадигма соцреализма, согласно которой лидерство принадлежит Партии. При этом Партия в романе Лян Биня деперсонализирована в силу опасений литераторов 1950-х гг. «переходить на личности», дабы не попасть в опалу. Реальная же харизма персонифицирована по своей сути. Получается, что если бы Лян Бинь сделал Чжу Лаочжун реальным харизматиком, то с точки зрения соцреализма это бы расценивалось как недостаточное отображение руководящей роли Партии. С другой стороны, если бы харизматиком стал коммунист-подпольщик Цзя Сяннун, тогда крестьяне стали бы его сторонниками, иррационально подчиненными его харизме, то есть не самым прогрессивным и осознанным по Мао Цзэду классом, и деревенская тематика оказалось бы недостаточно раскрыта.

Скубко Ю. С. (ИА РАН, Москва)

Традиционализм и неотрадиционализм в африканском творчестве урожденного петербуржца, скульптора Владимира Мейеровича

Владимир Герберт Мейерович (1900–1945) — один из ярких представителей многочисленной еврейской волны эмиграции из Российской империи. Если число русских иммигрантов на Юге Африки измерялось сотнями, то еврейских — десятками тысяч (примерно 800 русских против 25 тыс. еврейских эмигрантов из России в Южно-Африканском Союзе перед Первой мировой войной). Уезжали евреи, в основном, из местечек «черты оседлости», от погромов и материальных тягот. Европейски образованных, вовлеченных в русскую культурную жизнь среди них было мало — но один из таких — Мейерович. Его отец — богатый и образованный бизнесмен из Германии, мать — из петербургской творческой интеллигенции, — пианистка, ученица Артура Рубинштейна.

Наиболее известная работа Мейеровича — огромные деревянные резные ворота с многочисленными скульптурными композициями на библейские темы «Двери Либермана» в Южноафриканской национальной галерее (по имени подарившего их галерее мэра Кейптауна). Галерея построена в 1914–1930 гг.

Герберт Владимир Мейерович родился в Санкт-Петербурге в 1900 г. Во время революции 1905 г. семья переехала из России в Швейцарию, где Мейерович учился в школе Песталоцци. Его школьное образование продолжалось в Англии, с каникулами в России. Семья была в России, когда в 1914 г. разразилась мировая война, и отец и сын Мейеровичи из-за их немецкого подданства были интернированы в Екатеринбурге. Они затем переехали в Берлин в рамках обмена пленными между Россией и Германией. В 1918 г. Мейерович даже несколько месяцев послужил в немецкой армии. После войны он поехал в Берлин, чтобы изучать искусство. Вместе со своей будущей женой Евой Левин-Рихтер он проявил большой интерес к искусству Африки. По завершении обучения искусству Мейерович переехал в 1925 г. Южную Африку со своей женой Евой, где он зарекомендовал себя как скульптор по дереву. Он преподавал в течение пяти лет в Кейптаунском университете и открыл там школу искусств.

В 1935 г. он провел исследование ремесел в Лесото (тогда Басутоленд), которое он описал в Докладе о возможностях развития деревенских ремесел в Басутоленде. Он организовал выставку африканского декоративно-прикладного искусства в рамках Международной образовательной конференции в Солсбери, Родезия.

Директор колледжа Ахимота в британской колонии Золотой Берег (Гана), предложил Мейеровичу работу руководителя отделения декоративно-прикладного искусства. Колледж Ахимота был основан в 1927 г. в Аккре как школа-интернат для обучения африканской элиты. В нем сочетались западные методы обучения с изучением местных обычаев, языков, биологии и географии. Мейерович и его жена Ева подготовили обзор местных ремесел Золотого Берега, которые, как они обнаружили, находились в упадке. В Ахимоте он заменил уроки искусства в западном стиле, основанные на академической графике, на подход к декоративно-прикладному искусству, основанный на местных навыках и традициях.

С 1937 г. Мейерович начал разрабатывать идею создания Института западноафриканских искусств, промышленности и социальных наук, которая была бы «сочетанием эстетического мастерства и мощи с современной техникой». До войны африканские колонии зависели от экспорта товаров, который оказался сильно затруднен из-за начавшейся Второй мировой. Британское Колониальное бюро в связи с этим приняло политику развития местных отраслей промышленности и в конце концов поддержало идеи Мейеровича. Институт был создан в 1943 г. и его движущей силой его был Мейерович. Мейерович спланировал институт на основе производственных подразделений, которые объединяли искусство с промышленностью. Мейерович расширил гончарный отдел для производства кирпича, плитки и глазурованной посуды, также производился текстиль.

Находясь в Лондоне в 1945 г., Мейерович узнал, что его мать, оставшаяся в России, умерла во время блокады Ленинграда. Он впал в глубокую депрессию и покончил жизнь самоубийством в том же году. Вскоре после его смерти Институт искусств Западной Африки был закрыт, но его «культурный задел» сохранился в Западной Африке и за ее пределами. В ЮАР резьба по дереву Мейеровича сегодня рассматривается как выдающееся национальное достояние. Мейерович сочетал в своем творчестве архаические мотивы, приемы «примитивной» скульптуры, классические основы мастерства и модернистскую экспрессию.

Тутаев И. В. (НИУ ВШЭ, Санкт-Петербург)

Нормы уголовного права в Уложении китайской палаты внешних сношений: постановка историко-правовой проблемы¹

Тема настоящего исследования посвящена уголовно-правовому регулированию, установленному империей Цин в отношении своих монгольских вассалов². Агрессивная политика Китая привела к тому, что над монгольскими ханствами было установлено господство маньчжурской династии. В отношении новых «внешних вассалов» («вай фань») не было установлено непосредственного управления, однако это не отменяло того факта, что к ним применялось законодательное регулирование. Финальным этапом в процессе урегулирования китайскими властями правоотношений монгольских вассалов стало издание в 1789 г. «Лифаньюань цзэли» («Уложение китайской палаты внешних сношений»).

Вышеназванный правовой памятник имеет существенное значение для изучения права, установленного китайским законодателем для монголов. При этом наиболее предпочтительным вариантом для работы является перевод документа, выполненный С. В. Липовцовым³.

Несмотря на то, что Уложение представляет собой нормативно-правовой акт, отсутствуют научные работы, которые бы рассматривали данный документ с историко-правовой точки зрения. Хотя правовой памятник рассматривал В. А. Рязановский в своей работе «Монгольское право (преимущественно обычное)», однако в ней представлено общее содержание норм, и отсутствует

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект №19–18–00162), реализуемого в Институте языков и культур имени Льва Толстого.

² Следующие понятия: «маньчжурь», «династия Цин» и «Китай» следует считать равнозначными.

³ Уложение Китайской палаты внешних сношений / Пер. с маньчж. С. В. Липовцов. Т.1–2. СПб.: тип. Деп. нар. просвещения, 1828.

юридическая специфика¹. Следовательно, требуются исследования Уложения в указанном историко-правовом направлении.

Даже поверхностный взгляд на рассматриваемый документ позволяет обнаружить самый разнообразный перечень правоотношений, регулирование которых нашло отражение в правовом памятнике: от административных до гражданских. Наиболее примечательным во всем указанном перечне являются уголовные правоотношения. Сам документ содержит существенное количество соответствующих норм, в рамках которых, например, установлены меры ответственности за совершение противоправных деяний, представлено общее регулирование уголовно-правовых институтов и т.д. Следовательно, требуется выявление таких норм. Это становится возможным благодаря выявлению в каждой конкретной проанализированной норме элементов правоотношения: объекта, субъекта и содержания.

Дальнейшей целью может стать формирование представления (или даже реконструкции) о монгольском уголовном праве в соответствии с положениями Уложения. Для того чтобы реализовать указанную цель, необходимо выявленные нормы права уголовно-правового характера систематизировать в соответствующие институты и, тем самым, рассмотреть уголовное право в качестве систематизированного явления. Все сказанное позволит пролить свет, как представляется, на одну из наиболее важных отраслей права, установленных Китаем для своих монгольских «внешних вассалов».

Таким образом, настоящее исследование связано с постановкой историко-правовой проблемы по итогам работы с Уложением. По итогам такой предварительной работы планируется ведение дальнейших исследований, направленных на формирования полноценного и корректного представления о монгольском уголовном праве, регулирование которого нашло отражение в Уложении китайской палаты внешних сношений.

Элбакян Э. А. (ЕГУ, Армения)

Харизматическое лидерство как социальный конструкт (на примере Азербайджана)²

Культ личности — всемирно распространенный политический феномен, который исторически в том или ином виде знаком всем политическим мате-

---

¹ Рязановский В. А. Монгольское право: (преимущественно обычное): Исторический очерк. Харбин (Китай), 1931.

² Исследование выполнено при финансовой поддержке КН РА и РФФИ (РФ) в рамках совместной научной программы 20RF-189 и 20-59-05006 соответственно.

рикам мира, от Латинской Америки до Восточной Азии. Очень часто культом личности восполняется политический вакуум, сложившийся в результате делегитимизации прежнего социального устоя — от институтов, до дискурсов.

О культе личности в современном Азербайджане писалось уже во времена самого Гейдара Алиева. Американский ученый Томас Гольц в 1998 г. писал: «Меня волнует абсолютная легитимность Гейдара. С помощью культа личности, прокормленный нефтью, чему завидовал бы даже его наставник — Леноид Брежнев, Гейдар смог установить себя самого как персонификация Азербайджана — *l'État, c'est moi!*»¹. В первом издании Политического и экономического словаря Восточной Европы, издаваемой Europa Publications (Taylor & Francis Group) в статье Г. Алиева авторы писали: «Култ вокруг личности Гейдара Алиева представляет его как отца азербайджанского народа, с вездесущим портретом и пословицами, показываемых на плакатах в публичных местах»².

Установлению культа личности в Азербайджане способствовали распад СССР и вакуумизация политического строя, а также традиционная/незападная социо-культурная среда, присущая Азербайджану. Немаловажную роль сыграли, конечно, факторы нефти и войны против армян, требующие большей мобилизации. В дальнейшем вместе с властью отца Ильхам Алиев унаследовал и культ личности, одновременно продолжая культивировать культ отца.

Объект данного доклада в широком смысле — культ личностей семьи Алиевых в Азербайджане — Гейдара Алиева, Ильхама Алиева, Мехрибан Алиевой. В узком смысле предметом исследования данного доклада — текстовая база культа перечисленных личностей, в частности как официальные, медийные тексты, тексты учебников и тексты ЛОМ конструируют и способствуют культу личностей. Отдельно изучается вопрос того, какие дискурсивные элементы и семантику используют эти тексты для легитимизации культа личностей.

В основе теоретической рамки данного доклада лежит деноминация пяти свойств современного типа культа (*modern personality cult*) личности — секулярность; маскулинность; направленность на весь народ; массовость; закрытое общество.

---

¹ Goltz Thomas, *Azerbaijan Diary (A Rogue Reporter's Adventures in an Oil-Rich, War-Torn, Post-Soviet Republic)*, London and New York, 1998, Prologue, p. xxv.

² Day Alan J., East Roger and Thomas Richard, *A political and economic dictionary of Eastern Europe*, Europa Publications (Taylor & Francis Group), 2002, p. 15.

СЕКЦИЯ XX • SECTION XX

КРУГЛЫЙ СТОЛ: «КУРДСКИЙ ВОПРОС:
ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ»

ROUND TABLE DISCUSSION: "THE KURDISH QUESTION:
HISTORY AND TODAY'S STATE"

Celebi D. (The University of Manchester, United Kingdom)

**Shafi'i School as a State Religion
of Kurds and *Kurdeyatî***

There is a known fact that Islam is a deciding factor for most issues in the Middle East. After the death of the Prophet Muhammad, who was accepted as the leader by the Muslims, the emergence of many different opinions had been started. Every segment started to form schools according to their ideas and put forward their ideologies under a religious sect (Watt, 1973). One of the most prominent examples of this is that two groups of followers of the Prophet were fighting each other in the Siffin war because of the argument of "Who will be the ruler after the prophet?". In this war while those who are 'opponents' to the main ideas themselves called themselves as '*khawarji*' (external), one of the factors that trigger the separation here is considering themselves as the owner of the right to govern (Bulut, 2013).

Thus, these sectarian groups, who comprise the vast majority of Arabs, began to spread the Sunni sectarian ideology to their neighbour. After this point, Hanafi, Shafi'i, Hanbali, and Maliki, which are the sub-parts of the Sunni sect and are also ideological forms, were adopted by different ethnic identities in different geographies (Watt, 1973).

While the Arabs brought “Islam” to these lands, the believers of the Kurd preferred Shafi’i as both a religion, a sect, and an ideological element such as Ayyubid and Marwanians state (Peseng, 2011).

When we look at the Kurds and their principalities ruled by the Ottoman, who adopted the Sunni-Hanafi school, the ideological aspect of the sect can be revealed by exploiting the Kurds as a buffer zone in most of the wars against the Persians by the Ottomans and imposing their propaganda in most of the Kurd’s lands as an ideological struggle against the ‘deviation.’ (Aytemur, 2020).

In the Sheikh Ubeydullah movement, which was the first modern Kurdish uprising, the expression “*our sect is different*” (Papers, 1880) used by Sheikh in his letter to British Missionary Dr. Cochran shows that the sect does not only have a religious mission but also has an ideological element. As a matter of fact, he continues his letter with, “*Let’s regulate our law, let’s punish our criminals.*” (Papers, 1880) One of the situations that Sheikh wants to draw attention to here is that the Iranians, who are one of the parties he conflicts with, are Shia, and the other side, the Ottomans, is Sunni-Hanafi (Aytemur, 2020).

The distinction of sect among the Kurds can be observed more clearly when we look at the parts of Kurdistan. For instance, one of the most significant distinctions in the Iranian Kurds is the pro-government Shia Kurdish groups and the opposing Sunni Kurds. Discrimination of Iranian policy against Sunni Kurds has been revealed by reports (Hassaniyan, 2019) (Cameron & Danesh, 2008) (Yildiz, 2007).

In Turkey, Hanafi ideology, which is the sub-branch of Sunni, is practiced by each institute of the Directorate of Religious Affairs, which the official department of the state. Most of the Kurds are the Shafi’i. The Hanafi-Sunni school, which has become a state discourse, is used not only as a sect but also as a tool of assimilation .

To sum up, Shafii is not only a religious tool of the Kurds but also has the potential to represent as a state discourse itself.

Konak Ismet (İstanbul, Turkey)

Ethnic identity of Zazas

As known, Zaza people mostly live in Turkey. There is not only Kurdish question but also Zaza issue. In recent decades, along with the word “Kurdistan”, the word “Zazaistan” began to be used loudly. The people using the term Zazaistan mostly put forward the thesis that Zazas are not Kurds. Thus they dream of an autonomous or independent region separate from Kurdistan in northern Mezopotamia. However, this idea is not accepted by those who feel themselves Kurdish. This latter, instead of the word Zaza, mainly prefers to use the terms like Kird, Kirmanc and Dimili.

According to their opinion, this three terms historically, culturally and lexicologically reflect the “Kurdishness”, and Kurdistan should cover the lands inhabited by the Zazaki speaking people.

Today, it is clear that there are two languages known as Zazaki/Kirmancki/Kirdki/Dimilki and Kurmanci. However, they are thought to come from a common origin many centuries ago, which is defined as “Proto-Kurdish”. These two languages contain common linguistic features such as semi-ergativity, masculinity-femininity, casus obliques, even though they differ from each other in terms of mutual intelligibility. In this regard, the following evaluation of Noam Chomsky, the American linguist, is of importance: “Any independent language is also a dialect”. Furthermore, the tribes speaking both languages have common history, and there is a genealogical relationship between them.

The question of origin of Zazas is heavily discussed by many researchers from Turkey and abroad. Although there are plenty of archival documents indicate that Zaza people consider themselves Kurdish, many historians and linguists try to separate them from Kurdish identity. Some of the researchers assert that Zaza people are derived from Turkish ancestry. Others think that Zazas migrated from Daylam to Mezopotamia, and integrated with Kurdish tribes. The second group also claims that the Partian language is the root of Zaza language. Besides that, there is another theory, according to which the word Zaza dates back to the Sumerian period. Those who defend this theory generally use the name of the temple of “Ninni-Zaza” located in the ancient city of Mari as a data. A group of researchers also focus on the Torah, the holy book of Jews. They claim that Zaza is one of the descendants of Yerahmeel, the great-grandson of Judah.

The goal of this work is to study the origin of Zaza identity, and shortly analyse the aforementioned theories.

Shablovskaia A. (Sorbonne Nouvelle Paris 3 University, France)

Russian policy and Archetypal Representations of the Kurds during World War I

While being a constant feature of Russian regional politics, the Empire’s interest in the Kurds never materialized either in a political doctrine nor in an institutional arrangement. Such an obvious contradiction between various Russian attempts of rapprochement with the Kurds and the lack of a unique approach toward the Kurdish question became particularly problematic during World War I, when Anatolia and the West of Iran were transformed into a war theatre. This paper questions the reasons of the Russian failure to reap political benefits from the military mobilization of the Kurdish population against the Ottomans in the light of imperial subjectivities

involved in this mobilization program. By focusing on institutional conflicts and ever changing strategic conjectures, we will put into perspective several rival approaches to the Kurdish question which were reflecting the major discursive trends in the Russian Empire: the image of the Kurds as a « martial nation », the discourse on the Armenian « existential danger » and the classical orientalist vision of the tribal periphery, which was supposedly inhabited by the orientalist Other. The paper concludes that the persistence of this orientalist paradigm and its use as a legitimizing discourse accompanied the major strategic choices of the Russian authorities during the war and prevented them from effectively exploiting the nascent national feeling of the Kurds.

Limited as they were by their regional policy, the Russians failed to establish long-term relations with the Kurds in the 1910s. Instrumentalization of the Kurdish national sentiment could be an option but the Russian academic discourse only viewed the Kurdish populations as a « martial nation » or as a counterweight to Armenian influence. However, this paper posits that the Russian orientalists' discourse on the Kurds was mostly determined by regional imperial factors as well as by local conflicts of interest rather than by the war time needs. First of all, Russian hegemony in the North of Iran facilitated the Russo-Kurdish rapprochement and reinforced the Russian academic discourse on the Kurdish martial skills. Second of all, the tsarist “laissez-faire” policy on the Irano-Ottoman frontier, which was mainly fueled by the fear of Ottoman intervention, found its another justification in the anti-Armenian discourse on the Armenian “existential danger” vis-à-vis the Kurdish populations. Furthermore, the Russian anti-Armenian “kurdophilia” was frequently linked to the imperial internal rivalries in the political and military circles. Finally, the Russian orientalists' idea of the Kurdish “Islamic fanaticism” resonated with the tsarist paranoid fear of pan-Islam, which was particularly popular with the local Caucasian and Central Asian reformist movements. In addition, Russian diplomats-orientalists (*vostochniki*) Nikitin and Minorskii, who were especially active in the tsarist expansion in Kurdistan, perceived Islam through the prism of regional political dynamics such as Ottoman expansionism and Iranian internal instability during the years of the Constitutional Movement (1905–11). Hence, their discourse on the Kurdish religious fanaticism had a double self-legitimizing function: it justified Russian imperial expansionism and it ignored the structural flaws of the Russian presence.

At the end of the day, the Russo-Kurdish alliance did not turn out to be a long-lasting enterprise because of the tsarist discursive contradictions and vulnerable institutions, especially weakened by the ethno-religious conflicts in Eastern Anatolia and in the West of Iran. Though tangible in the tsarist diplomatic correspondence, the idea of an autonomous Kurdish state was always discredited by the necessity to maintain the regional statu quo, while the Kurdish populations were being orientalized in the tsarist academic discourse. The latter denied any political maturity to the Kurds, their image was being that of a noble savage who could be patronized by the imperial authorities but never taken seriously in his quest for independence.

Sosnowski P. (University of Warsaw, Poland)

Path dependence from non-state proxy forces to de facto state: a history of “strategic exploitation” of the Kurds as a context of the Iraqi Kurdistan security policy

Within the path dependence concept¹, some processes can be defined as having their own history. This means that their present and future development depends on their historical development. Thus, a given process can develop along various paths that can lead to the achievement of various states of equilibrium. Likewise, institutional transformations are conditioned by past and present events. Events at the beginning of the path may hinder or exclude the possibility of reaching certain states in the later stages of development of the local institutional system².

The subject of the research is both the adopted and assigned international roles of political actors from the area of Kurdistan³. I assume that the long-term adoption of the international role of a non-state proxy actor⁴ is conducive to the transformation of a non-state actor into a de facto state⁵ against the intentions of quasi-patrons⁶.

The purpose of this article is to describe the phenomenon of path dependence in the context of transformations of the international roles of Kurdish political entities, as well as an attempt to identify the events that initiated the path of the dependence

---

¹ Mahoney J., Schensul D. Historical context and path dependence. The Oxford handbook of contextual political analysis. Oxford University Press, 2006.

² I understand the institutional system, like Williamson, as a combination of various formal institutions that can change over the course of one generation, and informal ones that transform over many generations. Williamson O. The New Institutional Economics: Taking stock, looking ahead, *Journal of Economic Literature*, no. 38, 2000, p. 595–613

³ Kurdistan as a historical and geographical area located today within the borders of Iraq, Iran, Turkey and Syria.

⁴ A Non-state proxy actor can be defined as a non-state political entity that is used or inspired to carry out militarized intimidation in order to implement its quasi-patron interests. Read more: Ariel A. Proxy warriors: the rise and fall of state-sponsored militias. Stanford University Press, 2011.

⁵ An Entity that fulfils the Montevideo Convention on the Rights and Duties of States (1933) criteria for statehood but lack of international recognition or delaying its secession (e.g. Kurdistan Region in Iraq).

⁶ Researchers of the de facto states define a patron as a sovereign state that ensures security over the de facto state, but at the same time decide whether the supported entity can cooperate with the International Community. I refer to the term “quasi-patron” as the situation when patron state has no possibility of deciding to admit the support of de facto state cooperation with the International Community, but to some extent can influence its client decision-making process. This mainly applies to de facto states that do not have a patron (Iraqi Kurdistan since 1991, Somaliland). In this study, I also call quasi-patrons the actors who entered a patron-client relationship with various armed Kurdish political entities.

of de facto Kurdish state development in Iraq and the basic assumptions of its security policy.

The history of Kurds and Kurdistan is full of both episodic cases and quite long periods of strategic exploitation of Kurdish political entities to achieve military and political goals of an external actor (quasi-patron). Sometimes it is difficult to assess whether the local actor was aware of its role or whether he perceived entering a relationship with the client as conducive to the implementation of his own local interests (e.g. Kurdish Principalities in Ottoman and Persian Empires; Assyrians and Great Britain; Soviet Union and the Mahabad Republic 1946; PDK and Iran, USA, Israel 1962–1975).

The historical continuity of the role of the "client" of external aid and conducting external interests significantly affects the present implementation of the of the Iraqi Kurdistan security policy.

In addition to theoretical literature, I analysed the existing studies of the archival documents of Polish and British diplomatic missions in Iran from 1939–1945. I also used existing studies and archival materials found during conducted query regarding the Polish mission in the Ottoman Empire carried out by the Hotel Lambert in the 19th century.

Абалян А. И. (СПбГУ, Санкт-Петербург)

Феномен «Рожавы»: опыт политического самоопределения

В ходе вооруженного сирийского кризиса вакуум власти на северо-востоке Сирии и успешная борьба против боевиков ИГИЛ (запрещена в РФ) позволили курдскому освободительному движению реализовать уникальный проект демократической системы самоуправления. К началу 2014 г. три провинции сирийского Курдистана (Рожава) добились de facto прав автономии с установлением кантональной системы, базирующейся на концепции демократического конфедерализма. Эта система основывается на двух принципах: прямой демократии, в рамках которой граждане принимают активное участие в управлении кантоном и процессе принятия решений; и отрицании идеи национального государства посредством создания административных структур всех уровней, инкорпорирующих различные этнические и религиозные группы, проживающие на территории Рожавы наряду с курдским населением (христиан, йезидов, арабов, армян и т.д.), тем самым, предоставляя меньшинствам беспрецедентный для ближневосточного региона уровень участия в политической сфере.

Принципы равенства, закрепленные в «Общественном договоре», который выполняет роль конституции курдской автономии, распространяются на все ключевые сферы жизни общества. Несмотря на то, что преобладающей рели-

гией населения Рожавы является суннитский ислам, автономия, следуя французским традициям лаицизма, демонстрирует стремление к формированию светского и поликонфессионального сообщества. Уникальной для Ближнего Востока является также гендерная политика в сирийском Курдистане, где, согласно выработанному законодательству, 40 % официальных должностей во всех социальных сферах, включая военную, должны занимать женщины. В Рожаве развивается система мультилингвального образования школьного и университетского уровней, в рамках которой преподавание осуществляется на курманджи, арабском и сирийском языках, в противовес доминирующему принципу сирийского режима: один язык, одна партия, одна политика. Экономическая программа автономии нацелена на создание альтернативной капиталистической модели демократической социальной экономики, основанной на принципах кооперативного хозяйствования. С 2016 г. Рожава получила название Демократическая Федерация Северной Сирии, а в 2018 была переименована в Демократическую автономию севера и востока Сирии, символизируя таким образом реализацию права на самоопределение не только курдского сообщества, но и других этнорелигиозных меньшинств.

Феномен системы самоуправления, возникший в Рожаве, можно рассматривать в качестве своеобразного воплощения новой концепции А. Оджалана, лидера турецкой РПК, который за время своего заключения на острове Имралы кардинально изменил позицию в отношении будущего курдов, и в первую очередь, объединяющей роли курдского национализма в пользу построения федеративного государства, представляющего собой гибридную модель социализма и прямой демократии. Отрицание идеи национального государства свидетельствует также о потенциальном отказе сирийских, равно как и турецких курдов, от борьбы за создание независимого курдского государства на Ближнем Востоке, перспективам строительства которого последовательно противодействует не только Турция, как наиболее активный игрок на региональной арене, но и Иран, стремящийся не допустить сепаратистских настроений среди собственного курдского населения. Наиболее реальной и благоприятной перспективой, таким образом, может являться сохранение Рожавы в составе будущей демократической Сирии в качестве автономного субъекта федерации или конфедерации.

Развитие данного сценария, однако, осложняется в значительной мере непредсказуемостью политики ведущих международных акторов, в частности, США, ситуативно меняющих свои подходы к урегулированию курдского вопроса в зависимости от внутривнутриполитической повестки и краткосрочных геополитических выгод, и, главным образом, Турции, традиционно нацеленной на подавление любых проявлений курдского национализма, в том числе на территориях сопредельных странах. Это проявилось, в частности в том, что непосредственно вслед за провозглашением политической автономии

Рожавы в 2014 г., Анкара причислила сирийскую курдскую партию «Партию Демократический Союз» (PYD) к террористическим организациям, обвинив ее (небезосновательно) в тесных связях с запрещенной в Турции Рабочей Партией Курдистана (РПК). Кроме того, в ходе операций «Щит Евфрата» (август 2016 — март 2017) и «Оливковая ветвь» (январь 2018 — март 2018), турецкие войска под эгидой борьбы с исламистами и боевиками, фактически оккупировали один из кантонов Рожавы Африн, стремясь не допустить на сирийско-турецкой границе объединения трех курдских кантонов. В данном случае, помимо опасений Анкары, связанных с потенциальной радикализацией турецкого курдского движения под влиянием опыта сирийской Рожавы, военная кампания была направлена на недопущение создания транспортного коридора для экспорта энергетических ресурсов от Ирака до Средиземного моря через курдские территории в обход Турции. В значительной мере дальнейшей свободе действий Анкары способствовал внезапный вывод американского воинского контингента в начале октября 2019 г., что вынудило местные власти обратиться за военной поддержкой к Дамаску, серьезно ослабив позиции PYD и поставив под сомнение перспективу сохранения автономного статуса Рожавы.

Беркович Н. А. (РГПУ, Санкт-Петербург)

Курдский этнос в XXI в.: стратегия трансграничной консолидации

I. Курды – палеогенетический этнос, наследники воинствующих мидийцев, обитавших в центре мировой цивилизации в Двуречье. Исторически курдский этнос (народ) позиционируется как детерриториальная общность, лишённая компактного проживания. Этногеографическое пространство разобщённого местобития с названием Курдистан также детерриториально. Этнопоним Курдистан фактически не более как условный термин, фиксирующий локально преходящее, но продолжающее оставаться разделённым курдское местобитие. Основоположник курдской историографии Шараф-Хан Бидлиси (1543–1604) в своей фундаментальной работе «Шараф-Наме» ещё в XVI в. пророчески утверждал, что Курдистан есть понятие временное, как отведённое пространство для курдов. Спустя пятьсот лет это предвидение окажется уместным применительно к трагическим перипетиям истории курдского народа и продолжает оставаться таковым в сложных этнополитических реалиях начала третьего тысячелетия XXI в.

II. В современных реалиях к курдскому этносу применимо недостаточно корректное, но адекватное по своей значимости выражение «четвертование», констатирующее факт продолжающейся многолетней разделённости курдов

главным образом между четырьмя государствами: Турцией, Сирией, Ираком и Ираном, учитывая при этом их расселённость во многих зарубежных странах. Доминантой стратегии трансграничной консолидации курдского этноса в XXI в. должно стать создание Большого Курдистана, Страны Курдов — самодостаточного, демократического, независимого национального образования. Неразрешимые коллизии разобщённости не могут длиться бесконечно, курдский этнос выстрадал своё государство.

III. Именно таковым реально, а не гипотетически, как довольно часто случалось прежде, способен быть современный Иракский Курдистан, представляющий уникальную модель справедливого решения курдской проблемы в рамках одной страны. Иракский Курдистан способен позиционироваться как центр этнополитической консолидации, последующего длительного добровольного собирания соотечественников в Страну Курдов. Проблему выделения Курдистана из Ирака не следует демонизировать. Она, разумеется, неоднозначна и непредсказуема. В то же время не исключается возможность обоюдоприемлемого, цивилизационного «бархатного» развода.

IV. Другая проблема не менее сложная и многозначная в том, как осуществить трансграничную консолидацию. Востребованы практики толерантности, плюральной дискуссионности в нахождении взаимных уступок, временных соглашений и т.п. при условии преодоления фракционности, амбиций вождизма и тем самым междоусобных курдских противостояний.

V. Трансграничная консолидация вне зависимости от территориальной локализации приобретает столь востребованную мобилизационную значимость. Прежде всего это относится к курдской идентичности, имеющей иерархически множественную дифференцированную структуру. Назрела социально-психологическая потребность в концептуально обоснованной идее курдского национального возрождения, чтобы чётко, насколько это возможно, сформировать ответ на судьбоносный вопрос об историческом и политическом призвании курдов и значимости их культурно-цивилизационного потенциала для региона «Большого Ближнего Востока» и мирового сообщества.

VI. Для трансграничной курдской консолидации востребована эффективная международная поддержка. Таковой может быть так называемая «мягкая сила», именуемая публичной дипломатией, характеризующаяся открытостью и доброжелательностью, способствуя обоюдному взаимопониманию и поддержке. Однако возможности публичной дипломатии ограничены.

VII. Представляется уместным инициировать создание комитета по курдской государственности под официальной эгидой ООН. Напомним, что впервые международное признание прав курдского народа на национально государственное самоопределение было зафиксировано Севрским договором еще в 1920 г. Сто лет назад! Курдский вопрос один из немногих аналогичных, но, пожалуй, наиболее длительный и нерешённый. Промедление с его нераз-

решимостью чревато деструктивными потрясениями в современных условиях меняющегося «Большого Ближнего Востока».

VIII. Есть известная восточная поговорка: «Нет такой ночи, после которой не наступил бы рассвет». Сегодня для курдского народа рассвет более близок, чем сто лет назад. Трансграничная этнополитическая и этнокультурная консолидация его ускорят.

Вертяев К. В. (ИБ РАН, Москва)

Политический аспект курдского вопроса на Ближнем Востоке: формирование двух форм курдской протогосударственности в Сирии и Ираке

Под «курдским вопросом» мы подразумеваем право курдов на самоопределение, что само по себе рождает целый каскад политологических допущений, условностей, мало соотносящихся с *real politics*. Под понятием «протогосударство» мы будем подразумевать политический субъект, который не представляет собой полностью автономно институционализированное или суверенное государство, если под государством подразумевать эффективное управление на контролируемой территории. Если соотносить такое понятие с правом наций и народов на самоопределение, то важным фактором реализации данного права на геополитической арене остается условность статусности такого самоопределения, которое многим курдам (но не всем) представляется вторичным по сравнению с такой формой государственности, которая бы соответствовала чаяниям как курдов, так и всех проживающих на территории такого воображаемого Курдистана народов, этнических и конфессиональных групп. В контексте курдской истории наглядным примером может послужить и кочевая конфедерация милли (начало XX века), и королевство Курдистан со столицей в Сулеймании (1922–1924 гг), и Мехабадская Республика (1946 г). Возникновение и постепенная суверенизация протогосударств, т. е. превращение их в национальные, либо конгломератно-сложные протогосударственные образования, безусловно, зависит от стечения различных обстоятельств, подчас носящих характеристики «черного лебедя» — непредвиденного события. В контексте курдской протогосударственности в Ираке толчком к такому сценарию стали события начала 90-х, связанные с репрессиями режима Саддама Хусейна против курдов, рост числа беженцев на турецкой границе и как следствие, введение по просьбе Турции бесполетной зоны НАТО над северным Ираком. В контексте Сирии — оставление войсками центрального правительства Сирии в 2012 г северных районов страны, населенных курдами, что привело к формированию здесь квазигосударственности.

Если говорить о Сирии, то курды составляют одну из основных этнических групп сирийского государства, их численность, по разным сведениям, около 2–2,5 млн человек, или 10 % всего населения страны. Все области компактного проживания курдов на севере и северо-западе Сирии являются полиэтничными конгломератами, где этническое большинство (в разной пропорции) составляют курды, говорящие на диалекте курманджи курдского языка (в отличие от северного Ирака, где превалирует сорани). В качестве других этноконфессиональных групп здесь присутствуют арабы, туркоманы, несториане, армяне, езиды и даже чеченцы.

Переносимый из-за пандемии нелегкие времена «Сирийский (Западный) Курдистан» (Рожава) (а точнее: Автономная администрация Северо-восточной Сирии (ААСВС)) является не только попыткой реализации такой формы сирийской протогосударственности, но и местом столкновения геополитических интересов экстерриториальных игроков: Турции, России, США, Ирана. Самопровозглашенная и занимающая уже треть Сирии квазикурдская автономия, несмотря на свой непризнанный статус, представляется одним из ключевых игроков сирийского урегулирования и, одновременно, политическим заложником той ситуации, которая сложилась в Сирии в результате гражданской войны, что ныне подразумевает активное вовлечение во внутрисирийский конфликт внешних политических игроков.

В самопровозглашенной автономии на северо-востоке Сирии и в конвенциональной автономии курдов Ирака складывается специфическая форма квазигосударственности. Учитывая инклюзивность курдских сил самообороны в Сирии в отношении ряда некурдских групп региона, они, в связке с политической структурой, приобретают протогосударственные характеристики, выходя за рамки определения «сирийского крыла» ПРК, что вызывает серьезную озабоченность и в Дамаске и в Анкаре. Взаимоотношения между курдским региональным правительством в Ираке и руководством ААСВС является важным элементом данного анализа.

Гуляева Ю. А. (НИУ ВШЭ, Москва)

Исламизация государственного образования в Турецкой Республике: взгляд турецкого большинства и курдского меньшинства

С момента прихода к власти в 2002 году и по сей день Партия справедливости и развития (АКР) остается одной из крупнейших в Турции партий у власти (более 18 лет), авторитет которой серьезно пострадал после попытки переворота в 2016 г. Одним из главных инструментов укрепления своего

авторитета президент Эрдоган выбрал реформы, часть из которых касались системы религиозного образования в школах, стремясь консолидировать власть, объединив турецкий национализм и ислам.

Данная тема мало исследована как в русскоязычных¹ источниках, так и в англоязычных². В рамках данного исследования были опрошены граждане Турции, идентифицирующие себя как турки и как курды. Часть из них определяет себя как мусульмане, другая часть как деисты, при этом этничность не повлияла на религию респондентов, за частую, решающую роль играло окружение. В ходе исследования было опрошено 12 человек, условно разделенных на три возрастные группы: от 20 до 25, от 25 до 30, от 30 и старше. Участники первой группы — это нынешние студенты бакалавриата и магистратуры, не работающие или работающие частично, участники второй и третьей групп — выпускники вузов с полной или неполной занятостью. Большинство респондентов не знают друг друга и проживают в разных городах и регионах Турции. В каждой возрастной группе был как минимум один респондент, который обучается на педагогическом факультете или преподавал в школе на момент интервью.

Интервью было условно разделено на три блока:

- 1) Персональное отношение к религии;
- 2) Отношение к внутренней политике Турции и вовлеченность в политику;
- 3) Отношение к изменениям, наблюдаемым после 2016 года в системе образования.

Глубинные интервью были проведены в Zoom или Telegram, все участники дали согласие на запись разговора и его последующее использование в исследовании. Для обеспечения валидности интервью после расшифровки ответов результаты их интерпретации были уточнены у респондентов.

Первый блок вопросов выявил, что респонденты, идентифицирующие себя как мусульмане, не выполняют все религиозные практики. По словам одного из респондентов, некоторые граждане *«верят, что ислам — это часть турецкой культуры; рожденный в Турции считается мусульманином, а все турецкое приравнивается к мусульманскому»*, отметив, что, даже не будучи государственной религией, ислам воспринимается как таковая. Курдоговорящие респонденты, идентифицирующие себя, как верующие, меньше вовлечены в религиозные практики, реже ходят в мечеть и читают Коран.

Второй и третий блоки показали, что большинство молодых людей очень неохотно говорят о политике и избегают аффилиации с политическими парти-

¹ Коротько Татьяна Владимировна Высшее образование в Турецкой Республике // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2012. № 3.

² İnal K. et al. (ed.). Neoliberal transformation of education in Turkey: Political and ideological analysis of educational reforms in the age of the AKP. Springer, 2012.

ями. Респонденты избегали оценки деятельности правящей партии, большинство делают выбор в пользу кандидатов из той же социальной группы, что и они, так, курдоговорящий респондент отметил, что голосует за Демократическую партию (*Halkların Demokratik Partisi*) в виду ее прокурдской риторики.

Однако опрошенные респонденты высказывались негативно в отношении обязательного изучения Корана, выступая за светское обучение. Один из туркоговорящих респондентов, у которого есть четырехлетняя дочь, сказал, что его дочь будет учиться в частной школе, чтобы уберечь ее от «*религиозной пропаганды*». Курдоговорящая часть респондентов была более сдержана в высказываниях, отмечая свое непривилегированное положение в обществе.

Таким образом, несмотря на стратегию государственного развития системы религиозного образования в Турции, у населения наблюдается тенденция к снижению исламских практик. Турко- и курдоговорящее население воспринимает ислам как часть турецкой культуры, оставляя за собой выбор в определении глубины религиозного верования: чтения Корана, посещения мечети, влияния религии в системы образования.

Казурова Н. В. (МАЭ РАН, Санкт-Петербург)

Художественные особенности курдского кинематографа из Ирана

Феномен курдского кинематографа начинает свою историю с 1980–1990-х годов. Его статус определяется не по территориальному признаку отсутствующего единого суверенного государства, а по этнической принадлежности режиссеров. Поэтому география курдского кино так же обширна и неоднородна, как и территория проживания самих курдов.

Курдские персонажи не редки для современного иранского кинематографа. Одним из попутчиков господина Бади из «Вкуса вишни» А. Киаростами становится молодой курд, проходящий воинскую службу в окрестностях Тегерана. Свой следующий фильм «Нас унесет ветер» Киаростами снимает в курдской деревне. В Курдистане же сняты «Школьные доски» С. Махмальбафа. В фильме Р. Мир-Карими «Проще простого» мы слышим курдскую речь у телефонного автомата.

В перечисленных кинокартинах на образах курдов внимание не акцентируется — они показаны как любой другой житель Ирана. Персонажи из «Вкуса вишни» и «Проще простого» — обычные жители страны. В фильме «Нас унесет ветер» древний обычай оплакивания продемонстрирован как иранский по своей сути, а курдская деревня скорее выбрана по эстетическим соображениям, благодаря ее причудливой планировке и архитектуре. Названные фильмы

отражают полиэтничность иранской республики, но не заостряют внимания на этнокультурных особенностях курдского народа.

Ключевой фигурой для ирано-курдского кинематографа, несомненно, является Б. Гобади. Для его творчества курдская тематика является стержневой, он делает фильмы о своем народе и для своего народа. «Время пьяных лошадей», «Затерянная в Ираке», «Черепашки могут летать», «Полумесец» и многочисленные короткометражки — это разноплановые кинокартины, объединенные общей идеей показа угнетенного состояния курдов.

В условиях движения курдского национализма кинематограф выступает важным средством борьбы за право народа на культурное самоопределение. Акценты режиссеров на национальные особенности дают курдам возможность заявить о себе как о самобытной части населения Ирана. Для этого используется родной язык, колоритные образы, национальный костюм, народная музыка и пейзажная съемка, стойко ассоциирующаяся с курдской природой. Туман, снег, дождь, холод, сырая земля и камни — без этого фона немислимо творчество Гобади, который, следуя эстетике Й. Гюнея и Ш. Герена в фильме «Дорога», снимает свои картины в суровых условиях горного климата Курдистана, подчеркивая этим характерные для курдского народа выносливость и стойкость.

Иранские фильмы о курдах являются одновременно частью иранского национального киноискусства и важной составляющей истории курдского кинематографа в целом. Однако, несмотря на общность тем и идейного концепта ирано-курдского кинематографа и фильмов режиссеров-курдов, проживающих в странах Запада (или в Ираке/Турции), их кинокартины несколько отличаются.

Выпущенные на Западе курдские фильмы более откровенны и прямолинейны — как на уровне визуального ряда, так и при проговаривании патриотических идей. В свою очередь, снятые в Иранском Курдистане работы Б. Гобади, погруженные в реалии иранской культуры, должны следовать требованиям исламской цензуры Исламской республики Иран. Актрисы ирако-курдского режиссера из Франции Х. Салима носят европейскую одежду с легким намеком на «курдскую экзотику», в то время как актеры Гобади строго соблюдают предписания мусульманского дресс-кода. В отсутствие возможности открыто выразить свою политическую позицию, Гобади насыщает визуальный ряд фильмов аллегорическими и метафорическими образами и создает в них атмосферу мистическо-религиозной духовности. Стоит также отметить, что индивидуальная авторская манера режиссера во многом опирается на каноны стиля иранской «Новой волны». Таким образом, фильмы Б. Гобади рассказывают о курдском этносе в поликультурном пространстве республики Иран, а курдский кинематограф в целом демонстрирует современное состояние взаимодействия курдского этнического сообщества в мире.

Карлов В. В. (СПбГУ, Санкт-Петербург)

Взаимодействие ВС РФ и Сирийских Демократических Сил в рамках военной операции в САР

Сирийские Демократические Силы (СДС) – военная структура Автономной Администрации Северо-Востока Сирии, состоящая из различных вооружённых отрядов. Основной силой СДС являются курдские формирования YPG и YPJ. С 2012 они ведут борьбу против ИГИЛ, протурецких группировок, Сирийской Национальной Армии, Хайат Тахрир аш-Шам и других, которые признаны террористическими организациями. СДС освобождён северо-восток Сирии от ИГ при поддержке России и других государств.

Россия с 2015 года оказывает значительную военную помощь сирийской армии, — организована основная военная база в Хмеймим и другие базы, также порт в Тартус для разгрузки военных и гуманитарных поставок, пребывания военного флота России, действует воздушный мост в тех же целях, местность патрулирует военная полиция, производится разминирование, работают госпитали с военными и гражданскими специалистами. При этом официальный Дамаск негативно относится к самоуправлению на территориях, занятыми СДС и к самим вооружённым курдским формированиям, требуя распустить их и прервать связи с США. Россия не раз оказывала военную поддержку СДС в борьбе против террористов — проводились рейды, поставки оружия и боеприпасов, предоставляется разведывательная информация, контролируется воздушное пространство, работают военные специалисты.

Основная поддержка оказывалась с воздуха – авиаударами по силам сирийской оппозиции в районе города Африн, что позволило отрядам YPG и YPJ занять его. В 2015 г. Россия поставила отрядам YPG 5 тонн вооружений в районе города Алеппо, а в начале 2016 курдские отряды при поддержке ВКС РФ заняли авиабазу Менаг в провинции Алеппо.

Сейчас количество российских военных баз на территории СДС – более 20¹ и их количество растёт, Россией занят военный аэродром у столицы Автономии – города Камышло.

В мае 2017 Владимир Путин официально признал, что Россия поддерживает контакты с Сирийскими Демократическими Силами². В том же году наблюдалось увеличение количества вылетов российской авиации против ИГИЛ в рамках продвижения СДС на юг страны, к Дэйр-Эз-Зору и в районе города Ракка. Российские военные и командиры курдско-арабской коалиции неоднократно

---

¹ Map of the military bases and posts of foreign forces in Syria <https://www.jusoor.co/public/details/سوريةفي-الخارجية-القوى-ونقاط-قواعد-خريطة>/826/en.

² Путин: РФ поддерживает рабочие контакты с сирийскими курдами, но оружия им не поставляет <https://tass.ru/politika/4252276>.

встречались и обсуждали ход войны против террористов. Пресс-секретарь YPG Нури Махмуд сделал заявление, что восточная часть провинции Дэйр-Эз-Зор была освобождена благодаря поддержке США и России¹.

В октябре 2019 года, после начала Турцией военной операции против СДС в Сирии, министр обороны РФ Сергей Шойгу провёл переговоры с главнокомандующим СДС Мазлумом Абди, где последний отчитался о выполнении своей части договора между Россией и Турцией², в которой курдско-арабские формирования должны были отойти на 30 км от границы с Турцией и помогать российской военной полиции в патрулировании территории, полиция входила в подконтрольные СДС города Табка (Эс-Саура), Манбидж, Кобани (Айн-Эль-Араб). В декабре 2020 года военная полиция была усилена в города Айн-Исса в провинции Ракка на фоне продолжающихся стычек между курдскими формированиями и протурецкими силами. Сейчас патрулирования продолжаются совместно с турецкими военными, в январе 2019 года Военный Совет Манбиджа, входящий в структуру СДС, начал патрулирование западной части региона совместно с российской военной полицией. Также в декабре 2020 года курдская и российская сторона создали три совместных поста в провинции Ракка.

Сотрудничество СДС и России имеет целью ликвидацию террористической угрозы и восстановление территориальной целостности САР. СДС не раз признавались российской стороной самыми боеспособными частями, Россия продолжает поддерживать официальные военно-политические контакты с СДС. Эти отношения будут развиваться и далее, чтобы территории северо-востока страны покинули войска других стран и были налажены дружественные отношения с официальным правительством Сирийской Арабской республики.

Данный доклад сделан на основе открытых источников: новостных ресурсов — ТАСС, Вести, DW, зарубежных исследований - jusoor.co.

Лебедева И. О. (ИБ РАН, Москва)

Курдские источники личного происхождения по истории Исламского движения Курдистана

На протяжении последних десятилетий взаимодействие ислама и политики неизменно привлекает внимание ученых, благодаря той роли, которую и ислам как таковой, и исламские активисты играют в трансформационных процес-

¹ Syrian Kurds seize territory from IS with US, Russian support <https://www.dw.com/en/syrian-kurds-seize-territory-from-is-with-us-russian-support/a-41633566>.

² Министр Шойгу обсудил с командующим СДС ситуацию на сирийско-турецкой границе <https://www.vesti.ru/article/1392302>.

сах на Ближнем Востоке. Однако курдские исследования демонстрируют обратную тенденцию: при анализе курдского национализма значение религиозного фактора, как правило, преуменьшается; и в целом ортодоксальный суннитский ислам — религия подавляющего курдского большинства — зачастую оказывается на периферии исследовательского интереса¹.

Сравнительно малое число работ, посвященных курдскому политическому исламу, во многом обусловлено устойчивостью стереотипа о незначительной религиозности курдов и сугубо секулярном характере их национального движения, культивируемого лидерами светских националистических партий. Что касается политического ислама в Иракском Курдистане, то основное внимание исследователей привлекают джихадистские группы, возникшие в Ираке после падения режима Саддама Хусейна, причем материалы по данной теме зачастую носят оценочный характер, в то время как истоки развития курдского исламизма оказываются вне фокуса внимания ученых.

По этой причине появление в регионе в 1990-е гг. достаточно влиятельного исламистского движения и последующее выделение в нем джихадистского крыла нередко рассматриваются в историографии как результат преимущественно внешнего воздействия — «исламизации локального конфликта», подобной тем, что имели место в Алжире, Египте и Боснии в ходе притока «джихадистов-интернационалистов». Однако данная модель представляется не вполне удовлетворительной, поскольку не отражает глубинных изменений в самом курдском движении, подготовивших дальнейший успех исламистов.

В настоящее время пробелы в исследованиях курдского политического ислама могут быть в значительной степени устранены за счет обращения к источникам личного происхождения — воспоминаниям и интервью участников курдских исламских движений, в последние годы ставших доступными для анализа. Важнейшим источником такого рода является автобиография муллы Крекара,² одного из лидеров Исламского движения Курдистана, его ведущего теоретика, руководителя боевого крыла организации и ключевой фигуры в налаживании ее международных связей. Несмотря на серьезное сокращение и редактуру первоначального текста издателями, а также обстоятельства создания книги (написанной в тюрьме в преддверии суда, поэтому отбор фактов и подача материала в ней работают на то, чтобы снискать автору симпатии норвежской общественности) она содержит ряд ценнейших сведений

---

¹ См. подробнее: van Bruinessen M. *The Kurds and Islam*. Working Paper №. 13, Islamic Area Studies Project, Tokyo, Japan, 1999. [this is a slightly revised version of the article in *Islam des Kurdes (Les Annales de l'Autre Islam, No.5)*. Paris: INALCO, 1998, pp. 13–35], Leezenberg M. *Political Islam among the Kurds/ Paper prepared for the International Conference 'Kurdistan: The Unwanted State'*. March 29–31, 2001. Jagiellonian University/ Polish-Kurdish Society, Cracow, Poland)

² Mulla Krekar. *Med egne Ord*. Oslo: Aschehoug 2004. 248 p.

о курдских исламских движениях региона от раннего периода деятельности курдской ветви «Братьев-мусульман» до возникновения джихадистских групп в 2000-е гг.

В настоящем докладе предпринята попытка дать оценку выявленным источникам личного происхождения, и, основываясь на полученных данных, рассмотреть истоки возникновения политического ислама в Иракском Курдистане, особенности его развития, а также его место в курдском политическом поле и взаимосвязи с другими как светскими, так и исламскими движениями.

В целом анализ данной группы источников показывает, что Исламское движение Курдистана имело двойственную, религиозно-националистическую природу, а его возникновение следует рассматривать как наиболее серьезную попытку оспорить монополию светских партий на выражение курдских интересов.

Именно националистическое измерение курдского исламского проекта придало ему ряд уникальных черт: от способности встроиться в международные сети, ориентированные на противоборствующие полюса глобального исламистского движения, до принципиальных отличий в идеологии его радикального крыла от других групп «салафитов-джихадистов».

Макаренко В. В. (ИБ РАН, Москва)

Факторы регионализации Курдистана в XVI–XIX вв. и ее последствия для современных социально-политических процессов в курдском мире

Курдский вопрос и практически (политиками), и теоретически (учеными) рассматривается в слишком узких рамках. Это препятствует пониманию особенностей генезиса современного Курдского мира как геосоциально заданного процесса, изменить вектор и динамику которого невозможно, используя современные политические инструменты — политические движения, в том числе и вооруженные и с внешней поддержкой; партии; идеологические схемы политиков, оказавшиеся эффективными в других странах и в других обстоятельствах. История Курдистана — это момент в развитии той части Средней Азии и Ближнего Востока, которая, с одной стороны, утратила свою самодостаточность как нечто, обладавшее до того потенциалом внутреннего развития, а, с другой, которая долгое время не была охвачена воздействием мир-системы, пребывая даже не на периферии, а за периферией капиталистической мир-системы.

Во-первых, как правило, курдский мир изучается монодисциплинарно. Даже историки, казалось бы, обреченные подходить к вопросу комплексно, рассматривают генезис курдского мира в его нынешнем виде как безальтернативную

цепь событий, априори ориентируясь на зафиксированный результат исторического процесса. Они оправдывают это тем, что в истории не бывает сослагательного наклонения. Но с точки зрения исторического анализа это представляет собой отказ от принципа историзма и постсобытийную модернизацию рассматриваемых процессов, анализу которых задается одно направление развития, хотя в реальной истории были многочисленные узлы бифуркации, когда направление развития менялось.

Во-вторых, курдский мир рассматривается с небольшой временной экспозицией этого процесса. Редко кто выходит за рамки распада Османской империи и последовавших за этим неудач для курдской независимости, которые начались с отказом от Севрского договора или, в лучшем случае, возвращаются к соглашению Сайкс-Пико-(Сазонов), которое предопределило крайне ограниченный ареал для создания курдской независимой государственности. Курды так и не получили шанс, казалось, предоставленный им Версальским договором. Это произошло в связи с революцией в Российской империи, которая привела к перекомпоновке геополитического пространства Ближнего Востока, в результате которой непропорционально практически всю территорию богатую нефтью получила Великобритания. Это, безусловно, важно, но за рамками рассмотрения остается распад центральноазиатской полукочевой мир-империи и последовавший затем период регрессивного развития этого региона, оказавшегося отрезанным от глобальной мир-системы капитализма с ее процессами Нового времени, охватившими приморские регионы Ближнего Востока и Северной Африки, но почти не затронувшими, оставшиеся вне мир-системы, глубинные районы Центральной Азии. Лишившись прежней конфигурации и целостной мир-системы прежнего цикла развития, эти регионы стали деградировать в своем развитии, что проявилось в нарастании раздробленности вместо централизации, которая охватила остальные полупериферийные районы мира. Курдистан нужно рассматривать наряду с процессами развития других геосоциальных объектов Центральной Азии, прошедших свой путь к началу модернизации в составе других стран, выявляя общее и особенное в этих процессах.

В-третьих, процессы рассматриваются в крайне зауженном пространстве, поскольку берут и сам курдский мир в его современных границах, а часто в границах современных анклавных курдских регионов в том виде, как они существуют сегодня без мир-системного контекста их развития, а также не пытаюсь выявить протемакорегион, который обеспечил формирование курдского мира.

Анализируя курдский вопрос, важно принимать во внимание историко-географический дискурс — историю генезиса пространства Курдистана и в качестве части стран, которые сейчас включают курдские земли, и в целом как часть регионального пространства.

Осинов В. А. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)

Курдистан в период ирано-иракского конфликта 1980–1988 гг.

Национальный вопрос, его внутренние и внешние аспекты, проблемы социально-экономического и политического развития национальных меньшинств, их борьба за свои права, за административную и культурную автономию — один из объектов комплексного исследования исторического процесса в странах Азии и Северной Африки. Во многом это касается таких многонациональных государств, как Иран, Ирак, Турция и Сирия, где национальные меньшинства составляют значительную долю населения страны, а их движения — неотъемлемую черту политической жизни страны. Курдский фактор всегда играл особую роль в национальной политике вышеупомянутых стран. Как подчеркивает М. С. Лазарев, «с момента своего возникновения курдский вопрос стал одной из самых сложных национальных и международных проблем, постоянно дающей о себе знать, часто обостряющейся, приводящей к острым, кровопролитным и длительным конфликтам»¹.

Курдистан сегодня занимает особое место во внешнеполитической и внешнеэкономической деятельности вышеупомянутых стран. Здесь сконцентрированы геополитические интересы не только региональных игроков, но и мировых держав. Регион все еще не исчерпал своего протестного потенциала, свидетельством чего могут служить последние события на Севере Сирии и Юго-Восточной Турции.

В докладе предпринята попытка рассмотреть роль и место курдского национального движения в событиях, связанных с Исламской революцией 1978–1979 гг. в Иране и последовавшей за ней ирано-иракской войной 1980–1988 гг. Уделено особое внимание роли таких политических организаций, как Демократическая партия Курдистана (ДПК), Демократическая партия Иранского Курдистана (ДПИК), «Комала» и т. д. Исследование «курдского вопроса» позволяет обнаружить особенность, заключающуюся в противоречивом сочетании двух тенденций: с одной стороны — к разобщению и партикуляризации, а с другой — к объединению и универсализации курдского движения.

Основой для исследования послужили источники (документы, газеты, а также интервью и мемуары активных участников курдского национального движения 1980-х гг.) на персидском языке². По результатам анализа данной группы источников можно прийти к выводу, что курдское движение за автономию и даже независимость изначально было обречено на провал. Этому способствовало сразу несколько важных факторов. Во-первых, разногласия среди самого курдского руководства относительно поставленных целей и методов

¹ Лазарев М. С. Курдский вопрос (1891–1917 гг.). М., 1972. С. 4–5.

² См., напр., Абдурахман Касемлу. Чэхэл сәл-э мобәрэзэ дар рāх-э āзāди [Сорок лет борьбы на пути к свободе]. 2013/14; Гани Болурьян. Хātэрāt-э гани болурйāн [Воспоминания Гани Болурьяна]. Тегеран, 2010/11.

их достижения. Во-вторых, несмотря на господство курдского суннитского элемента в этноконфессиональной мозаике Курдистана, следует принимать во внимание религиозную и этническую неоднородность региона, которая способствовала возникновению дополнительных противоречий на пути движения за автономию. Также не стоит забывать, что разобщенности курдов способствовало фактическое отсутствие у них единого языка. Кроме того, большое влияние на процесс развития движения оказал трайбализм — межплеменная рознь, стремление некоторых племен и общин к отделению и обособлению, что явилось серьезным препятствием на пути к этнической и национальной консолидации.

Переверзев К. Б. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)

Периодизация истории курдов на территории исторического Хорасана

Исторический Хорасан, или Великий Хорасан, является исторической областью Большого Ирана. В период своего расцвета Великий Хорасан включал в себя земли Афганистана, Туркменистана, Узбекистана и Таджикистана. На территории исторического Хорасана, охватывавшего большие территории, проживало много народов, среди которых особое место занимали курды. Курды в Иране по своей численности занимали второе после азербайджанцев место среди населения окраин.

Появление курдов на территории исторического Хорасана произошло еще в XVI столетии, когда иранский шах и основатель династии Сефевидов Исмаил I при помощи туркоманских племен кызылбашей, исповедовавших ислам шиитского толка, уничтожил курдских племенных вождей и жестоко подавлял восстания курдских племен. Такая политика иранского шаха была вызвана борьбой Сефевидского государства с Османской империей по причине противостояния между суннитами и шиитами. Османский султан Селим I Явуз (Грозный) в ходе борьбы с сефевидами сделал ставку на курдов, которые поддержали османского султана в его борьбе с кызылбашами и были преимущественно суннитами.

После ликвидации племенной верхушки курдов шах Исмаил I начал переселять курдов в северо-восточную часть Сефевидского государства для охраны границ и создания щита от нападений туркмен и узбеков в Хорасане, а также чтобы переселить курдское суннитское население из западной части своего государства, где на них мог оказывать влияние османский султан. Переселение продолжалось и в XVIII столетии при иранском шахе и основателе династии Афшаридов Надир-шахе.

В XIX веке Российская Империя окончательно закрепились в Центральной Азии. Северные земли Хорасана, на которых жили курды, оказались в составе

России. Сегодня, это южные территории Туркменистана, находящиеся рядом с туркмено-иранской границей.

Положение курдов в России резко изменилось после Октябрьской революции 1917 года и создания СССР в 1922 году. С одной стороны, курдское население Закавказья было подвержено депортации в Среднюю Азию. Так, в 1937 и 1944 годах многие курды были переселены на территорию Туркменской ССР. С другой стороны, советская власть уделяла большое внимание языку и культуре курдского народа.

В советские годы курды имели свои национальные школы, библиотеки и выпускали газеты и журналы на курдском языке. Развивалась курдская литература. В советском государстве в 1920-х годах была сделана ставка на развитие национальностей, их языка и культуры. Был дан толчок к развитию курдской письменности на основе латинской графики. Стали издаваться первые курдские школьные буквари и учебники.

Советское курдоведение уделяло большое внимание изучению языка курдов СССР. Так, например, еще в 1930-х годах был организован ряд поездок в Туркменскую ССР для изучения и описания говора туркменских курдов. В ходе данных поездок и исследований был сделан вывод об отсутствии у туркменских курдов племенного деления и о том, что названия племен по большей части уже забыты. Однако представители старшего поколения еще помнили названия курдских племен, живущих как в Туркмении, так и в Хорасане: Закранли, Севканли, Щристанли, Кошханэги, Сёмёлганли, Манэги, Кэрэмани, Дэрэгэзи, Бичаранли, Кучани и Топи.

На территории Туркмении численность курдов в те времена составляла около 20 тысяч человек и проживали они преимущественно в населенных пунктах двух областей Туркменской ССР — Ашхабадской и Марыйской областей.

После репрессий 1930-х годов в СССР изучение курдов сошло на нет. Еще одним ударом по советскому курдоведению и изучению курдов Туркмении, в частности, стал распад СССР и обретение независимости Туркменистаном, где нацменьшинствам уже не уделяется такое внимание, как в 1920-х и 1930-х годах.

Победоносцева-Кая А. О. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)

Какого цвета партийный билет? Следственное дело курдоведа А. Шамилова

Не введенные в научный оборот материалы следственных и личных дел представляют собой важный источник информации для изучения различных исторических процессов через исследование биографий. В силу своей кон-

фиденциальности и предназначенности для служебного пользования, данные документы содержат данные, которые попадали в открытые публикации либо в исключительном случае, либо вовсе не подлежали огласке.

Ставшие основным массивом для данной работы личные и следственные дела курдоведа Араба Шамоевича Шамилова (1897–1978) из тех учреждений, в которых он учился, работал и содержался под стражей, указывают на его талантливую и в то же время неоднозначную и авантюрную личность. Эта яркая личность А. Шамилова позволяет использовать его биографию, как курда-езида, выходца из Закавказья для исследования эволюции отечественных курдских исследований, а также смены внутренней политики по отношению к национальным меньшинствам в 1920–1930 гг.

А. Шамилов родился в семье езидского шейха в Карсской области. Его политическая деятельность началась в 1916 г. с организацией РСДРП (б) в Сарыкамыше. В 1918 г. А. Шамилов вступил в партию и до 1923 г., по его утверждению, работал в ВЧК-ОГПУ и участвовал в боевых действиях против белых генералов — Деникина, Шкуро и др. Несмотря на несколько судимостей и арестов до 1930 г. А. Шамилов занимал ряд ответственных должностей, например был инструктором ЦК КП (б) Армении в 1924–1930 гг.

Шамилов не имел высшего образования, хотя и учился в разных Вузах Москвы и Ленинграда. Но в силу нехватки профильных специалистов, это не помешало ему получить должность доцента, поступить в аспирантуру, заниматься научной работой в области лингвистики и этнографии, преподавать курдский язык, участвовать в организации Первой Всесоюзной курдоведческой конференции в 1934 г. и разработке нового курдского алфавита.

Значительные способности к языкам, сформированные еще в детстве, энергичность и прочие таланты А. Шамилова позволили ему организовать самое активное участие в тех структурах, в которых он оказывался. Зачастую действуя деструктивно, А. Шамилов сотворил много полезного в научной сфере, несмотря на то, что в годы репрессий некоторые высококвалифицированные научные работы не получили распространения либо из-за авторства А. Шамилова, либо из-за ссылок на него самого или его работы. Строгий формат анкетирования при приеме на учебу и работу требовал от соискателей сообщения максимально достоверной информации, позволяющей контролировать контингент. Разница выдаваемой информации, а также подмена данных и откровенный вымысел А. Шамилова стоили и ему, и его коллегам понижения статуса в партийной структуре, например, исключение К. Курдоева из ВЛКСМ за потерю бдительности по отношению к врагу народа А. Шамилову.

Репрессии середины 1930-х гг. коснулись многих востоковедов, но особенно катастрофически отразились на курдоведении, почти полностью уничтожив его как отрасль. Шамилову выпало работать в этих условиях, и его судьбу, которая отражает общие процессы внутривосточной борьбы в СССР

и разгрома курдоведения, удалось реконструировать использовав материалы неопубликованных следственных и личных дел сослуживцев, подопечных и коллег А. Шамилова, например, К. К. Курдоева, С. Б. Джафарова и др. Они позволили проследить социальную активность А. Шамилова, который сочетал покровительство избранным лицам с успешной работой в области курдоведения и взаимодействием с государственными структурами. Несмотря на наличие множества публичных документов и материалов, касающихся Шамилова, лишь следственные и личные дела дают возможность изучить закулисный мир советского курдоведения и советской политики.

*Победоносцева-Кая А. О. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург),
Кирпиченок А. И. (Библиотека им В. В. Маяковского,
Санкт-Петербург)*

Из «курдского Иерусалима» в иерусалимский Катамон

Еврейская община Курдистана существовала с раннего средневековья. Курдистанские евреи занимались ремеслом, сельским хозяйством и скотоводством, а конфликты с соседями — мусульманами, христианами и езидами скорее были исключением, чем правилом. Одним из важнейших центров еврейской общины был город Захо в Иракском Курдистане. Община Захо выделялась не только своей численностью, но и высоким авторитетом местных раввинов, благодаря чему Захо часто называли «курдским Иерусалимом».

С началом 1920-х гг. новые тенденции проникают в самые отделенные регионы Ближнего Востока. После того, как Ирак оказался в сфере влияния Великобритании, перед евреями Курдистана открылись новые возможности. Они смогли занимать посты на государственной службе, в судебной системе, получили различные преференции от развития торговли. В то же самое время рост национализма, политические и экономические потрясения 1920–1940-х гг. не раз создавали угрозу для их безопасности.

Еще с начала XIX в. евреи Курдистана эмигрировали в Палестину, прежде всего по религиозным мотивам. Выходцы из Захо занимали важное место в этом эмиграционном потоке и именно они составили большинство в общине курдистанских евреев в Иерусалиме, которая сформировалась в начале XX столетия. Во второй половине 1920-х гг. в Захо появились эмиссары сионистского движения, которые прежде всего старались завербовать молодых людей, пригодных для тяжелой физической работы.

Создание государства Израиль в 1948 г. обострило отношения между евреями и их соседями, а 9 марта 1950 г. парламент Ирака разрешил эмиграцию еврейского населения при условии отказа от гражданства и имущественных

прав. В последующие месяцы около 120 тысяч евреев Курдистана были вывезены на территорию Палестины в рамках операции «Эзра и Нехемия».

Эмиграция стала для евреев Курдистана тяжелым испытанием. Им не только пришлось начинать жизнь с нуля во временных лагерях-*маоборот* и работать на тяжелых физических работах, но и адаптироваться к новой социальной реальности, а также бороться за сохранение своей культурной идентичности, особенно в рамках политики «плавильного котла» проводимой израильским правительством в 1950–1970-е гг.

В течение первых десятилетий жизни в Израиле община евреев Курдистана претерпела значительные изменения: произошел отказ от традиционной одежды, отошла роль старейшин, снизилось влияние религии на повседневную жизнь, возросло значение бюрократии, исчез и институт «большой семьи», когда под крышей одного дома жило несколько поколений. Все это стало следствием не только объективных факторов интеграции в более вестернизированное общество, но и результатом давления со стороны органов государственной опеки.

Сегодня в Израиле проживает около 130 тысяч евреев из Курдистана и их потомков. Около 60 тысяч из них сконцентрировано в иерусалимском районе Катамон. Немногие из них преуспели в бизнесе (главным образом в строительстве) или в политике. Община курдистанских евреев не относится к числу наиболее влиятельных этнических групп израильского общества из-за низкого образовательного уровня и многолетней дискриминации выходцев с востока.

Перед евреями из Курдистана стоит сложная задача сохранения своей самоидентификации и культурного наследия. К последнему, прежде всего относится арамейский язык, на котором говорят пожилые члены общины, а так же праздник весны — Сехаране. Энтузиасты стараются сохранить фольклор курдских евреев и поддерживают связь со своей родиной — Иракским Курдистаном.

Будущее общины курдистанских евреев в Израиле, их место в обществе, связь с родиной и сегодня остается предметом для дискуссий ученых, политиков и активистов общины.

Сезеру Ф. (Ankara University, Turkey)

Образ курдов в русской живописи

Россия является колыбелью курдологии. В начале XIX в. в связи с усилением политического и военного влияния России на Кавказе представители Российской империи познакомились с курдами, одним из древних народов региона. Благодаря этому, видно, что первые систематические исследования

о курдах начали проводить российские ученые и художники. Началом этих исследований принято считать «Сравнительный словарь всех языков и диалектов», подготовленный под редакцией П. С.Палласа (1741–1811) благодаря покровительству Екатерины II.

Курдские исследования, основы которых были заложены лексикографической деятельностью, нашли свое продолжение в этнологических и филологических работах и к середине XIX в. был накоплен значительный объем знаний. Типологические характеристики курдов, их религиозные верования (особенно езидизм) и богатство национального костюма нашли наиболее примечательное отражение в заметках российских военных специалистов, дипломатов и интеллектуалов, посетивших регион в этот период. Интерес к курдской теме привел к созданию множества произведений изобразительного искусства, а также социологических и фольклорных исследований, касающихся курдов. Несмотря на то, что некоторые из этих произведений искусства были созданы под влиянием политики царизма в рамках усилий России по изображению национальных особенностей кавказских народов, некоторые из этих работ создавались в результате независимой работы русских художников.

В этом контексте в 1845, 1847, 1862, 1878, 1881 и т. д. годы в России были изданы альбомы живописи, которые также касались курдов. Кроме того, видно, что деятели искусства, оказавшиеся на Кавказе по разным причинам, используют образ курдов в своих визуальных и письменных произведениях искусства, например, М. Ю.Лермонтов «*Портрет Алексея Аркадьевича Столыпина (Монго) в костюме курда. 1841*», А. С.Пушкин «*Путешествие в Арзрум во время похода 1829 года*» и Г. Гагарин «*Живописный Кавказ и Костюмы Кавказа*». Европейские ученые и художники, работающие в Российской Императорской Академии наук и искусств, изобразили курдов на множество картин и гравюр. Среди таких авторов можно выделить немецкого художника Г. В. Тимм, одого из пионеров литографии в России А. Орловский и француза Ф. А. Рубо, известный своими панорамными картинами.

В русской живописи курдской теме посвящено более двухсот картин и гравюр. В результате общего анализа рассматриваемых произведений стало очевидно, что до конца XIX в. образ курда был выражен портретами представителей высших социальных слоев, таких как вождей племен и священнослужителей. Еще одной особенностью произведений рассматриваемого периода являются т. н. «конные портреты», на которых курдский всадник обычно изображается с оружием, часто с копьем и кинжалами. Появление на полотнах курдских женщин, детей и людей не из привилегированного сословия могли встречаться в русской живописи датируется концом XIX — началом XX вв. Этот период отмечен интересом грузинских и армянских художников, которые интенсивно изображают курдов на своих полотнах.

К сожалению, рассматриваемые полотна недостаточно рассмотрены в турецкой и курдской литературе, а львиная доля картин, число которых насчитывает более двухсот, остаются неизвестными. Использование многих произведений в качестве иллюстративного материала приводит к различным проблемам, вызванных из-за недостатка информации или преднамеренного искажения. Например, работа Г. Гагарина «*Схватка персов и курдов*» встречается на страницах книг и журналов, но часто не приводится информация о названии этой картины и художнике. Как и не используется этноним «курд» в другой картине Г. Гагарина «*Джигитовка курдов и татар перед крепостью Сардар-Аббат*». Как следует из названия картины, на ней изображена игра с копьём, хотя во многих работах она указана как сцена битвы. Этноним «курд» также не используется в турецких переводах названий многих работ Ф. А. Рубо, которые посвящены курдам и высоко оценены специалистами.

СЕКЦИЯ XXI • SECTION XXI

КРУГЛЫЙ СТОЛ «ПЕТР I И ВОСТОК
(К 350-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ПЕТРА ВЕЛИКОГО)»

ROUND TABLE DISCUSSION:
"RUSSIAN EMPEROR PETER THE GREAT AND THE EAST
(TO THE 350TH ANNIVERSARY OF THE BIRTH OF PETER I)"

Гурьева А. А. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)

**Петр Великий глазами южных корейцев:
анализ определений к личности русского царя в текстах
1990–2020-х гг., ориентированных на широкого читателя¹**

Доклад является частью исследования, посвященного образу Петра Великого в Республике Корея. Изучение темы требует обращения к различным ее аспектам: историческому, культурологическому, филологическому. Последний подразумевает, в частности, анализ текстов, посвященных личности Петра или упоминающих его.

В данном сообщении рассматривается эволюция определений и эпитетов к личности царя и его деятельности, которые встречаются в южнокорейских текстах 1990–2020-х гг. Для анализа отобраны тексты, ориентированные на широкого читателя: путеводители, популярные книги о России, публикации в СМИ, включая Интернет-ресурсы.

Указанный временной промежуток покрывает период после установления дипломатических отношений между Республикой Корея и Российской Федерацией (фактически — еще СССР). В этот период увеличилось количество публикаций, посвященных России, возрос и читательский интерес к стране,

---

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20–09–42018.

которая оставалась до недавних пор практически не доступной. Предварительные выводы показывают взаимосвязь выявленных определений и истории знакомства корейцев с фигурой российского царя. Более ранние тексты опираются на сложившийся с начала XX века образ царя-реформатора, выдающегося властителя. Такие акценты были выделены лидерами просветительского движения первых десятилетий века, которые предлагали широкому читателю образцы для подражания из мировой истории. Петр Великий послужил одним из первых таких образцов, поскольку его деятельность соответствовала идеалам просветителей, ориентированных на восприятие достижений других стран. Как следствие, в восприятии южных корейцев Петр Великий стал в определенной мере символом дореволюционной России и ее мощи.

Спорные моменты в его политике объясняются с позиций необходимости любыми средствами способствовать созданию новой России и сильной рукой направить ее в нужное русло, пренебрегая мнением народа.

Постепенное знакомство с более детальными подробностями истории петровского периода и с различными оценками деятельности царя¹ расширили диапазон транслируемой в корейских текстах информации. Более резкие определения выносятся даже в заголовки отдельных публикаций. Авторы доносят до читателя факты, связанные с сыном Петра и его гибелью, с судьбой Евдокии Лопухиной. При этом, как и прежде, Петр остается в первую очередь создателем, которому Россия обязана выходом на новый уровень. Предварительно можно предположить, что данный тип публикаций призван увлечь читателя неоднозначностью образа крупнейшей фигуры в истории страны, отношении к которой со стороны южных корейцев тоже нельзя назвать однозначным.

Жуков К. А. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)

Пропагандистское обеспечение Персидского похода Петра I (1722–1723)

В данном сообщении анализируется содержание «Турецкого манифеста» Петра I, напечатанного на османском языке в типографии Дмитрия Кантемира в Астрахани 15 июля 1722 г. перед началом военной операции русских войск на Каспии. Этот документ являлся важной составной частью дипломатического прикрытия военной кампании русского императора. Он был адресован не только региональным политическим элитам. В первую очередь этот манифест был обращен к Блистательной Порте, столкновения с которой в Закавказье Петр I

---

¹ Например, предметное изложение положительных и отрицательных сторон личности Петра и его реформ можно найти в переведенной на корейский язык двухтомной «Истории России».

стремился всячески избежать. Неслучайно, значительная часть тиража немедленно была отправлена в Стамбул для дальнейшего распространения через тамошнее российское посольство. Кроме того, манифест был издан на немецком языке для разъяснения в Европе целей российской политики на Востоке.

В докладе изложены основные результаты изучения этого документа, позволившие автору устранить ошибки предшественников, обусловленные либо методологическими изъянами, либо идеологической ангажированностью¹. Во второй части доклада рассмотрены детали победных торжеств по поводу взятия русскими войсками г. Дербента, отражающие некоторые идеологические установки того времени (в частности, уподобление подвигов Петра I деяниям Александра Великого)². В заключение приведена дополнительная аргументация в пользу авторской версии о роли «дербентского наследия» в отношениях Феофана Прокоповича и Антиоха Кантемира³.

Ланькова Е. В. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)

Взгляд китайских исследователей на реформы Петра I в области культуры и образования⁴

Биография и реформаторская деятельность Петра I давно начали притягивать внимание образованной части китайского общества. Ранние упоминания российского императора и его преобразований можно встретить уже в сочинениях китайских публицистов первой половины XIX в. Но долгое время они были немногочисленны, носили лишь фрагментарный характер и содержали разнородные лаконичные сведения о русском царе. Во второй половине XX в. в Китае количество публикаций о Петре Великом возросло — появилась целая плеяда китайских ученых, детально изучавших разные стороны многогранной деятельности Петра Великого и прежде всего — его реформы.

¹ См.: Жуков К. А. Восточная титулатура Петра I в Астраханском манифесте от 15 июля 1722 г. // Тюркологический сборник 2011–2012 гг. М.: Наука, 2013 С. 138–150; Он же. Еще раз об Астраханском манифесте Петра Великого от 15 июля 1722 г. // Актуальные вопросы тюркологических исследований. К 180-летию кафедры тюркской филологии Санкт-Петербургского государственного университета / Сб. статей под ред. Н. Н. Телицина и Й. Н. Шена. СПб.: СПбГУ, 2016 С. 442–449.

² См., например: Гаджиев М. С., Юсуфов В. М. Дербент // Дома и домики Петра I / Сост. и гл. ред. В. В. Яковлев. СПб.: Скрипториум, 2015 С. 76–77.

³ Об этом см. Жуков К. А. «Не знаю, кто ты, пророче рогатый...» (о смысле данного поэтического обращения Феофана Прокоповича к Антиоху Кантемиру) // Петербургская библиотечная школа, 2015. Вып. 2 (50). С. 25–29.

⁴ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20–09–42018 «Образ Петра Великого в странах Восточной Азии: Социокультурная интерпретация и адаптация».

Крайне важной и неотъемлемой частью петровских преобразований китайские исследователи считают реформу образования и культуры. Здесь можно выделить несколько пунктов, которые они отмечают в своих работах. Прежде всего, это «открытие огромного количества учебных заведений для возвращения молодых талантов» и «распространения грамотности среди населения»¹. Наряду с учреждением общеобразовательных школ, некоторые китайские ученые также отдельно выделяют создание военно-морских, кораблестроительных, технических и медицинских училищ, а также заведений, обучающих иностранным языкам и направленных на воспитание будущих дипломатов.

Среди других успехов Петра I в проведении реформы образования они называют основание научно-исследовательской организации — Академии Наук. По мнению китайских историков, педагогическая деятельность ученых в этой структуре повысила не только качество образования в школах, но и помогла подготовить способных специалистов в разных областях, в том числе, для государственных учреждений. Всеми исследователями отмечаются также упрощение письменности, появление печатных изданий и, в особенности, реформа календаря, имевшая, по мнению китайских авторов, особо важное значение, что связано с почтительным отношением китайцев к календарной системе.

Некоторые китайские историки в числе первостепенных преобразований выделяют передачу полномочий в сфере образования от церкви правительственным органам.

Можно отметить, что реформы в данной сфере они связывают, прежде всего, с подготовкой чиновников. Такая установка зиждется на чрезвычайном почитании китайцами образования, одной из причин которого была уникальная экзаменационная система отбора на высшие государственные посты, позволявшая интеллектуальной элите императорского Китая сосредоточить в своих руках власть и сделать образованность синонимом преуспевания.

Маяцкий Д. И. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)

Петр Великий в китайской сетературе²

Сетература («сетевая литература») — литературные произведения, которые не издаются авторами в форме бумажных книг, а размещаются в сети

¹ 陶惠芬. 彼得一世的文化教育改革及其作用 // 世界历史, 1992年, 第5期, 76 - 85 页。(Тао Хуэйфэнь. Реформы Петра I в области культуры и образования и их роль // Журнал «Шицзе лиши». 1992. №5. С. 76–85).

² Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20–09–42018.

Интернет на платформах специализированных сайтов или в авторских блогах, с целью обеспечения к ним платного или безвозмездного доступа для широкой публики.

В китайском сегменте сети Интернет встречается много произведений, на страницах которых в качестве литературного персонажа выступает Петр I. В докладе мы с этим феноменом познакомимся поближе, приведем примеры таких сочинений, разберем их на предмет их специфики и особенностей отображения в них образа Петра I. Уникальность темы состоит в том, что подобного рода китайская литература о Петре I еще не становилась объектом исследования. Невозможно назвать публикацию, в которой российский император рассматривался бы в связи с сетевой литературой хотя бы косвенным образом.

Нам удалось найти пять китайских сетевых произведений, главным или второстепенным (промежуточным) персонажем в которых выступает Петр I. Приведем их в хронологической последовательности появления в сети.

1. Наиболее ранний из обнаруженных — неоконченный роман «Императрица Петра Великого» Юй Фэйли (彼得大帝的女皇, 玉绯离). Две его первые главы выкладывались автором в 2013 г. на портале «Литературный город Цзиньцзяна» (晋江文学城)¹. Видимо, роман получил мало откликов, автор сочла его бесперспективным и потому оставила без продолжения. Судя по аннотации, он задумывался как романтическая история любви Петра I к незнатной женщине Марте Скавронской, от лица которой ведется повествование. Петр I появляется во второй главе — молодой высоченный двухметровый господин, подчиняющий всех своей энергией, игриво знакомящийся с героиней.

2. «Царь-деспот: Петр Великий» Сюй Бансюэ (强权沙皇: 彼得大帝, 徐帮学). Это — нехудожественный документальный роман, основанный на реальных исторических событиях, переплетенный вымышленными разговорами и приписываемыми Петру I высказываниями. Он оформлен с использованием повествовательных приемов. Роман был выложен в 2014 г. на портале «Проза девяти персиков» (九桃小说)², состоит из 27 глав, в которых жизнь Петра I прослеживается с года рождения до года смерти. Царь показан объективно — деятельным, энергичным, целеустремленным, любознательным, волевым и т. д.

3. Фантастический роман «Наука для Великой Цин» Куаншао из Янмэня (调教大清, 杨门狂少, букв. «Сумасшедший молодец из Янмэня») размещался в 2016 г. на сайте «Автобус прозы» (小说巴士)³. Состоит из 78 глав.

¹ См.: <http://www.jjwxc.net/onebook.php?novelid=1880448&chapterid=1>.

² См.: <https://www.9txs.com/book/85760>.

³ См.: http://www.xs84.la/279298_0.

Повествует о современном человеке Ян Мэне (杨猛), попавшем в прошлое — в эпоху Канси, когда империя Цин расширяла границы. Петр I упоминается здесь в главах 42, 44, 46, 49, 50 и 51 в связи с конфликтом между китайцами и джунгарами. Он предстает амбициозным правителем, оказавшимся в тяжелой внешнеполитической ситуации: он глубоко оскорблен активной деятельностью цинского государства вблизи российских границ, но не имеет возможности совершить против него военный поход из-за погруженности в проблемы Северной войны и существования османской угрозы.

4. Фантастический роман «Попавший в другой мир Чэнь Сян странствует по Поднебесной» автора, пишущего под псевдонимом Чжунсин-минлю (异界沉香之纵横天下, 中兴名流, букв. «Восходящая знаменитость»). Все 396 глав романа выложены на сайте «Проза для дорожного чтения» (阅路小说网)¹.

5. Фантастический роман «Странные врата» блогера, пишущего под псевдонимом Хотти (奇怪的门, Nottea, букв. «Горячий чай»), состоит из 343 глав, выкладывался в 2019 году на портале «Восточная проза»², Главный его герой Симэн Симон однажды встречает волшебную трехстворчатую дверь, пройдя в которую, попадает в параллельный мир. В нем живут люди и нереальные существа, происходят вымышленные исторические события, встречаются известные из мировой истории персонажи — в частности, Петр Великий. Он показан здесь человеком, захватившим власть в результате кровопролития и установившим жесткий военный режим. В частности, «Великим» его стали называть после того, как он с полумиллионным войском за пять месяцев уничтожил Империю дикарей (兽人帝国) с населением в миллион жителей.

В рассмотренных произведениях Петр I изображен двояко — либо как приближенный к историческому прототипу деятель, либо как полужантастический наделенный негативными качествами монарх, жаждущий крови.

Самойлов Н. А. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)

Петр I и Китай³

Царствование Петра Великого знаменовало собой начало нового этапа российской истории — эпохи кардинальных перемен во внутренней и внеш-

¹ См.: <https://www.yueduyun.com/book/69428>.

² См.: <https://www.dongliuxiaoshuo.com/n/21590.html>.

³ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20–09–42018. «Образ Петра Великого в странах Восточной Азии: социокультурная интерпретация и адаптация».

ней политике государства. При всей разносторонности и многообразии своей деятельности и явной ориентированности на Европу Петр уделял большое внимание отношениям со странами Востока, в том числе с Китаем.

Строго соблюдая основные положения Нерчинского договора 1689 года и понимая его компромиссный характер, Петр I неоднократно направлял своих посланников в Китай, стремясь к расширению дипломатических контактов с империей Цин. Обмен подарками между русским царем и цинским императором Канси символизировал становление нового характера отношений между двумя государствами. Российско-китайскому сближению в эпоху Петра Великого и императора Канси объективно способствовал «джунгарский фактор»: сильное ойрато-джунгарское государство стало серьезной угрозой для обеих империй.

Китай, благодаря отношениям с Россией, в этот период также существенно расширил пространство своей внешнеполитической активности (цинское посольство во главе с Тулишэнем в 1712–1714 гг. посетило Российскую империю).

Политика Петра I стимулировала развитие на регулярной основе взаимовыгодной русско-китайской караванной торговли, что объективно способствовало формированию единого евразийского торгового пространства.

Личная заинтересованность Петра Великого и «восточный вектор» его внешней политики дали импульс научному изучению Китая. В России возникло китаеведение, и было положено начало складыванию собрания китайских книг в российских библиотеках. Благодаря инициативам императора в России появился интерес к культуре Китая и китайскому искусству.

Петр I проявил заинтересованность в распространении в Китае христианского учения и духовном окормлении проживавших там албазинцев, по его инициативе в Пекин была направлена первая Российская Духовная миссия. Таким образом, монополия иезуитов на духовное общение с Китаем была ослаблена.

Именно благодаря контактам со странами Востока, включая далекий Китай, у Петра I происходило переосмысление роли России в новую историческую эпоху как глобальной евразийской державы, интересы которой простирались от Атлантики до Тихого океана. Венцом политики Петра в отношении Китая стало заключение российско-китайского Кяхтинского договора 1727 года, который был подписан уже после кончины императора его ближайшим сподвижником Саввой Владиславичем-Рагузинским.

В настоящее время мы имеем возможность на основе привлечения нового круга источников и использования методов современной исторической науки глубже понять роль Петра Великого в процессе социокультурного взаимодействия России и Китая.

Харитонова А. М. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)

Основные пути распространения сведений о Петре I во Вьетнаме в 1900–1970-х гг.¹

Данный доклад представляет собой обзор проделанной в 2020 г. работы по изучению образа Петра I во Вьетнаме, в рамках проекта «Образ Петра Великого в странах Восточной Азии: Социокультурная интерпретация и адаптация». Рассматривается период с начала XX века до конца 1970-х гг., времени, когда происходило объединение Севера и Юга Вьетнама в единую Социалистическую Республику Вьетнам.

В ходе проведенного исследования был изучен вопрос распространения во Вьетнаме сведений о Петре I через переводы на вьетнамский язык произведений А. С. Пушкина, содержащих упоминания о Петре I, а именно поэма «Полтава» (вьет. *Põntava*), поэма «Медный всадник» (вьет. *Kỵ sĩ đồng*) и роман «Арап Петра Великого» (вьет. *Người da đen của Pyotr Đại đế*). Вместе с тем был дан обзор общему процессу становления вьетнамской школы перевода русской литературы. Этот процесс начался еще в 20-е гг. XX века с переложений произведений Л. Н. Толстого, А. П. Чехова и М. Горького. Причем сначала они осуществлялись с языков-посредников, то есть французского и китайского. Первые произведения А. С. Пушкина стали переводить в середине XX века, в их числе повесть «Гробовщик» (вьет. *Người đóng quan tài*) и поэма «Кавказский пленник» (вьет. *Người tù Kavkaz*). Следующая волна переводов произведений А. С. Пушкина, в которых упоминался Петр I, начинается с 60-х гг. XX века. Поэма «Медный всадник» первоначально была переложена в прозе. Один из переводов в прозе был опубликован в книге «Пушкин — великий поэт» (вьет. *Đỗ Hồng Chung. Puskin nhà thơ Nga vĩ đại. Hà Nội, 1977. Tr. 319–332*), в нем вьетнамский переводчик для передачи слов, обозначающих выдающиеся качества реформатора, употребляет к имени царя эпитеты «Герой» и «Выдающийся».

Другой аспект, в котором проявился образ Петра I — это идеи вьетнамских общественных деятелей конца XIX — начала XX вв. Вьетнамские интеллектуалы на рубеже XIX–XX вв. вслед за китайскими и японскими общественными деятелями развернули дискуссии о национально-освободительном движении. Вьетнамские общественные деятели Фан Тю Чинь (*Phan Chu Trinh, 1872–1926*), Фан Бой Тяу (*Phan Bội Châu, 1867–1940*), Нгуен Ло Чать (*Nguyễn Lộ Trạch, 1853–1895*) через работы китайских просветителей узнавали об успешных реформах Мэйдзи в Японии и преобразованиях России при Петре Великом. Эти знания были ретранслированы среди местного населения во Вьетнаме

---

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20–09–42018, «Образ Петра Великого в странах Восточной Азии: Социокультурная интерпретация и адаптация».

посредством публикации поэтических произведений, таких как «Песнь Азии» (вьет. *Á Tê Á sa*) или других анонимных творений. Преследуя цель пробудить в национальном сознании необходимость реформирования государства и национального освобождения, вьетнамские просветители рисуют образ Петра I, как труженика на благо укрепляющейся страны, бескомпромиссного реформатора и сторонника просвещения.

Шаповалов М. С. (ОмГУ, Омск)

Палестина в восточной политике Петра I

Традиционно среди российских исследователей считается, что русская политика в отношении Палестины сформировалась и активно проводилась с начала XIX в., в особенности после открытия Русской Духовной миссии в Иерусалиме в 1847 г. В этой связи открытым остается вопрос о реализации на практике российских интересов в Палестине в XVII — XVIII вв.: насколько заинтересованность в Святой земле русских духовных и правящих кругов нашла отражение в восточной политике Петра I. Знаковым в рамках нашего доклада являлся слух (нашедший отражение в архивных документах) о переговорах Петра Великого с турецким султаном о перенесении Гроба Господня из Иерусалима в Россию. Доклад основан на текстах паломнических записок XVIII в. и дипломатического корпуса источников. Докладчик приходит к выводам, что нам сегодня не известно документов свидетельствующих о переговорах Петра Великого с турецким султаном о перенесении Гроба Господня из Иерусалима в Россию. Палестинская политика Петра I остается в числе малоизученных вопросов. Известно, что Иерусалимский патриарх Досифей предлагал Петру I «не больше не меньше, как «взять Иерусалим»», а в текст Константинопольского договора 1700 г. был включен специальный пункт, оговаривающий права русских православных паломников.

Щепкин В. В. (ИВР РАН, Санкт-Петербург)

Петр I и Россия в творчестве и исторической концепции японского писателя Сиба Рётаро¹

Сиба Рётаро (1923–1996) — один из наиболее популярных в Японии писателей XX в., работавший преимущественно в жанре исторической

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20–09–42018 («Образ Петра Великого в странах Восточной Азии: социокультурная интерпретация и адаптация»).

прозы и эссеистики. Его романы посвящены личностям и событиям из самых разных периодов японской истории. Их отличают эпический размах и пространные отступления, в которых автор с неприкрытой дидактичностью размышляет о японской и мировой истории. В последние десятилетия жизни Сиба все больше времени и сил отдавал публицистике и интервью с другими известными деятелями, такими как японовед Дональд Кин и мультипликатор Хаяо Миядзаки. К концу жизни Сиба стал одним из влиятельнейших мыслителей современной Японии, во многом сформировавший восприятие современными японцами собственной истории, по крайней мере последних двух столетий¹.

Много внимания в своем художественном и публицистическом творчестве Сиба Рётаро уделял России, считая ее одним из главных японских «Других». Пожалуй, наиболее известным сочинением в этом отношении является эпический роман «Облака над склоном», вышедший в 1969–1972 гг. В нем показана широкая картина становления современной Японии в период Мэйдзи и ее путь к победе в Русско-японской войне. Еще одним произведением, в котором Сиба обратился к истории российско-японских отношений, стал опубликованный в 1982 г. роман «Море рапсовых цветов» о японском купце Такадая Кахэй и его участии в освобождении из плена российского капитана В. М. Головина. Свой опыт изучения России в ходе работы над двумя крупными романами Сиба обобщил в эссе «О России: изначальный облик Севера» 1986 г.²

С одной стороны, в его восприятии России прослеживается сильное влияние идей евразийства: Россия описывается им как континентальная держава, наследница Монгольской империи, полная противоположность Японии, которую писателю хочется видеть мирным морским государством. С другой стороны, используя цивилизационный подход, Сиба видит множество параллелей в истории России и Японии. Он постоянно обращается к сравнениям — казаков и самураев, роли огнестрельного оружия в покорении Сибири и в объединении Японии в одно и то же время, в борьбе с монгольскими захватчиками, — и в итоге подводит к столкновению двух западных государств, ступивших на путь модернизации, в войне и выяснению глубинных причин победы Японии.

Отдельно следует сказать об отношении Сиба к Петру I, как наиболее известному российскому преобразователю. В своих романах «Дни, прожитые в мире» и «Вот идет Рёма» он исследует интерес к Петру своих героев — извест-

---

¹ Такахаси Сэйитиро. Сиба Рётаро то Росиа [Сиба Рётаро и Россия]. Токио: То:ё: сётэн, 2010. 63 с.

² Сиба Рётаро. О России. Изначальный облик Севера / пер. с япон. С. А. Быковой. М.: МИК, 1999. 200 с.

ных деятелей конца периода Токугава Ёсида Сёин (1830–1859), Такасути Синсаку (1839–1867) и Сакамото Рёма (1836–1867). Сиба видит в Петре основателя современной европеизированной России, и ему глубоко симпатичны мечты его героев о своем Петре. Однако куда более важным для Сиба становится тот факт, что в Японии, в отличие от России, движущей силой модернизации становится не сам правитель, а именно мечтающие о нем молодые самураи: в «Облаках над склоном» именно они, безвестные провинциальные дети воинов, одерживают победу над победой как в своих собственных жизнях, так и в истории своей страны.

СОДЕРЖАНИЕ

СЕКЦИЯ XIII • SECTION XIII

СЕКЦИЯ АФРИКАНИСТОВ:

«ЧТЕНИЯ ПАМЯТИ Д. А. ОЛЬДЕРОГГЕ»

AFRICAN STUDIES: "IN MEMORIAM OF D. A. OLDEROGGE"

- Bell Herman (Institute of Arab and Islamic Studies, University of Exeter; Working Group on Exonyms of United Nations Group of Experts on Geographical Names (UNGEGN)). Residents of Nubia before the High Dam* 5
- Kosogorova M. A. (Institute of Linguistics RAS, MSU, Moscow). Valence-changing derivation expressed in Pular verbal morphology* 8
- Perekhval'skaya Elena (ILS RAS, Moscow). Tonal paradigms: Mwan*..... 9
- Rinkanya Alina (University of Nairobi, Kenya). The genre of a family epic in Kenyan women's literature: road of hope or circle of dereliction?* 10
- Балезин А. С. (Институт всеобщей истории РАН, Москва). Знакомство жителей СССР со странами Восточной Африки в конце 1950-х — начале 1960-х гг.*..... 12
- Воеводский А. В. (НИУ ВШЭ, РАНХиГС, Москва). «Во все времена было важно выражать взгляды Запада в позитивном ключе»: англо-американские консультации по Африке 1964–1965 гг. (по документам Национального архива Соединенного Королевства).* 13

<i>Волкова Е. В. (Institut des mondes africains (IMAF), France). Роль ассоциации земляков в поддержке символической связи человека с родной деревней</i>	14
<i>Выдрин В. Ф. (СПбГУ, INALCO, LLACAN, Санкт-Петербург). Слог, стопа и фонетическое слово в восточном дан (южные манде)</i>	16
<i>Гаврилова Н. Г. (Институт Африки РАН, Москва). Состояние и перспективы развития российско-африканского сотрудничества в области аграрного образования</i>	17
<i>Гавристова Т. М. (ЯрГУ, Ярославль), Хохолькова Н. Е. (Институт Африки РАН, Москва). Эпистемология постколониальности и африканские исследования</i>	19
<i>Грибанова В. В. (Институт Африки РАН, Москва). Участие эмигрантов из Российской империи в политической и экономической жизни Южной Африки на рубеже XIX–XX вв.</i>	20
<i>Григорьева С. В. (ННГУ, Нижний Новгород). Африканская политика Российской империи в конце XIX в. в художественной литературе: Ю. В. Давыдов «Судьба Усолцева»: три аспекта источниковедческого анализа</i>	22
<i>Громов М. Д. (United States International University — Nairobi, Kenya). Жанр рассказа в кенийской женской литературе на суахили</i>	23
<i>Громова Н. В. (ИСАА МГУ, Москва). Атрибутивизация или адъективизация в языке суахили?</i>	24
<i>Гусарова Е. В. (ИВР РАН, НИУ ВШЭ, РНБ, Санкт-Петербург). Герберт Велд Бланделл и его издание Эфиопских царских хроник 1769–1840)</i>	25
<i>Давидсон А. Б. (НИУ ВШЭ, ИВИ РАН, Москва). Дмитрий Алексеевич Ольдерогге, каким я его знал — с 1948 года</i>	26
<i>Добронравин Н. А. (СПбГУ, Санкт-Петербург). Война в социальных сетях: борьба за Дар-ал-Масалит</i>	26
<i>Емельянов А. Л. (МГИМО, Москва). Сравнение идеологии колониальных захватов и распространения демократии в современном мире: вопрос «ценны»</i>	27
<i>Желтов А. Ю. (ВФ СПбГУ, МАЭ РАН, Санкт-Петербург). Языки нигер-конго и типология объектной инкорпорации</i>	28
<i>Завьялова О. Ю. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург). Высмеивание и его роль в культуре Манден</i>	29
<i>Зданевич А. С. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург), Матвеев Д. С. (Росконгресс, Санкт-Петербург). Основные этапы установления и развития межгосударственных отношений с Центрально-Африканской Республикой как часть стратегии возвращения России в Африку</i>	31
<i>Злобина А. С. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург). Архаическое сознание как базис при совершении насилия над женщинами в Северной Нигерии</i>	32
<i>Ивкина Н. В. (РУДН, Москва). Концепции колониализма и антиколониализма в африканской историографии</i>	34

<i>Калистратов А. Ю. (Ивановский государственный университет, Иваново), Черноперов В. Л. (Ивановский государственный университет, Иваново). «Герои» и «Младшие сыновья империи» в Африке. Представления немецких «африканцев» о колониальной политике Германской империи и о своей миссии</i>	35
<i>Козвонин А. В. (Постпредство РФ при ЮНЕСКО, Париж). Материалы по истории Африки в архиве Министерства обороны Франции</i>	37
<i>Костелянец С. В. (Институт Африки РАН, Москва). Формирование, эволюция и кризис исламистского движения в Судане</i>	37
<i>Курбак М. С. (ИВИ РАН, Москва). «Писатель убивает время»: тюремная проза Брейтена Брейтенбаха</i>	39
<i>Куценков П. А. (ИВ РАН, Москва), Зазовская Э. П. (ИГ РАН, Москва). Радиоуглеродное датирование предметов искусства догонов (по результатам работы Малийской экспедиции ИВ РАН 2015–2020 гг.)</i>	40
<i>Львова Э. С. (ИСАА МГУ, Москва). Национальные балеты в странах Африки: между ритуалом и театром</i>	41
<i>Ляхович А. В. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург). Женские образы в романе северонигерийского писателя Абубакара Адама Ибрахима «Время малиновых цветов»</i>	43
<i>Манирагена В. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург), Соколов Д. Н. (Санкт-Петербургская музыкальная школа им. Н. А. Римского-Корсакова, Санкт-Петербург). Кизито Михиги — певец и активист за реальное примирение руандийцев</i>	44
<i>Мельникова М. Д. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург). Суахилиязычный исторический роман на фоне изменений в литературных процессах в Танзании и Кении</i>	45
<i>Мильто А. В. (Ярославский филиал Финансового университета при Правительстве РФ, Ярославль). Проблема идентичности в постколониальную эпоху</i>	47
<i>Милюкова О. Э. (МГУ, Москва). К вопросу об именных классах в языке кереве</i>	48
<i>Морозенская Е. В. (Институт Африки РАН, Москва). Эволюция экономической политики африканских государств за годы независимости</i>	50
<i>Муращенко М. С. (РАНХиГС, Москва). Колониальное кино как инструмент официальной колониальной пропаганды</i>	51
<i>Носов В. А. (СПбГУ, Санкт-Петербург). Чадский конфликтный конундрум: внутренние и внешние факторы</i>	53
<i>Панцерев К. А. (СПбГУ, Санкт-Петербург). Проблемы и перспективы внедрения технологий искусственного интеллекта в странах Африки к югу от Сахары</i>	55
<i>Поздняков К. И. (INALCO, Langage, langues et cultures d'Afrique, France). Женщины, огонь и другие уникальные вещи</i>	56
<i>Попов В. А. (СПбНЦ РАН; ИВР РАН, Санкт-Петербург). Искусственное родство и номенклатуры родства у народов Африки, говорящих на афразийских языках: современное состояние и перспективы изучения</i>	57

<i>Порхомовский В. Я. (Институт языкознания РАН, Москва), Шешин В. Г. (Военный Университет МО, Москва). База данных и компьютерная программа для сбора, обработки и анализа терминов родства</i>	58
<i>Прохоров К. Н. (Институт языкознания РАН, Москва). К вопросу происхождения назализованных консонантных кластеров в языках догон</i>	60
<i>Саркисова-Куаме В. Ю. (Institut de Linguistique Appliquée de l'Université Nationale de la Côte d'Ivoire de Félix Houphouët-Boigny (Cocody), Abidjan, Côte d'Ivoire). Легенда о королеве Абла Поку и ценность знаний (народность баулé, Кот-д'Ивуар)</i>	62
<i>Семенова В. Н. (МАЭ РАН, СПбГУ, Санкт–Петербург). Иконостасы храмов Марьям Тэамина и Марьям Деголчачо (Тыграй, Эфиопия) как источник по локальной политической истории</i>	63
<i>Сергейчук В. И. (СПбГУ, Санкт-Петербург). Проблема детей-солдат: взгляд изнутри (на примере книги Ишмаэля Биха «Завтра я иду убивать. Воспоминания мальчика-солдата»).....</i>	65
<i>Сидорова Г. М. (Дипломатическая академия МИД России, МГЛУ, Москва). Африка в системе международных отношений</i>	65
<i>Сиим (Москвитина) А. Ю. (МАЭ РАН, Санкт-Петербург). Д. А. Ольдерогге: музеевед, эксперт, собиратель</i>	67
<i>Суетина Ю. Г. (ИСАА МГУ, Москва). Система предлогов в языке хауса и ее эволюция</i>	68
<i>Татаровская И. Г. (Институт Африки РАН, Москва). Образ Богини в мифологии народов Тропической и Южной Африки</i>	70
<i>Тураица Д. А. (Институт Африки РАН, Москва), Шубин В. Г. (Институт Африки РАН, Москва). Отношения между СССР и Африканским национальным конгрессом (по документам Российского государственного архива новейшей истории)</i>	71
<i>Урб М. Р. (ИСАА МГУ, Москва). Языковой идиом tsotsitaal</i>	72
<i>Усачева В. В. (Институт Африки РАН, Москва). Сидди — «африканское племя» Индии</i>	74
<i>Фаттахова А. Р. (КФУ, Казань), Хабибуллина А. М. (КФУ, Казань). Коранические фразеологизмы в переводах на суахили</i>	75
<i>Французов С. А. (ИВР РАН, СПбГУ, НИУ ВШЭ, Санкт-Петербург). Посольство царя Эфиопии Ягба Сиона (1285–1294) к мамлюкскому султану Қалāвуну</i>	77
<i>Фролова Н. С. (Институт мировой литературы РАН, Москва). Основные тенденции развития англоязычной поэзии Кении рубежа XX–XXI вв.</i>	78
<i>Цветков Э. Г. (Средняя общеобразовательная школа №4, Ярославль). К вопросу о помощи странам Черной Африки: взгляд сенатора А. Дж. Эллендера</i>	80
<i>Шатохина В. С. (ИСАА МГУ, Москва). Эллипсис и элизия в суахилийских пословицах</i>	82
<i>Шатохина С. А. (СФУ, Красноярск). Танзанийский жестовый язык: историческая ретроспектива и сопоставительный анализ лексики</i>	84

<i>Шишилов А. Ю. (РУДН, ИВИ РАН, Москва). Американская дипломатия в Либерии на раннем этапе гражданской войны (1989–1990 гг.)</i>	85
<i>Шлуинский А. Б. (Институт языкознания РАН, Москва). Морфологические особенности выражения сопутствующего движения в языке акебу</i>	87
<i>Юзмухаматов Р. Т. (КФУ, Казань). Появление мусульманской общины в Южной Африке</i>	89

СЕКЦИЯ XIV • SECTION XIV

СЕКЦИЯ ИМЕНИ АКАД. В. В. СТРУВЕ: ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ И ИСТОРИОГРАФИЯ ДРЕВНЕГО ВОСТОКА

«ACADEMICIAN VASILY V. STRUVE SECTION»: HISTORIOGRAPHY AND SOURCE STUDIES OF THE ANCIENT NEAR EAST

<i>Алексеев А. А. (СПбГУ, Санкт-Петербург). Гекзаплы Оригена и канон Библии</i>	91
<i>Демидчик А. Е. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург). Древнеегипетские <i>nds.w</i>: историографическая сказка про белого бычка</i>	93
<i>Емельянов В. В. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург). Эпос и календарь в древней Месопотамии</i>	95
<i>Карлова К. Ф. (ИВ РАН, Москва). Змееборческий миф в Древнем Египте: политико-идеологические аспекты</i>	97
<i>Козырева Н. В. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург). Городские кварталы (шум. <i>dag-gi4-a</i>, акк. <i>bābtum</i>) как социальные и хозяйственные институты Южной Месопотамии конца III–начала II тыс. до н. э.</i>	98
<i>Корниенко Т. В. (Воронежский гос. педагогический университет, Воронеж). Результаты первых сезонов исследований памятника эпохи докерамического неолита Карахан Тепе в Юго-Восточной Анатолии</i>	99
<i>Кудряшов П. Н. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург). Проблема набожности древних египтян эпохи Среднего царства: историографический обзор</i>	101
<i>Лебедев М. А. (ИВ РАН, Москва). Полевые эпиграфические исследования в Восточном некрополе Гизы: история, проблемы и перспективы</i>	103
<i>Лопатин М. Д. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург). Проблема праведного страдальца и божественной несправедливости в древневосточных, античных и раннехристианских сочинениях</i>	104
<i>Макеева Н. В. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург). Сложный древний текст: как представить египетский источник современному русскому читателю</i>	106
<i>Малинина А. А. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург). Город Машкан-шапир — вторая столица государства Ларса (по строительной надписи царя Ларсы Син-иддинама, 1849–1842 гг. до н. э.)</i>	107
<i>Медведская И. Н. (ИВР РАН, Санкт-Петербург). Немного об истории и изобразительном искусстве Маннейского царства</i>	109

<i>Мещерская Е. Н. (СПбГУ, Санкт-Петербург). Особенности рассказа о крещении Эфиопии в «Церковной истории» Руфина (IV в.).....</i>	110
<i>Москалева А. О. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург). Археологические раскопки в Кюльтепе: новейшие исследования .....</i>	112
<i>Мушулова А. В. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург). Семейные отношения в законодательстве и реальной практике Южной Месопотамии начала II тыс. до н. э. Вопрос наказания за супружескую измену .....</i>	114
<i>Немировская А. В. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург). Древневосточные корни иудейской и христианской традиции: вавилонский месяц поминовения усопших <i>абу</i> и прообразовательное богословие (от почитания царя Гильгамеша к Успению Пресвятой Богородицы) .....</i>	116
<i>Николаев А. Н. (Государственный Эрмитаж, ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург). Ожерелье с древнеегипетскими скарабеями .....</i>	118
<i>Николаева Т. Д. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург). Повседневная жизнь городского населения Южной Месопотамии начала II тыс. до н. э.: описание домашней утвари в соглашении о возврате приданого (PSBA 33 29).....</i>	119
<i>Орехов Р. А. (Центр египтологических исследований РАН, Москва). Историография эпохи раннего становления Мемфиса .....</i>	121
<i>Орлов В. П. (КФУ, Казань). Бехистунская надпись: новые интерпретации старых проблем о династии Ахеменидов .....</i>	123
<i>Петина Е. А. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург). Практика гепатоскопии в Южной Месопотамии начала II тыс. до н. э.: отчеты об обследовании внутренностей животных (<i>têrtum</i>) .....</i>	125
<i>Рунг Э. В. (КФУ, Казань). Сведения иконографических и письменных источников в отношении приветствия царя во время дворцовых аудиенций в Древней Передней Азии III–I тыс. до н. э. ....</i>	126
<i>Сафронов А. В. (ИВ РАН, Москва). Синтаксис строк 8–9 «Стелы саграпа» .....</i>	129
<i>Сизиков А. В. (СПбГУ, Санкт-Петербург). Книга премудрости Иисуса сына Сираха в славянской традиции .....</i>	131
<i>Сологубова М. В. (Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург). Образ богини-жены, богини-сестры и богини-дочери на старовавилонской печати ДВ-6450 из Государственного Эрмитажа: к вопросу о функциональности печатей жриц-<i>надиту</i>.....</i>	133
<i>Хапрова А. В. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург). Древнеегипетские письма Первого переходного периода и начала Среднего царства: историография вопроса.....</i>	134
<i>Чиж Н. С. (РГГУ, Москва). Развитие жанра древнеегипетских экспедиционных надписей во второй год царствования Ментухотепа Небтауира .....</i>	136
<i>Шелестин В. Ю. (СПбГУ, Санкт-Петербург; ИВ РАН, Москва). Некоторые особенности хеттских зимних праздников.....</i>	137
<i>Ярмолович В. И. (Центр египтологических исследований РАН, Москва). История изучения иностранного влияния на материальную культуру Египта в эпоху Позднего периода (VII–IV вв. до н. э.) .....</i>	139

СЕКЦИЯ XV • SECTION XV
ЯЗЫКИ СТРАН АЗИИ И АФРИКИ
LANGUAGES OF ASIA AND AFRICA

<i>Sakhatova G. S. (University of Cyprus, Cyprus). Туркменский язык в первой половине XX в.....</i>	141
<i>Аврутина А. С. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург). Динамика длины и глубины слова в староанатолийско-тюркском тексте (XIII–XV вв.).....</i>	142
<i>Адамбаева Г. М. (Каспийский государственный университет технологий и инжиниринга, Казахстан). О некоторых фонетических явлениях и орфографических особенностях на языке перевода миссионерской литературы.....</i>	143
<i>Алексеева М. Е. (СПбГУ, Санкт-Петербург). Экспериментальная проверка вариативности объектного маркирования в ивритоязычных корпусах.....</i>	145
<i>Алиева К. А. (ВФ СПбГУ, ЛГУ, Санкт-Петербург). Средства выражений перфектных значений в древнеуйгурском языке.....</i>	146
<i>Бакланова Е. А. (ИСАА МГУ, Москва). Контактные изменения в парадигме степеней тагальских прилагательных: анализ источников.....</i>	148
<i>Воронина Л. А. (Государственный академический университет гуманитарных наук, Москва). Специфика падежной системы корейского языка.....</i>	150
<i>Гурьян Н. В. (ДВФУ, Уссурийск). Сино-русские идиолекты и русско-китайские пиджины.....</i>	151
<i>Дубровина М. Э. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург). Система турецких указательных местоимений как отражение определенных семантических подвидов имен существительных.....</i>	153
<i>Дудченко Г. Б. (Невский институт языка и культуры, Санкт-Петербург). Топонимические субстраты в Яньбянь-Корейском автономном округе.....</i>	154
<i>Камалова Ш. Н. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург). обстоятельственные отношения пространственного плана в языке древнетюркских памятниках и азербайджанском языке.....</i>	156
<i>Кирюхина Л. В. (Педагогический институт, Иркутский Государственный университет, Иркутск). О способах указания чтения в словаре «Цзин чжуань ши цы».....</i>	157
<i>Коллачкова Е. Н. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург). Язык модернизации или модернизация языка: пополнение китайского словаря отраслевой лексики на рубеже XIX–XX вв.....</i>	158
<i>Костина Е. А. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург), Лекарева Е. П. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург). Проминальные атрибутивные модели в хинди и бенгальском языке.....</i>	160
<i>Кутафьева Н. В. (Новосибирский государственный университет, Новосибирск). Ономотопея с количественным значением в японском языке.....</i>	161

<i>Кутафьева Н. В. (Новосибирский государственный университет, Новосибирск).</i> Неопределенное количество и способы его выражения в японском языке	163
<i>Кухарева Е. В. (МГИМО, Москва).</i> Символика чисел в арабском и русском паремическом наследии	164
<i>Наумова К. М. (СПбГУ, Санкт-Петербург).</i> Представление о чувстве долга (义务 <i>yìwù</i>) в условиях XXI в. (на примере китайских корпусов)	166
<i>Передня А. Д. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург).</i> О категории множественности в древнеуйгурском языке	167
<i>Сбоев А. Н. (ДВФУ, Владивосток).</i> Речевое воздействие в рекламе на китайском языке (на материале интернет-рекламы в прямых эфирах блогера Viya)	168
<i>Стрижак У. П. (НИУ ВШЭ, Москва).</i> Субъект и предикат в японском предложении: использование методов цифрового анализа иероглифического текста	169
<i>Тавастшерна С. С. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург).</i> Деепричастие и инфинитив в языке пали	170
<i>Щекотихина Ю. М. (Российский новый университет, Москва).</i> Тенденции образования терминов в современном китайском языке (на материале инструкций)	172

СЕКЦИЯ XVI • SECTION XVI

ЛИТЕРАТУРА СТРАН АЗИИ И АФРИКИ

LITERATURES OF ASIA AND AFRICA

<i>Storozhuk Alexander (SPbSU, St. Petersburg).</i> Early translations of “Liao Zhai zhi yi” into Russian	174
<i>Алешкина Ю. В. (МГПУ, Москва).</i> Особенности сатиры в романе Цянь Чжуншу «Осажденная крепость»	175
<i>Аманова Г. А. (Лингвоцентр, Ташкент).</i> Смысловые и игровые псевдонимы в корейской поэзии 1920–1940-х гг.	177
<i>Аникеева Т. А. (ИВ РАН, Москва).</i> Неизданные материалы В. Эберхарда по тюркскому фольклору	179
<i>Богданова Ю. А. (ИСАА МГУ, Москва).</i> Хронотоп семейного дома в «Каирской трилогии» Н. Махфуза и «Войне и мире» Л. Н. Толстого: утрата идиллии?	180
<i>Борькина А. Ю. (НИУ ВШЭ, Санкт-Петербург).</i> Исчезновение как способ существования: примирение с утратой и парадоксы человеческой памяти в романе Огава Ёко «Полиция памяти» и рассказе Каваками Хироми «Исчезнуть»	182
<i>Букатая А. М. (БГУ, Минск).</i> Интерпретации образа китайской Золушки (葉限) в романе Аделин Йен-ма «Китайская Золушка: тайная история нежеланной дочери»	183

<i>Волкова К. Б. (ИСАА МГУ, Москва). «Ускоренное развитие» тайской и русской литературы (опыт типологической параллели на материале драматургии) .....</i>	<i>185</i>
<i>Горяева Л. В. (ИВ РАН, Москва). На перекрестке жанров и эпох: Энчик Лауддин и его «Повесть о молодом капитане» (Hikayat Nakhoda Muda) .....</i>	<i>187</i>
<i>Жураев Маматкул (Институт узбекского языка, литературы и фольклора АН РУ, Ташкент). Художественная эволюция и современное бытование узбекского народного героического эпоса «Алпамыш» .....</i>	<i>188</i>
<i>Космакова И. А. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург). Проблематика и образы героинь в прозе Каваками Хироми .....</i>	<i>190</i>
<i>Крупнина П. Г. (СПбГУ, Санкт-Петербург). Цифровое чтение в Китае: инструменты и тенденции .....</i>	<i>192</i>
<i>Кузнецов А. А. (ИСАА МГУ, Москва). Судьба кавказской семьи на страницах поэмы Нима Юшиджа «Семья солдата» (1926): антивоенная тема в творчестве «отца новой поэзии» в Иране .....</i>	<i>194</i>
<i>Кукушкина Е. С. (ИСАА МГУ, Москва). Роль вокально-танцевального компонента в истории малайской драматургии .....</i>	<i>195</i>
<i>Лахути Л. Г. (ИВ РАН, Москва). Письма Александра Николаевича Болдырева к Цецилии Бану (1964–1987 гг.) .....</i>	<i>197</i>
<i>Лунева А. И. (ИСАА МГУ, Москва). Пересечения фольклора, хоррора и феминизма в рассказе «Королева» индонезийской писательницы Интан Парамадиты (2005 г.) .....</i>	<i>198</i>
<i>Мекратанакуллат Натчиван (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург). Поэма «Каки»: ее происхождение и роль в тайской литературе .....</i>	<i>200</i>
<i>Митькина Е. И. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург). Детективная проза Лу Даньбяня .....</i>	<i>201</i>
<i>Мичанович С.-А. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург). Традиция и новаторство в лирике Ахмада Шамлу .....</i>	<i>203</i>
<i>Николаева М. В. (ИВ РАН, МГЛУ, Москва). Российско-египетские литературные связи: прошлое и настоящее (результаты полевых исследований и презентация монографии Э. Али-Заде «Русская литература и арабский мир: к истории арабо-русских литературных связей. Книга 2») .....</i>	<i>204</i>
<i>Охват Д. Ю. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург). Поэма Анг Дуонга «Какэй» и ее характерные особенности .....</i>	<i>206</i>
<i>Погосян Н. А. (ЕГУ, Ереван). Проблема «неуслышанности женщин» в романе турецкой писательницы Серай Шахинер «Антабус» .....</i>	<i>207</i>
<i>Рейснер М. Л. (ИСАА МГУ, Москва). Страница из жизни вечного сюжета: «маленькая поэма» Велимира Хлебникова «Мадлум и Лейли» (1910) .....</i>	<i>209</i>
<i>Репенкова М. М. (ИСАА МГУ, Москва). Художественная структура романа Хакана Гюндая «Кинийас и Кайра» (2000) .....</i>	<i>210</i>
<i>Руденко Н. В. (ИВ РАН, Москва). Гипертекстуальность или интертекстуальность? Аллюзии в китайских философских текстах (на примере эссе Ли Чжи) .....</i>	<i>212</i>
<i>Суворов М. Н. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург). Творчество йеменских романистов в первом двадцатилетии XXI в. ....</i>	<i>214</i>

<i>Тойгильдина Е. С. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург). Особенности перевода на кхмерский язык повести А. С. Пушкина «Выстрел»</i>	215
<i>Улангина А. О. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург). Исследование иммигрантского опыта в романе Изз ад-Дина Фишира «Объятия у Бруклинского моста»</i>	216
<i>Успенская Н. А. (МГИМО, Москва). Тайна национального своеобразия в произведениях современных арабских писателей</i>	218
<i>Фролова М. В. (ИСАА МГУ, Москва). Femme Fatale в индонезийском нуаре «Мира, Ночная тигрица»</i>	219
<i>Хана Яфия Юсиф Джамиль (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург). Современные иракские поверья и приметы</i>	220
<i>Хронопуло Л. Ю. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург). Декаданс в японской литературе XX в.</i>	222
<i>Цветкова С. О. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург). Стилистическая роль эпитета в средневековой поэзии кришнаитского бхакти</i>	223
<i>Цой И. В. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург). Персонификация как один из литературных приемов в традиционной корейской литературе и литературе XX — начала XXI вв.</i>	225
<i>Черевко М. В. (СПбГУ, Санкт-Петербург). Истоки и особенности поэтического содружества эпохи Сун «Восемь почтенных» и его значение в биографии и творчестве поэта Оуян Сю. (Сопоставление с более ранними объединениями поэтов и интеллектуалов в Китае)</i>	226
<i>Шуйская Н. М. (МГИМО, Москва). «Имя места» в современной арабской прозе</i>	227

СЕКЦИЯ XVII • SECTION XVII

КРУГЛЫЙ СТОЛ: «ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ И ИСТОРИОГРАФИЯ ИСЛАМА В РОССИИ»

ROUND TABLE DISCUSSION: "HISTORIOGRAPHY AND SOURCE STUDIES OF ISLAM IN RUSSIA"

<i>Alexeev Igor L. (Russian State University for the Humanities, Moscow), Kulikova Ksenia (Independent researcher), Lahuti Sofia (Russian State University for the Humanities, Institute for Oriental Studies, Moscow). Utopia and Distopia in Russian Muslim Jadid literature and Islamic political thought: Ismail Gasprinskii's Dar ul-Rahat and its influences</i>	230
<i>Kemper Michael (University of Amsterdam, Netherlands). Producing fatwas in conservative Russia: contents, styles and methods</i>	232
<i>Бессмертная О. Ю. (НИУ ВШЭ, Москва). А. Баязитов, И. Гаспринский, Мурза Алим: проблемы идентификации на фоне культурных ориентиров раннего мусульманского русскоязычного модернизма в Российской империи</i>	233

<i>Бобровников В. О. (ИБ РАН, СПбГУ, НИУ ВШЭ, Санкт-Петербург), Чмилевская И. А. (ИБ РАН, НИУ ВШЭ, Санкт-Петербург). Из 'адаб ал-кура в таварих: потеря юридической силы и смена жанра в результате копирования документов XVII–XX вв. в частных рукописных коллекциях Дагестана</i>	234
<i>Имамутдинова З. А. (Государственный институт искусствознания, Москва). Напевное чтение Корана урало-поволжских мусульман (татар и башкир) с точки зрения понятий источника и наследия</i>	237
<i>Магомедова З. А. (Институт истории, археологии и этнографии ДФИЦ РАН, Махачкала). Вопросы мусульманского права в эпистолярных источниках дагестанского происхождения XIX — нач. XX вв. (По материалам Фонда восточных рукописей)</i>	239
<i>Манцеров А. А. (НИУ ВШЭ, Москва). «Историография жизни и деятельности Мухаммада-Али Чукури и его письменное наследие»</i>	242
<i>Рагозина С. А. (ИБ РАН, Москва). Что такое антропология ислама? К генеалогии исследовательского направления</i>	244
<i>Соболев В. Г. (СПбГУ, Санкт-Петербург). «Российский ислам» в контексте антропологии ислама: варианты и границы применения методологии</i>	245
<i>Тихонова Н. Е. (НИУ ВШЭ, Санкт-Петербург). Российские мусульмане в контексте российско-османских отношений на рубеже XIX–XX вв. (на материалах газеты «переводчик-терджиман») .....</i>	247
<i>Шихалиев Ш. Ш. (Институт истории, археологии и этнографии ДФИЦ РАН, Махачкала). Цифровые архивы арабских рукописей Дагестана в контексте изучения частных и государственных коллекций</i>	249

СЕКЦИЯ XVIII • SECTION XVIII

КРУГЛЫЙ СТОЛ: «РОССИЯ И ВОСТОК: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ СИСТЕМЫ ДУГ НЕСТАБИЛЬНОСТИ»

ROUND TABLE DISCUSSION: "RUSSIA AND THE EAST: THE CURRENT STATE OF ARCS OF INSTABILITY'S SYSTEM"

<i>Matveev A. (FAAS, St Petersburg University, St Petersburg, Russia). An Overview of the Conflict in Yemen: Internal and External Actors and Mediation Tactics</i>	251
<i>Галбацова Ш. С. (Дагестанский государственный университет, Махачкала). Россия и Иран: новые перспективы межгосударственных отношений</i>	254
<i>Колдунова Е. В. (МГИМО, Москва). Многосторонние институты сотрудничества в Восточной Азии в российском повороте на Восток</i>	255
<i>Колотов В. Н. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург). Ситуационный анализ геополитической ситуации на основных сегментах евразийской системы дуг нестабильности</i>	257

<i>Кочарян В. К. (Информационно-аналитический правовой центр Парламентской Ассамблеи ОДКБ, Санкт-Петербург). Оценка военно-политической ситуации на Южном Кавказе в контексте трехстороннего заявления от 9 ноября 2020 г. об урегулировании конфликта в Нагорном Карабахе.....</i>	258
<i>Кулешиова Н. С. (ИСАА, Москва). Политический экстремизм: особенности исследования.....</i>	259
<i>Москалев П. Э. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург). Влияние системы дуг нестабильности на положение зарубежных китайцев в Таиланде и Вьетнаме в XX в. — начале XXI в.....</i>	261
<i>Петряев А. С. (Национальный институт стратегических исследований, Киев). Перспективы исламизации и арабизации европейского континента.....</i>	262
<i>Савичева Е. М. (РУДН, Москва). Красноморская дуга нестабильности.....</i>	264
<i>Сидоренко К. Д. (ИВ РАН, Москва). Ливийская нефть в вооруженном конфликте.....</i>	266
<i>Травкин П. С. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург). Конфликт в Сабахе в 2013 г. как фактор дестабилизации обстановки в регионе Юго-Восточной Азии.....</i>	267
<i>Урпер Мехмет (СПбГУ, Санкт-Петербург). Перспективы развития российско-турецких отношений.....</i>	269
<i>Федоров Н. В. (СПбГУ, Санкт-Петербург). Роль Сингапура для развития взаимодействия между ЕАЭС и АСЕАН.....</i>	270
<i>Чикризова О. С. (РУДН, Москва). Участие России в межрелигиозном и межконфессиональном диалоге в регионе Ближнего Востока и Северной Африки.....</i>	272

СЕКЦИЯ XIX • SECTION XIX

КРУГЛЫЙ СТОЛ: «ПОЛИТИКА И ТРАДИЦИОНАЛИЗМ В СТРАНАХ АЗИИ И АФРИКИ»

ROUND TABLE DISCUSSION: "POLITICS AND TRADITIONALISM IN ASIAN AND AFRICAN STATES"

<i>Альбертян А. П. (МГЛУ, Москва). Африка как важный ресурсный потенциал для России.....</i>	274
<i>Ахматшина Э. К. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург). Концепция функциональной грамотности в контексте языковой политики арабских стран.....</i>	276
<i>Бочаров В. В. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург). «Традиционализм» в антропологическом дискурсе.....</i>	277
<i>Валиева Е. Г. (СПбГУ, Санкт-Петербург). Неотрадиционализм нгоии: феномен культурных фестивалей.....</i>	279
<i>Гегамян В. Г. (ЕГУ, Армения). «Конструируй и властвуй»: культ личности Эрдогана в Турции.....</i>	281

<i>Гулынская Е. В. (РГГУ, Москва). Абдалла I и британская администрация: сложности диалога первой четверти XX века.....</i>	282
<i>Давыдов А. В. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург). Харизматическое лидерство и государственный переворот 2020 года в Мали: речевой портрет Махмуда Дико .....</i>	284
<i>Давыдова Е. А. (МАЭ РАН, Санкт-Петербург). Традиционное лидерство и государственные иерархии на Чукотке в советское и постсоветское время... </i>	285
<i>Джихангир Эрол (Издательство «Восточная библиотека», Стамбул). Отчуждение интеллектуала и интеллектуальное отчуждение .....</i>	286
<i>Забелла А. А. (РУДН, Москва). Инициатива «Один пояс, один путь» и выстраивание системы сотрудничества Китая со странами Африки.....</i>	287
<i>Ишутина Ю. А. (ДВФУ, Владивосток). «Диортические проекты» спасения китайского мира (на примере социокультурных мифов КПК и Гоминьдана) ...</i>	289
<i>Каткова Е. Ю. (РУДН, Москва). Внешняя политика Китая в период пандемии Covid-19 .....</i>	291
<i>Ключников А. П. (Севастополь). Трансформации социальных структур в Западной Африке и влияние экзогенных факторов на примере региона Гао Республики Мали.....</i>	292
<i>Красовицкая Т. Ю. (ИРИ РАН, Москва). Восточные советские элиты: конфликт смыслов и статусов федерализма и социализма.....</i>	294
<i>Кукина У. А. (РГСУ, Москва). Гендерный традиционализм как основа гендерной политики в Южной Корее .....</i>	295
<i>Машари Мадлуме Рехам (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург). Традиция и религии в современной Кении (брак и брачная обрядность) .....</i>	297
<i>Малашевская М. Н. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург). Визуализация харизмы: опыт управления образом премьер-министра Коидзуми Дзюньитиро .....</i>	288
<i>Меркулова К. Е. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург). Тенденции развития японо-российских экономических отношений в ежегодных отчетах Министерства экономики, торговли и промышленности (МЭТП) в 2016–2020 гг.....</i>	300
<i>Мокрушина А. А. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург). Арабская политическая карикатура как ответ на внешнюю и внутреннюю политику государства.....</i>	301
<i>Новакова О. В. (ИСАА МГУ, Москва). Национальные ценности и религиозные традиции в контексте политического развития Вьетнама в начале XXI в. ....</i>	303
<i>Ремизова Е. С. (РГО, Москва). Хиндутва — идеология культурного национализма: традиционализма на службе политики. ....</i>	303
<i>Сафонова Н. В. (ИВ РАН, Москва). Исследование мусульманских меньшинств в свете теорий национализма.....</i>	306
<i>Сидоренко А. Ю. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург). Репрезентация харизматического лидерства в произведениях современной китайской литературы.....</i>	307

<i>Скубко Ю. С. (ИА РАН, Москва). Традиционализм и неотрадиционализм в африканском творчестве урожденного петербуржца, скульптора Владимира Мейеровича .....</i>	308
<i>Тутаев И. В. (НИУ ВШЭ, Санкт-Петербург). Нормы уголовного права в Уложении китайской палаты внешних сношений: постановка историко-правовой проблемы.....</i>	310
<i>Элбакян Э. А. (ЕГУ, Армения). Харизматическое лидерство как социальный конструктор (на примере Азербайджана).....</i>	311

СЕКЦИЯ XX • SECTION XX

КРУГЛЫЙ СТОЛ: «КУРДСКИЙ ВОПРОС: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ»

ROUND TABLE DISCUSSION: "THE KURDISH QUESTION: HISTORY AND TODAY'S STATE"

<i>Celebi D. (The University of Manchester, United Kingdom). Shafi'i School as a State Religion of Kurds and Kurdeyatî .....</i>	313
<i>Konak Ismet (Istanbul, Turkey). Ethnic identity of Zazas .....</i>	314
<i>Shablovskaia A. (Sorbonne Nouvelle Paris 3 University, France). Russian policy and Archetypal Representations of the Kurds during World War I .....</i>	315
<i>Sosnowski P. (University of Warsaw, Poland). Path dependence from non-state proxy forces to de facto state: a history of "strategic exploitation" of the Kurds as a context of the Iraqi Kurdistan security policy. ....</i>	317
<i>Абелян А. И. (СПбГУ, Санкт-Петербург). Феномен «Рожавы»: опыт политического самоопределения.....</i>	318
<i>Беркович Н. А. (РГПУ, Санкт-Петербург). Курдский этнос в XXI в.: стратегия трансграничной консолидации .....</i>	320
<i>Вертяев К. В. (ИВ РАН, Москва). Политический аспект курдского вопроса на Ближнем Востоке: формирование двух форм курдской протогосударственности в Сирии и Ираке .....</i>	322
<i>Гуляева Ю. А. (НИУ ВШЭ, Москва). Исламизация государственного образования в Турецкой Республике: взгляд турецкого большинства и курдского меньшинства .....</i>	323
<i>Казурова Н. В. (МАЭ РАН, Санкт-Петербург). Художественные особенности курдского кинематографа из Ирана .....</i>	325
<i>Карлов В. В. (СПбГУ, Санкт-Петербург). Взаимодействие ВС РФ и Сирийских Демократических Сил в рамках военной операции в САР .....</i>	327
<i>Лебедева И. О. (ИВ РАН, Москва). Курдские источники личного происхождения по истории Исламского движения Курдистана .....</i>	328

<i>Макаренко В. В. (ИВ РАН, Москва). Факторы регионализации Курдистана в XVI–XIX вв. и ее последствия для современных социально-политических процессов в курдском мире</i>	330
<i>Осинов В. А. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург). Курдистан в период ирано-иракского конфликта 1980–1988 гг.</i>	332
<i>Переверзев К. Б. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург). Периодизация истории курдов на территории исторического Хорасана</i>	333
<i>Победоносцева-Кая А. О. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург). Какого цвета партийный билет? Следственное дело курдоведа А. Шамилова</i>	334
<i>Победоносцева-Кая А. О. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург), Кирпиченко А. И. (Библиотека им В. В. Маяковского, Санкт-Петербург). Из «курдского Иерусалима» в иерусалимский Катамон</i>	336
<i>Сёзери Ф. (Ankara University, Turkey). Образ курдов в русской живописи</i>	337

СЕКЦИЯ XXI • SECTION XXI

КРУГЛЫЙ СТОЛ «ПЕТР I И ВОСТОК (К 350-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ПЕТРА ВЕЛИКОГО)»

ROUND TABLE DISCUSSION:

“RUSSIAN EMPEROR PETER THE GREAT AND THE EAST (TO THE 350TH ANNIVERSARY OF THE BIRTH OF PETER I)”

<i>Гурьева А. А. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург). Петр Великий глазами южных корейцев: анализ определений к личности русского царя в текстах 1990–2020-х гг., ориентированных на широкого читателя</i>	340
<i>Жуков К. А. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург). Пропагандистское обеспечение Персидского похода Петра I (1722–1723)</i>	341
<i>Ланькова Е. В. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург). Взгляд китайских исследователей на реформы Петра I в области культуры и образования</i>	342
<i>Маяцкий Д. И. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург). Петр Великий в китайской сетературе</i>	343
<i>Самойлов Н. А. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург). Петр I и Китай</i>	345
<i>Харитоновна А. М. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург). Основные пути распространения сведений о Петре I во Вьетнаме в 1900–1970-х гг.</i>	347
<i>Шановалов М. С. (ОмГУ, Омск). Палестина в восточной политике Петра I</i>	348
<i>Щепкин В. В. (ИВР РАН, Санкт-Петербург). Петр I и Россия в творчестве и исторической концепции японского писателя Сибя Рётаро</i>	348

Научное издание

**XXXI Международный конгресс по источниковедению
и историографии стран Азии и Африки: Россия и Восток.**

**К 100-летию политических и культурных связей
новейшего времени**

Материалы конгресса

Том 2

**XXXI International Congress on Historiography
and Source Studies of Asia and Africa:
Russia and the East. Commemorating Centennial
of Political and Cultural Ties in Modern Times**

Proceedings

Vol. 2

Отв. редакторы: Н. Н. Дьяков, П. И. Рысакова,
А. О. Победоносцева Кая
Верстка Е. В. Владимировой

Подписано в печать с авторского оригинал-макета

Формат 60 × 84/16. Печать офсетная

Усл. печ. л. 21,39. Тираж 50 экз.

Заказ № 47007

Отпечатано в типографии ООО «ИПК «НП-Принт»
190020, Санкт-Петербург, наб. Обводного канала дом 199–201
Тел./факс: (812) 611–11–07

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
2021